

Герберт Спенсер

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ЛИЧНОСТЬ
И ГОСУДАРСТВО

I
ТОМ

СОЦИАЛЬНАЯ
СТАТИКА

II
ТОМ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

III
ТОМ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОПЫТЫ

IV
ТОМ

ЭТИКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

V
ТОМ

Герберт
СПЕНСЕР

**ЭТИКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ**

Москва • Челябинск

УДК 172
ББК 87.703
С71

Печатается по изданию:
Сочинения Г. Спенсера. Т. 3 : Основания этики. СПб., 1899.

Спенсер, Герберт

С71 Политические сочинения : в 5 т. / Г. Спенсер. — Москва ; Челябинск : Социум, 2015.

ISBN 978-5-906401-14-4

Т. V : Этика общественной жизни. — 496 с.

ISBN 978-5-906401-19-9

В V томе публикуются три важнейшие части итогового труда Г. Спенсера «Основания этики»: «Справедливость», «Отрицательная благотворительность» и «Положительная благотворительность», в совокупности составляющие этику жизни человека в обществе себе подобных. Спенсер рассматривал все свои предыдущие работы лишь «вспомогательным средством» для построения научно обоснованной системы нравственности, т.е. принципов хорошего и дурного поведения. Особую настоятельность решения этой задачи он видел в том, что начиная с конца XVIII в. нравственные заповеди постепенно теряли свой авторитет, черпавшийся ими в их предполагаемом священном происхождении, а упадок и смерть регулятивной системы, перестающей соответствовать новым обстоятельствам, прежде чем вырастет и станет на ее место другая регулятивная система, лучше приспособленная к изменившимся условиям, способны вызвать гибельные последствия вплоть до полного распада общества. В предисловии автор особо обращает внимание читателей на тесную связь публикуемых здесь частей «Оснований этики» (1891—1893) со своими первыми сочинениями: серией писем «Размышления об истинной роли государства» (1842—1843) и в особенности с «Социальной статикой» (1850), вошедших соответственно в I и II тома настоящего пятитомного собрания «Политических сочинений» Герберта Спенсера.

УДК 172
ББК 87.703

ISBN 978-5-906401-14-4
ISBN 978-5-906401-19-9 (Т. V)

© ООО «ИД «Социум», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К «ОСНОВАНИЯМ ЭТИКИ»	vii
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К I ТОМУ	xiii
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ОСНОВАНИЙ ЭТИКИ» 1879 г.	xv
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО II ТОМУ «ОСНОВАНИЙ ЭТИКИ».	xx
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К IV ЧАСТИ <i>первому (отдельному) изданию</i>	xxii

Часть I СПРАВЕДЛИВОСТЬ

I. Нравственность у животных	3
II. Дочеловеческая справедливость	8
III. Человеческая справедливость	15
IV. Чувство справедливости	22
V. Идея справедливости	31
VI. Формула справедливости	41
VII. Авторитет этой формулы	45
VIII. Следствия этой формулы	58
IX. Право физической неприкосновенности	60
X. Права свободного движения и перемещения	67
XI. Право пользования природною средою	74
XII. Право собственности	87
XIII. Право невещественной собственности	96
XIV. Права дарения и завещания.	110
XV. Права свободного обмена и договора	119
XVI. Право промышленной свободы	124
XVII. Права свободы убеждения и культа	127
XVIII. Право свободы слова и печати	131
XIX. Обзор всего предыдущего и дополнение	137
XX. Права женщин	145
XXI. Права детей	154
XXII. Так называемые политические права	160
XXIII. Природа государства	167
XXIV. Устройство государства	174
XXV. Обязанности государства	186
XXVI. Пределы государственных обязанностей	199
XXVII. Пределы государственных обязанностей (Продолжение)	211

XXVIII. Пределы государственных обязанностей (Продолжение)	220
XXIX. Пределы государственных обязанностей (Заключение)	233

Часть II

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

I. Различные роды альтруизма	245
II. Ограничения свободы конкуренции	260
III. Ограничения свободы договора	269
IV. Ограничения незаслуженных вознаграждений	280
V. Ограничения в проявлении своего превосходства	289
VI. Ограничения в выражении порицания	295
VII. Ограничения в выражении одобрения	304
VIII. Конечные санкции	311

Часть III

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

I. Супружеская благотворительность	317
II. Родительская благотворительность	325
III. Сыновняя благотворительность	333
IV. Помощь больным и пострадавшим от несчастного случая	337
V. Помощь обиженным и находящимся в опасности	344
VI. Денежная помощь родственникам и знакомым	352
VII. Помощь бедным	358
VIII. Общественная благотворительность	377
IX. Политическая благотворительность	392
X. О благотворительности вообще	404
Приложения	416
<i>Приложение А</i>	
Идея права у Канта	416
<i>Приложение В</i>	
Земельный вопрос	419
<i>Приложение С</i>	
Моральный мотив	425
<i>Приложение D</i>	
Совесьть у животных	434
<i>Приложение E</i>	
Ответ критикам	449
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	470

Предисловие автора к «Основаниям этики»

Отдельные части, вошедшие в состав этого труда, появлялись в печати неправильно. Часть I вышла в 1879 г., часть IV в 1891 г., части II и III, составившие вместе с частью I первый том, — в 1892 г., а части V и VI, из которых с добавлением части IV составилась второй том, впервые появляются в свет только теперь. Причины этого странного, на первый взгляд, порядка издания, первоначально вызванного плохим здоровьем, объяснены мною в предисловиях к отдельным изданиям частей, и тому, кто пожелал бы понять, почему я следовал указанному порядку, нужно прочесть эти предисловия в такой последовательности: сначала предисловие к части I, затем к части IV, к тому I и тому II.

Эти особые предисловия, предназначавшиеся для объяснения неправильности в издании отдельных частей этого труда, сохранены и здесь, ввиду того что они объясняют также некоторые повторения, необходимые, по моему мнению, при издании разрозненных частей, так как моей целью была независимость их друг от друга.

Теперь, когда труд этот появляется в целом виде, я могу уже предпослать несколько общих замечаний, которые были бы неуместны в предисловии к той или другой отдельной части.

Излагаемые здесь в исправленной и обработанной форме нравственная доктрина в своих основных чертах уже была изложена в «Социальной статике», изданной в конце 1850 г. Сходство между двумя этими трудами замечается прежде всего в совпадении вошедших в состав их частей. В «Социальной статике» рассматриваемый предмет — нравственность — подразделяется на отделы в которых трактуется в последовательном порядке о поведении в частной жизни, справедливости, отрицательной благотворительности и положительной благотворительности, и каждый из наших отделов соответствует каждой из частей III, IV, V, VI, вошедших в состав этого труда; но здесь, сообразуясь с общим планом «Системы синтетической философии», я предпослал им еще часть I «Данные этики» и часть II «Индукции этики». В «Социальной статике» разработан только один отдел указанной нравственной системы — справедли-

вость, — и в то время, когда я писал ее, я не предполагал, что мне удастся когда-нибудь разработать и другие отделы. Кроме внешнего подобия в подразделении на части оба труда имеют сходство и по своим основным идеям. Как в том, так и в другом проводится взгляд, что человек, подобно низшим животным, способен к бесконечным изменениям путем приспособления к внешним условиям. Как в том, так и в другом я держусь мнения, что человек переходит от первобытного состояния, приспособленного к дикой жизни, к настоящему своему состоянию, приспособленному к оседлой цивилизованной жизни, через ряд изменений в своей природе. Как в одном, так и в другом я описываю, как эти изменения все более и более выливаются в форму, наиболее приспособленную к гармонической кооперации. Как в одном, так и в другом, наконец, я говорю, что этот процесс совершается путем уничтожения некоторых первобытных, уже ненужных более, особенностей организации и развития других особенностей, необходимых при изменившихся условиях. Как в первом, так и во втором труде важнейшим фактором этого прогрессивного изменения я считаю чувство симпатии. Как тогда, так и теперь я утверждаю, что гармоническая общественная кооперация предполагает ограничение индивидуальной свободы, вытекающее из симпатической заботливости о свободе других, и что закон равной для всех членов общества свободы есть именно тот закон, в подчинении которому состоит справедливое индивидуальное поведение и справедливый общественный порядок. В первом труде я формулировал нравственность, в истинном смысле слова, как закон поведения «справедливого человека» (*straight man*), и это понятие вполне соответствует изложенному в настоящем труде понятию о нравственности с точки зрения абсолютной этики. Как тогда, так и теперь я развиваю ту же мысль, что умственные продукты симпатии, образующие то, что называется «нравственным чувством», получают у людей тогда, когда они дисциплинируются общественной жизнью, и что вместе с нравственным чувством у них возникают отвлеченные понятия о справедливых человеческих взаимоотношениях, все более и более уясняющиеся по мере того, как улучшается общественная жизнь. Далее, как тогда, так и теперь я делаю отсюда вывод, что путем воздействия общественной жизни совершается примирение индивиду-

альных особенностей в природе людей с общественными требованиями и что таким образом будет окончательно достигнуто величайший индивидуализм вместе с величайшей взаимной зависимостью, такое равновесие, при котором каждый, удовлетворяя нужды собственной жизни, будет в то же время самопроизвольно содействовать удовлетворению нужд всех других членов общества. Наконец, как в первом труде, так и в последнем я делаю одинаковые в существенных чертах выводы относительно прав личности и ее отношения к государству.

Мне доставляет, без сомнения, немалое удовольствие тот факт, что эти идеи, не имевшие никакого успеха в 1850 г., получили теперь всеобщее распространение и встретили, особенно со времени издания в 1879 г. «Данных этики», настолько радушный прием, что приняты к сведению в большей части новейших трудов в области этики, а во многих случаях все эти идеи или некоторые из них молчаливо приняты. Во многих трудах высказывается мнение, что эволюционная теория этики давно уже знакома, или же что она ведет начало от 1852 г., когда получила известность доктрина естественного отбора. По этому поводу я могу указать на «Moral Order and Progress» м-ра Александра и еще с большим основанием на «Review of Systems of Ethics Founded on Evolution» м-ра Уильямса. В последней книге во вступительных замечаниях и в параграфе, посвященном изложению взглядов Дарвина, Уоллеса и Реккеля, автор утверждает, что «эти великие самобытные авторитеты» проложили путь системе эволюционной этики. Хотя в непосредственно следующими за этими строками изложении моих собственных взглядов признается тот факт, что они были высказаны еще в 1851 г., но место, отведенное этому изложению, и определенные заявления практически уничтожают это непоследовательное признание. И в результате остается впечатление, что мои взгляды явились как бы следствием взглядов Дарвина. И таково действительно общее установившееся убеждение, что ясно показывает часто встречающаяся фраза «дарвинизм в этике», которую я и в данную минуту вижу перед собой в одной рецензии на книгу Уильямса. Старания мои исправить это ошибочное убеждение, были бы конечно, напрасным трудом. Всякая попытка показать людям, что они впадают в ошибку, раздражает их; поэтому, пожалуй, в моих интересах ничего не говорить

по этому поводу. Но мне кажется все-таки нужным, в видах исторической истины, указать, что в этом случае, как и в других, генезис идей не всегда следует порядку логической последовательности, и что доктрина органической эволюции в ее приложении к уму и характеру человека, а следовательно, и к обществу, относится к более раннему времени, чем «Происхождение видов».

Не входя в подробные вступительные объяснения относительно этики, здесь не мешает, быть может, разъяснить в коротких словах один вопрос. В этом труде, равно как и с большей или меньшей последовательностью и во всех новейших трудах в области этики, молчаливо признается та посылка, что поведение, о котором идет речь, есть поведение, сходных по природе и относительно сходных по природе индивидуумов, таких индивидуумов, сходство которых по природе так велико в сравнении с их особенностями, что объединяет их в один род.

Возможность другой посылки и, следовательно, другой этики будет яснее видна из следующей аналогии. Различные виды общественных насекомых, хотя и не образуют общества в собственном смысле этого слова (так как рой таких насекомых представляет одну обширную семью, происходящую от одних и тех же родителей), но тем не менее показывает нам, что может существовать такая кооперация, существенной чертой которой является ясно выраженное неравенство ее членов, и служат наглядным доказательством возможности общественной организации, где нормальные отношения между классами подчиняются специальным, приспособленным к особенностям каждого класса, а не общим для всех классов правилам. Эти насекомые наводят на мысль, что несходные между собой члены одного и того же общества способны к согласованному сотрудничеству на принципах, вполне отвечающих неравенству их по природе, — и заставляют нас обратить внимание на тот факт, что всегда существовали и теперь существуют организованные аналогичным образом человеческие общества, причем аналогия так велика, что классы, сформированные из разнородных, резко отличающихся друг от друга и посвященных различной деятельности индивидуумов достигли уже или стремятся достигнуть совершенно противоположного характера, приспособленного к их относительно положению и обязательным,

по их мнению, правилам взаимного поведения общества, в состав которых входят господствующая и поработанная расы, вполне отвечающие этой характеристике. В Соединенных Штатах во времена рабства рабы имели обыкновение насмехаться над свободными неграми, потому что у них нет белого, который бы о них заботился. Чувства людей до такой степени могут изменяться под влиянием неравных отношений, что в Южной Африке, например, слуги доброго хозяина отзываются о нем с презрением за то, что он их не бьет. Имея перед глазами эти резкие примеры, мы можем предугадывать, что всюду, где существуют господствующие и поработанные классы, как то было в прежние времена повсюду в Европе, люди до такой степени приспособляются к этим условиям, что власть, с одной стороны, и подчинение — с другой, становятся естественными спутниками данного общественного типа. Непрерывное воспитательное воздействие внедрях каждого класса способствует дифференциации людей на две разновидности в такой степени, что одна из них становится органически приспособленной к власти, а другая — к подчинению. И стоит только вспомнить лояльность времен феодализма, проходившую красной нитью через все общественные ступени, или старинную верность гейлендера главе рода, чтобы видеть, что на почве неравных отношений образуются совершенно приспособленные к условиям нравственные понятия.

Но системы этики, приноровленные к социальным системам, характерно чертой которых является такое организованное и установленное законом неравенство, не могут быть совершенными системами этики. Ясно, что они предполагают несовершенную и неудовлетворяющую самое себя организацию людей. С одной сторон здесь требуется внешний контроль для надлежащего регулирования поведения, с другой стороны — такое внешнее воздействие, которое, наоборот, обуславливается неспособностью удовлетворять собственными силами всем своим потребностям. Сверх того, внешний контроль требует больше затраты энергии, чем внутренний. Там, где высшие классы управляют низшими, непроизводительно расходуется труд на управление, чего не было бы, если бы все сами управляли собой. Но главное несовершенство этических систем, приноровленных к основанным на органическом неравенстве обществам,

закljučается в том, что симпатия и все те чувства, в которые она входит как составной элемент, и все то счастье, источником которого она служит, остаются неполными. Противоположные натуры не могут симпатизировать друг другу в полной мере, а лишь настолько, насколько и им общи некоторые чувства. Отсюда следует, что несходство людей, обусловленное долговременным господством одних классов и долговременным подчинением других, несовместимо с высшим и полным счастьем, которая составляет цель рациональной этики. Итак, в этом труде, с начала и до конца, мы молчаливо признаем, что существа, о которых идет речь, обладают истинным, характеризующим собой одну и ту же разновидность людей, единством природы, и не будем касаться, иначе как случайно или ради контраста, обществ смешанного характера, подобных тому, какое мы создали в Индии, а тем менее общества, где есть рабы.

Г. С.

Июнь 1892 г.

Предисловие автора к I тому

Без надлежащего разъяснения с нашей стороны порядок, в котором отдельные части «Основания этики» были и должны быть изданы, могут вызвать недоразумения, так как ход моей работы и появление ее в печати были не совсем обычны. Как я уже объяснял в первоначальном предисловии к I части (которое воспроизведено на нижеследующих страницах), последняя была написана и напечатана отдельно в 1879 г. под влиянием той мысли, что плохое здоровье окончательно помешает мне заняться этикой, если я буду ждать, пока дойду до нее, следуя предначертанному плану моего труда. С тех пор прошло более десяти лет, отчасти посвященных дальнейшей разработке «Оснований социологии», отчасти проведенных в состоянии полного упадка сил, препятствовавшего какой бы то ни было серьезной работе. Но как только я почувствовал некоторое облегчение, я решил написать самую важную из следующих частей «Оснований этики», а именно IV часть — «Справедливость». Она была напечатана отдельно в июне 1891 г. Как указывалось в предисловии к ней, я предполагал написать затем, если будет возможно, II и III части, чтобы таким образом закончить I том. Это намерение, к счастью теперь осуществилось, и II и III части напечатаны вместе с I частью, как и предполагалось по первоначальной программе.

Указывая на эти неправильности в издании, я имею одну цель — представить оправдания в некоторых повторениях и, быть может, незначительных погрешностях, которые, как я опасаясь, встречаются в этом труде. Старания мои сделать некоторые из отделов понятными по отдельности побудили меня включить в них объяснения, относящиеся к другим отделам, что было бы совершенно излишне, если бы весь труд печатался одновременно.

Теперь мне остается написать и издать отделы, составляющие II том: V часть «Этика социальной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI часть «Этика социальной жизни. Положительная благотворительность». Я надеюсь окончить эти отделы, прежде чем лишусь совершенно сил: мне особенно

хотелось бы выполнить это, так как в противном случае изданные уже части произведут почти на всех очень неверное впечатление относительно общего тона эволюционной этики. Излагаемая система нравственности в целом виде совмещает и строгость, и доброту; но до сих пор внимание было обращено почти исключительно на строгость, и в результате получилось в высшей степени ошибочное понимание и ложное толкование моих взглядов.

*Лондон,
июнь 1892 г.*

Предисловие автора к первому изданию первой части «Оснований этики» 1879 г.

Достаточно заглянуть в программу «Системы синтетической философии» чтобы увидеть, что издаваемые мною теперь главы составляют первый отдел сочинения — под заглавием «Основания нравственности», которым заканчивается эта система. А так как второй и третий тома «Основания социологии» не появились еще в свете, то появление в печати первого отдела этого заключительного труда может показаться несвоевременным и неуместным. Такое отступление от первоначально принятого мной порядка было вызвано опасением, что настойчивое следование этому порядку, может повести к тому, что этот заключительный труд, завершающий собой задуманный мной ряд исследований, может остаться невыполненным. Многочисленные намеки, повторявшиеся в последние годы все чаще и яснее, показали мне, что я легко могу потерять окончательно если не жизнь, то здоровье, прежде нежели мне удастся достигнуть до последней части поставленной мною себе задачи. А между тем я считаю, что все предыдущие части должны быть рассматриваемы лишь как вспомогательные средства для выполнения этой последней части моей задачи. В моем первом очерке, — появившемся еще в 1842 г. и состоявшем из ряда писем об «Истинной роли государства», — я уже указал в общих чертах, в чем заключаются по моему мнению некоторые из основных принципов хорошего и дурного поведения в политической области; и с тех пор до настоящей минуты моею конечною целью, лежавшей позади всех ближайших моих целей, всегда было стремление: найти научное основание для принципов хорошего и дурного поведения вообще, т.е. во всех сферах деятельности, какова бы она ни была. Понятно, что я не могу смотреть равнодушно на возможность оставить эту задачу невыполненной после того, как я сделал такие обширные приготовления к ее выполнению; а потому я и стараюсь отвратить эту возможность, если не вполне, то хотя бы отчасти. Вот чем объясняется сделанный мною шаг. Хотя этот первый отдел сочинения, завершающего

собой мою «Синтетическую философию», и не может, конечно, содержать в себе специальных выводов и заключений, долженствующих содержаться в целом труде; однако же он уже содержит в себе их все в скрытом состоянии; так что для определенной формулировки этих уже подразумевающихся в нем выводов и заключений не требуется ничего более, кроме простой, логической дедукции.

Есть еще одна причина, почему я так спешу ознакомить публику с этим заключительным трудом хотя бы в общих чертах, если мне не суждено завершить его вполне; причина эта заключается в том, что установление правил хорошего и дурного поведения на научном основании представляет настоятельную потребность данной минуты. В настоящее время, когда нравственные заповеди теряют мало-помалу свой авторитет, почерпавшийся ими в их предполагаемом священном происхождении, секуляризация нравственности, т.е. установление ее на светских основаниях, становится положительной необходимостью. Очень немногие события в состоянии повлечь за собой такие гибельные последствия, как упадок и смерть регулятивной системы, переставшей соответствовать новым обстоятельствам, прежде чем вырастет и станет на ее место другая регулятивная система, лучше приспособленная к изменившимся условиям. Большинство из тех, которые отвергают ходячие верования, допускают, по-видимому, что контролирующая власть, представляемая этими верованиями, может быть отброшена в сторону, без всяких опасений, и что открывшаяся таким образом вакансия может оставаться незамещенной никакой другой контролирующей властью. В то же самое время люди, защищающие ходячие верования, утверждают, что при отсутствии доставляемого этими верованиями руководства не может существовать никакого другого руководства; так что, по их мнению, единственными руководителями нашего поведения могут служить одни только божеские заповеди. Таким образом эти крайние оппоненты имеют некоторую общую точку соприкосновения. Один из них утверждает, что пробел, оставленный исчезновением кодекса сверхъестественной этики, не нуждается в заполнении его кодексом естественной этики, а другой говорит, что этот пробел и не может быть заполнен подобным образом. Так что оба они видят перед собою пустое пространство,

которого один из них желает, а другой страшится. А так как совершающаяся в обществе перемена, обещающая или угрожающая привести к этому состоянию, кажущемуся для одних желательным, а для других — ужасным, быстро подвигается вперед, то все те, которые убеждены в том, что этот пробел может и должен быть заполнен, должны считать себя обязанными сделать хоть что-нибудь для осуществления этого убеждения.

К этому более специальному соображению я могу прибавить еще одно соображение более общего характера. Истолкователи нравственных правил причинили много зла, представляя их в большинстве случаев лишь с их отталкивающей стороны; а потому нельзя не ожидать наперед больших благ от представляется нравственных правил с привлекательной стороны, которая обнаруживается во всех тех случаях, когда их не искажают суеверие и аскетизм. Коль скоро какой-нибудь отец, сурово принуждающий своих детей к исполнению своих многочисленных приказаний то действительно нужных, то вовсе ненужных, присоединяет к своему строгому контролю над их поведением еще и совершенно несочувственное обращение с ними — коль скоро эти дети вынуждены пользоваться удовольствиями только украдкой, или коль скоро они, робко поглядывая на него во время своих игр, встречают с его стороны только холодный взгляд, а еще чаще нахмуренный брови; то власть и управление такого отца будут неизбежно возбуждать в детях только неудовольствие, если не ненависть; так что они будут постоянно стремиться уклониться от них, насколько это окажется возможным. И наоборот, отец, который, поддерживая с не меньшей твердостью все ограничения, необходимые для блага его детей, а также для блага других лиц, не только избегает ненужных ограничений, но еще дает свою собственную санкцию всем законным удовольствиям своих детей и, доставляя сам нужные для этого средства, глядит с одобрительною улыбкою на их забавы, не может не приобрести на своих детей сильного влияния, которое, оказываясь не менее действительным, чем в предыдущем случае, для данного времени, сохраняет эту действительность и на будущее время, т.е. оказывается прочным и продолжительным. Контролирующая власть этих двух различных отцов может служить символическим изображением контролирующей власти нравственности, какова она есть, и нравственности, какою она должна бы быть.

Но зло происходит тут не от одной только излишней строгости этического учения, завещанной нам суровым прошедшим. Тут есть еще и другое зло, проистекающее из практической невыполнимости его идеала. В своей насильственной реакции против полнейшего себялюбия жизни, царствующего в варварских обществах, это учение настаивало на жизни, совершенно чуждой всякого себялюбия. Но как всеильный эгоизм прежней грубой военщины не мог быть переделан многочисленными попытками безусловного подавления человеческого я в монастырях и религиозных обителях, так точно и дурное поведение нынешних обыкновенных людей не может быть исправлено установлением такого идеала самоотвержения, который выходит за пределы выполнимости для обыкновенного человека. Установление такого идеала скорее же поведет людей к отчаянию и к оставлению всякой попытки на более высокую жизнь. Стремление достигнуть невозможного не только оканчивается постоянно этим способом, но в то же время еще и подрывает в людях доверие к возможному. Ибо вследствие своей связи с неисполнимыми правилами даже исполнимые правила теряют в их глазах свой авторитет.

Я несколько не сомневаюсь в том, что теория правильного поведения, изложенная в общих чертах на этих страницах, подает повод ко множеству враждебных суждений и толков. Критики известного класса, вместо того чтобы радоваться, что этические принципы, выведенные научным путем, совпадают с этическими принципами, выводимыми ими иным образом, сочтут себя оскорбленными этим совпадением. Вместо того, чтобы признать наличность существенная сходства, они станут распространять касательно поверхностных различий. Дело в том, что с окончания периода религиозных преследований в поведении так называемой ортодоксии по отношению к так называемому еретичеству (гетеродоксии) произошла очень любопытная перемена. Было время, когда еретик, принужденный пыткой к отречению от своих мнений, вполне удовлетворял властей этим внешним обнаружением согласия с господствующею верою; так что такое кажущееся чисто внешнее соглашение оказывалось вполне достаточным, как бы ни было глубоко и сильно действительное, реальное разногласие, продолжавшее существовать между бывшим еретиком и господствующею верой. Но теперь, когда уже нельзя более принудить еретика силой к исповеданию общепринятого верования,

защитники этого верования стараются выставить его верование настолько противоположным общепринятому, насколько только это окажется возможным. Расходится он в чем-нибудь с установленной теологической догматикой? В таком случае это должен быть атеист, хотя бы сам он и считал этот термин совершенно неприложимым к его собственным убеждениям. Считает он спиритуальные объяснения явлений несостоятельными? В таком случае его следует причислить к материалистам, хотя бы он с негодованием отказывался от этого имени. Подобным же образом, каковы бы ни были различия между естественной нравственностью и сверхъестественной нравственностью, приверженцы этой последней считают наилучшей политикой преувеличивать эти различия как можно сильнее и превращать их в основной антагонизм. Следуя этой политике, они по всей вероятности выберут из этого тома для своих осуждений такие учения, которые, оторванные от связи с прочими и взятые отдельно, сами по себе легко могут быть представлены так, что покажутся крайне дурными. Стремясь к ясности изложения, я рассматривал отдельно многие соотносительные стороны поведения, выводя при этом частные заключения, из которых каждое становится неверным, будучи оторвано от прочих; а потому я дал обильный материал для неправильной истолкования моих действительных взглядов.

Отношения этого труда к другим, предшествующим ему в этом ряду, таковы, что требуют частых ссылок на них. Так как это сочинение представляет последний результат принципов, изложенных в каждом из предшествовавших ему сочинений, то я нашел неудобным уклоняться от повторения изложения снова этих принципов. Кроме того, изложение этих принципов в их отношениях к различным этическим теориям делало необходимым в каждом случае напомнить вкратце читателю не только то, в чем заключаются эти принципы, но также и то, каким образом они были выведены. Вот чем объясняется присутствие в этом томе многих повторений, которые для некоторых покажутся, вероятно, очень скучными. Впрочем, я не особенно сильно сожалею об этом почти неизбежном результате, потому что только путем многочисленных и разнообразных повторений могут быть внедрены в сопротивляющиеся умы чуждые им дотоле понятия.

Июнь 1879 г.

Предисловие автора ко II тому «Оснований этики»

Теперь, когда с выходом V и VI части (часть IV появилась еще раньше) мне удалось завершить второй том «Оснований этики», — в чем я уже несколько лет отчаивался, — чувство удовлетворения нарушается у меня при мысли, что эти новые части менее определенны в своих заключениях, чем я надеялся. Совершенной определенности, конечно, нельзя было и ожидать. Истинные правила для поступков существа столь сложного, как человек, живущего в таких сложных условиях, как-то общественные, очевидно составляют предмет, не допускающий специальных положений общеобязательного характера.

Основной отдел — сфера частного поведения, необходимо зависящего, в известной мере, от природы индивида и обстоятельств, в которых он находится, — может быть нормирован лишь приблизительно; и в большинстве случаев руководство должно ограничиться судебским взвешиванием требований и избеганием крайностей. Переходя к первому большому отделу поведения общественного — к «Справедливости», мы действительно вступаем в область заключений, в значительной степени определенных. К счастью, в этом, наиболее важном, отделе этики, трактующем об известных правильных отношениях между индивидами, безотносительно к их характеру и обстановке, фигурирует руководящая идея справедливости или равенства (*equalness*) — туда вводится идея меры, и полученные выводы приобретают некоторый количественный характер, вследствие чего отчасти уподобляются выводам точных наук. Но когда, оставив этот наиважнейший отдел, предписания которого непреложны и не считаются с личными моментами, мы обращаемся к остающимся отделам — благотворительности отрицательной и положительной, — мы оказываемся в области, где сложность личного поведения усугубляется многообразными отношениями к не менее сложному поведению окружающих. Для разрешения проблем, которые здесь возникают, природа меры не дает нам никакого руководства, и нам приходится обыкновенно следовать эмпирическим суждениям.

Ввиду этих признаний, быть может, станут утверждать, что здесь нам нисколько не помогает общее учение о развитии. На это я возражу прежде всего, что в новом отделе этики, трактующем о справедливости, эволюционное учение способствует как проверке эмпирических заключений, так и установлению некоторых, еще не признанных, важных выводов. Если скажут, что на протяжении заключительных отделов этики, обсуждающих благотворительность, отрицательную и положительную, заключения должны быть, как указано, преимущественно эмпирическими, и что поэтому здесь во всяком случае учение об эволюции нам не поможет, — то следует возразить, что оно помогает нам если не в специальных вопросах, то в общих. Прежде всего, учение это доставляет нам естественную санкцию некоторым видам поведения, которые в настоящее время предполагаются лишенными всякой санкции, если у них нет санкции сверхъестественной, — оно показывает нам, что эти виды поведения охватываются границами развивающейся человечности, способствуют высшей жизни и, вследствие этого, обязательны. Во-вторых, предоставляя нам составлять эмпирические суждения, эволюционное учение дает те общие истины, которыми следует руководствоваться в этих эмпирических суждениях — намечает пределы, в которых они должны вращаться.

Части V и VI подкрепляют правила благотворительности, прибавляя к эмпирической санкции санкцию рациональную; но сверх этой службы содержание этих частей имеет следующие права на внимание: во-первых, в каждой главе изложены с точностью разнообразные требования и ограничения, с которыми следует считаться, что помогает образованию уравновешенных суждений. Во-вторых, такое методическое рассмотрение сообщает известную связность спутанным и часто противоречивым идеям о предмете благотворительности, какие ныне циркулируют. В-третьих, наконец, получающаяся в результате связанная научная дисциплина содержит в себе регулирование некоторых родов поведения, на которое в обыкновенных этиках не обращается внимание.

Предисловие автора к IV части ПЕРВОМУ (ОТДЕЛЬНОМУ) ИЗДАНИЮ

В предисловии к «Данным этики», изданным в июне 1879 г., встречаются следующие слова: «Признаки, повторявшиеся в последние годы все чаще и явственнее, убедили меня, что состояние моего здоровья может постоянно ухудшаться, даже если жизнь не придет к концу, — раньше, нежели я достигну последней части намеченной мною для себя задачи». Затем следовало утверждение, что «эта последняя часть моей задачи», а именно вывод этики из учения о развитии, «представляет то, к чему все предшествующее я считаю лишь вспомогательным средством», и что поэтому для меня нежелательно предвидеть возможность невыполнения этого дела. Отсюда явилась решимость заранее написать «Данные этики».

Нечто подобное предвиденной катастрофе постепенно наступило. Годы расстроенного здоровья и ослабевшей способности к труду привели (в 1886 г.) к полному упадку сил, и дальнейшая разработка «Синтетической философии» была задержана до начала 1890 г., когда снова стало возможным предаться хотя немного ежедневному серьезному труду. Конечно, возник вопрос, какой труд предпринять сначала? Без колебания было решено закончить «Основания этики», так как руководящие отделы «Оснований социологии» были уже выполнены. Затем представился дальнейший вопрос: какую часть «Оснований этики» написать сначала? Руководствуясь мнением, что остаток моих сил, вероятно, не позволит мне закончить всего, я признал за наилучшее начать с важнейшего. Поэтому, минуя части II («Индукции этики») и III («Этика индивидуальной жизни»), я посвятил себя IV части — «Этика социальной жизни. Справедливость» и теперь, к моему величайшему удовольствию, успел довести этот труд до конца.

Если улучшенное состояние здоровья продлится, я надеюсь до конца будущего года выпустить части II и III — в дополнение I тома; затем, если буду в силах, займусь V частью: «Этика общественной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI частью: «Этика общественной жизни. Положительная благотворительность».

Между этой (III) частью «Оснований этики» и первым моим трудом, «Социальной статикой», конструктивная часть которой занимается той же темой, существуют значительные различия. Во-первых, здесь нет тех сверхъестественных толкований, какие были в первой моей книге: здесь изучение исключительно естественное, т.е. эволюционное. Этому различию сопутствует другое: в «Социальной статике» биологическая основа этики была лишь намечена, здесь же она окончательно установлена; и главной задачей сделалось развитие отсюда заключения. Дальнейшее отличие в том, что индукция чаще привлекается на помощь дедукции. В каждом случае показано, какие следствия из первоначально установленного принципа оправдывались дальнейшим прогрессом человечества.

Не лишнее прибавить, что первые пять глав уже были напечатаны в «The Nineteenth Century», март и апрель 1890 г.

С.

Лондон,

июль 1891 г.

ЧАСТЬ I

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

I | НРАВСТВЕННОСТЬ У ЖИВОТНЫХ

§ 246. Не читавшие первой части этого сочинения будут удивлены этим заглавием. Но кто читал главы о «поведении вообще» и о «развитии поведения», тот знает, что действительно существует нечто, заслуживающее названия нравственности у животных.

Предмет, о котором идет речь в науке о нравственности, находится в неразрывной связи с поведением в самом широком смысле этого слова. Наилучшее поведение есть то, которое приводит к наибольшей продолжительности, широте и полноте жизни. Стало быть, существует некоторое поведение, свойственное каждому виду животных, которое следует считать относительно хорошим, а именно то, которое относится к животному так, как нравственно одобряемое нами поведение — к человеческому роду.

Большая часть людей считает предметом науки о нравственности лишь такое поведение, которое вызывает одобрение или порицание. Но первичный предмет этой науки есть поведение, рассматриваемое объективно, т.е. как дающее хорошие и дурные последствия самому действующему лицу, или другим, или ему и другим.

Даже люди, полагающие, что наука о нравственности касается исключительно поведения, заслуживающего одобрения или порицания, безмолвно признают, что и к животным приложимо понятие нравственности, потому что известные действия животных возбуждают в них порою сочувствие, порою негодование. Птица-самец, кормящий свою подругу в то время, когда она высиживает яйца, возбуждает чувство одобрения. Курица, отказывающаяся сидеть на яйцах, внушает отвращение, тогда как наседка, вступающая в битву за своих цыплят, возбуждает удивление.

Себялюбивые поступки, точно так же, как и поступки, внушенные любовью к другим, если они совершаются животными, должны считаться хорошими или дурными. Белка, собирающая

запас пищи на зиму, поступает так, как, по нашему мнению, должна поступать каждая белка. Обратно, та, которая по лености не делает запаса и гибнет от голода, рассматривается как несущая достойное наказание за свою беспечность. Собака, отдающая кость другой собаке без драки и боязливо убегающая прочь, называется трусливою — слово, выражающее порицание.

Итак, ясно, что поступки, приводящие к сохранению потомства или особи, рассматриваются как хорошие по отношению к животному виду, обратные поступки считаются дурными.

§ 247. Два рода поступков — альтруистические, или внушенные любовью к другим, и эгоистические, или себялюбивые, — указывают нам на два главных и противоположных между собою начала нравственности у животных.

В незрелом возрасте благодеяния, получаемые животным, должны быть обратно пропорциональны способностям, которыми оно обладает. Внутри семьи наиболее должен получать тот, кто наименее заслуживает, если заслугу измерять ценностью заработка. Обратно, по достижении зрелости достигаемая выгода должна быть прямо пропорциональна ценности, если ценность измеряется приспособленностью к условиям существования. Дурно приспособленные должны страдать от своей негодности, а хорошо приспособленные получают выгоду от своей годности. Таковы два закона, с которыми должен сообразоваться всякий вид животного, чтобы сохраниться. Ограничим это предложение высшими животными, так как у низших родители не оказывают потомству никакой помощи, кроме той, что вносят малые запасы пищи в их зародыши, причем чудовищная смертность уравнивается чудовищною плодовитостью. Говоря лишь о высших животных, можно сказать, что очевидно, если бы у детенышей выгода была сообразна с их способностями, вид тотчас должен был бы погибнуть, и если бы у взрослых выгода была пропорциональна их негодности, то вид неминуемо погиб бы в течение немногих поколений (сравн. «Основания Социологии», §322).

§ 248. Но какова нравственная сторона этих начал? Прежде всего жизнь всех, исключая самых низших животных, сохранилась благодаря этим началам. За исключением простейших одноклеточных животных (Protozoa), где следствия этих законов едва

заметны, мы видим, что без даровых выгод в пользу детенышей и заслуженных выгод в пользу взрослых жизнь не могла бы продолжаться.

Далее, те же законы привели к постепенному развитию жизни от низшей ступени к высшей. Забота о потомстве, ставшая более значительною по мере усложнения организации, и выживание наиболее приспособленных к борьбе между взрослыми, которая стала более обычною по мере усложнения организации, постоянно упрочивали превосходство одних над другими и приводили к новым успехам.

С другой стороны, справедливо, что самопожертвование при заботе о детенышах и борьба за существование между взрослыми производили гибель и голодную смерть, столь частую на ранних ступенях развития. Справедливо и то, что действия, сообразные с этими законами, привели к появлению мучительных паразитов, которые по числу видов и особей превышают всех остальных животных.

Люди, привыкшие относиться пессимистически к животной жизни вообще, вникая в эти законы, конечно, увидят все в дурном свете. Но оптимисты, и *мелиористы*, и те, которые признают, что мерилом счастья является умножение числа удовольствий и благ жизни, вникая в эти начала, будут более или менее удовлетворены и признают, что выполнение их заслуживает нравственного одобрения.

Кто желает рассматривать эти начала с точки зрения господствующих религиозных убеждений, тот увидит в них выражение божественной воли. Тот, кто убежден в непознаваемости высшей силы, скажет только, что эти начала выражают способ действия этой непознаваемой силы во Вселенной. В обоих случаях мы приобретаем еще новый довод в пользу этих начал.

§ 249. Но, оставляя в стороне решительный спор между пессимистами и оптимистами, достаточно на первый случай ограничиться нашим положением и применить его лишь к какому-либо одному виду. Если сохранение и благополучие этого вида желательно, то отсюда неизбежно вытекает одно общее следствие, а из него — три менее общих.

Общий вывод будет тот, что по своей обязательности сохранение вида стоит выше сохранения особи. Справедливо, что

вид существует только как совокупность особей; справедливо и то, что поэтому благополучие вида является целью лишь в смысле сохранения благополучия особей. Но исчезновение вида подразумевает исчезновение особей, влечет за собою полную неудачу в достижении всех целей; тогда как исчезновение отдельных особей, даже в большом числе, может все-таки дать остаток, довольно многочисленный для продолжения существования вида, причем последующее выполнение цели окажется возможным. Итак, сохранение особей, в большей или меньшей степени, смотря по условиям, должно все-таки быть подчинено сохранению вида в том случае, если между тем и другим оказывается столкновение.

Отсюда вытекают такие следствия.

Во-первых, среди взрослых должна господствовать сообразность с законом, что получаемая выгода должна прямо соразмеряться с заслугами, причем заслуги измеряются способностью к поддержке собственного существования. Не будь этого, вид должен был бы пострадать от двух причин. Он пострадал бы прямо, вследствие пожертвования лучшими ради худших, что влечет за собою общее уменьшение благополучия; он пострадал бы и косвенно, от дальнейшего размножения худших, которое препятствует размножению лучших, влечет за собою общее понижение уровня и при достаточной продолжительности влечет к вымиранию вида.

Во-вторых, в течение ранних периодов жизни, прежде чем животное в состоянии поддержать самого себя, и также в то время, когда оно лишь частью способно к самоподдержанию, помощь, оказываемая животному, должна быть наибольшей, пока его собственная ценность наименьшая, — получаемые выгоды должны быть обратно пропорциональны заслугам, причем заслуги измеряются способностью самоподдержания. Если нет даровых подачек потомству, сначала неопределенных, затем определенно уменьшающихся по мере приближения зрелости, то вид исчезает вследствие гибели детенышей. Конечно, отсюда вытекает сообразная с этим способность взрослых к самоотвержению.

В-третьих, к этому самоотвержению, вытекающему из родительских отношений, в известных случаях присоединяется дальнейшее самообуздание. Если в силу организации вида

и по причине условий его существования пожертвование — частичное или полное — некоторыми из особей сохраняет благополучие вида и если его численность поддерживается этим способом лучше, чем иначе, то ясно, что и такие жертвы должны быть оправдываемы.

Таковы законы, с которыми сообразуется вид для поддержания своего существования. И если мы предположим, что сохранение какого-либо вида желательно, то отсюда вытекает обязательство сообразоваться с этими законами, которые следует назвать, смотря по обстоятельствам, подобными нравственным или в полном смысле слова нравственными.

II | ДОЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

§ 250. Из двух существенных, но противоположных начал деятельности, которые сохраняют каждый вид, мы здесь рассмотрим лишь второе. Оставив в стороне закон семьи, составленной из взрослых и детенышей, мы теперь рассмотрим исключительно закон вида, как составленного только из взрослых.

Этот закон, как мы видели, состоит в том, что особи наиболее ценные — что измеряется их приспособленностью к условиям существования — должны обладать наибольшими выгодами и что низшие особи должны получать меньшие выгоды, или терпеть большие бедствия, или и то и другое — закон, который с точки зрения биологии влечет за собою переживание приспособленнейших. Истолковывая его в нравственном смысле, получим закон, что каждая особь должна подвергаться следствиям ее собственной природы и вытекающего из этой природы поведения. Во всей дочеловеческой жизни закон этот справедлив безусловно, потому что там нет причины, которая, между взрослыми, могла бы вмешиваться в отношение между поведением и его последствием.

Чтобы вполне оценить силу этого закона, мы с удобством можем на минуту остановиться на созерцании подобного ему закона или, точнее, того же самого закона, проявляющегося в другой сфере. Помимо проявления его в отношениях между членами одного и того же вида, из которых одни хорошо, другие дурно поддерживают себя, смотря по их хорошо или дурно приспособленным деятельностям, закон этот проявляется и в отношениях частей одного и того же организма между собою.

Каждый мускул, каждая внутренность, каждая железа получает количество крови, сообразное с своим отправлением. Если они мало работают, то и мало питаются и вырождаются; если работают много, то питаются хорошо и растут. Такое уравнивание работы и питания в то же время уравнивает и относительные силы частей организма, так что организм как целое приспособлен к своему существованию тем, что его части постоянно

пропорциональны требованиям. И ясно, что этот закон самоприспособления внутри каждой особи сходен с началом самоприспособления, посредством которого вид как целое оказывается приспособленным к своей среде; потому что посредством лучшего питания и большей способности размножения, свойственной членам вида, более способным и обладающим деятельностями, лучше приноровленными к нуждам, в соединении с худшей поддержкой себя и потомства у менее способных, выживание вида при наличных условиях обеспечивается в большей степени.

Итак, закон дочеловеческой справедливости тот, что каждая особь должна получать выгоды и невыгоды от своей собственной природы и от своего отсюда вытекающего поведения.

§ 251. Но дочеловеческая справедливость крайне несовершенна как вообще, так и в частности.

В общем она несовершенна в том смысле, что существуют многочисленные виды, которые могут поддержать себя лишь в зависимости от полного уничтожения других видов; и это полное уничтожение ведет к тому, что вид, служащий добычей, встречает такие частые нарушения закона зависимости между поведением и его последствиями, что лишь для весьма немногих особей закон этот долго имеет значение. Справедливо, что в таких случаях преждевременная гибель от врагов, испытываемая почти всеми членами вида, должна также считаться следствием их природы, их неспособности бороться с разрушительными влияниями, которым они подвергаются. Но мы можем вполне признать истину, что эта насильственная гибель огромного большинства жизней ведет к тому, что для такого вида животных понятие справедливости, нами определенное выше, имеет лишь самую ничтожную применимость. Дочеловеческая справедливость крайне несовершенна также и в частности, в том смысле, что связь между поведением и его последствиями в огромном числе случаев нарушается случайностями — такими случайностями, которые совершенно безразлично поражают и низших, и высших особей. Множество смертей причиняется суровостью стихий, которой в большинстве случаев лучшие члены вида подвергаются наравне с худшими. Множество смертей зависит от скудости пищи, причем если не вполне, то в широкой степени хорошие мрут наравне с дурными. У низших животных

причиною смерти являются также враги, действующие так, что лучшие становятся жертвой подобно худшим. То же касается нападения паразитов, часто страшно губительных и нередко губящих лучших особей так же легко, как и худших.

Высокая плодовитость низших животных, необходимая для уравнивания чудовищной смертности, сразу указывает нам, что у них долгое переживание не обеспечивается превосходными качествами; и, таким образом, дочеловеческая справедливость, состоящая в постоянном восприятии следствий поведения, лишь в редких случаях оказывается состоятельной для особи.

§ 252. Здесь мы приходим к чрезвычайно важной истине, что дочеловеческая справедливость становится все более решительной по мере повышения организации.

Съест ли ласточка ту или эту муху, сядет ли наездник (Ichneumon) на ту или другую гусеницу, проглотит ли кит тех или других селедок из числа ватаги — все это события совершенно независимые от свойств особей: хорошие и дурные особи гибнут наравне. Иное дело — высшие животные. Острые чувства, проныцательность, подвижность придают хищнику особую способность овладевать добычей. В стаде травоядных животное с более острым слухом, ясным зрением, более чувствительным обонянием и более значительною скоростью бега гораздо легче спасется от преследователя. Очевидно, что чем выше дарования, душевные и телесные, данного вида и, следовательно, чем больше его способность справляться с случайностями окружающей среды, тем менее зависит продолжение жизни каждой особи от случайностей, с которыми она не может справиться. И очевидно, что по мере того как это следствие общего превосходства становится заметнее, следствия частных превосходств также сильнее чувствуются. Различия между способностями особей играют более важную роль в определении судьбы особей. В одном случае отсутствие способности сокращает жизнь, в другом — значительное дарование продолжает ее. Другими словами, опыт особи более точно следует из ее собственной природы, справедливость соблюдается в большей степени.

§ 253. Дочеловеческая справедливость, насколько она выражается у существ, живущих одиночною жизнью, определена, таким

образом, удовлетворительно. Но, переходя к стадным животным, мы находим, что еще один пункт не выяснен.

Простое сообщество, как, например, у оленей, приносит пользу особи и виду единственно путем более действительной охраны, которая вытекает из превосходства множества глаз, ушей и носов над глазами, ушами и носом одной особи. Тревожный сигнал скорее подается, и все пользуются чувствами наиболее одаренных особей. Когда это сотрудничество, которое можно назвать пассивным, недеятельным, превращается в активное, деятельное, как, например, в стае грачей, где один сторожит, пока другие едят, или у так называемых симарроннов (*simarrons*), любимых охотниками горных баранов Центральной Америки, которые также ставят сторожей, или у бобров, работающих сообща при сооружении плотины, или у волков, которые составляют план нападения, распределяя роли, что содействует поимке добычи, — во всех этих случаях и для особей, и для вида являются еще большие выгоды. Говоря вообще, можно сказать, что стадность и сотрудничество, более или менее деятельное, устанавливаются для вида только потому, что они полезны: иначе переживание более приспособленных предупредило бы эти явления.

Но теперь заметьте, что это выгодное сожителство становится возможным лишь при известных условиях. Действия, направленные к самоподдержанию и исполняемые каждым, исполняются более или менее в присутствии других, занимающихся тем же; следствием является стремление к большему или меньшему ослаблению их с чужой стороны. Если ослабление велико, то сообщество может оказаться невыгодным. Чтобы оно было выгодно, деятельности должны сократиться лишь настолько, чтобы дать выгодный баланс. Переживание приспособленнейших в противном случае уничтожит ту разновидность, в которой возникают сообщества. Здесь мы находим новое начало в дочеловеческой справедливости. Каждая особь, получая выгоды и бедствия от своей собственной природы и вытекающего из нее поведения, должна выполнить это поведение в ограничительных условиях, а именно не должна значительно помешать поведению, посредством которого другие особи достигают выгод или навлекают на себя беды. Среднее поведение должно быть не таким наступательным, чтобы причинять зло, переживающее добро, вытекающее из сотрудничества. Итак,

к положительному началу в дочеловеческой справедливости надо для стадных животных добавить отрицательное начало.

§ 254. Необходимость соблюдения того условия, чтобы каждый член группы, поддерживая себя и потомство, не мешал серьезно подобным же действиям других, чувствуется в такой степени везде, где установилось сожительство, что приравнивает к себе самый вид. Бедствия, испытываемые от времени до времени, когда нарушены границы, постоянно содействуют всеобщей выправке тем, что заставляют уважать эти границы; и это уважение со временем становится естественной чертою, инстинктом вида, потому что ясно, что невнимание к этим границам, если оно значительно и общо, приводит к распадению группы. Те только разновидности могут выжить как стадные, в которых явилось наследственное стремление поддерживать эти условия.

Но далее возникает такое общее сознание необходимости поддерживать эти границы, что нарушающие их подвергаются наказанию не только со стороны обиженных членов общины, но и со стороны общины как целого. «Бродяга» слон (всегда описываемый как особенно злой) — это слон, изгнанный своими из стада, без сомнения потому, что его поведение несносно для других, вероятно, по причине обид, им нанесенных. Говорят, что бобры изгоняют лентяя из своей колонии и этим препятствуют ему пользоваться трудами, в которых он не участвовал; факт этот тем более правдоподобен, что, например, пчелы-работницы избивают трутней, когда в них нет более нужды. Наблюдения, добытые из разных стран, показывают, что стая ворон после продолжительного совещания при громком карканье наконец убивает зловредного члена стаи. Один очевидец уверяет, что у грачей, если одна чета ворует хворостины из соседних гнезд, ее собственное гнездо разносится в прах остальными. Здесь мы видим, что необходимое предварительное условие согласного сожительства безмолвно признается чем-то вроде закона и что нарушение его влечет за собою наказание.

§ 255. У существ, ведущих одиночную жизнь, закон, гласящий, что особь должна испытать все последствия, дурные и хорошие, своей собственной природы, и вытекающего из нее поведения (этот первичный закон дочеловеческой справедливости, из ко-

торого вытекает выживание приспособленнейших), усложняется разве только родительской ответственностью. У них часто эгоистичные действия в пользу самосохранения ограничиваются во время размножения тем самоподчинением, которое необходимо для вывода потомства, но более никаким другим. У стадных животных, сколько-нибудь смысленных, сдерживаемых, как мы видели, в должных пределах присутствием других особей, — у этих животных благо вида, требуя так же самоподчинения для вывода потомства, иногда требует и дальнейшего самопожертвования. Говорят, что у бизонов во время отеления быки образуют стражу, охраняющую стадо коров и телят от волков и других хищников, что подвергает каждого быка известной опасности, но ведет к сохранению вида. Когда стадо слонов выходит из лесу на водопой, сначала показывается один и осматривается, нет ли опасности; если не увидит ничего, то ставит других членов, как стражей, и только тогда все стадо выходит и лезет в воду. Здесь известный лишний риск испытывается немногими, чтобы многие были в большей безопасности. Еще в большей степени мы видим действия этого рода в стаде обезьян; члены его соединяются в защите или выручают товарища, или ловко устраиваются, отступая от врага. Самки с детенышами идут вперед, а самцы прикрывают отступление. Хотя в частном случае вид может потерпеть от этого и следствием может быть гибель большого числа особей, но в общем важно уже и то, что развиваются наклонности, делающие нападение на стадо опасным.

Очевидно, что если такое поведение поддерживает одну разновидность стадного вида или умножает ее численность, тогда как другие разновидности, где такого самопожертвования нет, вымирают, то для таких поступков является некоторая санкция. Сохранение вида есть наивысшая цель, а потому там, где случайная смертность особей, защищающих вид, способствует этому сохранению в большей степени, чем содействовало бы преследование каждую особью ее исключительных выгод, то справедливость, которую мы называли дочеловеческой, получает этим путем второе ограничение.

§ 256. Остается только указать порядок первенства и соответственное достоинство каждого из этих начал. Закон соотношения между поведением и его следствиями, который во всем

животном царстве вообще приносит благополучие тем особям, чьи организмы лучше приспособлены к условиям существования, — закон этот с нравственной точки зрения выражается так, что каждая особь должна получать добро и зло, вытекающее из ее природы, и он является первичным законом всех существ! Он применим поэтому без ограничения к существам, живущим одиночно, исключая того самопожертвования, которое необходимо высшим животным для воспитания потомков.

У стадных животных, — и тем более чем значительнее их сотрудничество, — играет роль еще закон, второй по порядку времени и по авторитету, гласящий, что те действия, которыми особь, по своей природе, достигает выгод и избегает зла, должны быть сдерживаемы необходимостью не мешать подобным же действиям других особей. Уважение этого закона, в большинстве случаев являясь условием, при котором только и возможна стадность, делает его повелительным законом для тех существ, которым стадность выгодна. Но ясно, этот вторичный закон есть только применение той формы, которую принимает первичный закон при условиях стадной жизни; так как, утверждая, что в каждой особи связь поведения с его следствием должна быть ограничена, он безмолвно утверждает вновь, что упомянутая связь должна быть поддержана в *других* особях, стало быть, и во всех особях, включая рассматриваемую.

Более позднего происхождения и более узок по применению третий закон, гласящий, что при условиях такого рода, когда случайными жертвованиями некоторых членов вида достигается благополучие вида как целого, эти жертвования получают санкцию, откуда вытекает ограничение закона, что каждая особь должна получать выгоды и бедствия, вытекающие из ее собственной природы.

Наконец, следует заметить, что тогда как первый закон абсолютен для всех животных вообще, а второй — для всех стадных животных, третий закон предполагает существование врагов такого рода, что в борьбе с ними вид выигрывает более, чем сколько он теряет от жертвования немногими особями; и в отсутствие таких врагов это ограничение, налагаемое третьим законом, совершенно исчезает.

III | ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

§ 257. Содержание последней главы является намеком на предметы, рассматриваемые теперь. С эволюционной точки зрения человеческая жизнь должна быть рассматриваема как дальнейшее развитие дочеловеческой жизни; отсюда следует, что с той же точки зрения человеческая справедливость должна представлять дальнейшее развитие дочеловеческой справедливости. Ради удобства та и другая рассматривается здесь отдельно, но они существенно одинаковой природы и образуют части непрерывного целого.

Для человека, как и для всех низших существ, закон, с которым соотносится вид для своего сохранения, состоит в том, что из взрослых особи, наилучшим образом приспособленные к условиям существования, всего более будут благоденствовать; особи, всего менее приспособленные, должны преуспевать всего менее. Закон этот, если он не встречает помехи, приводит к переживанию приспособленнейших и к распространению наиболее приспособленных разновидностей. Как раньше, так и теперь мы видим, что рассматриваемый с нравственной точки зрения закон этот подразумевает следующее: каждой особи должно доставаться благо и зло, вытекающее из ее собственной природы и зависящего отсюда поведения. Не должно ни препятствовать тому, чтобы особь пользовалась любым благом, нормально вытекающим из ее действий, ни позволять, чтобы она вваливала на других какое бы то ни было зло, навлекаемое на нее ее поступками.

До какой степени подобное зло, естественно вытекающее из действий личности, может быть добровольно переносимо другими лицами, это вовсе здесь не касается нашего исследования. Ограничительные влияния жалости, милосердия и великодушия рассмотрены особо, в учении об отрицательной и положительной благотворительности. Здесь нас касается исключительно чистая справедливость. Возникающий таким образом закон

и выраженный в такой этической формуле, очевидно, есть тот именно закон, который соответствует обыденному пониманию справедливого. Ежедневные утверждения и порицания подразумевают, что не следует отделять поведение от его последствий. Когда о ком-либо, страдающем от несчастья, говорят: «Он должен винить в этом только самого себя», — этим подразумевается мнение, что страдающий не потерпел несправедливости. Если кто-либо по нерассудительности или по причине дурного поведения навлек на себя зло, и о нем говорят: «Что посеял, то и пожнешь», — то в этом включено убеждение, что такая связь между причиной и следствием имеет надлежащий характер. То же относится к замечанию: «Он получил лишь по заслугам». Родственное с этим убеждение подразумевается в том случае, когда, наоборот, следствием является добро вместо зла. «Он вполне заслужил награды». «Он не получил должного вознаграждения». Такие замечания указывают на сознание того, что должна быть пропорциональность между применяемым усилием и достигаемым результатом, т.е. что справедливость требует такой пропорциональности.

§ 258. Справедливость становится более резко выраженной по мере повышения организации. Эта истина, представившаяся нам уже в предыдущей главе, поясняется дальнейшими примерами, когда мы переходим от дочеловеческой справедливости к человеческой. Степень справедливости и степень организации одновременно повышаются: это доказывается и рассмотрением всего человеческого рода, и контрастом, представляемым его высшими разновидностями по сравнению с низшими.

Мы видели, что высокоразвитый вид животного отличается от низшего вида в том отношении, что его совокупность испытывает меньшую смертность от неожиданных разрушительных деятелей; поэтому каждый из членов вида в среднем в течение более продолжительного времени подвергается нормальному отношению между поведением и его последствием. Здесь мы видим, что человеческий род как целое, отличаясь гораздо меньшим процентом смертности, чем почти все породы низших видов, обыкновенно гораздо долее подвергает своих членов благим и злым последствиям хорошо или дурно приспособленного поведения. Мы также видели, что у высших животных более

значительная средняя долговечность делает возможным обнаружение следствия индивидуальных различий в течение более продолжительного времени. Отсюда следует, что неодинаковая судьба разных особей здесь в большей мере определяется нормальным отношением между поведением и его последствиями, составляющим справедливость. Теперь же мы видим, что у человека неравенство способностей еще в большей степени и на более продолжительное время вырабатывает свои последствия, давая преимущества высшим и представляя невыгоды для низших, при непрерывной связи между поведением и его последствием.

То же следует сказать при сравнении цивилизованных человеческих рас с дикарями. Еще более уменьшается процент смертности, а это подразумевает существование еще более значительной пропорции таких членов, которые получают благие последствия от хорошо приспособленных действий и терпят зло от дурного приспособления. Точно так же ясно, что более крупные различия в долговечности между особями и более значительные различия общественного положения подразумевают, что в цивилизованных обществах в большей степени, чем у дикарей, различия одаренности и вытекающие отсюда различия поведения способны причинять надлежащие различия в благих или дурных последствиях: стало быть, справедливости здесь больше.

§ 259. У человека яснее, чем у низших рас, мы видим, что стадность (*gregariousness*) устанавливается по причине пользы, приносимой им той разновидностью, у которой оно возникает. Зависит это частью от содействия общей безопасности, частью же от более легкого добывания средств существования. Ясно, что степень скопления определяется степенью подмоги, оказываемой интересам данной разновидности. Действительно, если разновидность такова, что члены ее питаются дичью и лесными плодами, то они соединяются лишь в малые группы. Дичь и плоды разбросаны по обширным пространствам и способны поддерживать лишь такие группы. Но более значительное скопление возникает там, где земледелие делает возможным прокормление более значительного числа людей на меньшей площади и где совместное развитие промыслов приводит к многочисленным и разнообразным формам сотрудничества. Мы теперь приходим к утверждению истины — слабо намеченной у низших

существ и ясно обнаруживаемой людьми, — что выгоды сотрудничества (кооперации) могут быть приобретены, только соглашаясь с известными требованиями, возлагаемыми сообществом (ассоциацией).

Взаимные помехи, могущие возникнуть при преследовании целей особями, живущими в близком соседстве, должны удерживаться в таких пределах, чтобы доставлять избыток преимуществ, зависящих от жизни в сообществе. Некоторые человеческие племена, как, например, аборы, ведут уединенную жизнь, так как до того склонны к нападению, что неспособны к совместной жизни. Этот крайний случай выясняет, что хотя у многих первобытных групп личный антагонизм часто причиняет ссоры, однако эти группы все же удерживаются, так как их члены приобретают в итоге более выгод — главным образом по причине большей безопасности. Ясно также, что по мере того как общины все более развиваются, разделение труда усложняется, а деловые отношения умножаются, выгоды сотрудничества становятся доступными лишь при посредстве еще лучшего соблюдения тех пределов, которые навязываются для деятельности каждого человека совместными действиями других людей. Эта истина поясняется несчастием или упадком таких общин, где обиды, наносимые друг другу членами общины, таковы, что, вообще говоря, разным образом препятствуют им пользоваться нормальными плодами своих трудов.

Требование, чтобы индивидуальные деятельности взаимно сдерживались, как мы видели, чувствуется так сильно некоторыми низшими стадными животными, что они наказывают особей, не сдерживающих себя должным образом. Но это требование более повелительно у людей и чувствуется ими более явственно, причиняя более резко выраженную привычку наказывать обидчиков. В первобытных группах обыкновенно каждому обиженному предоставляется мстить за себя обидчику, и даже в обществах феодальной Европы защита и поддержка своих требований во многих случаях признавались личным делом каждого; однако всегда наблюдалось стремление к сознанию потребности во внутреннем порядке, и это сознание сопровождалось таким чувством, что и наказание обидчика целую общиной или поставленными ею исполнителями постепенно вошло в обычай. Законодательство, влекущее за собою

ограничение поведения, а также содержащее наказания за нарушение этих правил, является естественным продуктом человеческой жизни, протекающей в общественных условиях. Это доказывается тем фактом, что у многих наций, образовавшихся различными типами человечества, одни и те же поступки, одинаково считающиеся правонарушениями, сходным образом подвергались запрещению.

Во всех этих фактах обнаруживается истина, признаваемая на практике, если не в теории. Каждая личность при выполнении действий, поддерживающих ее жизнь, и, не встречая помехи при достижении нормальных, хороших или дурных последствий своих поступков, должна считаться с ограничениями, которые налагаются на нее выполнением подобных же действий других особей; эти последние, в свою очередь, должны пользоваться такими же нормальными, хорошими или дурными, последствиями. В смутном, если не в определенном виде, это, как мы видели, составляет то, что называется справедливостью.

§ 260. Мы видели, что у низших стадных животных справедливость в ее всеобщей простой форме, кроме ограничения, испытываемого родителями в силу самообуздания, — а до некоторой степени и самообуздания, вынужденного сообществом, — в немногих случаях ограничивается еще далее, хотя и в малой степени, частным или полным самопожертвованием, когда особи жертвуют собою ради защиты вида. Теперь же, для наивысшего из живущих обществами существ, мы видим, что это дальнейшее ограничение первобытной справедливости принимает широкие размеры. У низших животных это дальнейшее самоподчинение вызывается единственно потребностью в защите против врагов других видов; но у людей оно зависит также от необходимости защищаться против врагов своего же вида. Рассеявшись всюду, где только есть пища, группы людей всюду стали становиться друг другу поперек дороги; и отсюда явилась взаимная вражда, и жертвы, вызываемые войнами между различными группами, стали значительно превышать те, которые вызываются защитой этих групп против низших животных. Без сомнения, для всего человечества, как и для низших пород, справедливо, что уничтожение группы или же разновидности не влечет за собою гибели всего вида; отсюда следует,

что обязательство, существующее в деле самоподчинения в интересах данной группы или разновидности, есть обязательство низшего порядка по сравнению с заботой о потомстве.

Действительно, невыполнение этой последней обязанности повлекло бы за собою гибель вида. Упомянутое выше обязательство также низшего порядка по сравнению с тем, которое требует обуздания наших поступков в пределах, вынуждаемых общественными условиями, так как полное или частное невыполнение этих условий приведет к разложению группы. Все же необходимо рассматривать и упомянутое обязательство, относящееся к целости группы, как действующее в тех пределах, в которых поддержка существования вида встречает подмогу со стороны каждой из составляющих его групп. Но таким образом оправдываемое, в смысле обязательного правила, самоподчинение ограничивается требованиями, относящимися к оборонительной войне. Сохранение группы как целого влечет за собою сохранение жизни ее членов и возможности преследования жизненных целей; и лишь в силу этого есть основание для жертвования некоторыми из членов группы. Основание это, однако, отпадает, когда война имеет не оборонительный, а наступательный характер.

Можно, однако, возразить, что наступательные войны приводят к такой борьбе между группами, которая оканчивается гибелью слабого, и что поэтому такого рода войны, населяя земной шар сильнейшими, содействуют интересам человеческого рода. Но если даже допустить, что побежденные группы всегда состояли из людей, обладавших меньшею душевною или телесною годностью для войны (а это не верно, так как война отчасти решается численностью, и меньшая группа может состоять из более способных воинов), то все же можно дать подходящий ответ. Лишь в течение более ранних стадий человеческого прогресса развитие силы, смелости и хитрости имеет главное значение. После образования крупных обществ и после того как явилось подчинение, необходимое для их организации, главная роль стала принадлежать другим, высшим способностям; а борьба за существование, основанная на насилии, не всегда содействует переживанию наиболее приспособленных. Стоит привести такой факт, как, например, что простая случайность могла бы привести к покорению Греции Персией,

или же тот факт, что татарские орды чуть не одолели европейскую цивилизацию. Все это показывает, что когда речь идет о наступательной войне, то лишь в одном случае можно сказать с уверенностью, что она служит интересам человеческого рода, а именно когда способность к высшей общественной жизни еще отсутствует; по мере развития этой способности наступательная война все более и более стремится стать скорее помехой, чем содействием человеческому благополучию. Вкратце можно сказать, что как только достигнута ступень, когда начинают поддерживаться нравственные соображения, то этим в то же время достигнута стадия, когда наступательная война более не может быть оправдываема, так как нимало не достоверно, чтобы она содействовала преобладанию племен, пригодных для высшей общественной жизни, и наверное она причиняет вредные нравственные воздействия как на победителей, так и на побежденных; и только оборонительная война все еще может быть оправдываема основаниями, имеющими лишь сходство с нравственными (*quasiethical*).

Здесь именно следует заметить, что самое подчинение, подразумеваемое оборонительною войною, и необходимость в вытекающем отсюда ограничении отвлеченного начала справедливости принадлежат к тому переходному состоянию, которое вынуждено столкновениями между народами при помощи физической силы. Ограничение это должно исчезнуть по достижении мирного состояния. Стало быть, все вопросы, касающиеся пределов подобных ограничений, относятся к тому, что мы различаем под именем относительной этики; но они не признаются абсолютною этикою, к которой относятся основные начала правильного поведения в обществе, составленном из людей, вполне приспособленных к общественной жизни. Это различие я здесь подчеркиваю, так как в следующих главах мы убедимся, что признание его поможет нам распутать сложные задачи политической этики.

IV | ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

§ 261. Принятие учения об органическом развитии влечет за собою известные этические понятия. Учение это подразумевает, что многочисленные органы каждого из бесчисленных видов животных были прямо или же косвенно приспособлены к жизненным требованиям посредством постоянной встречи с этими требованиями. В то же самое время при посредстве видоизменений в нервной системе произошло развитие ощущений, инстинктов, эмоций и умственных способностей, необходимых для надлежащего употребления органов. Это мы видим у запертых в клетку грызунов, упражняющих свои челюстные мускулы и резцы бесцельным грызением, у стадных животных, несчастных в том случае, когда они не могут быть в сообществе с себе подобными, у бобров, которые в неволе обнаруживают свою страсть к сооружению плотин собиранием в кучи всевозможных палочек и камней, какие только могут достать. Окончился ли этот процесс душевного приспособления вместе с первобытным человеком? Разве человеческие существа неспособны прогрессивно приноровлять своих чувствований и идей к способам жизни, возлагаемым на них общественным состоянием, в которое они вступили? Допустим ли мы, что природа людей, приноровленная к требованиям, предъявляемым жизнью дикаря, оставалась неизменною и останется такою же ввиду требований цивилизованной жизни? Или же мы должны допустить, что эта первобытная природа путем уничтожения некоторых черт и воспитания других стала все более и более приближаться к природе, находящей для себя надлежащую среду в развитом обществе и признающей для себя нормальными требуемые здесь роды деятельности? Есть много лиц, допускающих эволюционное учение, — однако, по-видимому, не имеющих никакой веры в непрерывную приспособляемость человечества. Небрежно относясь к свидетельствам, доставляемым сравнением между различными человеческими расами и между разными эпохами в жизни одних и тех же рас, эти лица совершенно

пренебрегают индукцией, доставляемой явлениями жизни в широком смысле слова. Но если бывает злоупотребление дедуктивным методом, то бывает и злоупотребление индукцией. Пусть кто-либо откажется поверить, что молодой месяц станет в течение двух недель полной луной, а затем начнет убывать и, пренебрегая наблюдениями, накопленными в прошедшие времена, станет требовать наблюдения последующих фаз — и только тогда убедится. Такого человека назвали бы индуктивным до нелепой степени. Однако не без основания к числу таких людей можно причислить и того, кто, пренебрегая индуктивным доказательством неограниченной приспособляемости, телесной и душевной, представляемой всем животным царством, не допустит для человеческой природы приспособляемости к общественной жизни, не убедившись прямо в том, что приспособление уже наступило; или более того — станет даже игнорировать очевидный факт происходящего приспособления. Здесь мы примем как неизбежный вывод из учения об органической эволюции, что наивысший тип живого существа не менее всех низших типов должен приспособиться к требованиям, возлагаемым на него обстоятельствами, а отсюда мы выведем по смыслу, что и нравственные перемены принадлежат к числу изменений, вырабатываемых этим путем.

§ 262. Известен факт, что если объядение любимой пищей причинило болезнь, то может явиться отвращение. Факт этот показывает, каким образом в области ощущений опыт устанавливает сочетания (ассоциации), влияющие на поведение. Известно также, что дом, где умерла жена или ребенок или где мы перенесли продолжительную болезнь, в такой степени сочетается с болезненными душевными состояниями, что мы его избегаем; это достаточно показывает, каков в области эмоции способ, могущий определить наши поступки при посредстве связей между душевными состояниями, создавшихся в течение нашей жизни. Когда условия жизни данного зоологического вида делают известные отношения между поведением и его последствиями привычными, то надлежащим образом связанные между собою чувствования могут стать характерными признаками этого вида. Наследственность видоизменений, причиненных привычкой, или же переживание большого числа таких

особей, у которых нервные строения видоизменялись надлежащим образом, постепенно создают руководящие стремления, подстрекающие к надлежащему поведению и отбивающие охоту от ненадлежащего. Контраст между бесстрашными птицами на островах, никогда раньше не посещенных человеком, и птицами, окружающими нас и обнаруживающими страх к человеку немедленно по выходе из гнезда, служит примером таких приспособлений.

При посредстве этого процесса у низших существ развились до некоторой степени, а у человека в значительно большей мере чувства, приспособленные к общественной жизни. Насильственные действия, обыкновенно вредные для группы, в которой они случаются, часто вредны и для совершающих их особей; поэтому хотя ими достигаются известные наслаждения, однако они часто влекут за собою перевес страданий над удовольствиями. Наоборот, поведение, сдерживаемое в требуемых пределах, не вызывающее никаких враждебных страстей, благоприятствует гармоническому сотрудничеству, приносит пользу группе, а в силу этого оказывается в среднем полезным и для особей. Отсюда, при прочих равных условиях, для групп, составленных из членов, обладающих таким природным приспособлением, является стремление к переживанию и распространению.

В числе развившихся таким образом общественных чувств одним, представляющим особое значение, является чувство справедливости. Присмотримся теперь ближе к его природе.

§ 263. Зажмите ноздри животного, и оно начнет делать безумные усилия с целью освободить голову. Свяжите ему члены, и оно станет сильно барахтаться с целью освободиться. Привяжите его за шею или за ногу, и пройдет несколько времени, прежде чем оно перестанет делать попытки убежать. Посадите его в клетку, и оно долго будет метаться. Обобщая эти примеры, мы видим, что чем чрезмернее помехи деятельности, поддерживающим жизнь, тем сильнее сопротивление. Обратное, поспешность, с которою птица пользуется удобным случаем, чтобы улететь, и радость собаки, когда ее выпустят на волю, показывает, как сильна любовь к нестесненному движению.

Обнаруживая подобные чувствования подобными же собаками, человек выражает их иначе и шире. Его раздражают

невидимые помехи точно так же, как и видимые; и по мере повышения его развития он подвергается влиянию обстоятельств и деятельности, более отдаленным образом содействующих преследованию его целей или им препятствующих. Следующее сравнение пояснит эту истину. Первоначально любовь к собственности удовлетворяется единственно обладанием пищею и кровом, а вскоре и одеждою; но впоследствии она удовлетворяется обладанием оружием и орудиями, содействующими добыванию пищи и одежды, затем — обладанием сырыми материалами, служащими для выделки оружия и орудий и для иных целей, позднее — обладанием монетою, за которую можно покупать эти материалы, да и вообще все вещи, еще позднее — обладанием обещаниями уплаты, годными к обмену на монеты, наконец — чеками на банкира, записанными в чековой книжке. Одним словом, является удовольствие от обладания собственностью, все более и более абстрактного и более отдаленного от материального удовлетворения. То же можно сказать и о чувстве. Оно начинается с испытания радости при возможности пользоваться своими телесными способностями и получать соответственные выгоды и с раздражения при прямых помехах; постепенно оно соответствует все более и более широким отношениям, возбуждаясь то личной зависимостью, то политическим подчинением, то классовыми привилегиями, то, наконец, ничтожными политическими переменами. Наконец, это чувство, порою так мало развитое у негра, что он насмехается над освобожденным товарищем, потому что тот не имеет господина, могущего о нем позаботиться, так сильно развивается у англичанина, что малейшее нарушение какой бы то ни было формальной процедуры в публичном митинге или же в парламенте, не касающееся его самого существенным образом, встречает сильную оппозицию, так как может некоторым отдаленным или косвенным образом содействовать тому, что явится возможность возложить на него неожиданные тягости или ограничения.

Ясно поэтому, что эгоистическое чувство справедливости представляет субъективный атрибут, соответствующий объективному требованию справедливости, а именно чтобы каждый взрослый человек нес последствия своей собственной природы и вытекающих из нее действий.

Действительно, пока способности всякого рода не находят полного простора, такие следствия не могут быть достигнуты ни в хорошем, ни в дурном смысле, и пока не существует чувства, побуждающего к отстаиванию этого простора, он будет суживаем, и свобода деятельности будет встречать помехи.

§ 264. Мы можем таким образом понять способ развития эгоистического чувства справедливости; но гораздо труднее понять, каким образом развилось альтруистическое чувство справедливости. С одной стороны, подразумевается, что это альтруистическое чувство может возникнуть только в течение приспособления к социальной жизни. С другой стороны, подразумевается, что социальная жизнь стала возможною только посредством поддержки тех справедливых отношений, которые основаны на альтруистическом чувстве справедливости. Каким образом могут быть выполнены эти взаимные требования? Ответ будет тот, что альтруистическое чувство справедливости может возникнуть только при содействии чувства, временно его замещающего и ограничивающего поступки, вызываемые чистым эгоизмом. Это чувство справедливости мы можем назвать «доальтруистическим». Оно складывается из различных элементов, которые следует рассмотреть поочередно.

Первым мотивом, отбивающим охоту от насилия, является встречаемая вообще у животных боязнь возмездия. Из числа существ того же вида одно получает пищу или овладевает более выгодным местом; обладание здесь до некоторой степени обеспечено страхом, испытываемым большинством других особей, боящихся мести, могущей последовать за любой попыткой к отнятию, а у людей, особенно в течение более ранних стадий общественной жизни, главным образом именно такой страх обеспечивает каждому человеку простор его деятельности и исключительное пользование всем тем, что приносит ему эта деятельность. Дальнейшей задержкой является боязнь неодобрения, которое может быть выказано не заинтересованными в деле членами группы. При изгнании «бродяги» слона из стада или убиении преступного члена стаи воронами или аистами мы видим, что даже у животных особи страдают от враждебного им общественного мнения. Однако едва ли вероятно, чтобы у животных ожидание всеобщего неодобрения предупреждало

нарушения. Но у людей, «оглядывающихся назад и заглядывающих вперед» в большей степени, мысль об общественном неодобрении обыкновенно является добавочной помехой для дурного поведения одного человека относительно другого.

К этим чувствованиям, играющим роль прежде появления любой общественной организации, следует добавить те, которые возникают по установлении политической власти. Когда вождь, имевший удачу на войне, приобретает постоянную власть и дорожит ее сохранением, у него возникает желание предупреждать взаимные насилия между подвластными, так как возникающие отсюда раздоры ослабляют его племя. Право личной мести и, как, например, в феодальные времена, право частной войны ограничивается, а в то же время являются запрещения действий, причиняющих столкновения. Добавочной задержкой является страх перед карами, постигающими за нарушение этих запрещений.

По мере развития общества, вообще говоря, и культ предков развивается в особое поклонение духу умершего вождя, а затем и в поклонение духу умершего монарха. Это увеличивает святость его прижизненных повелений; и когда с установлением культа он становится богом, то его повеления становятся божественными, и за нарушение их угрожают страшные кары. Эти четыре рода страха кооперируют между собою. Боязнь мщения, опасение общественного неодобрения, страх перед законной карой и перед небесным возмездием, соединяясь в разных пропорциях, образуют сложное чувствование, задерживающее первичное стремление к такому преследованию желанных целей, которое не принимает во внимание интересов ближних. Не содержа ничего из альтруистического чувства справедливости в строгом смысле этого слова, указанное здесь доальтруистическое чувство служит временно для внушения уважения к взаимным требованиям и для того, чтобы сделать возможным сотрудничество.

§ 265. Существа, ставшие стадными, стремятся симпатизировать друг другу в степени, пропорциональной своим умственным способностям. Здесь не утверждается, чтобы это стремление к симпатии было — исключительно или даже главным образом — того рода, какой обыкновенно подразумевается под

этим словом; у некоторых почти ничего нет, кроме симпатии относительно страха, а у других — относительно свирепости. Все, что здесь подразумевается, сводится к тому, что у стадных существ чувствование, обнаруживаемое одним, способно возбудить родственные чувствования у других, и может сделать это в тем большей пропорции, чем более развит ум других для понимания знаков, выражающих это чувствование. В «Основаниях психологии» (см. главы «Общественность» и «Симпатия и альтруистические чувства») я пытался показать, каким образом вообще возникает симпатия и как затем является альтруистическая симпатия.

Итак, здесь подразумевается, что состояние сообщества поддерживалось у людей посредством доальтруистического чувства справедливости, а это поддерживало условия, при которых может развиваться и альтруистическое чувство. В прочной общественной труппе поколение за поколением встречаются события, одновременно вызывающие у членов группы проявления сходных эмоций — радости по поводу победы или избежания опасности по поводу совместной поимки добычи или открытия запасов дичи; точно так же бывают общие сетования по случаю поражений, голодовок, немилосердия и т.д. Это крупнейшие удовольствия и страдания, чувствуемые всеми сообщами и обнаруживающиеся таким образом, что каждый видит в других признаки чувствований, подобных тем, которые он сам обнаруживал раньше и теперь; сюда надо прибавить менее значительные удовольствия и страдания, ежедневно проистекающие от совместного приема пищи, совместных забав, игр и нередких несчастных случаев, одновременно поражающих многих лиц. Таким образом воспитывается та симпатия, которая делает возможным альтруистическое чувство справедливости.

Но это чувство медленно принимает высшую форму, частью потому что его первичная слагаемая не получает высокого развития прежде достижения поздней стадии прогресса, частью по той причине, что оно сравнительно сложно, частью, наконец, потому что оно подразумевает усилие воображения, невозможное для низших умственных способностей. Рассмотрим все эти основания.

Каждое альтруистическое чувствование заранее предполагает испытывание соответственного эгоистического чувствава-

ния. До тех пор пока боль не была испытана, не может быть симпатии к боли; человек, не обладающий музыкальным слухом, не может принять участия в удовольствии, доставляемом другим музыкой. Точно так же альтруистическое чувство справедливости может возникнуть лишь после того, как возникло уже эгоистическое чувство справедливости. Поэтому где это последнее не было развито в сколько-нибудь значительной степени или же было подавлено несчастною общественною жизнью, там и альтруистическое чувство справедливости остается зачаточным.

Сложность этого чувства становится очевидною, если заметим, что оно касается не только конкретных удовольствий и страданий, но главным образом некоторых из обстоятельств, при которых те или другие достижимы или устранимы. Так как эгоистическое чувство справедливости удовлетворяется поддержкою условий, делающих достижение желаний беспрепятственным, и, наоборот, раздражается нарушением этих условий, то отсюда следует, что альтруистическое чувство справедливости требует для своего возбуждения идей не только о таком удовлетворении, но и о тех условиях, которые в одном случае поддерживаются, а в другом нарушаются.

Очевидно поэтому, что для возможности испытывать это чувство в развитой его форме способность мысленного воспроизведения должна быть сравнительно велика. Если чувствования, которым надо симпатизировать, представляют простые удовольствия и страдания, то высшие стадные животные порою обнаруживают их; жалость и великодушие порою испытываются ими, как и человеком. Но для того чтобы понять одновременно не только чувствования, произведенные в другом человеке, но также связь действий и отношений, производящих эти чувствования, требуется внесение в состав мысли большего числа элементов, чем сколько может быть единовременно охвачено низшим животным. А когда мы приходим к наиболее отвлеченным формам чувства справедливости, касающимся общественных порядков, то оказывается, что только высшие разновидности человека способны к пониманию путей, посредством которых дурные или хорошие законы или учреждения случайно смогут коснуться сферы их деятельности; поэтому лишь они будут под влиянием такого чувства оказывать содействие или противодействие и только у них при таких

условиях, возбуждается то симпатизирующее чувство справедливости, которое заставляет их отстаивать политические интересы сограждан.

Существует, конечно, тесная связь между чувством справедливости и социальным типом. Господство милитаризма, влекущее за собою принудительную форму организации, как среди воинов, так и в обществе, поддерживающем эту военную силу, не предоставляет никакого простора для эгоистического чувства справедливости, но, наоборот, постоянно попирает его; и в то же время симпатии, производящие альтруистическое чувство справедливости, постоянно ослабляются военной деятельностью. Обратно, по мере того как принудительный режим (*status*) заменяется договорным режимом — другими словами, как только добровольное сотрудничество, характеризующее промышленный строй общества, становится более общим, чем принудительная кооперация, характеризующая милитаризм, — тотчас мы видим, что индивидуальные деятельности становятся менее стесненными и чувство наслаждения просторной деятельностью все более поощряется. В то же время случаи подавления симпатий становятся менее частыми. Поэтому в течение воинственных фаз общественной жизни чувство справедливости понижается; оно повышается в мирные времена и может достичь своего полного развития только при постоянном мирном состоянии¹.

¹ Постоянный мир существует в редких местах; но где он существует, там чувство справедливости необыкновенно сильно и впечатлительно. Я рад новому поводу для того, чтобы указать, что среди так называемых нецивилизованных людей есть некоторые, отличающиеся полным отсутствием воинственной деятельности и в то же время могущие своими характерами пристыдить народы, называемые цивилизованными. В моем сочинении «Политические учреждения», §§437 и 574 я привел восемь примеров этой связи между фактами, заимствованными из описания племен разных типов.

V | ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

§ 266. При описании чувства справедливости был подготовлен путь для описания идеи справедливости. Хотя чувство тесно связано с идеей, однако их можно ясно различить. Пусть кто-либо уронил свой бумажник; обернувшись назад, он видит, что другой подобрал и не желает отдать: потерпевший негодует. Если лавочник пришлет ему на дом не тот товар, который куплен, он протестует против обмана. Если он на минуту оставил свое место в театре, а кто-либо его занял, он чувствует, что потерпел обиду. Если утром его будит шум в курятнике соседа, он жалуется на беспокойство. Он симпатизирует гневу приятеля, который под влиянием ложных утверждений впутался в несчастное предприятие или же проиграл тяжбу по причине промаха в ведении дела. Но хотя в этих случаях его чувство справедливости оскорблено, он может быть не в состоянии различить существенные черты, причиняющие в каждом данном случае обиду. Он может в полной мере обладать чувством справедливости, в то время как его идея справедливости останется смутною.

Это отношение между чувством и идеей есть дело времени. Способы взаимного нарушения прав становятся многочисленнее и запутаннее по мере усложнения общества; они должны быть испытаны в их разных видах, поколение за поколением, прежде чем анализ будет в состоянии выяснить существенное различие между законными и незаконными деяниями. Эта идея возникает и становится определенной по мере опытов, показывающих, что деяние может быть доведено до известного предела, не вызывая озлобления со стороны других людей, но если оно перейдет этот предел, то вызовет озлобление. Такие опыты накаплиются, и постепенно, вместе с отвращением от поступков, причиняющих страдания вследствие реакции, возникает также понятие о пределе для каждого рода деятельности, до которого распространяется свобода действия. Но так как роды деятельности многочисленны и становятся с развитием общественной жизни, все более разнообразными, то проходит много времени,

прежде чем может быть понята общая природа предела, относящаяся ко всем случаям¹.

Следует указать дальнейшее основание для медленности этого развития. Идеи, как и чувства, в среднем должны быть приспособлены к общественному состоянию. Поэтому, так как война была частою или обычною почти во всех обществах, то те идеи справедливости, которые существовали, постоянно становились смутными по причине противодействующих друг другу требований дружбы внутри общества и вражды с внешними врагами.

§ 267. Было уже выяснено, что идея справедливости, по крайней мере та, которая свойственна человеку, содержит два элемента. С одной стороны, есть положительный элемент, подразумеваемый в признании каждым человеком своих притязаний на беспрепятственную деятельность и на приносимые ею благодеяния. С другой стороны, отрицательный элемент, подразумеваемый сознанием пределов, навязываемых существованием других людей, имеющих подобные же притязания. Две противоположные черты в этих двух составных частях особенно обращают на себя внимание. Неравенство есть первоначально внушаемая идея. Действительно, если следовать принципу, что на долю каждого должны выпасть благодеяния и бедствия, зависящие от собственной природы и вытекающего отсюда поведения, то различие между способностями людей должно привести к различию в следствиях их поведения. Неравные количества выгод подразумеваются этой идеей.

¹ Происхождение идеи простых пределов для простых деятельностей обнаруживается у смысленных животных и служит для освещения процесса в случае более сложных действий и менее ясных пределов. Укажу на собак в Константинополе, у которых если не между особями, то между группами существует молчаливое заявление притязаний и кары за нарушение их. Этот общеизвестный факт недавно был поразительным образом подтвержден в сочинении майора Джонсона (E. C. Johnson, *On the Track of the Crescent*). Он пишет (стр. 58–59): «Однажды вечером я гулял (в Константинополе) с одним английским жандармским офицером, как вдруг подбежала собака-самка и лизнула его руку... Она следовала за нами немного, но вдруг остановилась среди улицы. Она махала хвостом и тоскливо глядела нам вслед, но не двигалась с места, хотя мы звали ее. Несколько дней спустя... та же собака узнала меня... и следовала за мною до границы своей области».

Взаимные ограничения человеческих действий внушают противоположную идею. Если каждый преследует свои цели, пренебрегая притязаниями соседа, то возникают ссоры; отсюда является сознание необходимого установления границ для деяний каждого лица, с целью избежания ссор. Опыт показывает, что границы эти в среднем одни и те же для всех, и вытекающая отсюда мысль о взаимно ограниченных сферах деятельности приводит к понятию о равенстве.

Неравномерная оценка этих двух факторов человеческой справедливости приводит к разноречивым нравственным и общественным учениям, на которые мы должны теперь бросить взгляд.

§ 268. У некоторых из грубейших дикарей оценка этого рода не выше, чем у низших стадных животных. Здесь сильный берет что хочет у слабейшего, не вызывая общего порицания, как, например, у догрибов, тогда как в других местах существует на деле и молчаливо одобряется нечто вроде коммунизма, как, например, у огнеземельцев. Но там где обычная война развила политическую организацию, идея неравенства становится преобладающею. Если не среди побежденных, обращаемых в рабство, то среди победителей, естественно признающих должным то, что ведет к осуществлению их интереса, находит пищу элемент в понятии справедливости, подразумевающий, что превосходство должно приводить к преимуществам. Хотя диалоги Платона не могут быть признаны мерилом убеждений греческого мира, все же из них мы можем извлечь, какие именно убеждения были распространенными. Главкон, приводя ходячее мнение, говорит: «Таково, по их утверждению, происхождение и природа справедливости: есть середина или примирение между тем, что всего лучше для каждого — а именно чтобы наносить несправедливость, не претерпевая ее, и между тем, что для каждого составляет наибольшее бедствие, — т.е. страдать без возможности возмездия; справедливость же, занимая середину между тем и другим, допускается не как добро, а как наименьшее зло». И тотчас же вслед за этим сказано, что люди «направляются на путь справедливости только силою закона».

В этой замечательной цитате необходимо отметить несколько вещей. Прежде всего здесь мы находим признание факта,

указанного выше, а именно что на ранней ступени развития выполнение справедливости начинается со страха перед возмездием и с внушаемого опытом убеждения, что в общем желательно избежать насилия и уважать границы, требуемые компромиссом. Здесь нет мысли о внутренней гнусности насилия, но идет речь лишь о неблагоразумии. Далее, пределы для деяний каждого человека, описанные как «середина или примирение» и уважение к тому, что названо «путем справедливости», — все это установлено лишь «силою закона». Закон не рассматривается как выражение справедливости, познаваемой иным образом, но как самый источник справедливости; а поэтому смысл приведенной цитаты тот, что справедливо повиноваться закону. Наконец, здесь подразумевается, что не будь возмездия и законных кар, сильнейший мог бы с полным основанием насиловать слабейшего. Здесь мы видим до половины выраженное убеждение, что превосходство должно пользоваться всеми преимуществами, какими оно может овладеть. Идея неравенства занимает выдающееся место, тогда как идея равенства не проявляется определенным образом.

Каково было мнение Платона или, скорее, Сократа, по этому предмету — это не очень легко узнать. Греческие идеи по многим вопросам еще не достигли стадии определенности, и на всем протяжении диалогов мышление туманно. Справедливость, в некоторых местах поясняемая примерами честности, в других местах признается равнозначщей с добродетелью в широком смысле слова; в этих случаях она рассматривается (цитирую по изложению Джоуэтта) как «всеобщий порядок или благосостояние, сначала в государстве, а затем и для отдельного лица». Это последнее, окончательное мнение подразумевает установленное господство правящего класса и подчинение остальных. Справедливость состоит в том, чтобы «каждый из трех классов совершал работу, приличную его классу»: плотник, башмачник и всякий другой должен делать «свое собственное, а не чужое дело», и все должны повиноваться тому классу, делом которого является управлять¹.

¹ На другой странице находится типичный пример сократовского рассуждения. Признается справедливым, чтобы люди «не брали чужого и не были лишены своего собственного». Отсюда выводится,

Таким образом, идея справедливости развивается из идеи неравенства. Хотя здесь есть некоторое признание равенства положений и притязаний между членами одного и того же класса, однако правила, относящиеся к общности жен и т.п. в классе «стражей», имеют признанную целью установить даже в этом классе неравные преимущества в пользу высших.

Что понятие о справедливости имело этот общий характер у греков, доказывается далее фактом появления его вновь у Аристотеля. В главе V своей «Политики» Аристотель заключает, что отношение между господином и рабом в одно и то же время и выгодно, и справедливо.

Но теперь заметьте, что, хотя в греческом понятии о справедливости преобладает идея неравенства, тогда как идея равенства незаметна, неравенство относится не к естественному достижению больших выгод помощью больших заслуг, но к искусственному приношению наград к заслугам. Речь идет о неравенстве, главным образом, установленном властью. Ступени в гражданской организации того же характера, как и в военной; в обоих случаях господствует регламентация, и идея справедливости сообразуется с характером общественного строя.

И эта идея справедливости свойственна вообще воинственному типу, в чем мы убеждаемся для всей Европы в последующие века. Достаточно указать, что наряду с различными установленными законом положениями и привилегиями разных сословий существовали различные постепенности в суммах, которые уплачивались в виде пени за преступления, сообразно

что справедливость состоит в «обладании своим и в *делании* своего собственного дела»; а далее следует вывод, что несправедливо, чтобы один человек брал на себя занятие другого и «пробивался» из одного класса в другой. Итак, здесь, только потому что собственное имущество и собственное занятие человека называются его собственным уделом, т.е. одним общим именем, к обоим применяется одинаковый вывод. Здесь вмешиваются в рассуждение два заблуждения: первое — что человек будто бы может быть «собственником» ремесла или профессии таким же образом, как и собственником платья; второе — что так как человека нельзя *лишить* платья, стало быть, нельзя лишить ремесла, а потому надо *ограничить* его занятия только этим делом. Диалоги Платона постоянно пестрят пороками этого рода, причиняемыми смешением слов с вещами: единство имени смешивается с единством природы.

с рангом обиженного. До какой степени понятие о справедливости определялось понятием о справедливо существующем неравенстве, показывают осуждения рабов, бежавших в города и, как говорили, «несправедливо» ускользнувших из под власти господ.

Таким образом, как и следовало ожидать, мы находим, что, пока борьба за существование между обществами продолжается деятельным образом, признание первичного фактора справедливости, общего всей жизни (человеческой и дочеловеческой), весьма несовершенным образом ограничивается признанием вторичного фактора. То, что можно назвать скотским элементом в этом понятии, лишь незначительно смягчается человеческим элементом.

§ 269. Все движения ритмичны и, между прочим, социальные движения с сопровождающими их учениями. Вслед за понятием о справедливости, в котором оказывается ненадлежащее преобладание идеи неравенства, мы видим понятие, в котором преобладает ненадлежащим образом идея равенства. Недавний пример такой реакции доставляет этическое учение Бентама. Как показывает следующая выписка из книги Милля «Утилитаризм» (стр. 91 англ. подлинника), идея неравенства здесь совершенно исчезает.

«Принцип наибольшего счастья есть простой набор слов без разумного значения, если только счастье одной личности, по предположению одинаковое по степени (с надлежащею оговоркою относительно его рода), не считается точно таким же, как и счастье другого лица. При выполнении этих условий формула Бентама: *каждый считается за одного и никто более чем за одного* — может быть подписана под принципом полезности в виде объяснительного комментария». Но хотя Бентам смеется над мыслью избрать нашим руководителем справедливость, замечая, что счастье есть цель, понятная всякому, а справедливость — цель, сравнительно непонятная, однако он молчаливо допускает, что его принцип: «каждый считается за одного и никто более чем за одного» — во всяком случае справедлив; иначе ему пришлось бы допустить, что этот принцип несправедлив, а мы не можем допустить, чтобы Бентам хотел этого. Поэтому его учение подразумевает, что справедливость означает равное наделение благами, материальными и нематериальными,

добываемыми деятельностью людей. Здесь не признается, что-бы неравные доли людей в том, что относится к счастью, были надлежащим последствием неравенства их способностей или характеров.

Это теория, которую коммунизм хотел выполнить на практике. От одного из знакомых князя Кропоткина я знаю, что он порицает английских социалистов за нежелание их выработать правило равного наделения всех благами. В одном журнале Лавелэ недавно подвел итог коммунистическому принципу, сказав, что в силу этого учения «индивидуум работает на пользу государства, которому передает продукт своего труда для равного распределения между всеми». В коммунистической утопии, описанной в романе Беллами (Bellamy, «Looking Backward»), утверждается, что каждый «должен будет делать одинаковое усилие», а если посредством того же усилия, телесного или душевного, один производит вдвое более другого, то не следует дать ему извлечь выгоду из разницы. Умственно или физически слабые должны пользоваться благами наравне с другими; при этом утверждается, что существующий режим есть система «ограбления неспособных, которых лишают их полного права, оставляя их без помощи».

Принцип неравенства, таким образом, здесь отрицается абсолютно. Признается несправедливым, чтобы превосходство природы должно было влечь за собою превосходство в следствиях или, во всяком случае, в материальных результатах; и так как не делается никакого различия ни по физическим, ни по умственным, ни по нравственным качествам, то не только подразумевается, что сильные и слабые должны получать одинаковые доли, но что то же относится к глупым и мудрым, достойным и недостойным, подлым и благородным. Действительно, если сообразно с этим понятием о справедливости природные физические или умственные недостатки не идут в счет, это следует распространить и на моральные дефекты, потому что все они в основе наследственны.

Здесь также мы видим намеренное упразднение того основного различия между этикой семьи и этикой государства, которое было подчеркнуто вначале, — упразднение, которое, как мы видим, должно привести к упадку и гибели вида или разновидности, где оно случается.

§ 270. Рассмотрев эти разноречивые понятия о справедливости, в которых идеи неравенства и равенства почти совсем или совершенно исключают друг друга, мы теперь подготовлены к выработке правильного понятия о справедливости.

В других областях мысли на мою долю выпало указать, что правильный взгляд достигается посредством соподчинения (координации) противоречивых ложных взглядов.

Так, теория, основывающаяся ум на ассоциации, согласуется с трансцендентальной теорией восприятия; если к следствиям личного опыта добавить наследственные результаты опыта ряда предков, то оба взгляда сливаются в один. Точно так же если признать, что приспособление чувствований к потребностям из поколения в поколение причиняет приспособление моральной природы, то этим достигается примирение между утилитарной теорией нравственности и интуитивной теорией. Здесь мы снова видим, что подобная же взаимная поправка является для той более специальной составной части этики, которая нас теперь занимает. Действительно, если принять, что каждое из этих противоположных понятий о справедливости верно лишь отчасти, и дополнить его другим, то отсюда явится то понятие о справедливости, которое возникает при созерцании законов жизни, протекающей в общественном состоянии. Равенство касается взаимно ограниченных сфер деятельности, которые должны быть установлены, если находящиеся в сообществе люди должны дружно сотрудничать. Неравенство касается результатов, которых может достичь каждый, продолжая свою деятельность в установленных пределах. Никакого несоответствия не будет, если идея равенства будет применена к одной вещи, а именно к пределам, а идея неравенства — к другой, а именно к достигаемым благам. Наоборот, оба утверждения могут или должны стоять рядом.

Другие этические предписания здесь нас не касаются. Существуют возлагаемые на себя добровольно требования и ограничения частного поведения (см. III часть моей «Этики»); есть также требования и ограничения, включенные мною в понятия отрицательной и положительной благотворительности, принимаемые одновременно личностями на себя и до известной степени возлагаемые на них общественным мнением. Здесь идет речь лишь о тех требованиях и пределах, которые должны быть

установлены как условие гармоничного сотрудничества, и только они должны быть сделаны принудительными со стороны общества как корпоративной силы.

§ 271. Нечего ожидать, чтобы такая определенная идея, как справедливость, была в значительной мере общепринятой. Это идея, свойственная конечному состоянию, и она лишь отчасти может быть поддерживаема в переходных состояниях, потому что господствующие идеи должны в среднем согласоваться с существующими учреждениями и деятельностями.

Два существенно различных типа социальной организации, военный и промышленный, из которых один основан на понятии *status*, а другой на договоре, как мы видели, соответствуют различно приспособленным к ним чувствованиям и убеждениям; а смешанные чувствования и убеждения, свойственные промежуточным типам, постоянно должны изменяться соответственно с взаимным отношением того и другого типа. Как я показал в другом месте¹, в продолжение 30- или, скорее, 40-летнего мирного времени, а стало быть, во время ослабления военной организации, идея справедливости стала более ясною; принудительные правила смягчились, и каждому стало свободнее дышать. Но с тех пор новое развитие милитаризма причинило обратные перемены, и наряду с номинальным приращением свободы действительная свобода уменьшилась от умножения ограничений и взысканий. Дух регламентации, свойственный военному типу, распространился и на все области гражданской администрации. Армия рабочих с указанными ей уроками и назначенною долею продуктов — цель, к которой сознательно или бессознательно стремится социализм, — обнаруживает в гражданской жизни те же самые признаки, как и армия солдат с предписанными обязанностями и определенными рационами. Каждый парламентский акт, отнимающий деньги у частного лица для общественных целей и дающий частному лицу общественные блага, стремится к уподоблению гражданского строя военному. Всего лучше это обнаруживается на примере Германии. Здесь милитаризм всего резче выражен, и в то время

¹ «Основания социологии», §§226—227, «Политические учреждения», §§573—574 и 559.

как регламентация гражданской жизни наиболее выработана, также и социализм достиг наивысшего развития; и от главы германской военной системы явилось предложение регламентировать положение рабочих классов во всей Европе.

Симпатия, которая в прошлом поколении приняла форму справедливости, теперь принимает вид великодушия, а великодушие применяется путем причинения несправедливости. Текущее законодательство мало заботится о том, чтобы каждый получил принадлежащее ему, но весьма озабочено тем, чтобы каждый получил то, что принадлежит кому-нибудь другому. В то время как нимало не заботятся о такой реформе нашей судебной администрации, чтобы каждый мог получить все что заработал и пользоваться всем заработанным, — величайшая энергия обнаруживается в деле снабжения всех и каждого теми благами, которых они не заработали. Рядом с злополучным *laissez faire* (невмешательством), которое спокойно присматривается к разорению людей, пытающихся законным образом отстаивать свои справедливые притязания, мы видим деятельность, стремящуюся снабдить их на счет других людей даровым чтением романов!

VI | ФОРМУЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ

§ 272. Мы проследили развитие справедливости в ее простейшей форме, рассматриваемой объективно как условие сохранения жизни. Мы видели, что справедливость характеризуется новыми факторами, когда жизнь становится стадною или общественною, особенно у человека. Соответственные субъективные последствия — чувство и идея справедливости, как было показано, возникают от привычки к общественному состоянию. Теперь мы подготовлены к определенному выводу: нам стоит только найти точное выражение для компромисса, описанного в последней главе.

Наша формула должна соединить положительный элемент с отрицательным. Она должна быть положительною, насколько в ней утверждается относительно каждой личности, что ей следует предоставить возможность действовать, так как каждый должен испытать добро и зло, вытекающее из его действий. Формула должна быть отрицательною, насколько в ней подразумевается, что каждому следует дозволить действовать не иначе как при ограничениях, возлагаемых на него присутствием других лиц, имеющих такие же притязания на деятельность. Очевидно, положительный элемент выражает собою требование, составляющее условие жизни вообще; отрицательный элемент ограничивает это требование таким способом, какой необходим в том случае, если вместо отшельнической жизни мы видим много жизней, протекающих в сообществе.

Поэтому речь идет о точном определении ограничения, испытываемого свободою каждого исключительно от подобного же рода свободы всех. Это можно выразить так: каждый свободен делать все что хочет, предполагая, что он не нарушает таковой же свободы кого бы то ни было другого.

§ 273. Необходимо предостеречь от возможного ошибочного понимания этих слов. Существуют насильственные действия, которые, как следует думать, эта формула стремилась исключить,

но, по-видимому, не исключила. Можно сказать, что если А ударит Б, то пока Б не встречает помехи ударить, в свою очередь, А, ни один из двух не имеет притязания на более значительную свободу действий; или если А совершил насилие над собственностью Б, то требования формулы не нарушены, пока Б, в свою очередь, может захватить собственность А. Такие истолкования, однако, указывают на непонимание существенного смысла формулы, и для раскрытия его достаточно оглянуться назад на ее происхождение.

Действительно, истина, которую здесь надо выразить, состоит в следующем. Каждый, выполняя те действия, которые составляют его жизнь в данное время и приводят к поддержке его жизни на будущее время, не должен встречать помехи далее той, которая зависит от выполнения подобных же действий другими, для поддержания их жизни. Сюда не включается, однако, излишнее вмешательство в чужую жизнь, основанное на том, что такое же вмешательство с обратной стороны может явиться противовесом первому. Такое преобразование формулы потребует более значительных вычетов из жизни всех и каждого, чем сколько по необходимости требуется в силу общественного состояния; а это очевидно является извращением смысла формулы.

Если мы вспомним, что наибольшая сумма счастья хотя и не является непосредственной целью, составляет тем не менее отдаленную цель, то ясно увидим, что сфера, в которой каждый может добиваться счастья, имеет предел; по ту сторону его находятся подобным же образом ограниченные сферы деятельности его соседей, и каждый не имеет права вторгаться в сферу соседа, под условием взаимности. Вместо того чтобы оправдывать насилие и обратное насилие, формула эта имеет целью назначить предел, который не может быть перейден ни с той, ни с другой стороны.

§ 274. Здесь по поводу этого ложного понимания и приведенной поправки поучительное пояснение доставляется фактами социального прогресса. Факты эти показывают, что насколько дело касается справедливости, прогресс состоял в переходе от неправильного истолкования к правильному. В ранних стадиях мы видим обычное насилие и обратное насилие — то между

обществами, то между отдельными лицами. Соседние племена сражаются за границы территорий, нарушая их то с одной, то с другой стороны; дальнейшие стычки причиняются требованием, чтобы урон, нанесенный с одной стороны, потерпел возмездие посредством таких же убийств. В подобных актах мести и обратного возмездия обнаруживается смутное признание равенства притязаний. Отсюда является стремление к признанию определенных границ, как относительно территории, так и относительно кровопролития, так что в некоторых случаях поддерживается равновесие между числом смертей с каждой стороны.

Наряду с ростом этого понятия о междуплеменной справедливости возрастает также понятие о справедливости между членами каждого племени. Сначала страх возмездия внушает уважение в той мере, как это возможно, к личности и имуществу других. Идея справедливости является идеей уравнивания обид: «око за око и зуб за зуб». Такою она остается в течение ранних стадий цивилизации. После того как справедливость, при таком понимании ее, более не поддерживается силою самим оскорбленным лицом, это последнее начинает требовать удовлетворения при посредстве установленной власти. Вопль о правосудии, обращенный к правителю, есть требование наказания, т.е. нанесения обиды, по крайней мере столько же тяжелой, как и испытанная; или же здесь требуется вознаграждение, равносильное потере. Таким образом, равенство притязаний лишь молчаливо утверждается в требовании возможного восстановления нарушенного равенства.

Каким образом постепенно из этого грубого понятия о справедливости возникает развитое понятие, это едва ли надо объяснять. Истинное представление причиняется испытыванием бедствий, сопровождающих ложное представление. Естественным образом восприятие правильных ограничений поведения становится более ясным, по мере того как уважение к этим ограничениям становится принудительным и, таким образом, более правильным и более общим. Вторжения людей во взаимные сферы образуют род колебания, сначала бурного, но становящегося все более слабым по мере перехода к сравнительно мирному общественному состоянию. По мере убывания колебаний является приближение к состоянию равновесия,

а по мере приближения к такому равновесию является и приближение к окончательному установлению теории.

Таким образом, та первобытная идея справедливости, по которой насилие должно уравниваться обратным насилием, исчезает из мысли, как только оно исчезло из практического применения, и возникает идея, здесь формулированная, причем в ней признаются такие ограничения поведения, которые совсем исключают насилие.

Примечание. В приложении А (в конце книги) см. о взглядах Канта, относящихся к основному принципу права.

VII | АВТОРИТЕТ ЭТОЙ ФОРМУЛЫ

§ 275. Прежде чем идти дальше, мы должны рассмотреть эту формулу со всех ее сторон с целью увидеть, что может быть сказано как против нее, так и в ее пользу.

Люди, воспитанные под влиянием школы, господствующей в области политики и морали, выказывают настоящее пренебрежение ко всякому учению, подразумевающему ограничение поступков, непосредственно полезных или кажущихся такими. Наряду с признанным презрением к «отвлеченным принципам» и обобщениям, мы видим неограниченную веру в пестрое собрание кандидатов, намеченных политическими клубами, которыми верховодят невежественные и фанатичные заправилы; и признается невыносимым, чтобы суждения таких сборищ в каком бы то ни было отношении должны были подчиняться дедукциям, выведенным из этических истин.

Станным образом, также и в мире науки мы находим одобрение политического эмпиризма и недоверие ко всякому иному руководству. Хотя чертою научного духа является признание причинности как всеобщего начала и хотя этим подразумевается молчаливое допущение, что причинность применяется и к поступкам людей, образующих политическую группу, — все же это допущение остается мертвою буквою. Очевиден факт, что если бы в общественных делах не было причинности, то всякий образ действия был бы одинаково хорош; не менее очевидно, что отвергать это последнее предположение значит утверждать, что некоторая причина определяет полезность или вредность той или иной политики; тем не менее не делают ни малейшего усилия для отождествления обоих родов причинности. Наоборот, насмеются над людьми, пытающимися найти определенное выражение для основного принципа гармонического социального порядка. Различия между взглядами таких людей преувеличиваются, а черты сходства умяются, точно так же как люди, придерживающиеся обычных верований, преувеличивают разногласия между людьми науки, забывая о существенном согласии.

Явно, таким образом, что прежде чем идти далее, мы должны посчитаться с важнейшими возражениями, выставленными против формулы, выработанной в последней главе.

§ 276. Всякого рода эволюция подвигается от неопределенного к определенному; одно из вытекающих отсюда следствий состоит в том, что определенное понятие о справедливости возникло лишь постепенно. Было уже показано, что приближение к практическому признанию справедливости подразумевает ответственное приближение к теоретическому ее признанию. Желательно здесь ближе присмотреться к возрастанию того сознания, что деятельности, совершаемые каждым ради самосохранения, должны сдерживаться подобными же деятельностями всех других.

Сначала отметим один факт, который можно было бы с удобством привести и в конце последней главы, а именно что где люди подвержены только дисциплине мирной общественной жизни, не встречающей помехи со стороны дисциплины, вызываемой междуплеменной враждой, там сознание развивается быстро. Вполне мирные племена, в том числе некоторые нецивилизованные в обыкновенном смысле слова, выказывают понимание того, что составляет справедливость, гораздо яснее, чем цивилизованные народы, у которых нравы промышленной жизни более или менее широко ограничиваются нравами военной жизни. Дружелюбный и совестливый лепча, пока не идет речь об опасности быть самому убитым, решительно отказывается помогать в убийстве других; наделенный социальными добродетелями гос может быть доведен почти до самоубийства подозрением в том, что он совершил кражу; низко стоящий лесной ведда едва может счесть возможным, чтобы один человек добровольно был способен ударить другого или взять чужое; эти и многие другие племена показывают, что хотя у них нет достаточно ума, чтобы выработать понятие об основном общественном законе, однако существует сильное чувство, соответствующее этому закону, и есть понимание специальных применений последнего. Где условия таковы, что не требуют, чтобы уважение к притязаниям соплеменников шло рука об руку с частым нарушением притязаний людей других племен, там у каждой особи одновременно возникает уважение к ее собственным и к чужим притязаниям.

Лишь там, где этика дружбы смешивается с этикой вражды, понятия относительно поведения становятся сбивчивыми вследствие необходимости компромисса. Привычка к насилию вне своего общества находится в противоречии с привычкой не совершать насилий внутри общества, а также с признанием закона, подразумеваемого отсутствием насилия. Народ, придающий своим воинам смягченное название «защитников отечества», в то же время пользуется ими исключительно для нападения на другие страны; он настолько ценит жизнь, что на своей территории запрещает кулачные бои на приз, но вне своих границ часто отнимает десятки жизней, чтобы отомстить за одну; он не может у себя дома вынести мысли, чтобы слабость влекла за собою неизбежное зло, но на чужбине несколько не стесняется применять пулю и штык, сколько потребуется для покорения нецивилизованных рас, под предлогом, что низшие должны быть вытеснены высшими. Такой народ должен иметь извращенные понятия об основных началах добра и зла. Провозглашая кодекс, то пригодный для внутренней политики, то приспособленный для внешней политики, он не может поддерживать связанных этических идей.

Целый ряд столкновений между расами населил земной шар сильнейшими и был предварительной ступенью к высокой цивилизации; но отсюда возникли несогласующиеся между собою деятельности, приводящие к негармонирующим убеждениям, тогда как связанные убеждения стали невозможными.

Тем не менее, где это дозволялось обстоятельствами, понятие о справедливости медленно развивалось до некоторой степени и нашло для себя приблизительно верные выражения. В еврейских заповедях мы видим запрещения, хотя и не прямо признающие положительный элемент справедливости, однако подробно указывающие ее отрицательный элемент, обозначая пределы действия и предписывая эти пределы всем евреям, причем молчаливо утверждается, что жизнь, собственность, доброе имя и т.д. должны быть уважаемы у всех и каждого. Христианское правило: «Делай другому то, что ты себе желаешь от других», не проводящее различия между великодушием и справедливостью, смутно подразумевает равенство притязаний всех людей; правда, очень смутно, так как это правило не признает никакого основания для неравенства благ, принадлежащих

каждому человеку. В правиле этом нет прямого признания какого-либо притязания, предъявляемого каждым на плоды собственной деятельности: здесь есть лишь признание таких притязаний в лице других людей, а отсюда вытекает предписание границ. Оставим в стороне промежуточные формы понятия о справедливости и приведем из новейших форм ту, которая выработана мыслью Канта. Его правило: «Действуй лишь по тому правилу, которое ты желал бы сделать всеобщим законом» — есть, в сущности, лишь переделка христианского правила. Здесь внушается мысль, что каждый другой человек должен считаться действующим таким же образом, и молчаливо подразумевается, что если действие может причинить страдание, оно не должно быть выполнено. (Канта причисляют к антиутилитаристам!) Косвенным образом здесь допускается, что благополучие других людей должно быть признаваемо равным по достоинству с благополучием действующего лица, — предположение, хотя и включающее требования справедливости, но в то же время вмещающее в себе и гораздо больше этого.

Но теперь оставим в стороне убеждения людей, рассматривавших вопрос с религиозной и с нравственной точки зрения, и рассмотрим убеждения тех, которые приступали к вопросу с точки зрения законности.

§ 277. Конечно, когда юристы выставляют свои основные начала или же апеллируют к ним, то подразумеваются основные начала справедливости, хотя бы самое слово «справедливость» и не употреблялось; действительно, правила справедливости, общие и частные, составляют главный предмет их трудов. Заметив это, обратимся к учениям, порою высказываемым ими.

Сэр Генри Мэн, говоря об известных опасностях, угрожавших развитию римского закона, поясняет: «Но во всяком случае юристы пользовались надежной опорой в своей теории естественного права. Действительно, естественное право юрисконсультов ясно понималось ими как система, которая постепенно должна поглотить гражданские законы, не вытесняя их, пока они остаются неотмененными... Значение и пригодность этого понятия зависели от того, что оно представляло умственному взору тип совершенного закона и внушало

надежду на неопределенное приближение к нему» («Древнее право», с. 76—77. 3-е изд. английск. подлин.).

В духе этих римских юристов один из наших старинных судей, главный судья Гобарт, пользовавшийся высокою репутациею, высказал следующее красноречивое утверждение: «Даже парламентский акт, направленный против естественной справедливости, — вроде того, чтобы сделать какого-либо человека судьей в его собственном деле, лишен всякой силы, потому что *jura naturae sunt immutabilia* (естественные права неизменны) и они *leges legum* (законы законов)» (Hobart's Reports, Lond., 1641, p. 120).

То же утверждал крупный авторитет недавнего прошлого. Находясь под влиянием убеждения, что естественные вещи повелеваются сверхъестественным путем, Блэкстон писал: «Этот закон природы так же стар, как и человечество, и продиктован самим Богом. Поэтому он, конечно, выше по своей обязательности, чем всякий другой... Никакие человеческие законы не имеют никакой силы, если противоречат этому закону, а имеющие силу приобретают весь свой авторитет, прямо или косвенно, из этого источника» (Chitty's Blackstone, Vol. I, pp. 37—38).

Подобного же рода и другое утверждение, высказанное автором, исследовавшим законодательство с философской точки зрения. Сэр Джемс Мэкинтош определяет естественное право таким образом: «Это верховное, неизменное и не контролируемое правило поведения всех людей... Это естественное право или „закон природы“, потому что его общие положения существенно приспособлены к увеличению счастья человека... далее, потому что этот закон открывается естественным разумом и приличен нашей естественной организации; и сверх того — потому, что его пригодность и мудрость основаны на общей природе человеческих существ, а не на каких-либо из тех временных и случайных положений, в какие они могут быть поставлены» (Mackintosh's Miscell. Works, I, 346).

Даже деспотически настроенный Остин (Austin), перед которым идолопоклонствуют законники наших дней за то, что он выработал теорию неограниченной законодательной власти, вынужден сознаться, что конечным оправданием защищаемого им правительственного абсолютизма является этическое начало. Под покровом авторитета — монархического,

олигархического или же парламентского, — издающего законы, признаваемые верховными, наконец, распознается авторитет, которому все они подвластны, стало быть, авторитет, не происшедший от человеческого закона, но стоящий выше него, — авторитет, приписываемый если не божественной деятельности, то природе вещей.

Воздавание должного этим изречениям (к ним я мог бы присоединить афоризмы германских юристов с их *естественным правом*) не влечет за собою неразумного легковерия. Можно разумно предположить, что хотя по форме такие утверждения доступны критике, они все же истинны по существу.

§ 278. «Но ведь это априорные мнения», — презрительно заметят многие. «Все они служат примером того дурного способа философствовать, который состоит в развитии истин из глубины нашего собственного сознания» — так скажут лица, полагающие, что общие истины достижимы только посредством сознательной индукции. Всякое движение ритмично: любопытным подтверждением этого является тот факт, что абсолютное доверие, которое питали в прежние времена к априорному суждению, уступило место абсолютному недоверию; теперь ничего не хотят допустить, чего нельзя достичь *a posteriori*. Каждый, кто способен созерцать среднее движение человеческого прогресса, может счесть почти достоверным, что за этой сильной реакцией последует обратная реакция; а отсюда можно заключить, что оба эти противоположные способа рассуждения, представляя возможность злоупотребления, в то же время имеют и полезное применение.

Откуда являются априорные убеждения? Каким образом они возникают? Я, разумеется, не сошлюсь на убеждения, свойственные отдельным личностям и могущие быть результатами извращенного суждения. Я говорю об убеждениях, имеющих общий, если не всеобщий характер — признаваемых всеми или почти всеми, хотя и не основанными на очевидности, но все же достоверными. Происхождение таких убеждений либо естественно, либо сверхъестественно. Допустим последнее: тогда или необходимо принять взгляд людей, верующих в дьявольское наваждение, или же следует признать, что эти убеждения внушены свыше, — в последнем случае на них можно положиться.

Если же, не удовлетворяясь таким сверхъестественным источником, мы спросим, каково их естественное происхождение, то придется заключить, что эти способы мышления определены привычными соотношениями между вещами. Кто следует обычной вере в благих и злых деятелей, может не без основания отрицать значение априорных убеждений; но тот, кто допускает учение об эволюции, если желает избежать противоречия, должен допустить, что априорные убеждения, поддерживаемые вообще людьми, должны были возникнуть если не из опыта каждой особи, то из расового опыта. Возьмем в виде примера геометрическое положение, что две прямые линии не могут замкнуть пространства; допустим (а это и следует сделать), что такая истина не может быть установлена апостериорно: действительно, ни в одном случае, а тем менее во многих случаях нельзя проследить линий до бесконечности для наблюдения, что произойдет с заключенным между ними пространством. Но отсюда неизбежно вытекает следующее: опыт людей относительно прямых линий (или, скорее, в первобытные времена относительно приблизительно прямых объектов) был такого рода, что сделал невозможным представление пространства, замкнутого двумя прямыми. Другими словами, опыт был таков, что сделал для людей принудительною мысль о сгибании линий, прежде чем пространство будет ими замкнуто. Бесспорно, по гипотезе эволюции, что эта прочная интуиция должна была установиться тем общением с предметами, которые в течение чудовищно продолжительных прошлых эпох прямо или косвенно определили организацию нервной системы и известные вытекающие отсюда необходимые формы (necessities) мышления. Априорные убеждения, определяемые этими необходимыми формами, отличаются от апостериорных убеждений только тем, что являются продуктами опыта бесчисленных последовательных особей, а не одной только особи.

Итак, если с эволюционной точки зрения это несомненно оправдывается для простых познаний, касающихся пространства, времени и числа, то разве не следует отсюда вывести, что это справедливо также, в широкой степени, для тех более сложных познаний, которые касаются человеческих отношений? Говорю «в широкой степени» — частью потому, что опыт в этих случаях гораздо более запутан, поверхностен и разнообразен,

и не мог произвести ничего, вроде определенных влияний на нервную организацию; частью же потому, что, вместо того чтобы восходить через бесчисленный ряд поколений к отдаленнейшим предкам, этот опыт восходит не далее части поколений собственно человеческих предков. Действительно, этот опыт, едва наблюдаемый в более древние стадии, становится заметным и связным, лишь когда дружественное общественное сотрудничество образует существенный фактор общественной жизни. Поэтому такого рода познания должны быть сравнительно неопределенными; необходимо поэтому сделать то ограничение, что такие этические интуиции в гораздо большей степени, нежели математические, должны быть подвергнуты методической критике. Даже суждения, проистекающие из непосредственного восприятия, относящегося к прямым и кривым линиям, к углам и т.д., должны быть проверяемы способами, указываемыми сознательным разумом: перпендикулярность одной линии к другой воспринимается с приблизительной точностью, но полная перпендикулярность может быть установлена только с помощью геометрических теорем. Очевидно, стало быть, что сравнительно смутные внутренние восприятия, которыми люди обладают относительно справедливых человеческих отношений, не могут быть приняты без обдуманых сравнений, строгих перекрестных исследований и тщательной проверки; вывод становится очевидным при помощи многочисленных маловажных противоречий, сопровождающих более важные утверждения.

Таким образом, если даже предыдущие положения, а вместе с ними и недавно сформулированный закон равной свободы не имели бы никакого иного источника, кроме априорного (а это далеко не так), то и в этом случае все же было бы рационально признавать их по крайней мере за намеки на истину, если не за истину в буквальном смысле слова.

§ 279. Но теперь заметьте, каким образом люди, восстающие в данном случае против систем, исходящих из априорной интуиции, в свою очередь, сами могут подвергнуться более существенному упреку.

В философии, в политике, в науке — всюду мы видим, что индуктивная школа, под влиянием сильной реакции против дедуктивной школы, дошла до крайности, утверждая, что со-

знательная индукция оказывается достаточною для всех целей и что нет необходимости признать что бы то ни было за данное. Доказательство допускаемой истины состоит в том, что ее включают в некоторую более широко установленную истину; если же и эта последняя допускает сомнение, то процесс повторяют, доказывая, что и эта истина включается в третью, еще более широкою. Во всех этих случаях, однако, многие молчаливо допускают, что такой процесс может продолжаться без конца, никогда не достигнув самой широкой истины, которой уже нельзя включить ни в какую иную, а стало быть, нельзя и доказать. Результатом такого нерассудительного допущения является построение теорий, которые, если только они действительно лишены априорных основ, не имеют вообще никакого основания. Это мы и увидим, рассматривая утилитарные этические и политические теории¹.

Действительно, что такое, в конце концов, означает принцип пользы? Если вам предлагают руководиться эмпирическими правилами, то в каком направлении должны мы направлять свои действия? Если наш путь всегда должен быть определяем достоинством данного дела, то спрашивается, какими способами судить о достоинстве? Ответ будет тот, что следует руководиться «благополучием общества или общественным благом». Не скажут, что достоинство подразумевает увеличение бедствий или равнодушия, идет ли речь об ощущениях или об эмоциях; стало быть, речь идет об увеличении счастья. Итак, если не прямо, то скрытно утверждают, что величайшее счастье есть та вещь, к которой должны стремиться в общественной

¹ Есть люди, не только уклоняющиеся допустить необходимость каких-либо истин, но отвергающие и самую необходимость. Очевидно, они не сознают того факта, что в рассуждении каждый шаг от посылок к выводу не имеет никакого иного основания, исключая восприятия необходимой зависимости. Стало быть, отвергать необходимость значит отвергать значение каждого довода, включая и тот, который имеет целью доказать отсутствие необходимости! Недавно я прочитал заметку о странном воскрешении одного учения, считавшегося давно погибшим. Бесспорно, факт замечательный, если только он истинный. Мне известна лишь одна, еще более замечательная вещь, а именно что никакая система мышления не прогуливается в самом бодром настроении духа после самоубийства!

деятельности, или в частной, или и в той и в другой. Но откуда взялся этот постулат? Что это — индуктивная истина? Если так, то где и кто извлек ее? Или это опытная истина, выведенная из тщательных наблюдений? В таком случае каковы эти наблюдения и когда была обобщена та обширная масса их, на которой следует соорудить все здание политики и морали? Не только нет таких опытов, таких наблюдений, такой индукции, но невозможно, чтобы что-либо подобное было указано. Даже если бы эта индукция была всеобщей, чего нельзя сказать (так как ее отвергали аскеты всех времен и стран, и она отвергается одною новейшею школою моралистов), то все же мы не имели бы никакой лучшей гарантии, чем та, что это положение непосредственно усматривается нашим сознанием.

Но можно доказать большее. Здесь включено еще одно убеждение, не менее априорного характера. Я уже ссылался на правило Бентама: «Каждый признается за одного, никто более чем за одного»; вместе с тем было указано и замечание Милля, что принцип наибольшего счастья лишен смысла, пока «счастье одного лица не признается точно таким же, как и другого». Стало быть, бентамовская теория морали и политики признает это за основную, самоочевидную истину. Это молчаливое допущение — что притязания одного человека на счастье так же хороши, как и другого, — недавно было выражено в более конкретной форме Беллами, в следующих словах: «Мир и все в нем заключающееся рано или поздно будут признаны общей собственностью всех, и ими будут пользоваться и распоряжаться для равного блага всех».

Итак, имеем ли мы дело с самим Бентамом, или с его истолкователем Миллем, или же с учеником коммунистического направления — во всех случаях находим допущение, что все люди имеют равные права на счастье. В пользу этого допущения не приводится, да и не может быть приведено никакой гарантии, исключая предполагаемого интуитивного восприятия. Это, стало быть, априорное познание.

«Но это не познание в настоящем смысле слова», — быть может, заявят люди, желающие отвергнуть коммунистический вывод, в то же время желая отвергнуть и априорное рассуждение. «Это лишь продукт извращенной фантазии. Счастье само по себе не может быть уделено ни в равных, ни в неравных

долях, а величайшее счастье не может быть добыто равным распределением средств счастья или благ, как они названы выше. Оно скорее может быть добыто уделением большей доли средств людям, более способным к счастью». Не возбуждая вопроса о применимости такого распределения, зададимся попросту вопросом: где гарантия для такого утверждения? Что это — индуктивная гарантия? Сделал ли кто-либо ряд сравнений между обществами, где применялся один способ наделения благами, и обществами, где был применяем другой способ? Едва ли так, если принять во внимание, что ни тот, ни другой метод не применялся ни в каком обществе. В пользу этой альтернативы есть не более фактов, чем в пользу отвергаемого предположения. Если оно не опирается на некоторую априорную гарантию, то у него нет никакой гарантии.

Посмотрите теперь, в каком мы положении. В то время как порицаемые предположения, как говорят, основываются лишь на непосредственной интуиции, эмпирическая система делает большее количество таких же предположений, нежели система, ею оспариваемая! Одно из этих предположений заключается в том, что счастье должно было бы быть искомою целью; другое подразумевается в любом из обоих утверждений, что люди имеют равные права на счастье или же не имеют равных прав. Заметьте также, что ни одна из этих интуиций не оправдывается таким широким согласием людей, как та, которая отбрасывается под предлогом ее неправдоподобия. Генри Мэн замечает: «Счастье человечества, без сомнения, порою упоминается как в популярной, так и в юридической литературе римлян в виде надлежащей цели попечительного законодательства; но весьма замечательно, как редки и ничтожны свидетельства в пользу этого принципа, по сравнению с теми, которые постоянно приводятся в пользу повелительных требований естественного права» («Древнее право», с. 79 третьего английского издания).

Едва ли стоит добавит, что после римской эпохи по-прежнему существовал контраст между узким признанием счастья как цели и широким признанием естественной справедливости как цели.

§ 280. Но теперь следует припомнить, что принцип естественной справедливости, выраженный в последней главе как

ограничение свободы каждого лишь одинаковою свободою всех, — этот принцип не есть исключительно априорное убеждение. Хотя с одной точки зрения он является непосредственным предписанием человеческого сознания, подверженно-го дисциплине продолжительной общественной жизни, с другой стороны, он является убеждением, выводимым из условий, которые должны быть выполнены, во-первых, для поддержания жизни вообще, а во-вторых, для поддержания жизни в обществе.

Исследование фактов показало, что основной закон, сообразно с которым развивалась жизнь от наинизшей до наивысшей ступени, состоит в том, что каждая взрослая особь должна испытать последствия своей собственной природы и своих действий: результатом является переживание наиболее приспособленных. Этим необходимо подразумевается полная свобода действий, образующая положительный элемент в формуле справедливости; действительно, без полной свободы действия отношение между поведением и последствиями не может быть поддерживаемо. Различные примеры сделали очевидным вывод, вполне ясный теоретически, а именно что у стадных животных свобода каждого из них к действию должна быть ограничена, так как если она не ограничена, то должны явиться такие столкновения, которые воспрепятствуют стадности. Несмотря на сравнительно низкое умственное развитие, низшие стадные животные применяют наказания за нарушение необходимых ограничений. Этот факт показывает, каким образом уважение к таким ограничениям установилось бессознательно как условие прочной общественной жизни. Оба эти закона, из которых один относится ко всем живым существам, а другой — к общественным, проявляясь все явственнее по мере повышения эволюции, находят последнюю и полнейшую сферу применения в человеческих обществах. Мы недавно видели, что наряду с возрастанием мирной кооперации являлось и все большее приноровление к этому сложному закону, как с положительной его стороны, так и с отрицательной; мы видели также, что совместно возрастало эмоциональное уважение к этому закону и интеллектуальное его понимание.

Таким образом, мы не только имеем указанные основания для вывода, что это априорное убеждение коренится в опыте

расы, но мы в состоянии связать его с опытом всех вообще живых существ и можем заметить, что оно является лишь сознательным ответом на некоторые необходимые соотношения в природе. Нельзя придумать более надежной гарантии; и теперь, признавая закон равной свободы конечным этическим принципом, авторитет которого превосходит всякий другой, мы можем продолжать наше исследование.

VIII | СЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ ФОРМУЛЫ

§ 281. Человеческая деятельность разнообразна, и вытекающие из нее социальные отношения сложны. Поэтому, для того чтобы общая формула справедливости могла служить руководством, необходимо сделать выводы, различным образом применимые к специальным категориям случаев. Утверждение, что свобода каждого ограничена только равной свободой всех, остается мертвой буквой, пока не показано, каковы ограничения, являющиеся в разных обстоятельствах, которым подвергается данное лицо. Кто допускает, что каждый человек должен обладать известной ограниченной свободой, тот утверждает, что это происходит по праву. Если возможно показать, что то в одном, то в другом случае человек свободен в своих действиях до известного предела, но не дальше этого, то отсюда вытекает, что по праву его свобода в данном случае определена таким образом. Поэтому различные частные случаи свободы могут с основанием получить название прав данной личности, как их обыкновенно и называют.

§ 282. Слова порою значительно утрачивают наше доверие по причине злоупотребления ими. Истинные представления, ими обозначаемые, так тесно сочетаются с ложными идеями, что в значительной мере утрачивают свои признаки. Это очевидно произошло со словом «права».

В прежние времена потоки крови проливались ради поддержки прав того или другого лица на престол. В эпоху действия старинного английского закона о бедных притязания бедняка имели основанием утверждение, что бедный имеет «право» на прокормление. Не очень давно мы ознакомились с идеей, в то время распространенной среди французских рабочих, что они имеют «право» на труд, т.е. право, чтобы им доставляли работу. В настоящее время коммунисты пользуются выражением «права» в смысле, совершенно извращающем значение, приданное ему прежним употреблением. Так шатко примене-

ние этого слова, что болтуны, угождающие страсти к сплетням о знаменитых личностях, защищаются словами: «публика имела право знать».

Следствием было то, что у многих из образованных людей возникло упорное и презрительное отрицание права. Ничего такого, по их словам, не существует, исключая те права, которые устанавливаются положительным законом. Следуя Бентаму, они утверждают, что государство есть источник прав и что вне его нет никакого права.

Но если неспособность различения обнаруживается в таком злоупотреблении словами, которое зависит от включения в них более значительного содержания, чем следовало бы по их смыслу, то такая же неспособность обнаруживается при упущении из виду настоящего значения слов, скрытого ложными значениями.

§ 283. Как указано выше, права, в собственном смысле слова, являются следствиями из закона равенства свободы, а то, что ошибочно называется правом, не может быть выведено из этого закона.

Рассматривая эти следствия, мы найдем, во-первых, что все они совпадают с обычными этическими понятиями, и, во-вторых, все соответствуют постановлениям законодательного характера. Далее станет очевидным, как далеко от истины мнение, будто гарантией прав, в собственном смысле этого слова, является закон; оказывается, наоборот, что закон получает свою гарантию от этих прав.

IX | ПРАВО ФИЗИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

§ 284. Оправданием такого, по-видимому, педантичного термина, как неприкосновенность (*integrity*), служит то обстоятельство, что нет другого более подходящего слова, выражающего все, что необходимо включить в эту главу. Физическая неприкосновенность, которой следует требовать для каждого, может в одном крайнем случае быть уничтожена насилием, а в другом — испытать неприятность от отвращения, причиняемого неприличием соседа.

Самоочевидным следствием из закона равной свободы является кроме прочих ограничений, то, что действия каждого человека не должны причинять телесного повреждения, ни значительного, ни малого, никому другому. Прежде всего действия, переступающие этот предел, подразумевают проявление более значительной свободы, с одной стороны, чем с другой, исключая случая возмездия; а мы видели, что в строгом смысле слова наш закон не включает насилия и обратного насилия. Далее, если рассматривать наш закон как утверждение состояния, которое при согласовании с ним приведет к величайшей сумме счастья, то закон воспрещает любое действие, причиняющее физическую боль или же расстройство.

§ 285. Лишь ради формы необходимо указать под нашим общим заглавием на право жизни и на вытекающее отсюда воспрещение убийства. Убийство, признаваемое в цивилизованных обществах самым черным преступлением, бессознательно или даже сознательно считается таким потому, что оно является наибольшим возможным нарушением закона равной свободы, так как по причине убийства способность другого к деятельности не только испытывает помеху, но и уничтожается. Однако, хотя нет надобности настаивать на том первом выводе из закона равной свободы, что жизнь священна, все же будет поучительно наблюдать последовательные шаги к признанию ее священного характера.

Отметив как крайность пример фиджийцев, у которых убийство признается или признавалось почетным делом, мы можем перейти к многочисленным примерам, доставляемым дикими племенами, убивающими своих старых, больных и бесполезных членов. Различные древние европейские народы делали то же. Гримм утверждает, что у вендов «дети убивали престарелых родителей, кровных и других родственников, а также всех, более неспособных к войне или к работе, а затем жарили их и поедали или же погребали заживо». «Герулы также убивали престарелых и больных»... «Последние следы обычая убивать престарелых и больных находятся в Северной Германии».

Независимо от этого намеренного истребления неспособных членов племени, обыкновенно извиняемого тем, что оно было необходимо для сохранения более способных, в первобытных социальных группах обыкновенно не существовало общественного признания убийства преступлением. О греках гомеровских времен Грот пишет, что убийце приходилось страшиться только «личного мщения родственников и друзей». Они могли вступить в сделку за обиду при посредстве условленной платы. Все, что делали вожди в таких случаях, состояло в наблюдении за выполнением подобного торга. В более поздние времена во всей Европе господствовали те же идеи, чувства и обычаи. Злом представлялась не столько потеря жизни убитым, сколько обида, нанесенная его семье или роду. Это было зло, за которое следовало отомстить или же дать вознаграждение. Поэтому признавалось сравнительно безразличным, был ли, в свою очередь, убит убийца или же какой-либо невинный человек из числа родственников убийцы. И это также, по всей вероятности, было отчасти причиною градаций в вознаграждении за убийства, смотря по сословию убитого, — вознаграждению, которое сначала являлось делом частного соглашения, но затем устанавливалось законами. А в какой малой степени утвердилось понятие о священности жизни, доказывается тем фактом, что за раба не уплачивалось никакой *виры* (*wergeld, bot*); господин мог убить раба по прихоти, а если раба убил кто-либо другой, то можно было требовать лишь его ценности, как за повреждение имущества.

Естественный переход к признанию убийства чем-то превышающим частную обиду произошел, когда часть денег, уплачиваемых в виде вознаграждения, стала попадать в руки короля,

хотя понятие в значительной мере оставалось прежним, так как убийство подданного было частным уничтожением власти короля над подданным, да и в действительности уменьшало силу общества для военных целей. Но по-прежнему разные пени применялись к разным сословиям, и это показывает, как мало признавалась существенная преступность убийства; это, далее, доказывается и отличием, которое составляла неподсудность духовных и вообще грамотных лиц, т.е. право судить уголовные дела собственным *судом* (*benefit of clergy*). До самой эпохи Плантагенетов «убийца, умевший читать, избегал почти всякого наказания».

Отметим только, что крупный шаг был сделан в эпоху Республики, когда «неподсудность духовенства должна была вполне уничтожиться», когда «отдельным актом было уничтожено пари на поединок» и «тот же акт стал наказывать дуэль с необычайной строгостью» — все это законы, признавшие существенную виновность убийцы; затем мы можем сразу перейти к новейшим временам. Никакое сословное отличие не может быть теперь приведено в виде смягчающего вину обстоятельства, и никакое отпущение ни в какой форме невозможно.

Этот прогресс представляет три знаменательных факта. Поддержание жизни в наиболее ранних стадиях представляет вполне частное дело, как и у животных; лишению жизни также придают едва ли худшее значение, чем это делается у животных. По мере социального роста и дальнейшей организации отнятие жизни рассматривается все более и более как зло, причиняемое сначала семье или роду, затем обществу, и наказывается, скорее, как преступление против общества, чем против личности. Но наконец, хотя удерживается понятие о преступности как нарушении закона, необходимого для общественного порядка, все же становится господствующим понятие о преступности убийства как неизмеримого и непоправимого зла, причиненного убитому. Это сознание существенной виновности поступка подразумевает сознание существенного притязания каждой особи на жизнь: право жизни приобрело первостепенное место в мысли.

§ 286. Связь между той степенью телесных повреждений, которая причиняет смерть, и тою, которая причиняет большую или меньшую неспособность к продолжению жизни, была

всегда слишком очевидна для того, чтобы остаться непризнанной. Поэтому вместе с молчаливым утверждением права на физическую неприкосновенность, внушаемым наказанием убийцы, явилось другое молчаливое утверждение, подразумеваемое наказаниями за нанесение повреждений, ран и т.п. Естественно также, существовал известный параллелизм между последовательными стадиями в обоих случаях, начиная с того, который существует между жизнью за жизнь и «оком за око».

Когда после древней стадии, на которой возмездие было чисто частным делом, достигли той стадии, на которой оно стало делом, касающимся семьи или рода, каждый род стал мстить за себя, отнимая у оскорбителя рода жизнь взамен утраченной им жизни. Так же точно, добиваясь подставного, если не действительного эквивалента, род стремился отомстить за обиду, не имевшую рокового значения. Доказывается это тем фактом, что, после того как развилась система денежных вознаграждений, цена не только за жизнь, но и за членовредительство должна была уплачиваться родом или семьей обидчика роду или семье обиженного. Еще один факт подразумевает то же понятие. У германских племен и, в старину, у англичан наряду с вознаграждениями за убийство, различными, смотря по сословию, существовал «такой же обширный ряд вознаграждений за меньшие обиды», также смотря по сословию. В обоих случаях подразумевается, что вред, нанесенный семье или роду, считался более важным по сравнению с вредом, нанесенным отдельному лицу. То же справедливо для Древней Руси.

Как только социальная жизнь меньших групп или кланов растворилась в жизни более крупных групп или наций, представление об обиде, нанесенной нации, стало вытеснять то, которое относится к обиде, нанесенной клану: сначала часть пени, а затем и вся пеня, уплачиваемая обидчиком, стала доставаться государству; этот обычай еще уцелел до сих пор. Хотя в случаях личного насилия ходячие теперь понятия и чувства заняты главным образом симпатией к обиженному и укором обидчику за нанесение страдания и сопровождающего его бедствия, однако государство присваивает себе штраф и предоставляет пострадавшему перенести зло, как ему угодно.

Но в новейшее время мы видим возрастание более высоких понятий, а именно относительно вознаграждений за обиды,

бывшие последствием небрежности. Притязания гражданина к своему согражданину не только за телесное повреждение, нанесенное добровольно, но и за причиненное небрежными действиями или же бездействием, имеют за собою, по крайней мере, несколько столетий. В последнее время были сделаны гораздо более обширные применения этого принципа, вроде тех, которые делают железнодорожную компанию ответственной за вред, причиненный несовершенством ее сооружений или же небрежностью ее должностных лиц; сюда же относится ответственность частных предпринимателей за увечья, нанесенные рабочим несовершенством машин, отсутствием предохранительных средств или же работами, сопряженными с опасностью. Это развитие права предполагает более высокую оценку притязаний особи на физическую неприкосновенность. Факт, что отдельное лицо или компания, ответственные за причиненный вред, присуждаются к уплате убытков пострадавшему, а не государству, служит одним из доказательств того, что притязание особи на физическую неприкосновенность теперь занимает в общем сознании гораздо больше места, нежели мысль о социальном вреде, причиненном невниманием к таким притязаниям.

Не следует также упускать из виду, для доказательства того же положения, что то, что мы можем назвать священными правами личности, в наше время получило дальнейшее подкрепление со стороны законов, рассматривающих как обиду не только такие случаи насилия, которые причиняют лишь ничтожные повреждения, но даже намеренные толчки и другие насильственные действия над чужим телом; за обиду действием (assault) признаются даже угрожающие жесты руками, без действительного прикосновения, и так же поцелуй, данный без согласия, признается наказуемой обидой.

§ 287. Еще один вид посягательства на физическую неприкосновенность, не признававшийся в старину, но признаваемый в наше время, это распространение заразы.

Названный вид правонарушения, несмотря на его тяжесть и частное признание его законом, не занимает ни в общем сознании, ни в законе такого ясного места, как следовало бы, вероятно, по причине неопределенности и недостоверности вре-

доносных последствий. Вот отец, увозящий домой своего мальчика, страдающего заразной болезнью: он не принимает во внимание того обстоятельства, что вагон, в котором они едут, может сообщить заразу другим. Вот мать, спрашивающая доктора, нельзя ли посылать ее детей, достаточно оправившихся от скарлатины, в школу, и желающая посылать их, несмотря на утверждение, что они весьма легко могут сообщить заразу своим школьным товарищам.

Такие действия, разумеется, заслуживают наказания, но они обыкновенно остаются необнаруженными, и зло, могущее отсюда произойти, так слабо сознается, что они едва признаются проступками, хотя, собственно говоря, их следовало бы признавать чем-то вроде преступлений, если не действительных, то возможных.

Вспомним, что теперь признано и законом, и общественным мнением, что не только настоящий физический ущерб, причиненный другим, но даже возможный ущерб подлежит осуждению. Мы достигли стадии, когда тело каждого человека признается территорией настолько неприкосновенной для всех других, что мы признаем обидами все действия, которые, по всей вероятности, могут посягнуть на эту неприкосновенность.

§ 288. Таким образом, бесспорно, что то, что признано нами первичным следствием из формулы справедливости, постепенно устанавливалось по мере социальной эволюции и сопровождающей ее эволюции душевной природы человека. Продолжительное общение с условиями, при которых только и может гармонично продолжаться социальная жизнь, медленно изменяло чувства, идеи и законы, сообразно с первичной этической истиной, выводимой из названных условий¹.

¹ Один адвокат, много занимавшийся вопросом об эволюции права, подтвердил положения предшествующих и последующих глав как для старинных, так и для нынешних законов и присоединил к предыдущему параграфу следующее замечание: «Недавнее дело в Клай-теро о похищении жены, установившее, что муж не вправе насильственно удерживать свою жену, представляет любопытный пример этого учения. В данном случае право замужней женщины на физическую свободу было только что установлено апелляционным судом, и это против мнения двух весьма знающих судей первой инстанции,

В особенности следует нам здесь заметить, что убийство — как намеренное, так и ненамеренное, членовредительство, обида действием и все вообще проступки против физической неприкосновенности вплоть до самых мелких стали правонарушениями не в силу законов, их воспрещающих, и не в силу запрещений, имеющих предполагаемое сверхъестественное происхождение; но их характер как правонарушений был последствием нарушения известных, естественно возникших ограничений.

Остается только сказать, что в то время как в системе абсолютной этики следствие, извлеченное здесь из формулы справедливости, оказывается неограниченным, в относительной этике оно должно подвергнуться ограничению в силу необходимости социального самосохранения. Первичный закон (а именно что каждая особь должна испытывать благо и зло, составляющее следствие ее собственной природы) вытекает из поведения, надлежащим образом принимающего во внимание пределы, установленные общественной жизнью. Мы уже видели, однако, что в случае, если какая-либо группа испытывает опасности от внешних врагов, закон этот должен быть видоизменен вторичным законом, требующим такого пожертвования особями, какое необходимо, чтобы сохранить за группою возможность надлежащих действий и получения результатов от этих действий. Поэтому ради целей оборонительной войны следует оправдать такую утрату физической неприкосновенности, какой требует действительная защита общества, предполагая, разумеется, что такая защита возможна: так как в случае подавляющей силы нападающей стороны такое жертвование отдельными личностями, по-видимому, не оправдывается.

Здесь оказывается — и это мы увидим во всех последующих главах, — что с требованиями абсолютной этики можно вполне сообразоваться лишь в состоянии прочного мира; и пока земной шар все еще будет покрыт народами, предающимися политическому разбою, окажутся выполнимыми только требования относительной этики.

полагавших, что старинный закон гласил иное. Судебное наказание учителей начальных школ за применение к мальчикам розги представляет другой пример возрастания этого чувства, видоизменяющего закон под видом выполнения его».

Х ПРАВА СВОБОДНОГО ДВИЖЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

§ 289. Права каждого человека свободно пользоваться своими членами и двигаться без помехи с места на место как прямые выводы из формулы справедливости почти слишком очевидны для того, чтобы нуждаться в особом подчеркивании. Действительно, эти права — быть может, более, нежели всякие другие, непосредственно признаются в мысли как прямые выводы.

Ясно, что если кто-либо свяжет члены другого, прикует его цепью к столбу или же заключит в темницу, то он при этом проявит большую свободу действий, чем его пленник; не менее ясно, что если, угрожая наказанием или иным способом, один препятствует другому переменить место жительства, то и этим он совершает аналогичное нарушение права равной свободы.

Далее, ясно, что если тем или другим путем свобода человека уничтожена или уменьшена не одним человеком, а группой людей, действующих сообща, — если, например, каждый из членов низшего класса встречает отчасти помеху для своей способности движения и перемещения вследствие правил, установленных высшим классом, то каждый из членов этого высшего класса является нарушителем конечного принципа равенства; различие возможно лишь относительно степени нарушения.

§ 290. Мы уже видели, что инстинкт, побуждающий к бегству, а также к желанию убежать, если животное поймано, обнаруживает как у низших существ, так и у человека присутствие того импульса, который в конце концов проявляется как сознательное притязание на свободное движение и перемещение. Но в то время как этот положительный элемент чувства, соответствующего праву, глубоко укоренившийся в нас, проявляется очень рано, — отрицательный элемент, соответствующий налагаемым на нас границам, может достичь сколько-нибудь заметного развития не раньше, чем успеет упрочиться дисциплина, вызываемая общественностью.

Существуют примеры, показывающие, что где не существует правительственного контроля или же где он очень слаб, там сильно выражено молчаливое притязание на беспрепятственное движение, и это независимо от того, свиреп или же кроток характер расы. С одной стороны, можно указать на аборов, до того назойливых, что они не в состоянии жить сообща, и на племя нага, которому так чуждо понятие о власти, что они насмеются над мыслью иметь какого-либо правителя. С другой стороны, могу привести пример вышеназванных лепча, убегающих, при всей своей кротости, в леса и питающихся кореньями скорее, чем подчиниться обузданию, или же джакунов, высоко ценимых в роли слуг за свои добродетели, но сразу убегающих, если только почувствуют над собою несправедливое применение власти. Отличаясь все вообще сильным чувством личной свободы, эти типы человечества различаются в том отношении, что у воинственных племен это чувство чисто эгоистично, тогда как у мирных оно также альтруистично, т.е. сочетается с уважением к личной свободе других людей.

Начиная с первичных неорганизованных групп или же групп с очень слабой организацией, мы видим, что прогресс к установлению крупных и организованных групп совершается войною. Это подразумевает малое уважение к жизни, а вместе с тем и к свободе; и поэтому в течение процесса образования наций признание притязаний на свободу, а также на жизнь, играет второстепенную роль: чувство постоянно подавляется, а идея становится смутною. Лишь после того как социальное скрепление достигло значительного успеха и общественная организация стала в значительной степени промышленною, лишь когда война перестала быть постоянною, а военный тип общественного строя ослабел — только при этих условиях указанные чувства и идеи стали более резко выраженными.

Здесь нам придется бросить взгляд на некоторые из шагов, посредством которых постепенно устанавливается, как этически, так и легально, притязание на свободу движения и перемещения.

§ 291. Было основательно замечено, что возникновение рабства, в сущности, явилось ограничением людоедства и в этом смысле составило прогресс. Когда военнопленному стали позволять

жить и работать, вместо того чтобы быть сжаренным и съеденным, — основной принцип справедливости более не был абсолютно отрицаем для его личности, так как продолжение его жизни, даже при навязанных ему силою условиях, сделало возможным некоторую поддержку соотношения между поведением и последствием.

Где обращенные в рабство военнопленные и их потомки, получая пищу и кров настолько, насколько это необходимо для пользования ими как рабочим скотом, в то же время в любое время могут быть употреблены в пищу (как было до недавнего времени у фиджийцев), там смягчение людоедства сравнительно ничтожно; но где с рабом обращаются в значительной мере как с членом семьи (а это мы видим у многих нецивилизованных народов), там ограничения его свободы, в сущности, немногим значительнее тех, которым подвергаются дети.

Отметить различные формы ограничения рабства, существовавшие у разных народов в разные времена и при изменении социальных условий, было бы здесь бесполезно для нашей цели, даже если бы это и было выполнимо. Следует упомянуть лишь о таких фактах, которые указывают, каким образом развилось понятие об индивидуальной свободе, как в законе, так и в этике. Мы можем отметить, что у евреев можно было покупать чужеземцев, и они, вместе с детьми, передавались по наследству как имущество; но евреи, продававшие себя своим ли соплеменникам, или живущим среди них чужестранцам, были подвержены рабству ограниченному, как по продолжительности, так и по отношению к суровости: при этом выставлялось то основание, что, как служители Иеговы, они не могли быть отчуждаемы навсегда. Но здесь не существовало ни признания какого-либо зла, причиняемого порабощением, ни соответственного права на свободу. Этот пробел в чувствах и в идеях, ставших в новейшие времена такими господствующими, продолжал существовать и после возникновения христианства в неизменном виде. Христианство не отвергло прямо рабства; по отношению к свободе был дан совет предпочесть ее рабству, но, очевидно, здесь не подразумевалось никакого обязательного притязания каждой особи на беспрепятственную свободу движения и перемещения. То же мы видим у греков, да и у большинства народов на ранних стадиях их развития. В гомерические времена

военнопленных обращали в рабство, и их можно было продавать и выкупать, а в течение всего периода греческой цивилизации, при войнах, бывших, в сущности, хроническими, рабство признавалось нормальной стороной социального порядка. Порабощение пленением за долги и по другим причинам признавалось несчастьем, но рабовладельцу не ставилось в укор. Стало быть, понятие о свободе как неотчуждаемом праве каждого человека мало проявлялось или вовсе не существовало ни в этике, ни в праве. Оно неизбежно устранилось по отношению к рабам в буквальном смысле этого слова, потому что даже люди, номинально свободные, были, в сущности, рабами государства, так как каждый гражданин принадлежал не самому себе, но своему народу. И стоит заметить, что в наиболее воинственном из греческих государств, а именно в Спарте, не только положение илота было униженнее, чем где-либо, но и сам господин — спаргиат был в большей степени, чем кто-либо, лишен возможности распоряжаться своими движениями по произволу.

Действительно, можно признать вообще следующий факт: в государствах, значительно увеличившихся и усложнившихся, естественно случалось, что рост их, зависевший от нападений и завоеваний, влек за собой порабощение всех элементов внутри общества, а поэтому индивидуальность так сильно подавлялась, что оставляла немногие следы в законе и в обычае.

§ 292. Для иллюстрации того, как возрастает в области морали и в сфере законодательства понятие о человеческой свободе, установившееся теперь у передовых цивилизованных рас, достаточно бросить взгляд на некоторые из главных шагов, которые возможно проследить в нашей (английской) истории.

Одни за другими прибывавшие толпы завоевателей, то порабощавших, то изгонявших прежних владельцев земли, населяли страну, и, разумеется, случалось, что между ними бывали рабы — класс несвободных, первоначально военнопленных, время от времени пополнявшийся должниками и преступниками. По мере возрастания населения и сопровождавшего его развития политической организации те люди, которые при первоначальной системе так называемых марок составляли класс свободных людей, постепенно утратили значительную долю своей свободы. Порою это зависело от столкновений внутри групп,

причем некоторые из членов стали одерживать верх; но большей частью это происходило во время внешних конфликтов, приводивших к покорению и к установлению власти лордов. Крестьяне стали подвластными владельцам (так называемым танам — thegns), а эти владельцы — высшим. В эпоху Альфреда «признавалось, что ни один человек не может существовать без господина». Этим подразумевается лишение свободы не только для членов самого низкого сословия (рабов, подлежавших купле и продаже), но и для членов всех высших сословий. Несмотря на перемены, следовавшие за (норманнским) завоеванием, ограничение свободы, вытекавшее из присяги на верность, продолжало существовать или даже усилилось, исключая разве частичного упразднения торговли рабами. Вместе с ростом городов в течение XI столетия, при развитии промышленных учреждений, при замене принудительных отношений договорными и развитии «нового морального чувства, относящегося к праву на равную для всех справедливость», явился «переход от чистого рабства к несовершенной свободе». Столетие спустя Великая хартия ограничивает произвол власти и вытекающую отсюда потерю свободы гражданами. Возрастающее влияние промышленных классов обнаружилось в предоставлении свободы путешествий чужеземным купцам. Затем, еще сто лет спустя, когда было уничтожено постепенно ослабевавшее прикрепление раба к земле, вполне свободный рабочий приобрел право беспрепятственного передвижения. Он отчасти утратил это право, когда «черная смерть» произвела такие сильные опустошения в населении; следовавшее отсюда значительное повышение заработной платы побудило к изданию статута, установившего цену труда и прикрепившего рабочего к его приходу. Однако эти задержки, причинив сильное сопротивление, привели к насильственному утверждению равенства не только относительно права передвижения, но и по отношению к другим вещам. Но как мало признавалось тогда правящими классами притязание на свободу, доказывается тем фактом, что когда после покорения восставших крестьян король намекнул на освобождение, то землевладельцы, утверждая, что рабы составляют их имущество, сказали, что «никогда не давали и не дадут согласия на освобождение, хотя бы всем пришлось умереть в один день». Возрастание промышленной деятельности

и организации произвело возрастание свободы; точно так же, обратно, двадцать лет воинственной деятельности, известной под названием войн Алой и Белой Розы, разрушили значительную часть приобретенной свободы. Впрочем, не было уничтожено отделение мужика от земли и вытекающая отсюда возможность странствования. В том смутном социальном состоянии, которое явилось последствием разрушения феодализма, эта оторванность крестьянина от земли повлекла за собою промышленную неурядицу, которую пытались устранить, подвергнув снова рабочий класс известному обузданию и частью прикрепив его к месту оседлости без дальнейшей помехи его движениям. Свободу, добытую таким образом, все еще приходилось охранять. Постановления против произвольного заключения в тюрьму, ведущие начало со времен Великой хартии, но часто нарушаемые, были усилены к концу XVII в. актом *Habeas Corpus*. Исключая незначительных нарушений, причиненных временною паникою, личная свобода в Англии с тех пор оставалась неприкосновенною, а те мелкие ограничения свободы передвижения, которые подразумевались законами, воспрещающими ремесленникам путешествовать в поисках работы, были формально отменены в 1824 г.

Теперь не забудем отметить, что наряду с медленным законодательным установлением начала личной свободы возросло и соответственное чувство; сверх того, к эгоистическому утверждению свободы под конец присоединилось и альтруистическое. Те перемены, которые в течение многих веков повысили социальный строй от состояния полного рабства низшего *сословия и ограничения* рабства высших сословий до состояния абсолютной свободы всех, под конец произвели и чувство, и закон, утверждающий эту свободу. И это утверждение касается не только английских граждан, но и чужих, находящихся под охраною английских законов, — начиная с освобождения рабов, вступивших на английскую почву, и оканчивая освобождением всех тех, которые жили в английских колониях. С того времени повсеместное уничтожение рабства и было всегдашнею целью.

§ 293. Кроме людей, полагающих, что цивилизация есть попятное движение, все допустят, стало быть, что индукция подтверждает эту дедукцию, выведенную из основного начала

справедливости. Люди, полагающие, что древние общества принадлежали к высшему типу, нежели наши, и что человеческое благополучие там осуществлялось полнее, полагают, что феодальная организация, с ее степенями вассальных отношений, наслоенных над крепостным правом, достигала более значительного итога благополучия, чем существующая в наше время; люди, подобно Карлейлю, вздыхающие по временам аббата Сампсона и восхищающиеся повиновением восточных народов, могут логично утверждать, что возрастание чувства свободы и установление индивидуальной свободы законом во все не являются опорой абстрактных выводов настоящей главы. Но люди, полагающие, что наше время лучше, чем то, когда дворяне жили в замках и носили кольчуги, люди, думающие, что *oubliettes* и застенки были принадлежностями социального состояния, менее желательного, нежели то, когда князья наравне с бедными подлежат общему правосудию, люди, уверенные в том, что режим, вызвавший крестьянские бунты, был хуже того, который характеризуется многочисленными обществами, содействующими народному благосостоянию, — все эти люди должны допустить, что обобщение, выведенное из человеческого опыта в широком смысле слова, согласно с следствием, выведенным выше из формулы справедливости. Но это повеление абсолютной этики должно быть ограничено требованиями относительной этики. Нами был установлен вначале принцип, а именно что сохранение вида или же разновидности его, составляющей общество, является целью, которая должна предшествовать сохранению особи. Отсюда следует, что право на индивидуальную свободу, подобно праву на индивидуальную жизнь, должно подтверждаться, подчиняясь ограничениям, требуемым мерами, необходимыми для национальной безопасности. Посвяительство на свободу, которое требуется для сохранения самой свободы, имеет за собою подобие этической гарантии. Подчиняясь только условию, чтобы все способные члены общества одинаково подвергались ограничениям, это посвяительство на свободу движения и перемещения, вынуждаемое военной организацией и дисциплиной, является законным — предполагая, во всяком случае, что имеющаяся в виду цель есть оборонительная война, а не наступательная.

ХІ | ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНОЮ СРЕДОЮ

§ 294. Может случиться, что человек не испытывает ни малейшего телесного повреждения от действий своих ближних и ни малейшей помехи в своих движениях, но тем не менее ему препятствуют выполнять деятельности, необходимые для поддержания жизни. Для этого достаточно помехи тем или иным его отношениям к физической среде, от которой зависит его жизнь. Действительно, предполагается, что некоторые из этих природных сил не могут быть изъяты из общего владения. Так, например, мы читаем следующее: «Некоторые вещи по самой природе неспособны к присвоению, так что не могут попасть под чью-либо власть. Римское право придало им название *res communes*. Их определяли как вещи, никому не принадлежащие в собственность, но находящиеся во всеобщем пользовании. Так, свет, воздух, текучая вода и т.п. приспособлены к всеобщему пользованию в такой мере, что ни одна особь не в состоянии приобрести их в собственность или лишить других возможности пользования» (*An Institute of the Law of Scotland*. By John Erskine, ed. Macallan, I, 196).

Но хотя свет и воздух не могут быть монополизированы, однако распределение их может быть таково, что один человек отчасти лишит другого возможности пользования, и в такой даже степени, что причинит последнему серьезный вред.

Никакая помеха этого рода невозможна без нарушения закона равной свободы. Если один человек постоянно лишает другого возможности пользоваться равною долей света, то этим совершается нарушение принципа, в силу которого свобода каждого ограничена подобною же свободой всех других; то же справедливо, если является помеха для свободного доступа воздуха.

Под эту общую категорию необходимо, однако, — помощью необычайного расширения смысла нашего определения — включить то, что допускает присвоение, а именно поверхность земного шара. Земная поверхность, образуя часть физической

среды, по-видимому, необходимо включается в число тех составных частей среды, на которые должно иметь притязания, основываясь на законе равной свободы. Ни у кого нельзя абсолютно отвергать права на земную поверхность, не сделав неосуществимою деятельность, способную поддерживать жизнь; при отсутствии почвы, на которой можно было бы стоять, человек вовсе ничего не способен делать. Поэтому из закона равной свободы, если его применить строго, по-видимому, вытекает, что поверхность земли не может быть абсолютно присваиваема отдельными лицами, но может только быть в их пользовании — таким способом, который подразумевает, в последней инстанции, что и другие имеют то же право собственности другими словами, собственником является все общество.

Что касается этического и законодательного признания притязаний на пользование другими природными богатствами, нам пришлось бы сказать немногое. Лишь вопрос о земной поверхности требует усиленного внимания. Рассмотрим, однако, эти предметы по порядку.

§ 295. На самых ранних ступенях развития, когда городская жизнь еще не началась, никто не мог серьезно препятствовать другому человеку пользоваться светом. В лагерях дикарей и в деревнях земледельческих племен никто, преследуя свои цели, не имел повода заслонять свет своему соседу. Впрочем, самый характер и расположение построек делали такое насилие почти невозможным. В более поздние времена, когда стали появляться города, стало сомнительным, чтобы люди впредь обращали большое внимание на притязания соседей относительно пользования светом. На тех стадиях социальной эволюции, когда праву на жизнь и свободу придавалось мало значения, такие сравнительно пустячные правонарушения, какие совершались людьми, строившими дома совершенно близко перед другими домами, едва ли могли обратить на себя особое внимание — все равно, считать ли это нравственным или юридическим проступком. Узкие, темные улицы старинных континентальных городов, подобно малым дворам и узким аллеям, характеризующим более старинные части наших английских городов, показывают, что в дни построения этих улиц преграждение солнечного света и неба своему соседу не признавалось

обидой. И действительно, можно с основанием утверждать, что признание такой обиды в те времена было бы неосуществимым, так как в окруженных стеною городах тесное скопление домов стало необходимостью.

В новейшие времена, однако, возникло убеждение, что естественное распределение света не должно встречать помех. Закон, воспреещающий строить стены, дома или другие здания известной высоты ближе предписанного расстояния от уже построенных домов, правда, не абсолютно воспреещает заслонять свет соседу; однако он запрещает такое перехватывание света, если оно достигает значительной степени, т.е. старается согласовать сооружение нового дома с притязаниями смежных домовладельцев, насколько это возможно. Другими словами, хотя указанный вывод из закона равной свободы и не высказывается вполне громогласно, он, во всяком случае, пользуется молчаливым признанием.

§ 296. Преграждение доступа света до известной степени подразумевает помеху относительно доступа воздуха: запрещение одного из этих правонарушений подразумевает запретность другого. Однако притязание на пользование воздухом, хотя и признанное английским законом, относящимся к ветряным мельницам, менее определенно установлено, вероятно, потому что преграждение доступа воздуха причиняло лишь незначительное зло. Тем не менее явилось определенное признание права на неиспорченный воздух. Действия человека, уменьшающего доступ воздуха, не причисляются определенным образом к проступкам; но действия, портящие качество воздуха, в новейшие времена признаются проступками, порою подверженными лишь нравственному порицанию, но иногда влекущими за собою и законодательную кару. До некоторой степени все вынуждены портить своим дыханием воздух, вдыхаемый другими находящимися поблизости людьми. Стоит только пройти немного позади курящего, чтобы заметить, как широко распространяются выдыхания из легких каждого человека, и до какой, стало быть, степени люди, особенно в комнатах, вынуждены вдыхать воздух, уже бывший в чужих легких и оттуда периодически вытесняемый. Но так как эта порча воздуха взаимна, то она и не составляет насилия. Насилие

является лишь в том случае, если один или несколько портят воздух таким способом, в котором другие не участвуют; например, это часто случается в вагонах, где люди, считающие себя джентльменами, курят в помещениях, предназначенных для некурящих. При этом иногда пользуются номинальным, а не реальным согласием спутников и не думают о неприятности, доставляемой на долгое время тем, которые будут позднее путешествовать в отделениях, пропитанных табачным дымом. Помимо того что люди, правильно об этом судящие, признают такие поступки непристойными, такое курение прямо запрещено железнодорожными правилами и в силу особых постановлений может подлежать денежному штрафу.

Переходя от случаев этого рода к другим, более серьезным, мы должны отметить запрещения, направленные против различного загрязнения воздуха, как, например, когда речь идет о зловонии, распространяемом известными производствами, о вредном дыме и парах, выходящих, например, из труб химических заводов, и вообще о дыме, выходящем из больших труб. Законодательства, воспрещающие подобное заражение воздуха, подразумевают право каждого гражданина на неиспорченный воздух.

Под ту же категорию можно с удобством подвести другой род правонарушений, для которых ареною является окружающая среда. Я говорю о производстве несносных звуков. Бывают и малые, и крупные правонарушения этого рода. Если кто-либо говорит за общим столом в гостинице так громко, что мешает разговору других, или если кто-нибудь во время представления в театре или в концерте упорно рассеивает внимание слушателей разговором, то это подвергается по малой мере порицанию. Такие поступки признаются противными приличиям, т.е. нравственности, так как «хорошие манеры» входят в мораль как составная часть. Но если проступки этого рода совершаются публично и продолжительно, как, например, если кто-либо на улице затеет музыку — особенно режущую слух, или если фабрика производит несносный шум, или если колокола звонят слишком рано, то такого рода насилие признается законом подлежащим каре; признание это, однако, далеко не отличается полнотою, что видно из примера железнодорожных свистков на центральных станциях: здесь без надобности дозволяют

тревожить десятки тысяч людей в течение целой ночи, причем порою причиняется серьезный вред больным.

Мы видим, что относительно пользования воздухом принцип ограничения свободы каждого равною свободой всех других хотя не провозглашается во всеуслышанье, однако стал признаваться молчаливо; это признание в весьма широкой степени имеет нравственный характер, а в довольно значительной степени признается также законом.

§ 297. Положение вещей, к которому привела цивилизация, не препятствует легкому усвоению следствий, выведенных выше, но скорее расчищает для них почву. В эпоху, когда людоедство было обычным делом и когда часто приносили людей в жертву богам, утверждение права жизни могло бы встретить ропот; но идеи и обычаи тех времен не оставили таких следов, которые могли бы стоять поперек дороги беспристрастному суждению. Пока рабство и крепостничество были глубоко укоренены в социальном строе, утверждение права на свободу могло встретить сильное противодействие; однако в наше время, по крайней мере у англичан, не существует никакой идеи, чувства или обычая, находящегося в противоречии с тем выводом, что каждый человек свободен относительно употребления своих членов и перемещения, куда ему угодно. То же можно сказать об отношениях к окружающей среде. Такие мелкие преграждения доступа воздуха и света, которые часто происходили от построек в старинных городах, а также та порча воздуха, которую причиняет дым, едва ли значительно препятствуют усвоению общего положения, что люди имеют равные права на пользование средою, в которой все они находятся. Но имеют ли люди равные притязания на пользование остальной частью окружающего — частью, которую трудно назвать средою, — почвою, на которой все стоят и которая питает нас всех своими продуктами? Это положение встречает противодействие со стороны идей и учреждений, составившихся нам от прошедших времен. Эти идеи и учреждения возникли, когда соображения относительно равенства так же мало касались землевладения, как и владения рабами или крепостными; но они и теперь затрудняют усвоение общего положения. Допустим, что при тех нравственных чувствах, которые произведены нынешним общественным строем, люди находи-

лись бы на территории, еще не разделенной на части, принадлежащие отдельным собственникам. Они не колеблясь признали бы равенство притязаний на землю, точно так же, как без колебаний признали бы равенство прав на свет и воздух.

Но теперь, после того как мы имеем факт давнишнего присвоения, продолжительной культуры, многих покупок и продаж, вопрос усложнился и требование абсолютной этики, не согласное с существующим порядком, представляется вполне подлежащим отрицанию. Прежде чем решить вопрос, бросим взгляд на некоторые из старинных форм землевладения.

На ранних стадиях земледельческой культуры земля после быстрого истощения вскоре не стоит дальнейшего владения, что и было отчасти причиною, почему у малоцивилизованных и полудицилизованных народов отдельные лица вскоре бросали расчищенные ими участки и начинали расчищать новые. Оставив в стороне вопрос о причинах, остановимся только на факте, что в древних стадиях развития частная поземельная собственность неизвестна: лишь право пользования принадлежит земледельцу, тогда как самая земля молчаливо признается собственностью племени. Это мы и теперь видим, например, у жителей Суматры и др.; то же было у наших предков. Члены *марки*, владея порознь продуктами обработанных участков, не были собственниками самих наделов. Можно, конечно, сказать, что первоначально все они были членами одной и той же семьи, рода или клана и что каждый участок был частной собственностью в том смысле, что принадлежал союзу родственников; однако тот же способ землевладения уцелел и позднее, когда население *марки* стало включать людей, не состоявших в родстве с другими; таким образом, общинное, а не частное землевладение было установившимся учреждением. Первобытное состояние будет ясно понято, если мы присмотримся к русским, у которых оно лишь отчасти упразднено: «Сельские земли были общим владением всех членов общины, или *мира*; отдельный член общества был собственником лишь урожая и двора, окружающего его избу. Это первобытное состояние землевладения, существующее в России до сих пор, некогда было общим у всех европейских народов» (*Histoire de Russie par A. Rambaud*, англ. перев. Leng'a, I, 45).

Позволю себе добавить несколько выписок из книги Мэккензи Уоллеса «Россия», где описано первобытное и позднейшее

состояние. Он указывает, что пока донские казаки были настоящими кочевниками, «земледелие у них было запрещено под угрозой смерти», по-видимому, вследствие помехи, оказываемой охоте и скотоводству. Далее Уоллэс пишет: «Позднее каждый казак, желавший снять урожай, пахал и сеял, где находил удобным, и владел присвоенным участком, пока того желал; когда почва начинала обнаруживать признаки истощения, он бросал участок и пахал в другом месте. Когда число земледельцев увеличилось, часто стали возникать ссоры. Еще худшие бедствия явились, когда по соседству появились ярмарки. В некоторых станицах более богатые семьи захватили чудовищные количества общей земли, пользуясь несколькими упряжками волов или нанимая крестьян соседних деревень, пахавших для них землю; вместо того чтобы бросать участки после двух или трех урожаев, они стали их удерживать. Таким образом вся пахота или по крайней мере ее лучшие части стали фактически, если не по закону, частной собственностью немногих семейств» (Wallace, Russia, II, 86).

Произошло нечто вроде переворота, и Уоллэс так описывает последствия: «Сообразно с требованиями безземельных членов общества присвоенная земля была конфискована общиной, и была введена система периодических переделов... Благодаря этой системе каждый взрослый мужчина обладает участком земли» (Ibid, II, 87).

В степях «участок земли обыкновенно возделывается только три или четыре года подряд. Затем его оставляют, по крайней мере на вдвое большее время, и земледельцы переходят на какую-либо другую часть общинной территории... При таких обстоятельствах принцип частной собственности в стране едва ли может прочно укорениться. Каждое семейство настаивает на владении скорее известным количеством земли, чем участком, и довольствуется правом пользования, тогда как право собственности остается в руках общины» (Ibid. II, 26).

Но в центральных и более подвинувшихся губерниях это древнее обыкновение видоизменилось, хотя существенный характер землевладения не упразднен.

«При трехпольной системе земледельцы не переходят периодически из одной части общинной территории в другую, но постоянно обрабатывают одни и те же поля и вынуждены удоб-

рять свои участки... Хотя трехпольная система применяется уже в течение многих поколений в центральных губерниях, однако общинные начала, с их периодическим переделом земли, все еще остаются неприкосновенными» (Ibid. II, 29).

Эти и многие другие подобные факты ставят вне всякого сомнения тот вывод, что прежде чем прогресс социальной организации изменил отношения отдельных лиц к почве, везде господствовала общинная, а не частная собственность.

Каким образом изменилось это отношение? Как оно могло измениться? Конечно, не путем принужденного соглашения. Трудно допустить, чтобы все или некоторые члены общины добровольно отказались от своих прав.

Преступление порою причиняло утрату доли, принадлежащей отдельному лицу в общей собственности; но такие насилия оставляли отношение остальных членов общины к земле неизменными. Подобный же результат мог бы произойти по причине задолженности; но долг предполагает кредитора. Едва ли возможно допустить, чтобы в роли кредитора выступала община как целое; задолженность же отдельному члену общины не могла сделать должника способным отдать в уплату что-либо, чем он не владел на правах частной собственности и что не может перейти в такую же собственность другого лица.

Быть может, и в других местах играла роль причина, действовавшая в России, где некоторые лица, возделывавшие более обширные площади, чем другие, накопили богатства, и вытекающую отсюда власть, и избыток земли; но мы видели, что в России это привело к преобразованию и восстановлению первичного состояния; отсюда видно, что процесс скопления земель в немногих руках здесь, а вероятно, и в других местах признавался актом насилия. Очевидно, что главной причиной было прямое или косвенное применение силы; порою действовали внутренние причины, но большею частью внешние. Споры и драки внутри общины приводили к преобладанию; порою это облегчалось владением укрепленными домами; таким образом подготовлялся путь к частной узурпации. У сванетов мы и теперь еще видим, что каждая семья в деревне имеет свою укрепленную башню. Легко понять отсюда, каким образом внутренние раздоры в деревне общины обыкновенно влекли за собой господство отдельных лиц, которое оканчивалось

тем, что частные притязания на землю одерживали верх над притязаниями общины. Но внешнее завоевание всюду было главным способом замены общинной собственности частною. Нельзя допустить, чтобы во времена, когда пленников обращали в рабов, а пленниц считали военной добычей, могло существовать большее уважение к раньше существовавшей поземельной собственности. Старинные английские буканьеры, которые, сходя на берег, убивали священников у алтарей, зажигали церкви и избивали народ, искавший там убежища, были бы совершенно непонятными существами, если бы они признавали поземельную собственность за людьми, оставшимися в живых. Датские пираты, в старину подымавшиеся по рекам и сожигавшие целые поселения, убивали мужчин, насиловали женщин, протыкали пиками детей или продавали их на рыночной площади; следовало бы допустить чудесное превращение, если бы они после этого задались вопросом, кому принадлежали занятые ими *марки*, и допустили права своих жертв на землю. Двумя столетиями позднее непрерывные внутренние войны уже произвели военных правителей, предъявлявших нечто вроде феодальных притязаний над владевшими землею; но затем явились норманнские завоеватели, и право завоевания еще раз уничтожило те роды собственности, которые успели возникнуть. Общинные же права на землевладение еще более были поглощены тем родом частной собственности, который свойствен феодализму. Победа, доставляющая неограниченную власть над покоренными и над их имуществом, влечет за собою, смотря по природе расы, всеобщее упрочение частной собственности, более или менее ограниченной, смотря по требованиям политики. В некоторых случаях, как, например, в Дагомее, является лишь абсолютная монополия короля, относящаяся не только к земле, но и ко всему остальному. В других местах, как, например, в Англии, является верховная собственность короля, признающая подчиненные ей права вельмож и их вассалов, с целой лестницей ступеней, причем низшее право на землю подчиняется высшему, и все это под условием военной службы: верховное право, разумеется, признается за короной.

Как первичное состояние, так и последующие оставили свои следы в существующих поземельных законах. Есть много местных прав, ведущих свое происхождение с того времени,

когда «частная собственность на землю, как мы теперь ее понимаем, была нововведением, а потому должна была выдерживать борьбу»¹.

«Люди, пользующиеся общинными правами, основываются на данных, которые, если бы их удалось проследить назад до конца, гораздо более древни, чем права лорда. Права этого рода принадлежали членам деревенской общины задолго до того времени, когда можно было слышать что-либо о поместьях и о владеющих ими лордах»².

Каждый знает, как немилосердно обращаются еще теперь с правами общинников, когда идет речь о том, чтобы добиться акта, дозволяющего огородить известный участок (т.н. *inclosure acts*); читатель будет поэтому очень легковверен, если подумает, что в более грубые времена превращение общинных прав в частные совершалось на началах справедливости. Частная собственность, однако, была обыкновенно неполною, так как подвергалась притязаниям более высшего господина, а чрез его посредство и еще более высшего, откуда вытекает, что частная собственность была подчинена главе всего общества.

«Наши старинные уложения не признавали никакой абсолютной частной собственности на землю, исключая собственности короны. Предполагалось, что все земли непосредственно или посредственно были во владении короны, хотя могло и не быть никакой ренты или повинностей и никакой дарственной грамоты от короны»³.

Переживание этого понятия о поземельной собственности, как в теории, так и на практике, даже в настоящее время доказывается тем фактом, что из года в год государственная власть присваивает землю для общественных целей после надлежащего удовлетворения прежних обладателей. Можно, правда, возразить, что это притязание государства на верховную поземельную собственность составляет лишь часть его притязаний на верховную собственность в общем смысле слова; при этом можно сослаться на то, что государство присваивает себе право присвоить все что угодно за определенное вознаграждение;

¹ Fred. Pollock, *The Land Laws*, p. 2.

² *Ibid*, p. 6.

³ Pollock, *ibid*, 12.

однако присвоение земли есть притязание, которое обыкновенно имеет принудительный характер, тогда как притязание на другие предметы чисто номинально и не принудительно. Так, когда идет речь о покупке картин для национального музея, то государство просто выступает конкурентом частных покупателей и может иметь успех или же неуспех.

Остается только подчеркнуть, что политические перемены, медленно заменявшие прежнюю частную власть короны властью народа, тем самым заменили и частные коронные права на землю правами народно-государственными. Если в Англии представительное правление фактически унаследовало прежнюю высшую власть короля, то тем самым оно унаследовало и верховные права собственности на землю. Парламент является лишь представителем общества, поэтому верховное право на землю теперь принадлежит в Англии обществу. Этого не отрицают и сами землевладельцы. Отчет, напечатанный в декабре 1889 г. советом «Лиги, защищающей свободу и собственность» — а в составе этого совета сидят несколько пэров и двое судей, — служит тому доказательством. Высказав, что существенный принцип их организации, «основанный на документальных данных», состоит в недоверии к «бюрократизму, как правительственному, так и муниципальному», совет утверждает затем следующее: «Этот принцип, примененный к поземельному вопросу, ясно указывает на частную собственность, ограниченную государственным верховенством... Земля, конечно, может быть „отчуждаема“ за уплату полного вознаграждения, и на ней может вести хозяйство „народ“, если он того желает».

Здесь в виде единственного довода в пользу удержания существующей системы землевладения приводятся дурные качества требуемой для указанной цели административной системы; но верховные права собственности общества на землю прямо признаются. Итак, на ранних стадиях наряду с свободой каждого человека мы видим совместное владение землею у целой группы людей; но в течение продолжительных периодов той воинственной деятельности, которая сгруппировала маленькие общества в большие, была утрачена индивидуальная свобода и в то же время утратилось участие в поземельной собственности. По мере упадка воинственности и по мере возрастания индустриализма вновь стала приобретаться индивидуальная

свобода и вновь приобретено было участие в поземельной собственности — по крайней мере в смысле назначения тех лиц, которые в настоящее время распоряжаются всей землей. Члены общества, чрез посредство своих представителей, пользуются правом отчуждения и пользования землею по своему желанию; отсюда вытекает, что они, если сочтут это уместным, вправе без нарушения справедливости присвоить и всю вообще землю для пользования ею. Но справедливость и обычное право одинаково подразумевают, что нынешние землевладельцы не могут быть лишены своих участков, не получив взамен справедливо определенной ценности. То же относится и к отчуждению всей совокупности земли обществом: оно может быть совершено без нарушения справедливости только путем покупки. Если бы непосредственное применение права собственности было сделано обществом без покупки, то общество взяло бы, вместе с тем, что ему принадлежит, также и гораздо большее количество ему не принадлежащего. Оставим даже в стороне те многочисленные усложнения, которые в течение многих веков необычайно запутали притязания разных лиц; рассмотрим вопрос теоретически, приведя его к простейшему выражению. И в этом случае нам придется допустить, что все, чего вправе требовать общество, — это поверхности страны в ее первичном необработанном состоянии. На всю ту ценность, которая придается земле расчисткою, вспашкою, продолжительною культурою, огораживаньем, орошением, проведением дорог, сооружением ферм и т.д. — а это составляет почти *всю* ценность земли, — общество не имеет никакого права. Эта ценность была придана либо личным трудом, либо трудом, за который было уплачено, либо трудом предков; или же, наконец, ценность, приданная земле такими способами, была куплена посредством денег, законно заработанных. Вся эта искусственно приданная ценность досталась нынешним собственникам и без чудовищного грабежа не может быть у них отнята. Если многочисленные сделки, приведшие к существующему землевладению, сопровождались массой насилий и обманов, то все же это пустяки по сравнению с тем насилием и обманом, в котором было бы повинно общество, если бы оно отняло без вознаграждения всю ту искусственную ценность, которая была придана земле трудом почти двух тысячелетий.

§ 298. Возвратимся к общей теме этой главы, к правам на пользование природными дарами. Здесь главным образом отметим, каким путем эти права постепенно приобрели законодательную санкцию, по мере того как общества повышались, переходя от низших типов к высшим.

В начале главы мы видели, что в новейшие времена возникли законодательные утверждения равенства прав людей на пользование светом и воздухом. Никакие формы социальной организации или классовых интересов, впрочем, заметно не препятствовали признанию этих выводов, вытекающих из закона равной свободы. И мы только что видели, что если не громко и не сознательным образом, то хотя молчаливо, в наши дни признавались равные права всех избирателей на верховную собственность относительно всей населенной территории; права эти, хотя и в скрытой форме, утверждаются каждым парламентским актом, отчуждающим землю. Хотя это право на пользование землею, которым обладает каждый гражданин, встречает помеху в установленных порядках в такой степени, что на деле упраздняется, однако существование его, как справедливого притязания, не может быть отрицаемо без того, чтобы не утверждать, что экспроприация посредством государственного декрета несправедлива. Право нынешних землевладельцев может быть справедливым образом устранено лишь в том случае, если существует предшествующее ему право общества, взятого в целом; а это предшествующее право общества состоит из суммы индивидуальных прав его членов.

Примечание. Различные соображения, относящиеся к этому злополучному вопросу о поземельной собственности, заняли бы здесь слишком много места, а поэтому я включил их в приложение В.

XII ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

§ 299. Все материальные объекты, которые только могут быть предметом собственности, тем или иным способом добываются из земли. Отсюда следует, что право собственности прежде всего зависит от права пользования землею. Когда не было еще искусственных продуктов, и произведения природы были поэтому единственными вещами, доступными присвоению, то эта связь была очевидно необходимою. В нашем развитом общественном строе есть множество имуществ (начиная с домов, мебели, платьев, предметов искусства и кончая банковыми билетами, железнодорожными акциями, закладными, правительственными облигациями и т.д.), не имеющих очевидного отношения к пользованию землею. Однако необходимо только припомнить, что эти предметы являются лишь продуктами труда либо заместителями таких продуктов; но труд обеспечивается пищей, а пища добывается из почвы; таким образом, связь с землей, хотя отдаленная и запутанная, существует во всяком случае. Отсюда вытекает, что полное этическое оправдание права собственности затрудняется теми же мотивами, которые играют роль при этическом оправдании права пользования землею.

Оправдание, которое пытался дать Локк, неудовлетворительно. Локк говорит: «Хотя земля и все низшие существа составляют общее достояние всех людей, однако каждый человек собственник своей личности». Отсюда он заключает, что «труд его тела и работа его рук» принадлежат ему; затем Локк продолжает: «Все, что человек удаляет от состояния, которое природа устроила и оставила таким, — все это потребовало вмешательства его труда, ко всему этому человек присоединил нечто свое, а поэтому сделал это своею собственностью». Но ведь можно было бы ответить Локку следующим образом. Согласно с его посылками, «земля и все низшие существа» «принадлежат всем людям»; стало быть, надо получить согласие всех людей, прежде чем мы получим право «удалить какой-либо предмет из того общественного состояния, в которое он был поставлен

природой». Спорный вопрос состоит в том, приобрел ли человек посредством затраты труда на удаление предмета из естественного состояния право, превышающее предшествующие права *всех* других людей, взятых в совокупности. Возникающее таким образом затруднение может, однако, быть устранено. Есть три способа, посредством которых в диком, в полудицилизованном и в цивилизованном состоянии разные права собственности могут быть установлены при должном соблюдении одинаковых прав всех других людей.

Представим себе племя, занимающее область, где оно собирает или ловит разные произведения природы. Между этими жителями может явиться если не явное, то молчаливое соглашение насчет того, что, располагая одинаковыми средствами воспользоваться такими продуктами, все они должны пассивно соглашаться на присвоение, совершенное кем-либо одним. Между членами охотничьих племен существует такое соглашение. Поучительно, однако, наблюдать, что некоторые из них, если не в теории, то на практике подтверждают указанное выше ограничение. Действительно, обычай вызывает со стороны других членов племени некоторое притязание на дичь, убитую одним из членов племени: очевидно, этим подразумевается убеждение, что добыча отчасти принадлежала им, перед тем как была убита. Скулькрафт говорит нам о команчах: «Они не признают определенных прав на *мое* и *твое*, исключая личного имущества. Занимаемую ими территорию и пасущуюся на ней дичь они считают общей собственностью всего племени; дичь присваивается лишь поимкой... Убивший дичь удерживает шкуру, а мясо разделяется, смотря по потребностям партии охотников, всегда без всяких споров, и каждый делится пищею со всяким членом племени».

Подобного же рода обычаи и понятия мы находим у племени чиппевеев. По словам Скулькрафта, «если дичь загнана внутрь изгороди партией охотников, то ее делят между всеми участвовавшими в преследовании. Если же она попала в принадлежащую кому-либо западню, то признается частной собственностью; тем не менее любой охотник, потерпевший неудачу в поисках за дичью, вправе взять таким образом пойманного оленя, оставив голову, шкуру и хребет собственнику западни».

Для оценки почти справедливого (*quasi-equitable*) принципа, если не вполне отчетливо, то смутно признаваемого здесь

правом, представим себе кого-либо, кто является совместным арендатором рыбной ловли, или кому, вместе с другими гостями, дозволено ловить рыбу; ему, конечно, неприятно, если другой арендатор или гость станет неправильно пользоваться ловлей. Чувство это было бы еще сильнее, если бы присваивалась ненадлежащая доля пищи вместо ненадлежащей доли участия в спорте.

Переходя от охотничьего состояния к полуоседлому, мы встречаем обычаи, подразумевающие те же общие принципы. Занятая площадь, вместо того чтобы быть для всех одинаково пригодною в деле собирания пищи, доставленной ею самопроизвольно, становится одинаково годною для всех в деле произращенной пищи. Продукты труда в этом последнем случае, подобно добыче труда в первом случае, являются собственностью того, кто затрачивает труд. Согласие племени на то, чтобы кто-либо был собственником пищи, произращенной на участке, кем-либо присвоенном, подразумевается однородными присвоениями, точно так же сделанными всеми другими. Как было сказано в последней главе относительно наделов у русских общинников, возникающее таким образом неопределенное соглашение, наконец, становится определенным. Является раздел земли на равные участки; каждый надел обрабатывается тем, кому он достался, и за владельцем признается право собственности на продукты его участка. Подобного же рода соглашение существовало у ирландцев времен Генриха II и позднее. «Земля, принадлежащая племени, разделялась между его членами, но переделывалась вновь через несколько лет». Этим подразумевается, что, по общему соглашению, полученное одним лицом посредством своего труда с участка земли при соблюдении данных условий было его исключительной собственностью. Итак, в этом случае, как и в первом, право собственности возникает сообразуясь с законом равной свободы.

Нельзя сказать, чтобы возникающая таким образом собственность была следствием настоящего договора между каждым членом общины и общиною как целым. Однако здесь есть нечто вроде воображаемого договора¹; и такой воображаемый

¹ В подлиннике сказано «потенциального договора», т.е. существующего в возможности. — *Прим. пер.*

договор может превратиться в действительный, если одна часть общины посвятит себя другим занятиям, тогда как остальные будут по-прежнему возделывать землю. В этом случае доля продукта будет по соглашению выдаваться тем, которые перестали вести хозяйство, за пользование их земельными участками.

Мы не имеем доказательства, чтобы когда-либо возникло такое отношение между владельцами и общиной и чтобы последствием этого было подтверждение права собственности общины на продукты, остающиеся после уплаты доли, равносильной ренте. Но это зависит от того, что первоначальное общинное право собственности обыкновенно узурпировалось внутренними или же внешними насильниками, и рента, если не в виде продукта, то в виде труда или воинской службы, обыкновенно выплачивалась узурпатору. Но при таком положении дел справедливые права собственности, как и всякие другие права, попираются. Однако именно из таких узурпаций феодальной эпохи, как мы видели, возникали тогдашние государственные земли и ленные права; а из этих государственных прав может вновь возникнуть теоретически справедливое право собственности. В Китае, где «вся земля отдается прямо от короны за уплату годичной подати» «с присоединением личной службы государству», законное право собственности на продукты, остающиеся после уплаты ренты обществу, может быть утверждено лишь при предположении, что император представляет собою общество. В Индии, где правительство является верховным собственником земли и где до образования системы *земиндаров* государство было непосредственным получателем ренты, происхождение права собственности из договора между личностью и обществом может быть утверждено лишь с еще большей натяжкой. Да и в Англии (где теория, гласящая, что всякий землевладелец есть арендатор коронной земли, почти только и остается теорией) нет лучших условий для удовлетворения этическим требованиям. Лишь местами, где государственная собственность имеет не потенциальный, а действительный характер и короне уплачивается обыкновенная рента (причем казна в таком случае должна быть отождествляема с обществом), — лишь в таких странах установился тот род пользования землею, который придает теоретически прочное основание праву частной собственности.

Допуская, однако, что установление с этической точки зрения полного права собственности встречает трудности, вроде тех, которые препятствуют этически обыкновенному праву на пользование землею, мы тем не менее видим из обзора фактов, доставляемых существующими теперь первобытными обществами, а также древнейшею историей цивилизованных обществ, что право собственности первичным образом может быть выведено из закона равной свободы. Эта становится невозможным лишь в том случае, если были пренебрежены другие следствия, вытекающие из того же закона равной свободы.

§ 300. Вывод этот, рано признанный обычаем и впоследствии сформулированный законодателями, должен все более и более разрабатываться и усиливаться по мере развития общества.

Первоначально право собственности рассматривалось как притязание со стороны труда, без насилия другим лицам. Это доказывается тем фактом, что у грубейших народов, у которых хотя в малейшей степени развилось понятие о собственности, существует собственность на оружие, утварь, одежду и украшения — предметы такого рода, что ценность, приданная им трудом, представляет весьма значительную пропорцию по сравнению с ценностью сырого материала. Если к таким предметам мы присоединим хижины, обыкновенно сооружаемые с помощью товарищей, пользующихся взаимною помощью, то окажется, что мы назвали почти все вещи, у которых ценность, придаваемая усилием, велика по сравнению с внутренней присущей им (*inherent*) ценностью. Действительно, внутренняя ценность собранной или пойманной пищи более очевидна, нежели ценность усилия, затраченного на добывание ее. А это, без сомнения, и является причиною, почему в самых грубых обществах право собственности более определено по отношению к личному убранству и орудиям, нежели по отношению к другим вещам.

Доказательством того, что признание права собственности есть первоначально признание соотношения между усилием и выгодой, служит, на более поздней стадии, режим патриархальной группы и домашней общины. Действительно, как указывает сэр Генри Мэн, глава группы был сначала номинальным собственником всех ее имуществ; однако фактически он был

лишь доверенным лицом, и каждый из членов группы, принося свою долю участия в совместных трудах, пользовался своей долей и относительно продуктов. Этот порядок, полусоциалистический внутри группы, но состязательный вне ее, не придает определенного выражения праву индивидуальной собственности, однако молчаливо утверждает, что труд должен приносить работающему нечто равноценное в виде продукта. Это молчаливое утверждение переходит в открытое в тех случаях, когда члены группы приобретают собственность помощью труда, затрачиваемого ими независимо от трудов остальных.

Здесь было бы и неуместным, и излишним проследить развитие права собственности, насколько это право было установлено правителями и находилось под управлением его агентов; при этом следовало бы начать с запрещения кражи в еврейских заповедях и довести до новейших дней, когда собственность всякого рода была легально формулирована с многочисленными подробностями и большой точностью. Для настоящих целей достаточно отметить, что подразумеваемый здесь принцип справедливости — быть может, сначала усматриваемый яснее, чем какой-либо иной, — по мере «социального прогресса» приобрел более значительную определенность как относительно признания, так и по более широкому применению и большей принудительности». Таким образом, теперь нарушение права собственности посредством недозволенного присвоения корня репы или нескольких ветвей хвороста стало проступком, подлежащим наказанию; право собственности установилось на песню, на узор, на фабричное клеймо.

§ 301. Многие в наше время полагают, что справедливость и моральный принцип требуют переступить границы этого права. Они считают несправедливым, чтобы каждый человек пользовался выгодами, пропорциональными его усилиям; они отвергают, чтобы человек мог по справедливости обладать всем, что произвел его труд, предоставляя менее способным обладать тем, что произведено их трудами.

Выражая это учение в его кратчайшей форме, его можно формулировать таким образом: «Пусть неодинаковые роды или количества работы доставляют равные доли продукта; пусть произойдет равный раздел неравным образом заработанного»).

Очевидно, что коммунизм подразумевает нарушение справедливости, как мы ее определили в предыдущих главах. Когда мы утверждаем, что свобода каждого ограничена лишь такою же свободой всех, то этим самым утверждаем, что каждый может свободно удерживать в свою пользу все те выгоды и источники выгод, которые добывает, не нарушая сферы деятельности соседей. Итак, если кто-либо, помощью превосходства силы, ума или прилежания, приобретает более, чем другие лица, и делает это, нимало не вторгаясь в чужие сферы, то закон равной свободы предоставляет ему исключительное обладание всеми подобными экстренными выгодами или источниками выгод. Да и другие лица не могут отнять их у него, не потребовав для себя более значительной свободы действия, чем сколько он требует, и таким отнятием нарушают тот же закон.

В прежние времена устраивали так, что немногие высшие пользовались выгодами на счет многих низших. Теперь предлагают ввести порядок, при котором многие низшие должны были бы воспользоваться выгодами на счет немногих высших. Старинная социальная система была принята людьми, признававшими ее справедливою; Новая признается справедливою людьми, ее предлагающими. По их мнению, такое распределение без всякого сомнения следует считать справедливым, а поэтому его можно по справедливости установить силою; применение силы, если не открыто, то молча, подразумевается такими планами. Насколько человеческая природа известна из прошлого и из настоящего, тот, кто обладает превосходством физической или умственной силы или большим прилежанием в работе и кто вследствие этого зарабатывает более других, не согласится добровольно отдать избытки другим. Там и сям найдется человек, готовый сделать это, но такие люди далеко отличаются от среднего человека. Средний человек из числа высших не захочет добровольно отдать другим избыток выгод, добываемых им в силу превосходства; стало быть, все такие планы подразумевают, что он будет принужден поступить так и что сила, принуждающая его, заслуживает оправдания. Обе стороны согласны в том, что многочисленные низшие физически способны принудить к этому немногих высших; но коммунисты идут далее, допуская, что требуемое насилие со стороны большинства худших над меньшинством лучших было бы актом справедливости.

После того что было сказано в первых главах этой части, едва ли стоит подчеркивать, что система, установленная в коммунистическом учении, повлекла бы за собою вырождение граждан и гибель общества, образованного из таких граждан. Устранение той естественной дисциплины, посредством которой каждая порода существ остается приспособленною к деятельности, требуемым жизненными условиями, неизбежно повлечет за собою негодность для жизни, а стало быть, приведет к быстрому или медленному исчезновению.

§ 302. Итак, абсолютная этика утверждает, таким образом, право собственности; нарушение же этого права, вроде того, какое подразумевается проектами коммунистов, не гарантируется тою относительною этикою, которая принимает во внимание временные нужды. Однако относительная этика требует таких ограничений права собственности, которыми по необходимости покрывается стоимость охраны, как национальной, так и индивидуальной.

В самом начале книги нами была признана та истина, что сохранение вида или же той его разновидности, которая образует данную нацию, является целью, которая должна предшествовать индивидуальному сохранению. Истина эта уже была подчеркнута при оправдании того пожертвования правом жизни, которое подразумевается возможностью гибели во время оборонительной войны. Она оправдывает и то жертвование правом свободы, которое требуется в тех же случаях военною службою и подчинением. Здесь также надо указать на законность присвоения тех частей имущества и заработков частных лиц, которые могут потребоваться для надлежащего сопротивления врагам. Но в то время как оборонительная война доставляет почти этическое оправдание всякого нарушения прав собственности, какое понадобится для ее целей, ничего подобного нельзя привести в оправдание, когда речь идет о наступательной войне.

Не менее очевидно, что право собственности законным образом подвергается еще одному дальнейшему ограничению. Собственность приходится нарушать для поддержки тех общественных управлений, которые служат, в свою очередь, для принудительной поддержки права собственности и всех других прав. В обществе, целиком составленном из людей, должным

образом уважающих взаимные притязания, никакие подобные частные вторжения в право чужой собственности не были бы возможны; но в существующих обществах и в таких, которые, по-видимому, будут еще существовать в течение долгого времени, наибольшее приближение к выполнению закона равной свободы достигается в том случае, когда разные вторичные права жертвуются в степени, необходимой для сохранения всех остальных. Итак, относительная этика гарантирует такое равномерно распределенное податное обложение, какое необходимо для поддержания порядка и безопасности.

XIII ПРАВО НЕВЕЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

§ 303. Даже собака, вступающая в драку не только за найденную кость, но и за сюртук или иной предмет, оставленный ей хозяином на попечение, способна признать право собственности на видимый, осязаемый предмет; отсюда ясно, что для понимания права на материальную собственность требуется лишь ничтожная доля ума. Гораздо большая понятливость требуется там, где собственность невидима и неосязаема. Требуется творческое воображение для того, чтобы понять существование продукта мыслительной способности; еще более высокое творческое воображение необходимо для того, чтобы понять, что продукт умственного труда точно с таким же основанием может признаваться собственностью, как и продукт ручного труда. Будем ли мы рассматривать положительный или отрицательный элемент права, в обоих случаях можно доказать, что оба рода труда стоят на равной ноге. Вспомним, что справедливость, с положительной точки зрения, состоит в том, что каждое лицо получает выгоды и невыгоды, зависящие от его собственной природы и вытекающего из нее поведения. Отсюда ясно, что если какое-либо лицо достигает какого-либо результата помощью умственного труда, оно должно пользоваться всеми благами, естественно вытекающими из этого результата. Справедливость, как мы ее определили, требует, чтобы связь между поведением и последствием в этом случае испытала не более значительные помехи, чем во всяком другом. Притязание на предвиденное благо имеет полную силу.

Не менее очевидно, что отрицательный элемент справедливости, удерживающий у общественных существ деятельность каждой из них в пределах, определенных сходными деятельностями всех остальных, воспрещает присвоение произведений чужой умственной деятельности или, точнее, воспрещает пользование без согласия произведшего, если это пользование такого рода, что изобретатель хотел извлечь из него выгоду от других

лиц. Пусть, например, А издал какое-либо умственное произведение; если В, С, D станут пользоваться этим без согласия А, то тем самым нарушают закон равной свободы; действительно, они в отдельности воспользовались выгодой, воспользовались продуктом умственного труда А, не доставив А удобного случая извлечь выгоду от пользования какими-либо равноценными продуктами, вещественными или умственными, их собственного труда. Если на это ответят, что умственное произведение А не отнимается у него другими лицами, которые только пользуются этим плодом его труда, то обратно можно сказать, что для произведений ума, как и для материальных вещей, пользование другими лицами может составлять имеющийся в виду источник выгод. Кто строит дом или нанимает его или кто делает экипаж, затем нанимаемый путешественником, считается обманутым людьми, занимающими дом или нанимающими коляску без уплаты за нее. Он произвел нечто не для собственного, а для чужого употребления и не получает взамен той ожидаемой выгоды, ради которой построил или сделал что-либо. Даже если не было заключено определенного соглашения насчет уплаты ренты или наемной платы, все допускают, что собственник потерпел ущерб. Подобным же образом, хотя тот, кто создал какое-либо произведение ума, не лишается его вследствие пользования другими лицами, однако даже при отсутствии между ними определенного соглашения он оказывается обманутым, если другие пользуются его трудом, не доставляя ему выгод, ради которых он работал.

Есть два рода умственных произведений, от пользования которыми со стороны других лиц авторы этих произведений ожидают выгоды: во-первых, произведения литературные, музыкальные, скульптурные и т.п., во-вторых, изобретения механические или иные. Рассмотрим их порознь.

§ 304. Человек может читать, слушать, наблюдать сколько угодно, не уменьшая свободы подобных же действий других лиц. Знание, приобретенное таким образом, может быть переработано, переорганизовано, и из него может быть получено новое знание без нарушения прав ближних. Удерживает ли он добытые таким образом выводы для себя, будут ли это выводы, ценные для практического руководства, или же мысли, имеющие

эстетическое значение, никто не вправе сказать, что он переступает границы индивидуальной свободы; и даже если он их не хранит про себя, но решается на опубликование, то может, не нарушая ничьих прав, поставить свои условия. Другие вправе принять их или отвергнуть, и если отвергнут, то их прежнее положение ничуть не изменится. Но если другие пренебрегут его условиями, то положение меняется. Он продал им экземпляры книги, сам или через посредника, подразумевая, что за такую-то сумму он предоставляет им, вместо печатной бумаги, право чтения или право ссужать другим для чтения, но не право воспроизведения книги; поэтому каждый, перепечатавающий книгу, нарушает условие и совершает насилие. В обмен за уплаченные деньги он пользуется выгодой далеко важнеею, нежели та, которая предполагалась за деньги.

Странным образом, существуют интеллигентные люди, уверяющие, что как только книга издана, она становится общественным достоянием; из принципа свободы торговли будто бы вытекает, что каждый вправе перепечатать книгу и продавать экземпляры в свою пользу. Они утверждают, что литературная собственность — монополия и ее нельзя считать одной из форм частного права. Но если нарушение права литературной собственности не нарушает ничьих прав, то каким образом взятая вещь может обладать ценностью? А если она не обладает никакой ценностью, то взявший ее не будет в худшем положении, если ему воспрепятствуют взять. Если же он от этого теряет, то ясно, что она приобрела некоторую ценность. А так как это нечто, обладающее ценностью, не есть продукт природы, то получение его должно произойти на счет кого-либо, кто произвел эту ценность искусственно. Как я сказал, несколько лет тому назад: «Члены комиссии о литературной собственности и выслушанные ими эксперты имели намерение если не совсем упразднить право литературной собственности, то, во всяком случае, ограничить его таким образом, что это было бы близко к его упразднению, и эти лица действовали так во имя предполагаемых интересов свободы торговли и пытались дискредитировать авторское право, как оно теперь признается, называя его монополией. В политико-экономическом смысле слова монополия есть учреждение, при котором одно лицо или группа лиц получают по закону право исключительного пользования

известными естественными продуктами, деятельностями или удобствами, которые при отсутствии такого закона были бы доступны всем. Противником монополии является тот, кто, не требуя ничего от монополиста в смысле прямой или косвенной помощи, требует лишь того, чтобы ему самому было предоставлено пользоваться этими естественными продуктами, силами или удобствами. Он желает вести дело, которое не ставит его даже самым отдаленным образом в зависимость от монополиста, но которое он может вести так же или даже лучше при отсутствии монополиста и при отсутствии всего, сделанного этим последним. Обратимся теперь к торговле литературными произведениями и спросим, в каком положении находится так называемый фритредер и так называемый монополист? Разве так называемый монополист, т.е. автор, воспрещает так называемому фритредеру, т.е. учителю контрафакции, пользоваться любыми приспособлениями или процессами, интеллектуальными или механическими, посредством которых производятся книги? Нет. Все это остается общедоступным. Желает ли так называемый фритредер просто воспользоваться этими общедоступными удобствами независимо, точно так же, как мог бы сделать, если бы так называемого монополиста и его трудов не существовало? Нет. Он желает быть зависимым, желает приобретать выгоды, которых не мог бы иметь, если бы так наз. монополист и его труды отсутствовали. Вместо жалоб настоящего фритредера на то, что монополист является для него камнем преткновения, ложный фритредер жалуется на то, что не может утилизировать некоторые средства, созданные трудом человека, которого он называет монополистом. Истинный фритредер желает только пользоваться естественными удобствами и жалуется на искусственные помехи. Ложный фритредер, не довольствуясь естественными удобствами, жалуется на то, что не может без покупки воспользоваться искусственным содействием. Некоторые противники права литературной собственности выразили перед комиссией изумление по поводу того, почему авторы до такой степени ослеплены эгоистичными интересами, что не усматривают в защите своих притязаний защиты монополии. Но авторы могли бы основательно выразить свое изумление по тому поводу, что профессиональные истолкователи политико-экономических доктрин смешивают случай, когда

человек желает промышлять таким образом, как если бы другого известного человека вовсе не существовало, с тем случаем, когда человек стремится промышлять способом, невозможным для него при допущении отсутствия известного другого лица. Весь довод противников права литературной собственности основан на смешении двух радикально противоположных вещей, и с установлением надлежащего различия этот довод уничтожается» (Edinb. Rev. Oct. 1878, pp. 329—3).

Итак, рассматривая право литературной собственности как вывод из основного начала справедливости, едва ли можно отвергать это право хотя бы с тенью основания.

§ 305. Сначала обычаи, а затем законы признавали права авторов умственных произведений. Первоначально авторы «вознаграждались приношениями слушателей или же меценатством тех вельмож, в чьих домах они читали свои произведения», причем тот, кто уклонялся от вознаграждения, признавался поступающим дурно или даже бесчестно. В позднейшую эпоху римской истории авторское право до того установилось, что приобрело коммерческую ценность. Копингер указывает, что многие древние авторы продавали свои произведения, так, например, Теренций продал свои комедии *Eunuchus* и *Nesurga*, а Стаций свою *Agave*. Этим подразумевается, что если не по закону, то на деле переписчики приобретали исключительное право пользования манускриптами. У нас, в Англии, справедливые притязания авторов были утверждены законом в последние два столетия. Акт Карла II запретил печатание какого-либо труда без согласия автора, и право литературной собственности настолько установилось, что стало предметом покупки и продажи. В 1774 г. было решено, что обычное право предоставляет автору или его уполномоченному исключительное право издания на вечные времена; но этот период был сокращен одним предшествующим статутом до известного срока. Принцип этот был затем распространен на другие формы умственных произведений. Как указано в статье Робертсона, разного рода произведения искусства подвергались тем же узаконениям посредством актов: 8 — Георга II, глава 13, 7 — Георга III, глава 38, и 38 — Георга III, глава 71 (модели и формы); драматические произведения — см. акты 3 и 4 Вильгельма IV, гл. 15; лекции 5

и 6 Вильгельма IV, гл. 65: музыкальные произведения — 5 и 6 Виктории, гл. 45; литографические произведения 15 и 16 Виктории, гл. 12 и рисунки в 1862 г.

Законодатели, а также те, которые рассматривали вопрос с этической точки зрения, не легко могли решить задачу о надлежащем сроке действия литературного права. Должно ли это право быть неограниченным для автора и его потомков, или быть пожизненным, затем еще продолжаться несколько лет или же быть только пожизненным? Нет очевидной причины, почему собственность этого рода не подлежала бы общим законам владения и завещания наравне со всякой другой собственностью. Если скажут, что язык, знания и другие произведения прошлой культуры, составляя предмет пользования автора или артиста, принадлежат обществу как целому, то ответ будет тот, что эти умственные продукты цивилизации доступны всем и что автор или артист, пользуясь ими, не уменьшал для других возможности такого же пользования.

Не отнимая ничего от общего запаса, он просто соединил с некоторыми составными частями этого общего достояния нечто, исключительно ему одному принадлежащее — свои мысли, выводы, чувства, техническое искусство: вещи, принадлежащие ему с большим основанием, нежели любые видимые и осязаемые вещи — их обладателям, так как все эти последние содержат сырой материал, который был изъят из возможного пользования других лиц. Так что в сущности произведение умственного труда может быть рассматриваемо как собственность в более полном смысле слова, нежели продукт телесного труда, так как то, что составляет ценность этого труда, исключительно создано работающим. А если так, то нет никакого основания, почему бы продолжительность владения в этом случае не могла быть по крайней мере такою же значительною, как и в других случаях.

Чтобы покончить с этим вопросом, однако, достаточно здесь отметить, что право собственности на этот род умственных произведений, выведенное выше из формулы справедливости, в позднейшие эпохи цивилизации было воплощено в законодательную форму; и это законодательное воплощение стало более широким и более подробным с тех пор, как социальное развитие стало выше.

§ 306. Сказанное выше относительно книг и произведений искусства применяется, помощью простого изменения терминов, и к изобретениям. Придумав или осуществив какое-либо новое или отчасти новое механическое приспособление или указав какой-либо новый процесс, отличающийся от раньше известного или превосходящий его достоинствами, изобретатель не в большей мере пользуется прежними идеями, орудиями, материалами, процессами, нежели всякое другое лицо. Он не урезывает ничьей свободы действий. Поэтому, не переступая предписанных границ, он может требовать исключительно в свою пользу выгод от своего изобретения; а если он раскрывает свою тайну, то, не принося никому ущерба, он вправе продиктовать условия для пользования. Наоборот, постороннее лицо, не принимающее его условий, не вправе воспользоваться его изобретением, не нарушая закона равной свободы; действительно, это лицо присваивает плод труда изобретателя, не позволяя последнему присвоить равноценного продукта труда этого постороннего лица или равноценного обладания чем-либо другим.

Если, истратив годы на размышление или на производство опытов и присоединив денежные расходы к мозговому и ручному труду, человек не может добиться вытекающих отсюда выгод, то этот факт шокирует совесть большей части людей. Он еще больше заденет их при сопоставлении с тем фактом, что существует множество притязаний, не подразумевающих никакого труда или жертвы и тем не менее не только терпимых, но предъявляемых с настойчивостью. Спекулянт, «делающий деньги» игрою на повышение акций, владелец синекуры, долго получавший большое жалованье за ничегонеделание, даже потомок любовницы какого-нибудь короля, получающий пенсию, пожалованную на вечные времена, пользуются нежным признанием своих условно установленных прав, тогда как механик, работавший с утра до ночи, быть может, расстроивший здоровье и растративший все свои средства и, наконец, усовершенствовавший машину, дающую поразительные результаты, как утверждают, не приобрел никакого «признанного интереса», несмотря на безвозвратно затраченную им жизненную энергию. Большая часть его ближних признают вполне в порядке вещей, что он жертвует временем, деньгами и трудом, порою насмехаясь

над ним как над сумасбродным изобретателем; но если, к их изумлению, ему повезет и благодетельные результаты, достигнутые им, станут очевидными, то раздается восклицание: «О! Это монополия, этого нельзя допустить!» Если даже власть имущие примут меры к охране его и ему подобных, если он, сверх того, в состоянии заплатить в виде взятки плату за патент¹, то такие меры имеют в виду не справедливость, а политику. «Патент не есть вещь, которую можно было бы требовать как право», — говорят юристы. Он имеет целью «действовать, как стимул, для поощрения предприимчивости и таланта». Итак, хотя похитить наименьший материальный продукт есть преступление, подлежащее каре, как, например, когда мальчишка-лавочник стащит один пенс из выручки, — но умственный продукт, как бы велика ни была его ценность и какого бы чудовищного труда он ни стоил, может при отсутствии известных законных формальностей быть обращен капиталистом в чудовищную прибыль без всякого наказания и без позора.

Даже если бы какое-либо изобретение не принесло никакой пользы обществу, пока оно не отдано на всеобщее пользование бесплатно, то все же не имелось бы никакого справедливого основания для пренебрежения притязаниями изобретателя, точно так же, как нет основания пренебрегать правами того, кто работает на своей ферме для своего собственного блага, а не для блага общества. Как бы то ни было, общество неизбежно выигрывает в неизмеримо больших размерах, нежели изобретатель. Прежде чем он может приобрести какую-либо выгоду от своих новых процессов или аппаратов, он должен доставить выгоды своим ближним, т.е. либо снабдить их лучшими предметами по обыкновенной цене или такими же предметами по низшей цене. Если это ему не удастся, то и самое изобретение останется мертвою буквою; если удастся, то он почти целиком передаст всему миру новый открытый им источник богатства. Сравним с прибылью, полученною Уаттом от его патентов, прибыли, полученные его нацией и другими нациями от его усовершенствований в конструкции паровой машины; становится очевидным, что доля изобретателя бесконечно мала по сравнению с долей

¹ Немного лет тому назад все расходы в Англии на патент составляли несколько сот фунтов стерлингов.

человечества. А между тем немало есть людей, готовых присвоить себе даже эту ничтожно малую долю!

Но необеспеченность этого рода умственных произведений, как и необеспеченность материальной собственности, приносит гибельные результаты. В обществе, таким образом управляемом, что накапливающий богатство не может удержать его, явится расстройство благосостояния вследствие отсутствия капиталов; точно так же у народа, пренебрегающего притязаниями изобретателя, усовершенствования неизбежно будут испытывать помехи, а промышленность пострадает. Действительно, в среднем выводе, изобретательные люди перестают напрягать свои мозги, не имея в перспективе никакого вознаграждения за свои труды. Здесь, однако, мы имеем в виду главным образом заметить, что если не по мотивам справедливости, то по мотивам политического благоразумия притязания изобретателей медленно установились законодательным путем. В нашей собственной стране патенты первоначально выдавались в виде милости; в течение долгого периода их смешивали с монополиями в настоящем смысле этого слова; однако, когда в 1623 г. настоящие монополии были признаны незаконными, было сознано различие между ними и исключительными правами, предоставляемыми изобретателям. Кроме убеждения, что выгодно поощрять изобретателей, здесь, быть может, играло роль смутное сознание, что в случае настоящей монополии другие лица нимало не обязаны монополисту за способность выполнять свои деятельности; все сознают, что могли бы действовать так же или гораздо лучше, если бы он даже никогда не существовал; наоборот, когда речь идет о так называемой монополии изобретателя, то другие лица, пользующиеся его изобретением, обязаны ему, и если бы изобретатель никогда не существовал, то они были бы неспособны сделать то, что теперь делают с его помощью. Существовало ли это смутное сознание или нет, во всяком случае права изобретателя, сделанные принудительными в течение нескольких столетий, наконец стали охраняться более заботливо, и значительное понижение платы за патент уменьшило помехи, препятствовавшие получению законодательной охраны. К этому следует добавить, что подобное же возращение признанной законом охраны явилось и в других странах; например, и в гораздо большей степени, мы видим то же

в Америке; результатом явилось превосходство в приспособлениях, направленных к сбережению труда.

Следует указать ограничение права, таким образом выставленного на вид и оправданного нами. Новейший опыт убедил в той истине, что открытия и изобретения, являясь отчасти результатами индивидуального гения, частью вытекают из ранее существовавших идей и приспособлений. Опыт новейшего времени показал также, что приблизительно около того времени, когда один человек делает открытие или изобретает машину, другие люди, обладающие подобными же знаниями и подобною же изобретательностью, находятся на пути к тому же самому открытию или изобретению, и в течение не очень долгого периода это открытие или изобретение почти наверное будет сделано в другом месте — быть может, более чем одним лицом. Продолжительное исключительное пользование изобретением будет поэтому несогласно с другими справедливыми притязаниями, могущими возникнуть; поэтому является необходимость для ограничения периода, в течение которого данный человек может по справедливости пользоваться охраной. На сколько лет должна простираться охрана — это вопрос, не подлежащий здесь ответу; и действительно, ответ может быть только эмпирическим. Для определения надлежащего периода необходимо принять во внимание наблюдаемые промежутки времени, обыкновенно протекающие между сходными или тождественными изобретениями, сделанными разными лицами. Могло бы явиться некоторое признание продолжительного обдумывания и упорных усилий, необходимых для осуществления изобретения. В расчет также должна быть принята оценка, основанная на фактических свидетельствах, вероятного промежутка, в течение которого исключительное пользование изобретением должно быть обеспечено для того, чтобы сделать возможным соответственное вознаграждение за труд и риск. Очевидно, это такой случай, когда отношения данной личности к другим личностям и к обществу настолько запутанны и смутны, что нельзя достичь ничего, исключая приблизительно справедливой оценки.

§ 307. Но здесь приходится иметь дело с другим родом того, что можно назвать не вещественною собственностью; различие от предыдущих случаев здесь в том, что эта собственность не дает,

в конце концов, физической выгоды, но лишь психическую, зависящую от приятной эмоции, причиняемой одобрением других людей.

Эта форма невещественной собственности действительно сопровождает формы, возникающие из умственных произведений. Репутация, достигнутая поэмой, историческим рассказом, научным трактатом, произведением пластического искусства или же музыкальным произведением, рассматривается автором произведения как часть награды за его труд — порою даже главная часть. И в то же самое время, так как он обладает правом на вытекающую отсюда репутацию, то попытка другого лица приобрести часть этой репутации или целое путем плагиата признается бесчестною. Хотя не существует законной кары за этот род воровства, однако существует общественная кара. Подобное же справедливо относительно открытия или изобретения. Не только денежная прибыль рассматривается как справедливо принадлежащая автору, но так смотрят и на восхищение, относящееся к его таланту или глубокомыслию, и на порицание, относящееся к каждому, кто старается выдавать себя за изобретателя. Если не громогласно, то молчаливо приобретенная у ближних репутация признается вещью, которою должно пользоваться, тогда как присвоение этих прав клеймится как бесчестное дело. Приобретенная репутация рассматривается как невещественная собственность.

Другой, гораздо важнейший род невещественной собственности, это тот, который проистекает не из умственных произведений, но из морального поведения. Если репутация, достигнутая умственными деятельностями, принимающими форму творчества, с полным основанием может считаться невещественной собственностью, то еще с большим основанием можно относиться так к репутации, зависящей от душевных деятельностей, обнаруживаемых в прямоте, правдивости, умеренности, хорошем поведении вообще, словом, во всем том, что мы называем характером. Лишать кого-либо такой репутации еще более позорно. Добытое, подобно всякой иной собственности, посредством старания, самоотречения, настойчивости и точно также доставляющее обладателю удобные пути для достижения его целей и для удовлетворения разных потребностей уважение других лиц есть собственность, представляющая сходство

с осязательными имуществами. Действительно, подобно осязательным имуществам, оно обладает денежной ценностью, так как признаваться честным значит пользоваться предпочтением, в качестве человека, с которым можно спокойно вести дела. Утратить репутацию значит потерять дела. Но помимо этого результата имущество, зависящее от общего расположения, для многих представляется более ценным, чем имение, состоящее из земельной собственности. Для некоторых людей приобретение прекрасной репутации может быть более богатым источником благ, чем приобретение банковых билетов или железнодорожных акций. Поэтому люди, вложившие свой труд в благородные дела и приобретающие в виде процента наилучшие пожелания и сердечные приветствия со стороны общества, могут быть рассматриваемы как обладающие правами на это вознаграждение добродетели, подобно тому как другие лица, вознаграждаемые за свое усердие. Разумеется, это справедливо не только относительно лиц, отличающихся необычайным достоинством, но и относительно всех. В той мере, в какой каждый законно приобрел хорошую репутацию, мы должны признавать за ним право на нее как на имущество — и притом такое, которое, если даже не цитировать банального изречения Яго, должно считаться более ценным, чем всякое другое.

Главный признак, которым этот продукт хорошего поведения отличается от других продуктов психической деятельности, состоит в том, что хотя подобно этим продуктам он может быть отнят, но не может быть присвоен похитителем. Это, быть может, служит основанием, почему воспреещение оскорблять чужую репутацию имеет характер скорее запрещения, относящегося к отрицательной благожелательности, чем к справедливости; это служит пояснением той истины, что подразделение этики на отделы не во всех случаях может быть отчетливо проведено. Однако хорошая репутация приобретается действиями, выполняемыми внутри предписанных пределов, и действительно является отчасти результатом уважения к этим пределам; и так как каждый, кто разрушает, отчасти или вполне, приобретенную таким образом хорошую репутацию, тем самым вмешивается в чужую жизнь, не испытывая подобного же взаимного вмешательства, то отсюда можно вывести, что право на репутацию есть следствие из закона равной свободы. Можно

сказать, что каждый испытывающий подобное оскорбление, может (по крайней мере в некоторых случаях) отомстить обидчику; это мы видим в случае взаимных оскорблений или, как у вульгарных людей, при взаимной ругани. Но ответ будет тот, что, как показано в главе VI, закон равной свободы, при правильном его истолковании, не позволяет обмена обидами. Отвергая физическое возмездие, он не допускает и морального возмездия.

Итак, хотя, лишив другого репутации, похититель не может присвоить ее себе, во всяком случае отнятие репутации есть все же нарушение закона равной свободы таким же самым образом, как и порча чужих платьев или поджигательство чужого дома.

Это соображение относится только к тем случаям, в которых хорошая репутация, кем-либо достигнутая, была приобретена справедливым образом; оно не касается случаев, когда такая репутация была приобретена обманом или явилась следствием незнания других людей. Следовательно, нельзя сказать, что совершает правонарушение тот, кто оскорбляет чужую репутацию, утверждая факты, противоречащие ей, но неизвестные обществу. Он просто отнимает то, чем не следовало обладать. Как бы мы ни судили о его поступке, его нельзя сравнивать с действиями, при которых отнятая репутация была законною собственностью. Действительно, во многих случаях его поступок влечет за собою благо людей, а в некоторых случаях он действует из желания предупредить дурные последствия, могущие угрожать этим людям. Поэтому, если даже считать такой поступок наказуемым, наравне с лишением другого лица репутации, принадлежащей ему по праву, то во всяком случае, по-видимому, нет никакой гарантии для такого наказания.

Остается отметить, что заслуживают порицания те, которые содействуют лишению репутации, повторяя оскорбительные утверждения и не дав себе никакого труда проверить их истинность. В настоящее время распространяющие клевету, не вникая в факты или не взвешивая вероятности, большую частью признаются не совершившими какого-либо проступка; но со временем, быть может, увидят, что их не следует обелять. Впрочем, законодательство не обеляет их, но признает подлежащими наказанию.

Как и в предыдущих случаях, так и здесь, этические требования добиваются наконец законодательного признания. Воспреещение лжесвидетельства против ближнего относится к очень древней эпохе. Пасквиль, направленный даже против умершего, был наказуем по римскому праву.

На низших ступенях цивилизации, однако, охрана репутации посредством наказания пасквильянтов была установлена главным образом в интересах высших классов. Буддистский кодекс предписывал суровую кару за оскорбительную речь против человека самой высшей касты. В ранний период истории новых европейских народов люди с положением, предполагалось, охраняли свою репутацию, как и свои владения, силою оружия. Позднее явилась законодательная охрана высших классов против оскорбления низшими, так как в этом случае поединок признавался неуместным.

В правление Эдуарда I это средство было придумано в Англии, а еще полнее оно было установлено с этой преднамеренной целью Ричардом II. Вместо того чтобы быть законом в пользу привилегированного класса, закон против диффамации наконец обратился на пользу всех классов, и в наше время он постоянно применяется с успехом — можно даже сказать, с слишком большим успехом, так как то, что могло бы признаваться справедливой критикой, порою признается диффамацией. Здесь, как и раньше, вывод, вытекающий из основного принципа справедливости, по мере развития общества воплотился в форму закона.

XIV ПРАВА ДАРЕНИЯ И ЗАВЕЩАНИЯ

§ 308. Полное право собственности на какую-либо вещь подразумевает возможность передать право собственности другому лицу, так как частное или полное запрещение подразумевает частную или полную собственность со стороны власти, издающей запрещение, и, стало быть, ограничивает или же нарушает право собственности. Поэтому, допуская право собственности, мы тем самым допускаем право дарения.

Это последнее, действительно, коренится так же глубоко, как и первое. Если мы обратимся назад, к тем условиям сохранения особи и вида, из которых могут быть выведены основные принципы этики, то увидим следующее: индивидуальное самосохранение зависит от обычной поддержки естественного отношения между усилиями и продуктами усилий; сохранение же вида зависит от перенесения частей этих продуктов в приготовленном или же в сыром виде от родителей к потомству.

Способность отдать то, что было приобретено, служит, следовательно, основой жизни каждого вида, включая человеческий вид.

Разумеется, нельзя указать такой же гарантии в пользу права дарения другим лицам вместо своего потомства. В пользу этого права мы скажем, во-первых, что оно есть следствие из права собственности; во-вторых, что оно вытекает из первичного принципа справедливости. Соединенный акт дарения и получения прямо касается только дарителя и получателя и не касается всех других лиц настолько, насколько речь идет об их свободе действия. Передача какого-либо имущества от А к В может, правда, касаться С, D, E и т.д., являясь помехой известным деятельности, на которые они рассчитывали. Но так как расчет их мог оправдаться или не оправдаться, то этого рода деятельности нельзя включить в число тех, которым нельзя препятствовать без нарушения прав. Их данные сферы деятельности остаются неприкосновенными.

Если право дарения кому-либо, кроме потомства, должно быть обсуждаемо с точки зрения пользы, то можно привести сильные основания в защиту мнения, что неограниченное дарение не должно быть допускаемо. Взвесив основательно факты, приводимые Обществом организации благотворительности, а также лицами, исследовавшими результаты беззаботной раздачи подаваний, мы будем склонны думать, что благотворительность (ложно называемая этим именем) причиняет больше бед, чем все преступления: отсюда, быть может, мы выведем, что было бы полезно запретить подачу милостыни. Но в этом случае всеобщее убеждение в этом праве так сильно, что никому и не снится отрицать его на основании принципа пользы.

Законодательство ясно признает этот вывод из закона равной свободы. Не обращаясь назад к поискам за законом, утверждающим право дарения, так как (в Англии), быть может, такого закона не существует, достаточно указать на подразумеваемое признание его в одном акте Елизаветы. Акт этот утверждает, что действие дарения имеет силу относительно дарителя, но оно ничтожно, если противопоставляется на суде требованиям кредиторов: этим действительно подразумевается, что хотя человек может отдать свою собственность, но не может дать того, что по справедливости принадлежит другим лицам.

§ 309. Право дарения подразумевает право завещания, так как завещание есть отсроченный дар. Если человек может законным образом передать другому то, чем владеет, то он вправе назначить и время, когда должен состояться переход. Если он делает это посредством завещания, то этим отчасти совершает перевод имущества на другое имя, но такой, который должен произойти, лишь когда его собственное право владения прекратится. Но его право делать дар, подверженный этому условию, включается в его право собственности, так как иначе его право собственности неполно.

Одно из следствий состоит в том, что завещателю нельзя справедливым образом воспрепятствовать распределить свою собственность, насколько речь идет о выборе наследников или доле, назначенной им. Если другие люди корпоративно решат, что он должен дать что-либо А и не дать В или дать А, В и другим такие-то доли, то этим самым эти другие делают себя участниками

в его собственности, которую придется распорядиться согласно их, а не его намерениям, и так как здесь мы видим вмешательство в его право завещания, то можно сказать, что в этом смысле собственность изымается из его владения еще при его жизни.

Общая истина, что цивилизованный человек располагает большею свободой действия, чем полудивицизованный или нецивилизованный, поясняется, между прочим, тем фактом, что право завещания, первоначально едва признаваемое, установилось постепенно. До установления закона обычай, не менее повелительный, нежели закон, обыкновенно предписывает способы перехода собственности по наследству. У многих полинезийцев существует право первородства, а на Суматре раздел на равные доли между сыновьями. У готтентотов и дамара существует принудительное первородство по мужской линии. На Золотом Берегу, а также в некоторых частях Конго наследуют родственники по женской линии. У эга и соседних народов наследование старшим сыном включает даже жен его отца, исключая его собственной матери. В Тимбукту определенная обычаям доля сына вдвое превышает долю дочери, тогда как порою у ашанти и обыкновенно у фулахов наследуют рабы и приемыши; некоторая свобода завещания существует, таким образом, у этих высших из африканских рас. В Азии обычай, господствующий у арабов, тода, гхондов, бодо и дхимальов, требует раздела по ровну между сыновьями.

Сыновья сестры наследуют собственность у казиа; и только у каренов и мишми, судя по рассказам, отец вправе распоряжаться своим имуществом, как ему вздумается.

Сказанное выше относится к европейским народам в древние времена.

Тацит пишет о первобытных германцах, что «у них нет завещаний»; Беллоэ утверждает, что «кельтские обычаи, как и германские, не допускали права завещания», а Кенигсвартер говорит то же о саксах и фризах. Первоначальная общинная собственность перешла в семейную, так что имение нельзя было отчуждать от детей и других родственников. В меровингский период движимое имущество можно было завещать, но землю — только при отсутствии наследников. Феодализм, унаследовав эти обычаи и требуя, чтобы каждое ленное владение доставляло свой контингент вооруженных людей под надлежащим

предводительством, урегулировал для этой цели способ наследования земельной собственности, и в этом смысле отверг право завещания.

Но рост индустриализма, с его более свободными формами социальных отношений, привел за собою возрастание свободы в деле распоряжения собственностью; это достигло высочайшей степени там, где индустриализм всего более подчинил себе милитаризм, а именно у нас самих и у американцев. Во Франции государство решает за завещателя, какая часть его собственности должна быть распределена между его родственниками; подобное же ограничение права завещания существует и в других европейских государствах. Но у нас свобода завещания для движимости не подвергается никакому ограничению относительно распределения, и хотя относительно заповедной недвижимости право собственности ограничено и осуществляется лишь при известных условиях, однако существует явная тенденция к устранению этого последнего ограничения.

§ 310. Но хотя наряду с правом дарения право завещания вытекает из права собственности и хотя право собственности по справедливости включает право оставлять определенные доли кому угодно, но отсюда вовсе не следует, чтобы кто-либо мог указать нравственную гарантию в пользу предписывания наследникам, как распоряжаться с оставленною им собственностью.

Если просто выставить такое предложение, что умерший человек может иметь право собственности на какую-либо вещь, то оно явно нелепо; однако в скрытой форме посмертное право собственности признавалось в прежние времена в широкой степени — признается в значительной мере и теперь, и становится принудительным по той причине, что приходится выполнять повеления завещателя относительно пользования завещанным им имуществом. Действительно, всякое предписывание таких способов пользования, подразумевая продолжение некоторой власти над собственностью, предполагает также продолжение некоторого владения, стало быть, завещанное имущество вполне или отчасти изъимется из владения наследников. Немногие станут отрицать, что поверхность земного шара и вещи, на ней находящиеся, должны целиком принадлежать поколению, существующему в данное время.

Поэтому право собственности не может быть по справедливости истолковываемо таким образом, чтобы любое поколение имело право сказать последующим поколениям, для каких целей или с какими ограничениями они могут пользоваться поверхностью земли или находящимися на ней вещами.

Это заключение не в меньшей мере навязется нам, если мы обратимся снова к происхождению права собственности из законов жизни. Действительно, как мы видели, необходимое условие, относящееся к продолжению существования вида, состоит в том, что каждая особь должна получать выгоды и терпеть невыгоды своего собственного поведения. Необходимым условием продолжительного сохранения является то обстоятельство, что, если усилие было затрачено, продукт этого усилия не должен быть перехвачен или отнят. Если все это так, и если право собственности обладает этим биологическим условием для своего конечного оправдания — в таком случае вывод будет тот, что, являясь условием поддержания жизни, оно прекращается с прекращением жизни.

Стало быть, при строгом истолковании право дарения, когда оно принимает форму завещания, распространяется только на распределение завещанной собственности и не включает определения способов употребления этой собственности.

§ 311. Здесь, однако, мы встречаем некоторые ограничения, возникающие из того факта, что между людьми есть еще отношения, кроме тех, какие существуют между взрослыми гражданами, а именно — отношения родителей к потомству. Мы видели, что этика государства и этика семьи противоположны между собою по природе; поэтому если, как бывает по смерти родителя, обе эти этики вмешиваются в дело, то приходится вступать в компромисс.

Действительно, можно сказать, что если бы человеческая жизнь была нормальна, вместо того чтобы изобиловать ненормальностями, зависящими от ее переходного состояния, то затруднения возникали бы очень редко, так как смерть родителей не наступала бы, пока дети не станут взрослыми, а собственность, завещаемая им, могла бы переходить сразу в их владение без ограничений. Но так как при существующих условиях смерть родителей часто наступает в эпоху, когда дети неспособны

позаботиться о себе и о своей собственности, то отсюда вытекает, что для выполнения родительских обязанностей, насколько это возможно, родители должны назначить способ употребления завещанной собственности так, чтобы обеспечить благосостояние детей на время их несовершеннолетия. Так как продукты, добываемые усилиями людей, служат не только для их собственных потребностей, но и для поддержания потомства, то отсюда следует, что когда самосохранение преждевременно окончилось, приобретенные продукты могут справедливым образом быть завещаны на поддержание потомства; и так как пользование ими с этой целью более невозможно для родителя, то оно может быть поручено какому-либо другому лицу: подразумеваемое здесь продолжительное владение со стороны родителя прекратится, когда наследник станет взрослым.

Это завещание собственности при назначении опекуна ради пользы детей требует установления возраста, в котором они могут быть признаны способными заботиться о себе и о своем имуществе; при назначении такого возраста этические соображения нам не помогут. Все, что мы можем вывести из них, состоит в следующем: такое продолжительное право собственности со стороны умершего родителя, которое подразумевается распоряжениями, как пользоваться имуществом для блага детей, может по справедливости признаваться до того возраста, в котором, судя по обыденному опыту, люди признают несовершеннолетие окончившимся: возраст этот по необходимости будет неопределенным, так как он изменяется для каждого типа человечества, различно определяется народами того же типа и неодинаков для разных лиц.

§ 312. Здесь является другой, еще более запутанный вопрос. Конечный закон как дочеловеческой, так и человеческой справедливости производится от необходимых условий самоохранения и сохранения вида; от него, в свою очередь, происходят пожизненное право владения и право ограниченного посмертного владения, подразумеваемое завещанием детям имущества, попадающего под опеку. Представляется невозможным вывести аналогичным образом какое-либо дальнейшее право, целью которого было бы предписание способов пользования завещаемой собственностью. По-видимому, здесь невозможно что-либо, кроме

чисто эмпирического компромисса. С одной стороны, посмертное право собственности не подтверждается конечным принципом справедливости никогда, исключая только что упомянутого случая; с другой стороны, когда собственность была приобретена, быть может, посредством необычайного прилежания или большого искусства в ведении дел (причем подразумевается выгода для других, как и для себя) или, быть может, посредством изобретения, обладающего прочною ценностью для человечества, — тяжело допустить, чтобы собственник был вполне лишен возможности указывать на способы употребления после его смерти, особенно если у него нет детей и ему приходится оставить имущество выморочным или завещать его чужим.

Очевидно, здесь необходимо провести различие. Тот, кто владеет землею, подчиненною верховному общественному праву собственности, подтверждаемому как этикой, так и законом, не может на справедливом основании обладать возможностью завещать эту собственность на условиях, предполагающих постоянное отчуждение этой земли от общества. Относительно того, что называют движимостью, положение дел иное. Собственность, являющаяся продуктом усилий, приложенных к сырому материалу, за который был отдан эквивалент (представляющий собою столько-то труда), или происходящая от сбережений из заработной платы, либо жалованья, всякая собственность, которою обладают в силу справедливого установления отношений между действиями и их последствиями, относится к другой категории. Такая собственность, являясь долей того, что было уплачено обществом индивидууму за его труд и что не затрачено им на потребление, принадлежит ему настолько, что он с основанием может требовать при возвращении ее обществу, т.е. отдельным его членам или некоторой юридически установленной группе, права назначать точные условия, при которых завещание может быть принято. В этом случае нельзя сказать, чтобы отчуждалось что-либо принадлежащее другим лицам. Наоборот, другие получают то, на что они не имеют права. Они получают выгоды даже в том случае, если пользуются этим имуществом для предписанных целей; если же эти цели представляются им невыгодными, то им остается альтернатива — отказаться от дара. Далее, так как завещанное движимое имущество обыкновенно имеет форму денежного капитала, то право предписывать

способ его употребления на неограниченный срок может привести к тому, что капитал будет расходоваться на цели, бывшие хорошими в момент завещания, но ставшие иными по причине социальных перемен. Поэтому представляется необходимым эмпирический компромисс. Мы, по-видимому, должны прийти к тому, что завещателю принадлежит некоторое право руководить распоряжением собственности, не завещанной детям, но что это право должно быть ограничено и пределы должны быть установлены посредством испытания результатов.

§ 313. Так как общественное самосохранение стоит выше личного самосохранения, то отсюда следует, что существует гарантия для такого ограничения права завещания, которое возникает из необходимости покрывать стоимость охраны общества от других обществ и одних личностей от других. Допустим, что при существующих условиях справедливо относительно, чтобы общество, через посредство правительства, присваивало себе собственность каждого гражданина до степени, требуемой поддержкою национальной защиты и социального порядка; затем уже становится вопросом удобства, каким способом должны быть произведены надлежащие отчуждения. Если окажется удобным, чтобы часть требуемых доходов была взимаема процентами на завещанную собственность, то против этого не может быть поставлено никакого этического возражения.

При этом ограничении мы видим, что предыдущие выводы из закона равной свободы оправдываются их соответствием с законодательными предписаниями; мы видим также, что существовало прогрессивное возрастание соответствия между этическими и законодательными предписаниями. Право дарения, не повсеместно допускавшееся в старину, в новейшее время было молчаливо признано актами, ограничивающими его тою собственностью, которая по справедливости может считаться личною. Право завещания, едва ли существующее на ранних стадиях общественности, устанавливалось все более и более по мере того, как свобода личности становилась шире; оно достигло высочайшего законодательного признания в наших (английских) свободных учреждениях и в происшедших из них американских. Указание способов употребления собственности, оставленной несовершеннолетним детям, имеющее за

собою, как мы видели, этическую гарантию, получило подтверждение со стороны закона; а те ограничения права распоряжения собственностью в иных случаях завещания, которые указаны в законах о выморочных имуществах и т.п., гармонируют, в свою очередь, с этическими выводами.

XV ПРАВА СВОБОДНОГО ОБМЕНА И ДОГОВОРА

§ 314. Сказанное в начале последней главы относительно права дарения может быть здесь повторено, с переменою терминологии, относительно права обмена, потому что на обмен можно не без основания смотреть как на взаимное приношение даров. Быть может, большинство читателей сочтут это фантастическим истолкованием; наоборот, это толкование внушается нам рассмотрением фактов. Действительно, в то время как меновой торг не везде находится в пределах понимания у самых низших племен, приношение даров везде им понятно; а как только приношение даров становится обычным, то возникает понятие о необходимости взаимных равноценных подарков. Многочисленные описания путешествий поясняют эту мысль. Итак, очевидно, что из обмена эквивалентными дарами легко может возникнуть постоянная практика обмена, из которой уже выпадет представление о подарках. Впрочем, если даже не выводить право обмена в виде следствия из права дарения, ясно, что как одно, так и другое включается в право собственности, так как собственность на какую-либо вещь не полна, если она не может быть обменена на другую желаемую вещь.

Далее, право обмена можно утверждать как прямой вывод из закона равной свободы. Действительно, из обеих добровольно вступающих в обмен сторон, ни одна не присваивает себе большей свободы действий, чем другая, и ближние не терпят помехи — они располагают ровно такую же свободой действия, как и раньше. Хотя выполнение обмена может устранить многих третьих лиц от выгодных сделок, но их способность вступить в такие сделки зависела всецело от согласия других лиц, а потому и не может быть включена в их нормальные сферы деятельности. Эти сферы продолжают оставаться такими, какими были бы в том случае, если бы оба лица, вступившие в сделку, никогда не существовали.

Как ни очевидно право обмена, признание его законом возникло лишь медленно; и на большей части земного шара оно

все еще далеко от полного признания. У полинезийских рас обмен испытывает различного рода вмешательства со стороны вождей; в одном месте им принадлежит монополия внешней торговли; в другом они устанавливают цены; в иных местах — продолжительность рабочего дня. Подобное мы видим и в Африке у бечуанов и у негров Внутренней Африки; вожди обладают правом преимущественной покупки, и никакая сделка не бывает без царского согласия. У ашанти только король и вельможи вправе торговать, а в Шоа известные отборные товары могут быть покупаемы только королем. Негры Конго, дагомейцы и фулахи имеют торговых старейшин, устраивающих покупки и продажи. Подобные ограничения существовали у евреев, финикиян, древних мексиканцев и туземцев Центральной Америки. В настоящее время у некоторых южноамериканских племен, как, например, у патагонцев и мундруху, необходимо получить разрешение от вождей, прежде чем торговать. Подобные факты, встречающиеся у европейских народов с тех времен, когда Диоклециан определил размер цен и заработной платы, не стоит здесь перечислять подробно. Все, что нам здесь надо, это указать, что вмешательство в дело обмена уменьшилось по мере развития цивилизации. Оно уменьшилось, а частью исчезло в сделках между членами разных обществ. Сверх того, как для этого права, так и для других вмешательство стало наименьшим там, где развитие промышленного типа, с сопровождающими его свободными учреждениями, стало наибольшим, а именно в нашей собственной среде.

Стоит, однако, замечания, что перемены, приведшие к почти полной свободе торговли в Англии, главным образом вытекали из требований политики, а не справедливости. Во время агитации против хлебных законов очень мало говорилось о «праве» свободного обмена; и в настоящее время, когда порицают протекционистов у нас или за границей, то говорят исключительно против нелепости их политики, а не против ее несправедливости. Не следует нам также сколько-нибудь изумляться этому, если мы вспомним, что даже теперь большинство людей не допускают свободы обмена относительно труда и заработной платы. Ослепленные тем, что они считают своим интересом, рабочие молчаливо отрицают право как предпринимателя, так и рабочего решить, сколько денег следует дать за столько-то труда.

В этом случае закон опередил мнение большинства: он установил, что каждый гражданин волен заключать какие угодно сделки относительно своих услуг, тогда как значительное большинство граждан утверждает, что каждый не вправе свободно распоряжаться этим.

§ 315. Конечно, наряду с правом свободного обмена является право свободного договора. Отсрочка, порою подразумеваемая, порою выговариваемая, относительно меновой сделки, обращает одну из этих форм в другую. Достаточно просто назвать договоры относительно услуг на известных условиях: договоры относительно пользования домами и землями; договоры, относящиеся к выполнению определенных работ; договоры относительно займа капиталов. Все это примеры контрактов, добровольно заключаемых людьми без нанесения ущерба кому-либо другому, — стало быть, договоры, которые они вправе заключать.

В старину вмешательство в право обмена, конечно, сопровождалось вмешательством в право договора. Многочисленные случаи регулирования заработной платы и цен, столетие за столетием нагромождавшие уложения цивилизованных народов, служат примером. Уменьшаясь по мере уменьшения принудительного закона, эти ограничения в наши дни почти везде исчезли. Одно подобное постепенное изменение может быть приведено как типичное: речь идет о законах, касающихся ростовщиков. Во многих случаях, где были сделаны лишь незначительные успехи в смысле свободы учреждений, взимание процентов по денежным ссудам совсем запрещалось; так, например, у древних евреев, у наших собственных предков и у французов в эпоху расцвета королевской власти. Затем в виде ограничения был установлен наибольший процент, как в древности сделал Цицерон в своей провинции, или в Англии, где Генрих VIII назначил 10%, Яков I — восемь, Карл II — шесть, Анна — пять, или во Франции, где при Людовике XV было назначено четыре процента. В конце концов, мы видим исчезновение всех ограничений, и заимодавцам, как и заемщикам, предоставляется заключать сделки по своему вкусу.

Мы замечаем, что закон в этом случае постепенно приблизился к соответствию с справедливостью; можно также заметить один исключительный случай, когда закон сходится

с справедливостью, воспрещая договоры. Говорю о нравственном и юридическом запрещении человеку продавать себя в рабство. Если мы обратимся опять к биологическому источнику справедливости, т.е. к поддержанию той зависимости между усилиями и продуктами усилий, которая необходима для продолжения жизни, то увидим, что эта зависимость уничтожается рабским состоянием. Стало быть, человек, соглашающийся продать себя в рабство под условием получить какую-либо непосредственную выгоду, нарушает тот конечный принцип, из которого вытекает общественная нравственность. Или же, если мы рассмотрим этот вопрос с непосредственной этической точки зрения, то становится ясным следующее: контракт, заключенный согласно с законом равной свободы, подразумевает, что договаривающиеся стороны должны дать приблизительные эквиваленты; стало быть, не может быть настоящего контракта там, где условия с обеих сторон несоизмеримы, как, например, если для поддержки жизни в настоящее время человек продает всю остальную свою жизнь. Таким образом, если вместо признания действительною продажи самого себя закон наконец воспретил такую продажу, то такое исключение из права заключать договоры также соответствует справедливости. Здесь закон снова гармонирует с этикой.

§ 316. Права обмена и договора, конечно, сообщая с другими правами, должны быть подчинены тем ограничениям, которые вынуждаются общественным самосохранением в присутствии внешних врагов. Там, где есть достаточные свидетельства, что свобода договора угрожает национальной защите, она, на основании справедливости, может быть упразднена.

Это такое ограничение права, которое, очевидно, необходимо на стадиях, характеризуемых постоянными войнами. Общества, находящиеся в состоянии хронического антагонизма с другими обществами, должны быть в промышленном отношении «самодовлеющими». В раннюю эпоху феодализма во Франции в поместьях самые различные промыслы существовали совместно, и «в замках выделялись почти все продукты, там потреблявшиеся». Трудности сообщения, разные потери имущества во время перевозки, опасности, возникавшие от постоянных междоусобиц, все это делало необходимым, чтобы

существенные продукты производились дома. Сказанное о малых социальных группах было справедливо и для крупных групп; международная свобода обмена поэтому испытывала значительные помехи. Восклициания вроде того, что мы «зависим от иностранцев», раздававшиеся во время агитации против хлебных законов, имели долю основания, так как только во время прочно обеспеченного мира нация может без риска купить значительную часть пищи за границей, вместо того чтобы самой возделывать, например, хлеб.

Кроме этого ограничения прав обмена и договора, не остается более никакого другого, имеющего какую-либо этическую гарантию. Вмешательство в свободу купли или продажи по каким-либо иным основаниям, кроме только что указанных, есть правонарушение, кем бы оно ни было совершаемо. Лица, именующие себя протекционистами, т.е. охранителями, должны быть названы, в сущности, насильниками. Действительно, запретить А покупать у В и заставить его покупать у С (большею частью на худших условиях) — это значит явным образом совершить нарушение того права свободного обмена, которое, как мы видим, составляет следствие закона равной свободы.

Главный факт, который следует здесь отметить, однако, состоит в том, что у нас, если не у других народов, этический вывод после индуктивной проверки приобретает признание законодательным путем — если не по нравственным, то по политическим основаниям.

XVI ПРАВО ПРОМЫШЛЕННОЙ СВОБОДЫ

§ 317. Хотя, с одной стороны, промышленная свобода подразумевается правами свободного движения и перемещения, а с другой — правами свободного обмена и договора, однако есть еще одна точка зрения, не включенная в эти права явным образом и требующая особого указания. Хотя доказательство названного права едва ли требуется, все же необходимо привести его с целью показать, как мало это признавалось раньше и в какой значительной степени признается теперь.

Под правом промышленной свободы здесь подразумевается право каждого человека заниматься чем бы то ни было каким ему угодно способом, пока он не нарушает этим прав соседей; как выгоды, так и невыгоды должны быть при этом принимаемы им на себя, смотря по выбранному пути. Хотя это право представляется теперь самоочевидным, оно далеко не казалось таким в прошедшие времена. Действительно, естественно, что это было так, когда более очевидные права не были признаны.

Отметим, что в далеком прошлом промышленность находилась под контролем духовной власти, как, например, у евреев; во «Второзаконии» (XXII, 8 и след.) мы находим постановления, относящиеся к методам постройки и к земледелию. Достаточно также заметить, как значительны и настойчивы были ограничения промышленной свободы у европейских народов во время господства той военной организации, которая всячески подчиняет себе индивидуальные воли. В старинной Англии владелец имения в своей поместной управе (Courtleet) осматривал произведения промышленности, а после установления королевской власти явились распоряжения относительно уборки жатвы, времени стрижки овец, способов пахания. После норманнского покорения явились правила относительно окрашивания материи. Начиная с Эдуарда III и до Якова I, официальные надсмотрщики должны были наблюдать, чтобы разного рода товары выделялись надлежащим образом. Некоторым

промышленникам указывалось, сколько помощников они вправе иметь; культура известных растений была сделана принудительно; кожевники были обязаны держать шкуры в ямах в течение определенного времени; были чиновники, наблюдавшие за мерою хлеба и пива. С развитием учреждений, характеризующих промышленный тип, эти ограничения промышленной свободы стали уменьшаться, и в начале царствования Георга III пять шестых этих ограничений исчезло. Они стали вновь возрастать в течение военного времени, вызванного Французской революцией, и затем вновь стали убывать, пока, наконец, не были уничтожены почти все виды государственного вмешательства в способы производства. Весьма знаменательно, однако, что недавнее оживление милитаризма в Англии, бывшее последствием нового чудовищного развития его на континенте (вторично возбужденного величайшим из бичей новейшего времени, а именно династией Бонапартов), — это оживление сопровождалось промышленной реакцией, в смысле новой регламентации, так что в течение последних 30 лет явилось много новых актов, указывающих, как следует вести дела: начиная с запрещения обедать на спичечных фабриках иначе как в известных помещениях и кончая указаниями, как строить и чистить жилища рабочих; начиная с приказов, как окрашивать пекарни, и оканчивая наказанием фермеров, если они принимают на работу не ходивших в школу детей. Не мешает заметить, что во Франции, где воинственная деятельность, вызванная внешними обстоятельствами, развила военный строй до более высокой степени, промышленная регламентация стала более выработанной и более строгой, а в последние дни старого монархического режима была доведена до едва вообразимого размера. «Легионы чиновников» принуждали к выполнению правил, все более усложнявшихся новыми правилами, имевшими целью поправить старые; указывалось, например, какой длины следует ткать куски материи, какой выбирать узор, какой избирать способ производства, каких избегать недостатков. Даже после революции, когда временно была достигнута более значительная свобода промышленности, вмешательство вскоре вновь усилилось, так что в 1806 г., по Левассеру, администрация назначала длину рабочего дня, обеденные часы, начало и конец дня в разные времена года. Действительно, поучительно наблюдать, как во Франции,

где идея равенства всегда подчиняла себе идею свободы, где под видом свободной формы правления граждане безропотно подчинялись бюрократии, одинаково деспотической, как при республиканской форме правления, так и при монархической, где, наконец, возврат к вполне воинственному строю случался не раз, — во Франции промышленная свобода личности, вместе со многими другими видами свободы, никогда не достигала такой полноты, как в Англии; в этой последней воинская слава никогда не была такою выдающеюся целью, и военная организация никогда не была так резко выражена.

Если оставить в стороне подробности, то можно сказать, что общий обзор фактов доказывает следующее: начиная с тех ранних стадий, когда мало уважения оказывалось жизни, свободе и собственности, и кончая теми позднейшими стадиями, когда все это считалось священным, — постоянно замечалось движение от режима, при котором способы производства предписывались повелительно, к тому режиму, при котором эти способы предоставлялись воле предпринимателя. И оказывается, что в тех странах, где законодательство всего более признает индивидуальную свободу в других отношениях, оно признает эту свободу и в рассматриваемом отношении.

XVII | ПРАВА СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЯ И КУЛЬТА

§ 318. Если толковать слова буквально, то говорить о свободе убеждения как особом праве нелепо, так как никакая внешняя сила не способна отнять этого права. Утверждение такого права влечет за собою даже двойную нелепость. Убеждение не может быть не только уничтожено или изменено обузданием извне, но, в сущности, не может быть уничтожено или изменено никаким принуждением изнутри. Оно определяется причинами, лежащими вне внешнего контроля, а в значительной мере также вне внутреннего контроля. Здесь подразумевается, разумеется, право свободного исповедания убеждений.

Едва ли стоит говорить о том, что это есть следствие из закона равной свободы. Исповедание известного убеждения кем бы то ни было само по себе не мешает исповеданию других убеждений другими; а если другие навязывают кому-либо свое убеждение, то этим они явно присваивают себе более значительную свободу действия, чем та, которою пользуется данное лицо.

Свобода тех различных убеждений, которые не касаются сколько-нибудь очевидным образом поддержки установленных учреждений, не подвергается никакому сомнению. Если оставим в стороне некоторые нецивилизованные общества, то можно сказать, что запрещению подвергаются исключительно такие убеждения, которые, по-видимому, находятся в противоречии с существующим социальным порядком. Там, где воинственный тип организации ничем не ограничен, каждый, кто утверждает, что данная политическая система или социальная организация не такова, какою она должна была бы быть, подвергается наказанию. Но где основные права обыкновенно попираются, там, естественно, не следует ожидать никакого уважения к правам, значение которых не так очевидно. Тот факт, что право политической оппозиции не признается там, где вообще права не находят признания, позволяет заключить, что, без всякого сомнения, это прямой вывод из закона равной свободы.

Право исповедывать религиозные убеждения влечет за собою право обнаруживать их актами, относящимися к культу. Действительно, такое обнаруживание может происходить, не уменьшая подобных же прав других людей и не причиняя им никаких иных насилий в их житейских делах. Пока такие действия не причиняют беспокойств соседям, вроде неприятности, доставляемой в некоторых католических странах постоянным звонном колоколов, или у нас, в Англии, гамом, поднимаемым процессиями «армии спасения» (на что наши власти смотрят сквозь пальцы, обнаруживая постыдную слабость), до тех пор нельзя, не нарушая справедливости, препятствовать культу. Исповедывающие другие религиозные верования и даже ни во что не верующие при этом могут так же свободно, как и прежде, выполнять требования своего культа или ровно ничего не выполнять. Права эти, упомянутые для полноты изложения, в настоящее время у нас не нуждаются в заявке. Но Англия — не весь мир; и даже в Англии сохранились практические урезки этих прав.

§ 319. Дикарь, далеко не обладая тою свободою, какую ему приписывали сентиментальные социальные мечтатели, имеет убеждения, продиктованные обычаем, наравне с привычками, повелительно регулирующими его жизнь. В Гвинее человек, не выполняющий пророчества фетиша и не выздоравливающий, подвергается удушению за то, что он заставил фетиша солгать. Читая это, мы легко поймем, что выражение скептицизма там совершенно неизвестно. Фиджийцы, поклоняющиеся богам-людоедам, выражали ужас по тому поводу, что у самоанцев нет подобного же культа; они гневно называли Джэксона «белым нечестивцем» за то, что тот пренебрег одним из их религиозных запрещений. Сомнительно, чтобы эти люди могли потерпеть какой-либо религиозный скептицизм у своего собственного простого народа, точно так же, как они не потерпели бы политического скептицизма относительно божественной власти своих вождей. Такой вывод неизбежно вытекает из того, что мы читаем у Уильямса об одном фиджийце, едва не поплатившемся жизнью по возвращении его из Америки за то, что он осмелился сказать, что Америка больше, чем Фиджи.

Обращаясь к древним цивилизациям, мы встречаем многочисленные случаи отрицания права свободы веры. Платон пред-

писывает наказания за уклонение от греческой религии («Законы», книга X). Сократ умер за нападки на господствовавшие взгляды, относившиеся к богам; Анаксагор подвергся преследованию за утверждение, что Солнце не колесница Аполлона. Переходя к эпохе, когда исповедывание христианской веры было наказуемо, и к последующему времени, когда исповедывание всякой другой веры подлежало каре, нам достаточно отметить, в связи с действиями инквизиторов и с пытками, применяемыми то католиками к протестантам, то протестантами к католикам, что во всех случаях речь шла о требовании внешнего единоверия. Достаточно было номинального усвоения предписанной веры, без всякого доказательства реального усвоения. Оставив в стороне эпоху более древних религиозных преследований, при которых молчаливо отрицалось право свободного убеждения, достаточно отметить, что со времени «Акта терпимости» 1688 г., который, требуя признания известных основных догматов, отменил наказания за другие разногласия, — с этого времени явился ряд последовательных послаблений. Было отменено воспрещение диссентерам занимать известные должности; затем ограничения, касавшиеся католиков и евреев; а совсем недавно закон перестал требовать для занятия гражданской должности открытого или предполагаемого подтверждения веры в Бога. В настоящее время в Англии всякий может свободно верить во что хочет или не верить, не подвергаясь никакой юридической каре и испытывая лишь ничтожную общественную кару или даже вовсе никакой.

Подобного же рода перемены постепенно привели к упрощению свободы политических убеждений. Прекратились наказания или дурное обращение за отрицание таких политических догматов, каково божественное право королей, или за выражение сомнения относительно права того или другого лица занимать престол. Сторонники деспотизма наравне с явными анархистами одинаково пользуются правом думать, что им угодно.

§ 320. Неужели же свобода убеждения или, точнее, право свободно исповедывать свое убеждение не подлежит никакому ограничению? Или же, исходя из того положения, что требования общественного самосохранения должны быть поставлены выше притязаний отдельных лиц, мы должны вывести, что при известных условиях это право подлежит должным ограничениям.

Единственные случаи, когда ограничение может быть выставлено, — это те, когда открыто поддерживаемые убеждения таковы, что они стремятся ослабить способность общества к защите против враждебных обществ.

Успешное применение сложных общественных сил предполагает подчинение правительству и деятельности, имеющим отношение к войне; и можно на рациональном основании утверждать, что открытое признание убеждений, которые, будь они общего характера, должны были бы парализовать исполнительную власть, не должно быть допускаемо. Здесь действительно мы снова видим, что военный режим, разными другими способами подавляющий или ограничивающий права индивидуумов, является помехою даже для права свободного убеждения.

Действительно, лишь по мере постепенного перехода от той принудительной системы, которую производят хронические враждебные столкновения, к той договорной системе, которая заменяет предыдущую, как только промышленная жизнь одерживает верх, — лишь по мере такого развития утверждение прав становится вообще более и более действительным и применимым на деле. И лишь в течение этой перемены естественно наступает переход от предполагаемой обязанности усваивать убеждения, предписанные властью, к утверждению права личного выбора убеждений.

При таком истолковании мы видим, что право свободного убеждения имеет историю, представляющую параллелизм с историей других прав. Этот вывод из закона равной свободы, первоначально игнорируемой и затем постепенно все более и более признаваемой, наконец получает полное законодательное признание.

XVIII | ПРАВО СВОБОДЫ СЛОВА И ПЕЧАТИ

§ 321. Предмет настоящей главы едва ли отделим от рассмотренного выше. Так как убеждение, взятое само по себе, не допускает контроля со стороны внешней силы, и только исповедывание этого убеждения может быть узнано властью и может стать дозволенным или запрещенным, то отсюда следует, что утверждение права свободного убеждения подразумевает право свободы слова. Далее, здесь подразумевается право свободы слова для распространения своего убеждения. Каждое предложение, дающее довод или цепь доводов, имеющих целью подкрепить убеждение, в свою очередь, составляет убеждение. Стало быть, право высказывать доводы включается в право свободы убеждений.

Конечно, как одно, так и другое право является непосредственным выводом из закона равной свободы. Пользуясь словом для выражения или для поддержки убеждения, никто не препятствует никому другому поступать таким же образом; исключением служит тот случай, когда кто-либо, перекрикивая другого или действуя слишком настойчиво, мешает выслушать противника. В этих случаях, однако, действия такого рода обыкновенно признаются непристойными, т.е. нарушающими закон равной свободы.

Очевидно, стоит изменить терминологию, и то же самое можно сказать о праве издавать сочинения, о «свободе бесцензурной печати». По отношению к этике не существует существенного различия между произнесением речи и изображением ее на письме или же напечатанием того, что было раньше написано.

Одно ограничение, подразумеваемое и в предыдущих главах, должно быть здесь указано. Свобода слова, письма и печати не включает свободы пользоваться словом для высказывания клеветы или распространения ее. Не включена сюда и свобода пользоваться словом для нанесения обид другим. То и другое, очевидно, исключается теми пределами индивидуальной свободы, которые были нами установлены.

§ 322. Хотя в наше время в Англии защита этих прав представляется излишнею, не мешает посчитаться с теми доводами, которые выставлялись против этих прав у нас самих в сравнительно недавние времена и все еще выставляются в других странах.

Говорят, что правительство должно гарантировать своим подданным «безопасность и чувство безопасности». Отсюда выводят, что власти должны прислушиваться к декламациям популярных ораторов и приостанавливать все, что рассчитано на возбуждение смуты. Этот вывод, однако, наталкивается на затруднения. Дело в том, что всякая значительная перемена, как в области политики, так и в области религии, когда она выставляется впервые, возбуждает страх большинства и таким образом уменьшает чувство безопасности; поэтому пришлось бы запретить защиту всякой такой перемены. Было множество людей, испытывавших хроническую тревогу во время агитации в пользу билля о реформе. Если бы предупреждение этой тревоги было действительно необходимо, то такую агитацию следовало подавить. Далее, весьма многие так были взволнованы мрачными предсказаниями газеты «Standard» и меланхолическими причитаниями газеты «Herald», что охотно положили бы конец пропаганде свободы торговли, и если речь шла о том, чтобы поддержать их чувство безопасности, то следовало дать им волю. То же относится к вопросу об устранении неполноправности католиков. Пророчествовали о возобновлении папистских преследований за веру со всеми их ужасами. Поэтому следовало бы запретить говорить и писать об этой перемене, если бы защита чувства безопасности была настолько необходима.

Очевидно, что такие предложения ограничить право свободы слова, идет ли речь о политике, или о религии, могут быть защищаемы лишь при молчаливом предположении, что всевозможные господствующие в данное время убеждения вполне справедливы. Но так как это молчаливое допущение в прежние времена обыкновенно оказывалось ошибочным, то, опираясь на опыт, можно с основанием усомниться в том, чтобы нынешние убеждения были непогрешимы. Мы должны все еще признать свободу слова таким деятелем, посредством которого может быть разрушено заблуждение, и если не берем на себя роль папы, то мы не вправе налагать запрещения.

Кроме потребности, в прежние времена не возбуждавшей прекословия, а именно ограничить публичное обнаружение политических и религиозных убеждений, несогласных с господствующими, существует еще потребность, до сих пор не оспариваемая большинством людей, — ограничить такие обнаружения, которые переступают пределы пристойности или рассчитаны на поощрение половой распущенности. Вопрос этот труден; он, кажется, не допускает никакого удовлетворительного решения. С одной стороны, кажется несомненным, что неограниченная свобода слова в этих делах может иметь результатом подрыв идей, чувств и учреждений, социально благотворных; ибо каковы бы ни были недочеты в существующем семейном режиме, мы имеем сильные основания в пользу предположения, что он в большинстве случаев приносит пользу. Но если так, то можно утверждать, что опубликование учений, стремящихся подорвать такой режим, несомненно вредно и требует предупредительных мер. Однако, с другой стороны, мы должны помнить, что в прежние времена считалось в такой же степени абсолютно достоверным, что следует наказывать распространителей ереси, так как иначе они совершат и навеки погубят тех, кто их слушает; этот факт внушает предположение, что, быть может, опасно слишком полагаться на наши мнения о том, каковы именно должны быть половые отношения. Во все времена и повсюду люди держались того мнения, что их идеи и чувства по этим вопросам, как и по вопросам религии, вполне правильны. Но если мы правы, то они были не правы. В Англии мы признаем очевидным, что заключение браков между детьми, практикуемое в Индии, порочно; однако большинство индусов этого не думают. Точно так же у нас большинство людей не видят ничего дурного в браках по расчету, однако найдется немало людей, которые сочтут это дурным. В некоторых местах Африки не только многоженство признается уместным, но одноженство прямо осуждается, даже женщинами; тогда как в Тибете многожизие не только признается правильною формою брака местными жителями, но и путешественники того же мнения относительно этой голодающей страны. Ввиду многочисленных разногласий в мнениях, встречаемых даже у цивилизованных людей, едва ли разумно признавать доказанным, что мы единственные люди, стоящие выше всякой критики относительно

понятий и обычаев; а если так, то препятствия свободе слова по вопросам, касающимся отношений между полами, вероятно, воспрепятствуют достижению чего-либо лучшего и высшего.

Без сомнения, должны существовать злоупотребления, сопряженные со свободой слова в этой области, как и в области политики и религии; однако наш вывод тот, что с этим злом приходится мириться, принимая во внимание возможное благо. Далее, следует помнить, что такое зло постоянно будет встречать помеху со стороны общественного мнения. Опасение сказать или написать то, что повлечет за собою социальный ostracism, во многих случаях оказывается гораздо более влиятельным, чем законодательное ограничение.

§ 323. Хотя излишне подчеркивать, что наряду с другими правами право свободы слова и печати, в старину почти повсюду отрицаемое или признаваемое не открыто, установилось лишь постепенно, однако не мешает привести несколько примеров с целью подчеркнуть эту истину. Многие из фактов, указанных в предыдущей главе, могли бы быть здесь вновь приведены, так как преследование свободы убеждений влекло за собою упразднение свободы слова. Гнев еврейского духовенства против Иисуса Христа за учение, противоречившее их вере, привел к распятию; Павел, сначала преследовавший христиан, сам затем подвергся гонению за то, что убеждал людей стать христианами; многие римские императоры мучили проповедников христианства — все это общеизвестные примеры, доказывающие, что свобода слова отвергалась в старину. Точно так же, после того как христианская вера стала господствующей, стали наказывать тех, кто отвергал учение о божественном естестве Христа; наказывали и тех, кто публично доказывал предопределение, и тех, кто распространял учение о двух верховных началах добра и зла. Все это, как и преследование Гуса и Лютера, служит общеизвестным примером отрицания прав высказывать мнение, противоречащее тому, которое признано властью. Точно то же мы видим в Англии, начиная со времен, когда Генрих IV назначал жестокие кары еретикам, и до XVII в., когда неконформистское духовенство подвергалось каре за то, что учило не тому, чего требовала господствующая церковь, и когда Буниана посадили в тюрьму за проповедь на открытом

воздухе, — и даже вплоть до последнего процесса за пропаганду атеизма, — дела, еще свежие в нашей памяти. Но постепенно в последние века право свободы слова относительно вопросов религии, утверждавшееся все более и более, допускалось во все большей мере; так что, наконец, теперь публичное выражение какого-либо религиозного мнения не подвергается никаким ограничениям, если только это выражение не имеет понапрасну оскорбительной формы.

Параллельный прогресс привел к установлению права свободы речи по политическим вопросам — права, которое отвергалось в старину. У афинян эпохи Солона смертная казнь определялась за оппозицию известной господствующей политике, а у римлян выражение запретных мнений преследовалось как государственное преступление. Точно так же в Англии несколько веков тому назад политическая критика, даже умеренная, влекла за собою суровые наказания. Недавняя эпоха характеризуется то большей, то меньшей свободой речи. Стоит отметить тот факт, что в течение воинственной эпохи, вызванной Французской революцией, явилось движение вспять в этом отношении, как и относительно других прав.

В 1808 г. один судья объявил, «что никому нельзя дозволить возбуждать недовольство правительством».

Но с началом продолжительного мира стали убывать и ограничения свободы политических речей наравне с другими ограничениями свободы. Сэр Ф. Бердет был посажен в тюрьму за осуждение бесчеловечных действий войска, Лей Гент — за порицание жестокой порки в армии, но с тех пор, в сущности, исчезли все помехи публичному выражению политических идей. Пока гражданин не подстрекает к совершению преступлений, он волен говорить, что ему угодно, о любом из наших учреждений или даже о всех; ему предоставляется право защищать какую угодно форму правления, хотя бы совершенно отличающуюся от существующей, или даже отвергать всякую форму правления.

Разумеется, по мере возрастания признания права свободы слова укреплялось также признание права свободы печати. Платон учил, что цензоры необходимы для предупреждения распространения недозволенных учений. По мере возрастания церковной власти стали уничтожать сочинения, признававшиеся еретическими. В Англии в эпоху королевы Елизаветы книги

подвергались официальному разрешению, и даже Долгий парламент подтвердил ту систему цензурных разрешений, против которой Мильтон выразил свой знаменитый протест. Но в два последние столетия не было никакой официальной цензуры, исключая драматических произведений; и хотя с тех пор были сделаны многие попытки стеснить прессу, однако они постепенно вышли из употребления или были отменены.

§ 324. Но в этом случае, как и в упомянутых выше, сохранение общества стоит выше притязаний личности, а поэтому можно, не нарушая справедливости, ограничить свободу слова и печати, поскольку это необходимо, во время войны для того, чтобы предупредить выгоды, которыми воспользуется неприятель. Если, как мы видели, существует этическое оправдание для пожертвования более важных прав гражданина до степени, необходимой для успешной национальной защиты, то отсюда, конечно, вытекает, что менее важные права также должны подчиняться военной необходимости. Здесь мы снова видим прямую связь международной вражды с подавлением индивидуальной свободы. Действительно, очевидно, что во всем цивилизованном мире подавление свободы слова и печати было тем более строго, чем более одерживал верх милитаризм; и в настоящее время мы все еще наблюдаем такую зависимость при сравнении контрастов, представляемых, с одной стороны, Англией, с другой — некоторыми восточными странами.

Признав справедливые ограничения этих прав, следует здесь заметить, что они, наравне с другими правами, выведенными из закона равной свободы, стали пользоваться законодательным признанием, как только общество достигло высокой степени развития.

XIX | ОБЗОР ВСЕГО ПРЕДЫДУЩЕГО И ДОПОЛНЕНИЕ

§ 325. Там, где природа людей не соответствует природе их учреждений, является сила, стремящаяся произвести перемену. Одно из трех: или учреждения переделают природу людей, или природа переделает учреждения, или, наконец, частью произойдет одно, частью другое и явится более устойчивое состояние.

В Англии действие и противодействие между нашими социальными учреждениями и нашими характерами произвело любопытный результат. Компромисс составляет существенную часть учреждений: он стал приятен и с личной точки зрения, так что он не только терпится, но и предпочитается. Явилось недоверие к определенным заключениям и положительное отвращение к какой-либо системе. Естественным образом, государственные люди и граждане, с одной стороны, единодушно заявляющие о верховенстве народа, а с другой — почтительно пишущие и приветливо слушающие тронные речи, в которых лорды и члены палаты общин называются слугами, а народ «моими подданными», — такие граждане с неудовольствием отнесутся к требованию, чтобы их политические идеи отличались последовательностью. Утверждая право личного суждения в делах веры, но молчаливо позволяя, чтобы парламент поддерживал их веру, такие граждане упорно откажутся ответить на вопрос, каким образом они примиряют теорию с практикой. Поэтому, ввиду многих случаев, когда им приходится усвоить противоречивые учения, эти люди начинают неохотно относиться к точному мышлению; им неприятны все попытки принудить их к точным предложениям; они уstraшаются отвлеченных принципов, представляющих для них такое пугало, как для служанки нечто такое, что она принимает за привидение.

Проторенная дорога мысли и чувства, произведенная таким образом социальными условиями, не может измениться ни от каких рассуждений. Убеждения, несогласные с этими условиями, не могут пользоваться большим успехом. Читатели,

у которых отдельные доводы, содержащиеся в предыдущих главах, не успели произвести перемены мнения, не изменят своих мнений и в том случае, если мы соединим эти доводы и покажем, что все они приводят к тому же самому заключению. Во всяком случае, перед тем как идти дальше, будет уместно показать, насколько сильны совокупные доказательства предложений, из которых теперь приходится делать выводы.

§ 326. Не существует этики сгущения туманностей, или этики движения звезд, или же этики эволюции планет. Понятие этики неприменимо к неорганическим деятельности. Обращаясь к организованным существам, мы также видим, что понятие это не имеет никакого отношения к явлениям растительной жизни. Хотя мы приписываем растениям признаки превосходства или же низкого уровня, приводящие к победе или к поражению в борьбе за существование, однако с этим мы не соединяем похвалы или порицания. Лишь по мере возрастания чувствительности в животном мире является материал для этики. Поэтому этика, предполагающая животную жизнь и приобретающая определенный смысл по мере усложнения этой жизни, должна в конце концов получить выражение в терминах животной жизни. Этика относится к известным сторонам поведения в жизни, рассматриваемым как хорошие или же дурные; она не может произносить приговора над этими сторонами поведения, пока она игнорирует существенные жизненные явления.

В главе о «Животной этике» эта связь была обнаружена в ее конкретной форме. Мы видели, что, обращая внимание на какой-либо один вид и признав продолжение существования этого вида желательным, придется сказать относительно этого вида, что действия, служащие для сохранения особи и породы, признаются нами справедливыми и рассматриваются с известным одобрением; акты с обратными тенденциями вызывают порицание. В другой главе, где речь идет о «Дочеловеческой справедливости», мы видим, что для достижения желательной цели необходимым предварительным условием является, чтобы каждая особь получала выгоды или испытывала невыгоды своей собственной природы и вытекающих из нее действий. Мы видели также, что в низших отделах животного мира,

где не существует никакой силы, могущей быть помехою этому предварительному условию, последнее вызывает переживание наиболее приспособленных. Далее мы видели, что так как эта связь между поведением и его последствием признается справедливою, то отсюда следует, что во всем животном царстве то, что мы называем справедливостью, есть этическое выражение биологического закона, в силу которого жизнь вообще поддерживалась и развивалась в высшие формы. Закон этот, стало быть, обладает наивысшим возможным авторитетом.

По мере установления стадных привычек возникает вторичный закон. Когда известное число особей живут в такой тесной близости, что они способны препятствовать деятельности других и не дают им достигь желаемых результатов, — в таких случаях для избежания антагонизма и последующего рассеяния их действия должны испытать взаимные ограничения. Каждому приходится продолжать свою деятельность в зависимости от ограничения, состоящего в том, чтобы она не мешала подобным же деятельности других в большей степени, чем требуется взаимностью. И мы видели, что у разных стадных существ обнаруживается значительное соблюдение таких ограничений.

Наконец, в главе о «Человеческой справедливости» было показано, что у людей, т.е. высочайших из общежительных существ, этот вторичный закон, неясным образом намеченный у низших стадных животных, становится более резко выраженным, более определенным и имеющим более сложные применения. При условиях, зависящих от социальной жизни, первичный принцип справедливости, утверждаемый для каждой особи, сам по себе приводит к вторичному или ограничительному принципу, утверждая то же для всякой другой особи. Таким образом, взаимные ограничения, вынуждаемые совместным выполнением деятельности, образуют необходимый элемент справедливости в общественном состоянии.

§ 327. Приспособление, прямое или косвенное, или и то и другое вместе, относится к строению мозга, как и остального тела; душевные функции, подобно телесным, стремятся всегда приспособиться к потребностям. Чувствование, толкающее к обеспечению свободы действия, обнаруживается всеми

животными и особенно резко выражено у высших; эти последние обнаруживают также известную степень чувствования, соответствующего требованию, чтобы каждое существо действовало в пределах, ограниченных деятельностями других. Наряду с большей способностью заглядывать «вперед и назад» у человечества существуют и более высокие проявления обеих этих черт. Они очевидны там, где общество долго пользовалось миром, и затемняются там, где оно было обыкновенно воинственным. Где жизненные привычки не повлекли за собою хронического столкновения между этикой дружбы и этикой вражды, там обнаруживается отчетливое сознание справедливости как по отношению к личным требованиям, так и к соотносительным требованиям других. Но где права жизни, свободы и собственности постоянно подчиняются насильственной организации людей в армии, имеющие целью как можно более успешные битвы, и там, где люди вследствие этого приучаются попираť права других людей, не живущих на одной с ними территории, — в тех странах как эгоистические, так и альтруистические эмоции и идеи, соответствующие принципам справедливости, обыкновенно подавляются.

Но, приняв это ограничение, следует сказать, что общественная жизнь, в значительной степени воспитывающая эти симпатии, дающая простор чувству эгоистической справедливости, но упражняющая также чувство альтруистической справедливости, — эта жизнь порождает соотносительные идеи; так что с течением времени наряду с нравственным сознанием собственных и чужих прав является умственное восприятие их. В конце концов возникают интуиции, соответствующие тем требованиям, которые должны быть выполнены, прежде чем социальные деятельности могут выполняться гармонично; и эти интуиции получают свое наиболее абстрактное выражение в утверждении, что свобода каждого ограничивается только подобною же свободой всех. Здесь мы находим двоякий дедуктивный источник для этого основного принципа. Он первоначально может быть выведен из условий, предшествующих целостной жизни в ассоциированном состоянии; затем он также может быть выведен из тех форм сознания, которые создаются посредством переделки человеческой природы в соответствии с общественными условиями.

§ 328. Достигнутые путем дедукции заключения согласуются с теми, к которым нас привела индукция. Накопление опытов побудило людей установить законы, гармонирующие с различными выводами, вытекающими из принципа равной свободы.

Жизнь, хотя ею пренебрегали на войне, давно приобрела священный характер во время мира; все ущербы, наносимые физической целостности, даже пустячные, стали рассматриваться, как проступки. Рабство, почти повсеместно существовавшее в старину, по мере развития цивилизации постепенно смягчалось, а в наиболее передовых обществах помехи движению и перемещению исчезли. Равные притязания людей на свободное пользование светом и воздухом, первоначально игнорируемые, теперь вынуждаются законом; и хотя во время значительного господства военной деятельности право собственности на землю превращалось в право собственности вождей и королей, однако теперь, при развитии индустриализма, стала признаваться истина, что частная собственность на землю подчинена верховной собственности со стороны общества и что поэтому каждый гражданин скрытым образом обладает законным притязанием на участие в пользовании землею. Право собственности, в которое бесцеремонно вмешивались в старину, когда права на жизнь и свободу мало уважались, стало поддерживаться все лучше и лучше по мере развития обществ. Закон все более успешно стал поддерживать право на вещественную собственность, а в новые времена стал признавать и поддерживать права на не вещественную собственность. Законы о патентах, о перепечатке, законы против пасквилей постепенно становились все более влиятельными.

Таким образом, в то время как в нецивилизованных странах и на ранних ступенях развития цивилизованных обществ индивидууму приходится защищать свою собственную жизнь, свободу и собственность, как он умеет, на более поздних ступенях развития общество, через посредство правительства, все более и более принимает на себя эту защиту. Стало быть, если только не сказать, что первичный беспорядок был лучше, нежели сравнительный порядок, поддерживаемый в настоящее время, то придется допустить, что результаты оправдывают утверждение этих главных прав и подкрепляют доводы, посредством которых результаты эти выведены.

§329. Аналогичный характер и значение имеет одно побочное подтверждение. Общество, рассматриваемое в своем корпоративном составе, постепенно усваивало долг охраны прав каждого человека от насилий со стороны других людей; в то же время оно само постепенно перестало нарушать права личности, как делалось им прежде.

У нецивилизованных народов, а в старину и у цивилизованных, право дарения или отвергалось (то обычаем, то законом), или же значительно было ограничено; но по мере роста индустриализма и свойственных ему социальных форм ограничения права дарения уменьшались и у большей части промышленно-организованных наций почти исчезли. В грубых обществах правитель обыкновенно вмешивается в право свободного обмена: он монополизирует, ограничивает, запрещает; но у более развитых обществ внутренний обмен испытывает гораздо меньше вмешательства, а в нашем собственном обществе вмешательство далее в дело внешнего обмена ничтожно. В течение многих столетий во всей Европе государство надзидало за промышленностью; подданным говорили, какие способы они должны усваивать и какие продукты производить, но теперь, исключая регламентации, относящейся к охране интересов служащих, право производить что угодно и как угодно не испытывает помехи. Первоначально верования и обрядности устанавливались властями; постепенно такие предписания стали убывать, и теперь в наиболее подвинувшихся вперед обществах каждый может верить или не верить, поклоняться или не поклоняться, как ему угодно. То же относится к правам свободы слова и печати. Первоначально они отрицались и стремление к ним наказывалось; постепенно они достигли законного признания.

Одновременно с этим правительства также перестали вмешиваться в другие роды частной деятельности. Некогда они предписывали род и качество пищи и число блюд. Людям ниже известного ранга запрещалось носить платье известных цветов, надевать меха, вышитые материи и галуны; указывалось, какое оружие они могут носить; кто может, а кто не может иметь серебряную посуду и кто вправе носить длинные волосы. Даже забавы подвергались контролю. Игры разного рода запрещались, а в других случаях известные упражнения предписывались. Но

в новые времена это вмешательство в индивидуальную свободу прекратилось; право иметь привычки по своему вкусу молчаливо было допущено.

Здесь также, если только мы не станем утверждать, что законы против роскоши и им подобные должны быть восстановлены и что свобода приобретения, обмена, промышленности, убеждения и слова может с пользою быть упразднена, — если мы не скажем всего этого, то придется допустить, что выводы, извлеченные из формулы справедливости, прогрессивно оправдывались тем, что пренебрежение ими оказывалось губительным.

§ 330. Еще один ряд индуктивных подтверждений, пока не указанный, состоит в фактах, доставляемых политической экономией.

Она учит нас, что вмешательство в торговлю посредством запрещений и премий губительно и что закон равной свободы исключает как то, так и другое, признавая это злом. Политическая экономия приводит к выводу, что спекулянтам надо предоставить орудовать на рынках, как им угодно; и основной принцип справедливости утверждает, что они вправе поступать так. Наказания за взимание роста, как доказала политическая экономия, вредны; закон равной свободы также отрицает их как правонарушения. Рассуждения политикоэкономов показывают, что машины полезны народу в широком смысле слова, а не причиняют ему вреда; согласно с этими выводами закон равной свободы запрещает попытки ограничить применение машин. Одно из установленных положений политической экономии состоит в том, что заработная плата и цены не могут быть с пользою искусственно регулируемы; точно таким же очевидным выводом из закона равной свободы является тот, что регламентация заработной платы и цен недозволенна с нравственной точки зрения. По другим вопросам, вроде вредности негласного руководства банками, праздных попыток поощрить один род занятий на счет других и т.п., политическая экономия достигает тех же выводов, которые независимо от нее выработаны этикою.

Спрашивается, что доказывают все эти примеры, взятые в совокупности? Это можно выразить вкратце, сказав, что не только *гармония общественной кооперации*, но и ее *успешность*

наилучшим образом достигаются при сообразовании с законом равной свободы.

§ 331. Два дедуктивных довода и три индуктивных доказательства приводят нас, таким образом, к одному и тому же заключению. Законы жизни в общественных условиях и повеления морального сознания, происшедшего от непрерывной социальной дисциплины, приводят нас к непосредственному признанию закона равной свободы как верховного морального начала. Косвенно нас приводит к такому же признанию обобщение опыта человечества, насколько он записан в последовательно развивающемся законодательстве, так как мы видим, что по мере развития цивилизации постоянно возрастала правительственная поддержка личных прав и в то же время постепенно убывало правительственное нарушение таких прав. Затем этот вывод еще подкрепляется доказательством того, что справедливое теоретически выгодно также экономически.

Я несколько не уверен, что усвоение этой истины, для которой указано пять разных источников, станет сколько-нибудь более легким после того, как показано, что апостериорные исторические доказательства подтверждают априорные выводы, доставленные биологией и психологией. Если существуют априорные мыслители, упорно отвергающие опыты, несогласные с их суждениями, то есть и апостериорные мыслители, упорно отвергающие всякое значение интуитивных убеждений. Они доверяют познаниям, вытекающим из накопленного индивидуального опыта, но не дают никакой веры познаниям, составляющим результат накопленного расового опыта. Мы, однако, избегаем здесь обоих предрассудков. Согласование дедукции с индукцией доставляет сильнейшее доказательство; а где, как в этом случае, у нас есть множество как индукций, так и дедукций, нами достигается такая значительная уверенность, какую только можно себе вообразить.

XX | ПРАВА ЖЕНЩИН

§ 332. При обсуждении в предыдущих главах основного принципа справедливости я намеренно отложил один относящийся сюда вопрос, так как полагал, что обсуждение его может послужить подходящим предисловием к предмету настоящей главы. Можно спросить: «Почему права людей не должны были бы быть пропорциональными их способностям? Почему сфера деятельности для лучшей личности не должна быть больше, чем для худшей? Рослый человек занимает больше места, чем маленький, и наверное нуждается в большем количестве предметов необходимости и в большей сфере для пользования своими силами. Поэтому бессмысленно, что деятельности рослых и маленьких, сильных и слабых, высших и низших должны быть включены в пределы, слишком узкие для одних и слишком широкие для других».

Первый ответ тот, что метафоры, к которым мы вынуждены прибегнуть, вводят в заблуждение при буквальном их истолковании. Хотя, как сказано выше и как указано в предыдущих главах, равные сферы свободы людей представляются в виде пространств, окружающих каждого человека и образующих взаимные ограничения, однако, в сущности, такой простой способ изображения невозможен. Человек, стоящий на низшей ступени и требующий такого же права телесной неприкосновенности, как и занимающий высшее положение, этим не нарушает телесной неприкосновенности высшего. Если он настаивает на равной с ним свободе передвижения и работы, то этим не препятствует передвижению и работе высшего; а если он удерживает как свою собственность то, что достигнуто для него его деятельностью, то этим он несколько не препятствует высшему человеку удерживать продукт его деятельности, по предположению, и без того более значительный.

Второй ответ тот, что отказывать менее способному в сфере деятельности, равной той, которою пользуется более одаренный, это значит добавлять к естественной тягости искусственную. Родиться карликом, или уродом, или с несовершенными чувствами, с слабым телосложением или умом, или же

с неуравновешенными эмоциями, само по себе составляет жалкую участь. Если бы мы имели право обвинять природу в несправедливости, то могли бы с основанием признать несправедливым, что некоторые люди обладают природными способностями настолько низшими, нежели другие, и таким образом являются в значительной мере неспособными к борьбе за жизнь. А если так, то что сказать о предложении, сводящемся к тому, что, испытывая уже невыгоды от меньших способностей, они должны получать еще дальнейшие невыгоды от предоставления им более узких сфер деятельности? Симпатия могла бы подсказать обратное, а именно что для уравнивания врожденных неспособностей необходимо иметь широкие удобные средства. Но очевидно, самое меньшее, что можно сделать, это предоставить им столько же свободы распоряжения собою, сколько другим.

Третий ответ тот, что если бы даже было справедливо сделать свободу людей пропорциональною их способностям, то все же это было бы невыполнимо, так как мы не располагаем средствами, посредством которых то или другое могло бы быть измерено. В значительном числе случаев нет никакой трудности провести этот принцип равенства. Если при предположении, что раньше не было никакого насилия, А убивает В, или сшибает его с ног, или запирает его, то ясно, что свобода действия неодинакова с обеих сторон; или же если С, купив у D что-либо, не уплачивает условленной цены, то ясно, что при выполнении договора с одной стороны и невыполнении с другой степени свободы, которою воспользовались обе стороны, неодинаковы. Но если свобода должна быть пропорциональна способностям, то отсюда вытекает, что необходимо удостоверить сравнительные величины всякой способности, телесной ила же душевной; дальнейший же вывод тот, что разные роды потребной свободы должны также подвергнуться измерению. Ни того, ни другого нельзя сделать. Поэтому, помимо прочих причин, требование практической применимости требует от нас рассматривать свободу людей как равную для всех, независимо от их дарований.

§ 333. С переменою терминов те же доводы применимы к отношению между правами мужчин и правами женщин. Здесь не место для подобного сравнения способностей мужчин и женщин. Для настоящих целей достаточно признать тот неоспоримый

факт, что некоторые женщины физически сильнее некоторых мужчин и что некоторые женщины обладают более высокими умственными способностями, нежели некоторые мужчины, — даже более высокими, чем значительное большинство мужчин. Отсюда, как и выше, вытекает, что будь свобода людей приспособлена к их способностям, то такое приспособление, если бы мы когда-либо могли его достичь, должно было бы быть независимым от пола.

Трудность возобновляется в другом виде, если мы выставим предложение следующего рода: если отбросить исключения, то средние физические силы женщин менее значительны, чем средние силы мужчин, — и то же справедливо для средних умственных сил. Но мы не могли бы приспособить наших планов к этой истине: было бы невозможно установить отношение между обеими средними величинами и невозможно было бы найти справедливую пропорцию для сфер их деятельности.

Но, как было указано выше, великодушие, стремящееся к уравниванию, привело бы к тому, что посредством уравнивания меньшие способности приобрели бы большие уступки в свою пользу. Если, однако, отложить в сторону великодушие, то все же справедливость требует, чтобы женщины, хотя и не пользовались искусственно создаваемыми преимуществами, во всяком случае не испытывали бы искусственных помех. Поэтому если рассматривать мужчин и женщин порознь, как независимых членов общества, из которых каждому следует предоставить добиваться для себя, чего он желает, то отсюда следует, что без нарушения справедливости нельзя создавать никаких ограничений для женщин по отношению к занятиям, профессиям или другим деятельности, какими они вздумали бы заняться.

Женщины должны обладать такою же свободой подготовки и такою же свободой пользоваться теми сведениями и тою технической ловкостью, которая ими приобретена, как и мужчины.

Но более запутанные вопросы являются в том случае, если мы примем во внимание отношения женщин к мужчинам при браке и такие же в государственной жизни.

§ 334. При тех равных степенях свободы, которыми должны пользоваться женщины наравне с мужчинами до брака, следует

сказать, что и после брака женщины по справедливости должны пользоваться всем, что только не терпит необходимой помехи от брачных отношений, т.е. должны пользоваться правом физической неприкосновенности, правом собственности, как заработной, так и полученной в дар или по завещанию, правом свободы убеждения и слова и т.п. Притязания женщин могут быть ограничиваемы лишь настолько, насколько это вытекает из подразумеваемых или явно выраженных условий договора, добровольно ими заключенного; а так как такие условия различны в разных местах и в разные эпохи, то и ограничения должны быть разнообразны. Здесь за отсутствием определенного мерила приходится довольствоваться приближениями.

Так, например, по отношению к собственности можно основательно утверждать, что там, где муж исключительно ответствен за прокормление семьи, собственность, которая иначе должна была бы принадлежать жене, по справедливости должна быть в его руках и по крайней мере в его пользовании, если не владении. В противном случае жена будет в состоянии пользоваться своей собственностью или доходом от нее исключительно для своей личной пользы и, пожалуй, откажется содействовать расходам на общее хозяйство. Лишь в том случае, если жена в одинаковой мере с мужем ответственна за поддержку семьи, представляется справедливым, чтобы она обладала таким же неограниченным правом собственности. Однако, с другой стороны, мы не можем сказать, чтобы ответственность была вполне обоюдною. Действительно, хотя при допущении равных прав собственности на первый взгляд кажется, что каждый из обоих одинаково обязан содержать другого и детей, но это отвергается существованием с одной стороны тягостных обязанностей, отсутствующих с другой стороны, и в широкой степени лишающих способности к активной жизни. Здесь, по-видимому, невозможно что-либо, кроме компромисса, изменяющегося смотря по обстоятельствам. Выполнение домашних и материнских обязанностей женою обыкновенно должно считаться надлежащим эквивалентом за заработок мужа.

Еще менее неопределенны заключения, которые можно вывести относительно способности контролировать взаимные действия и самое хозяйство. Следует принять во внимание относительные положения обоих как вкладчиков в общую кассу

и производителей услуг; точно так же следует принять во внимание и характеры: а эти факторы задачи изменчивы. Если является столкновение двух волей, совместно невыполнимых, то закон равной свободы не может быть осуществлен во всяком частном случае, но с ним можно сообразоваться в среднем выводе; следует ли с ним сообразоваться, будет зависеть от обстоятельств. Можно, однако, сказать, что, вообще говоря, мужчина более рассудителен, чем женщина, а поэтому веса должны склоняться в его пользу, особенно потому что обыкновенно он добывает средства, обеспечивающие возможность выполнения воли кого-либо из двух или же обоих. Но в этом вопросе рассуждение играет малую роль: характеры участвующих лиц определяют форму подобных отношений. Единственное действие, которое, по-видимому, могут произвести этические соображения, состоит в том, что они умерят пользование тем главенством, которое порою является в таких случаях.

Остается не менее (или еще более) запутанный вопрос относительно семейного имущества и воспитания детей. Решения относительно ведения имущественных дел приходится делать ежедневно, а в случае развода приходится решать вопрос о разделе собственности. Каковы сравнительные притязания мужа и жены в подобных случаях? С одной стороны, можно сказать, что если идет речь о физических притязаниях, вообще равных, то мать имеет гораздо большие права по причине продолжительного питания, доставляемого ею потомству до и после рождения. С другой стороны, в пользу отца можно сказать, что в нормальном случае пища матери и обеспечение питания ребенка были добыты трудом отца. Является ли это притязание равносильным первому или нет, во всяком случае следует допустить, что притязания матери не могут быть менее значительны, нежели отца. Компромисс, по-видимому, продиктованный нам справедливостью, состоит в том, что власть матери может основательно господствовать в раннем возрасте ребенка, а власть отца — позднее. Материнская природа лучше приспособлена к потребностям младенческого возраста и к раннему детству, нежели отцовская, тогда как для приспособления детей, особенно мальчиков, к борьбе за жизнь отец, как более опытный в этом деле, может считаться лучшим руководителем. Одинаково несправедливым и невыгодным представляется

в какой бы то ни было период жизни исключение власти одного властью другого. Что касается сравнительных притязаний на имущества в случае развода, некоторое руководство вновь составляется соображениями относительно блага детей.

Равный раздел по возможности должен был бы производиться таким образом, чтобы младшие дети оставались с матерью, а старшие с отцом. Очевидно, однако, что здесь ничего нельзя придумать, кроме компромисса, основанного на соображении с специальными обстоятельствами.

Относительно притязаний женщин как членов домашней ассоциации с мужчинами можно добавить, что у нас, в Англии, а еще более в Америке необходимость подтвердить эти притязания ненастоятельна. В некоторых случаях на самом деле чувствуется потребность в обратном, но есть другие цивилизованные общества, где притязания женщин далеко не признаются должным образом: примером служит Германия¹.

§ 335. Как и в других случаях, присмотримся теперь к стадиям, посредством которых обычай и закон пришли в соответствие с этикой. Исключая немногих первобытных народов, не проповедующих добродетелей, именуемых христианскими, но просто применяющих их на деле, — за исключением тех изредка встречающихся абсолютно мирных племен, которые при превосходном общем поведении обращаются с женщинами со справедливостью и добротой, — нецивилизованные племена, вообще говоря, имеют не лучшее представление о правах женщин, чем о правах скотов. Разумеется, существует такое признание притязаний женщины, которое делает возможным выживание матерей и вскармливание потомства, так как в противном случае самые племена должны были бы исчезнуть. Но часто это признание не более того, чем сколько требуется для предупреждения вымирания.

¹ К другим доводам, подтверждающим эти замечания, я мог бы присоединить воспоминание о разговоре, слышанном между двумя немцами, живущими в Англии. С презрительным смехом они описывали, как часто видели в воскресенье или вообще в праздник английского рабочего, помогавшего жене тем, что он нес ребенка, бывшего с ними. Их насмешки заставили меня устыдиться — но не за рабочего.

Фиджиец может убить и съесть жену, если того пожелает; огнеземельцы и наиболее дикие из австралийцев жертвовали старухами ради пищи; у многих народов женщин убивают, чтобы они сопровождали своих умерших мужей на тот свет. Такие факты показывают, что здесь за женщинами не признается даже верховнейшее из всех прав. На этих низких стадиях женщины, ведя жизнь рабынь, продаются, как рабыни; для брака их воруют или покупают: ясно, что за ними не признается никакой свободы.

Там, где женщины обыкновенно рассматриваются как собственность, отсюда вытекает, что независимое право собственности едва ли может у них существовать: таким образом, первоначально и это дальнейшее основное право признается лишь весьма смутно. Хотя этот вопрос во многих случаях запутан и являются ограничения вследствие генеалогии по женской линии, во всяком случае несомненно, что, вообще говоря, в грубых обществах, где между мужчинами насилие ограничено лишь страхом мести, права женщин обыкновенно попираются.

Здесь не место исследовать возникновение юридического положения женщин. Минуя те древние общества, где счет рода по женской линии доставлял женщинам сравнительно высокое положение, как, например, у египтян, достаточно отметить, что в обществах, возникших посредством соединения патриархальных групп, права женщин, сначала признававшиеся немногим более, чем среди дикарей, постепенно утвердились в течение этих двух тысяч лет.

Ограничиваясь арийцами, расселившимися по Европе, мы видим, что, кроме тех случаев, где, как указано Тацитом, женщины, участвуя в опасностях войны, приобрели лучшее положение (соотношение, наблюдаемое у многих народов), они были абсолютно подчинены. Первобытные германцы покупали жен, а мужья могли продавать и даже убивать их. В древнем тевтонском обществе, как и в древнем римском, существовала вечная опека над женщинами, и отсюда вытекала неправопособность по отношению к независимому имущественному владению. Подобное же положение вещей существовало у нас в старину в Англии. Невест покупали; их воля признавалась ничтожной в таких сделках. Постепенно явилось смягчение. У римлян перестали соблюдать требование, чтобы невеста передавалась

жениху законным актом. Право жизни и смерти пришло к концу, хотя порою оно возобновлялось, как, например, в том случае, когда старинный анжуйский владетель, Фульк Черный, сжег свою жену. Обобщая факты, мы видим, что, по мере того как жизнь перестала быть исключительно военной деятельностью, подчинение женщин мужчинам стало менее значительным. Любопытным примером того, как этот упадок принудительной системы (*status*) и возникновение договорной системы, характеризующей индустриализм, улучшали в старину положение женщин, служит появление их подписей в документах гильдий, тогда как их положение вне гильдий в значительной степени оставалось прежним.

Эта связь продолжала быть общей. Как в Англии, так и в Америке, где всего более развит промышленный тип организации, легальное положение женщины выше, чем на европейском материке, где резче выражен военный дух.

Добавьте к этому, что у нас, в Англии, вместе с ростом свободных учреждений, характеризующих господство индустриализма, положение женщин с возрастающей быстротой приближалось к положению мужчин.

Здесь снова этические дедукции гармонируют с историческими. В предыдущих главах мы видели, что каждый вывод из закона равной свободы, который мы называем правом, устанавливался лучше, как только достигалась более высокая ступень социальной жизни. Здесь мы снова видим, что общая совокупность таких прав, первоначально совсем отрицаемых за женщинами, была приобретена ими в течение того же самого прогресса.

§ 336. Здесь приходится также рассмотреть с этической точки зрения политическое положение женщин по сравнению с положением мужчин. Но так как мы не рассмотрели еще «политических прав» мужчин, то нельзя пока ничего сказать о женщинах. Когда придется рассмотреть то, что обыкновенно принято называть «политическими правами», то придется изменить существенным образом господствующие представления; а пока это не было сделано, политические права женщин не могут быть рассмотрены надлежащим образом. Существует, однако, одна сторона вопроса, которую так же удобно рассмотреть теперь, как и впоследствии.

Одинаковы ли политические права женщин и мужчин? Предположение, что они одинаковы, теперь пользуется широким распространением. Рядом с равенством прав, выставленным выше, поскольку оно вытекает из общей человеческой природы обоих полов, здесь предположено равенство прав по отношению к руководству государственными делами. На первый взгляд кажется, что оба рода прав вполне подходят друг к другу, но размышление показывает, что это неправильно.

Гражданство не только включает право подачи голосов в соединении с выполнением функций представительства; оно включает также известные серьезные ответственности. Но если так, то не может быть равенства гражданских прав, пока нет равенства в участии не только в благих, но и в дурных последствиях. Нелепо назвать гражданским равенством такое положение, при котором один будет обладать властью даром, тогда как другой заплатит за это риском. Но мужчины, каковы бы ни были их политические права, в то же время подвержены риску потери свободы, лишениям, а порою и смерти вследствие необходимости защищать страну; и если женщины, обладая такими же политическими правами, не будут иметь тех же обязанностей, то их положение окажется не равенством, а господством.

Итак, пока женщины не доставляют наряду с мужчинами контингентов в армию и во флот, то очевидно, что с этической точки зрения вопрос о равенстве так называемых политических прав женщин не может быть рассматриваем, пока не будет достигнуто состояние прочного мира; лишь тогда станет возможным (желательно ли это или нет) приравнять политическое положение женщин к положению мужчин.

Следует прибавить, что эти соображения не приводят к отрицанию притязаний женщин на равное участие в местном управлении. Если хотят доказать, что и здесь женщины не должны быть допущены, то пусть приведут какие-либо иные основания.

XXI | ПРАВА ДЕТЕЙ

§ 337. Читатель помнит, что в самом начале мы признали коренное различие между этикою семьи и этикою государства; он знает, что благосостояние вида требует поддержания двух антагонистических принципов, относящихся один к семье, другой — к государству. Отсюда он заключит, что права детей должны отличаться совершенно иной природой, нежели права взрослых. Он также выведет, что так как дети постепенно преобразуются в взрослых, то отсюда следует, что должно существовать непрерывно изменяющееся соотношение между двумя родами прав: существует необходимость в изменчивом компромиссе.

Сохранение расы подразумевает одновременно самосохранение и сохранение потомства. Допускаем, что сохранение расы — хорошая цель; отсюда выводим, что справедливо стремиться к поддержке как расы, так и особи. Стало быть, предшествующие условия, без которых эта цель не может быть достигнута, становятся тем, что мы называем правами. Отсюда вытекает, что дети имеют права (или, ради различия, скажем, имеют справедливые притязания) на материалы и средства, необходимые для жизни и роста; этим подразумевается, что обязанность родителей доставлять им такие материалы. В эпоху зрелости наши права представляют специальные формы той общей свободы действия, которая необходима для добывания пищи, одежды, крова и т.п. В эпоху малолетства справедливые притязания относятся к самой пище, одежде, крову и т.д., а не к тем формам свободы, которые делают возможным добывание пищи и пр. Пока способности ребенка еще не развиты, он не может занимать разных сфер деятельности, занятых взрослыми. На этой стадии неспособности те необходимые выгоды, которые естественно должны быть приобретены исключительно в пределах этих недоступных детям сфер деятельности, должны доставаться им даром. И так как эти притязания детей выводятся из того же первичного требования (сохранение вида), то их следует рассматривать как равносильные с притязаниями, выводимыми взрослыми из закона равной свободы.

Я применяю предшествующее словесное разграничение между правами взрослых и справедливыми притязаниями детей, потому что в общем сознании права в такой широкой степени ассоциированы с деятельностями и с продуктами деятельностей, что является некоторое смешение понятий, если мы припишем права младенцам и маленьким детям, неспособным к подобным деятельностям и к добыванию таких продуктов.

§ 338. Все еще рассматривая сохранение вида как конечную цель, мы должны заключить, что в то время как справедливые притязания детей в широкой степени относятся к продуктам, а не к сферам деятельностей, дети в то же время имеют справедливые притязания на такие сферы деятельности, которыми они могут с выгодой пользоваться. Действительно, если желательною целью является сохранение вида, то для достижения ее члены каждого поколения не только должны получать от родителей необходимую пищу, одежду и кров, но должны также пользоваться таким содействием родителей и такими выгодами, которые, позволяя детям упражнять свои способности, сделают их годными для жизни, когда эти дети вырастут. Даже низшие животные, хотя и бессознательно, до некоторой степени удовлетворяют этому требованию, руководя детенышами при пользовании членами и чувствами. Даже для сравнительно простой жизни птиц и четвероногих требуется такая необходимая подготовка; тем более это справедливо по отношению к сложной жизни человечества, а еще в большей мере отсюда вытекает ответственность за заботы в этом направлении и за содействие детям в этом смысле.

В какой мере жизнь родителей при необходимом принятии на себя этой ответственности окажется подчиненною жизни детей, это вопрос, на который не может быть дано никакого определенного ответа. У многих видов низших животных каждое поколение совершенно приносится в жертву ближайшему поколению; как только положены яйца, родители немедленно умирают. Но у высших животных, которым приходится оказывать потомству столько содействия во время его роста, или у тех, которые воспитывают последовательные выводки, или, наконец, при совпадении того и другого условия, это, разумеется, не применяется. Здесь благосостояние вида требует, чтобы

родители продолжали жить в полной силе и чтобы они соответственным образом питали свое потомство в течение периодов незрелости. Это, разумеется, особенно справедливо для человечества, так как период, в течение которого необходимо оказывать помощь, весьма продолжителен. Поэтому, принимая во внимание сравнительные притязания ребенка и родителя, придется заключить, что жертвы со стороны родителей не должны быть настолько велики, чтобы сделать их неспособными к надлежащему выполнению своих родительских обязанностей. Нежные жертвы порою приносят вред потомству, а следовательно, вредят интересам вида. К этому следует добавить, что так как благосостояние и счастье родителей само по себе является целью, составляющую часть более общей цели, то является дальнейшее этическое основание, указывающее, почему самопожертвование родителей должно быть сдерживаемо в известных умеренных пределах.

§ 339. От справедливых притязаний, предъявляемых со стороны детей родителям, переходим к соответственным обязанностям детей по отношению к родителям. Как и раньше, мы должны удовольствоваться компромиссом, постепенно изменяющим во время перехода от детства к зрелости.

Хотя, как мы видели, дитя обладает справедливым притязанием на пищу, одежду, кров и другие средства, содействующие развитию, однако оно не обладает правом такого распоряжения собою, которое нормально сопровождает самостоятельное поддержание жизни. Есть два основания не допускать этого права. Первое то, что пользование им было бы вредно самому ребенку, другое то, что отсюда вытекало бы игнорирование притязаний родителей на детей, находящихся в необходимой связи с притязаниями детей по отношению к родителям. Первое обстоятельство самоочевидно, второе едва ли нуждается в пояснении. Хотя здесь нельзя дать никакого мерила сравнительных притязаний, вроде того, которое возможно между взрослыми исходя из закона равной свободы, — однако если мы будем руководствоваться этим законом, насколько это возможно, то из него вытекает, что за прокормление и другие средства к жизни, получаемые детьми, должен быть эквивалент, и единственным возможным эквивалентом является послушание и оказывание мелких

услуг. С другой стороны, ввиду конечной цели — благосостояния вида — это взаимное отношение между взрослым и малолетним должно быть приближено к отношению между взрослыми, как только приобретена способность самоподдержания и распоряжения собою. Чтобы стать пригодным к независимым или самостоятельным деятельности, необходимо напрактиковаться в них, а для этого надо постепенно увеличивать свободу. То же подразумевается и на основании справедливости. Там, где дитя становится в значительной степени способным поддерживать себя, прежде чем достигнет зрелого возраста, является и справедливое притязание на соответственную степень свободы. Разумеется, при существенном различии между этикой семьи и этикой государства переход от руководства одною из этих форм этики к руководству другою постоянно должен доставлять множество трудностей. Мы можем только ожидать, что компромисс, к которому приходится прибегать во всяком случае, не забывая, однако, о благе расы, должен уравновесить притязания обеих сторон, причем не должно быть излишнего пожертвования тем или же другим.

§ 340. Относительно детей еще более справедливо, нежели относительно женщин, что прогресс от низших общественных типов к высшим сопровождается усиленным признанием справедливых притязаний. Перемену можно проследить в одинаковой степени относительно жизни, свободы и собственности.

В каждом уголке земного шара и у всех разновидностей человечества существует или существовало детоубийство как обычай или легальное учреждение, причем порою убивали половину всех рождавшихся. В особенности там, где средства существования незначительны и где значительное увеличение племени было бы гибельным, пожертвование новорожденными встречается очень часто. Всего чаще убивают девочек, так как они непригодны для войны. У древних греков и у римлян, у которых отец мог по произволу убить своего ребенка, мы видим, что признание прав малолетних было не более значительно, чем у дикарей, по крайней мере по закону, хотя могло быть более значительно по обычаю. То же можно сказать о древних тевтонах и кельтах. Их обычай подкидывать детей и таким образом косвенно убивать их продолжался долго после того,

как был обличен христианскою церковью. Конечно, пренебрежение к жизни детей всегда сопровождалось пренебрежением к их свободе. Обычай продавать детей в усыновление или в рабство имел широкое распространение. Торг детьми существует у огнеземельцев, у жителей Новой Гвинеи, Новой Зеландии, у даяков, у малагашей и многих других нецивилизованных народов; он существовал и у предков народов цивилизованных. Еврейский обычай позволял продажу детей и захват их за долги. Римляне продолжали продавать детей до времен империи и даже после установления христианства. У кельтов Галлии подобная же торговля производилась, пока не была подавлена эдиктами римских императоров, а германцы упорно держались этого обычая до царствования Карла Великого. Конечно, если свобода детей пренебрегалась в такой крайней степени, то ею пренебрегали и в менее важных случаях. Безразлично, каков бы ни был возраст, римлянин не мог жениться без согласия отца. Конечно, наряду с непризнанием права жизни и свободы мы видим и непризнание права собственности. Если дети не могли обладать собою, то, конечно, они не могли владеть чем-либо иным. Поэтому мы видим, что у римлян сын мог лишь путем юридических уловок приобретать независимое право собственности на некоторые виды имущества вроде военной добычи и известного рода жалованья за гражданскую службу.

Здесь мы не можем описывать, какие стадии постепенно привели к широкому допущению справедливых притязаний детей, встречаемому теперь в цивилизованных обществах. Последовательные перемены постепенно установили для детей широкую степень свободы — в некоторых случаях, как, например, в Соединенных Штатах, более значительную, чем можно считать справедливым или же политичным. Здесь мы должны главным образом отметить, что признание прав детей сделало наибольшие и самые скорые успехи там, где промышленный тип всего более перерос военный тип. Во Франции, до эпохи революции, с детьми обращались как с рабами. Сыновья, даже взрослые, за обиду, нанесенную отцам, могли быть посажены в тюрьму, а порою и действительно туда попадали, а девушек заключали против их воли в монастыри. Лишь после революции права сыновей были «наконец провозглашены», а «личная свобода перестала быть в зависимости от *lettres de cachet*,

добывавшихся несправедливыми и жестокими отцами». Хотя у нас, в Англии, в прошлые столетия обращение с детьми было жестоким, отец не имел власти заключить в тюрьму сына просто по собственному желанию. До новейших времен родительские запрещения относительно браков детей, даже совершеннолетних, правда, добровольно признавались в широкой степени, но не имели легального признания. В настоящее же время хотя на континенте родительское ограничение вступления в брак детей применяется в широкой степени, но в Англии брак, противный желанию родителей, вполне удобно совершается и даже не возбуждает значительного общественного порицания, а часто и вовсе не вызывает никакого порицания.

Таким образом, существует крайний контраст между тем древним состоянием, когда дитя могло быть убиваемо безнаказанно, подобно скоту, и новейшим состоянием, когда детоубийство признается убийством, а искусственное производство выкидыша — преступлением и когда жестокое обращение или недостаточное прокормление детей родителями стало наказуемым и ребенок стал правоспособным в имущественном отношении, под условием установления опеки.

§ 341. Еще раз мы, стало быть, встречаем соответствие между теорией и практикой, между этическими повелениями и политическими улучшениями, между дедукциями из основных начал и индукциями из опыта.

Имея в виду одновременно этику семьи и этику государства и необходимость в изменчивом компромиссе между тем и другим во время перехода детей от младенчества к зрелому возрасту, принимая во внимание одновременно благо особи и сохранение расы, мы приходим к приблизительно определенным заключениям относительно справедливых притязаний детей. Эти заключения, достигаемые априорно, проверяются апостериорно историческими фактами, показывающими нам, что наряду с прогрессом от низших типов к высшим общественным типам возрастало соображение законов и обычаев с моральными требованиями.

XXII | ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА

§ 342. Ежедневно мы видим примеры того, что люди думают лишь о ближайшем и игнорируют отдаленное. Сила локомотива обыкновенно приписывается пару. Нет надлежащего сознания того факта, что пар просто посредник, а не инициатор, каковым оказывается жар огня. Не замечают, что паровая машина есть, в сущности, нагревательная машина, отличающаяся от других, — например, от машины, действующей газом, — единственно инструментами, применяемыми к преобразованию молекулярного движения в массовое.

Это ограничение сознания прямыми отношениями и игнорирование косвенных отношений обыкновенно извращают рассуждения о социальных вопросах. Первичное действие, произведенное кем-либо, кто строит дом, или сооружает дорогу, или орошает поле, состоит в том, что это дает работу людям. Работа, более ясно представляющаяся в мысли, чем средства существования, ею добываемые, начинает рассматриваться как самостоятельное благодеяние. Воображаемое благо состоит не в возрастании запаса предметов удобства или практических применений, содействующих удовлетворению человеческих потребностей, но в затрате труда, производящего эти предметы. Отсюда разные заблуждения — например, утверждение, что пожар выгоден для торговли, или же та иллюзия, что машины вредны народу. Если бы вместо ближайшего предмета — труда имелась в виду окончательная цель — продукт, то такие ошибки могли бы быть устранены. То же относится к заблуждениям, относящимся к денежному обращению. Монеты, которые можно выменять на желательные вещи всякого рода, сами связываются в умах людей с понятием ценности в большей степени, нежели вещи, которые за них покупаются, хотя эти вещи как средство удовлетворения желаний представляют настоящую ценность. Далее, обещания уплаты, заменяющие деньги, несмотря на то что внутренняя

их ценность¹ равна нулю, и только потому, что ежедневный опыт убеждает в их покупательной силе, до такой степени сочетаются с понятием ценности, что изобилие их мысленно отождествляется с богатством; отсюда вытекает убеждение, что требуется лишь изобилие банковых билетов для обеспечения национального благосостояния. Заблуждений этого рода можно было бы избежать, если бы рассуждение велось при помощи терминов, относящихся к самым предметам потребления, вместо того чтобы применять термины, относящиеся к символам. Господство ближайших мотивов над сознанием и изгнание более отдаленных мотивов — это забвение целей и возведение средств на место целей — вновь обнаруживается в деле воспитания. Было время, когда знание, приобретенное в древности, перестало быть общим благом; в те времена изучение латыни и греческого языка, на которых это знание было записано, стало необходимым как средство приобретения этих сведений, и тогда на него смотрели именно как на средство. Но теперь, когда прошло столько времени после того, как это древнее знание стало нам доступным на нашем языке и когда накопилась гораздо большая сумма новых знаний, изучение латыни и греческого языка все-таки продолжается; мало того, оно, в сущности, рассматривается как цель, причем первоначальная цель совсем утрачена. Молодые люди, обладающие сносными познаниями по древним языкам, считаются получившими образование, хотя могло случиться, что они приобрели лишь ничтожные познания из числа тех, которые воплощены в древней литературе, и вовсе ничего не узнали из несравненно обширнейшего и гораздо более ценного запаса знаний, установленных целыми веками научного исследования.

§ 343. С какою целью было сделано это общее замечание и приведены эти пояснительные примеры? Цель та, чтобы подготовить путь для дальнейшего пояснения, теперь нас касающегося. Обиходные суждения в области политики глубоко испорчены этим смешением целей со средствами; преследование средств

¹ Под «внутренней ценностью» Спенсер подразумевает почти то же, что у политикоэкономов называется потребительною ценностью или полезностью. — *Пер.*

приводит к пренебрежению целями. Отсюда, между прочим, иллюзии, господствующие относительно так называемых политических прав.

В строгом смысле нет никаких настоящих прав, кроме тех, которые уже были рассмотрены. Права, как мы видели, это не что иное, как разные стороны общей свободы, позволяющей человеку достигать жизненных целей лишь с такими ограничениями, которые зависят от присутствия других людей, подобным же образом преследующих такие же цели. Стало быть, если свобода человека не ограничена никакими дальнейшими способами, то он обладает всеми правами. Если неприкосновенность его тела не испытывает ни малейшего ущерба; если его движение и перемещение не испытывает никаких препятствий; если его право собственности на все им заработанное или иначе приобретенное вполне уважается; если он может дарить или завещать что угодно, заниматься чем угодно, заключать контракты или меняться с кем хочет и чем хочет, придерживаться каких угодно мнений и выражать их словесно и печатно и т.д. — то после этого ему не остается ровно ничего требовать под именем «прав», если придавать этому названию надлежащее значение. Всякие другие притязания, которые он может иметь, должны быть иного рода — их нельзя признавать правами. Много раз и различными способами мы убеждались в том, что права, настоящим образом так называемые, вытекают из законов жизни, поскольку она протекает в общественном состоянии. Социальные учреждения могут быть таковы, что права признаются всецело или же пренебрегаются в большей или в меньшей степени. Социальные учреждения не могут создать прав: они могут лишь сообразоваться с ними или не сообразоваться. Такие стороны социальных учреждений, которые образуют то, что мы называем правительством, служат орудием поддержания прав, иногда в большей степени, иногда в меньшей; но какова бы ни была эта степень, эти учреждения — простые орудия, а то, что в них может быть названо правом, должно считаться таковым лишь в силу их способности поддерживать настоящие права.

Но по причине тенденции заниматься средствами и сообразно с этим исключать вопрос о целях, мы видим, что те правительственные учреждения, которые приводят к поддержанию прав, начинают сами рассматриваться как нечто пра-

вовое или даже начинают занимать передовое место в категории прав. То участие в политической власти, которым обладают граждане у наиболее передовых наций и которое, как показал опыт, является хорошей гарантией жизни, свободы и собственности, рассматривается так, как будто притязания на это участие имеют ту же природу, как и притязания на жизнь, свободу и собственность. Однако между тем и другим нет родства. Подача голоса, рассматриваемая сама по себе, несколько не обесценивает жизни вотирующего и вовсе несравнима с разными видами свободы, получившими правильное название прав. Все, что мы можем сказать, это разве то, что свойственная каждому гражданину привилегия этого рода доставляет гражданам вообще возможность препятствовать нарушению их прав; этой способностью они могут пользоваться с благими намерениями, но бывает и обратное.

Смешение средств с целями в этом случае было почти неизбежным. Контрасты между состоянием разных наций и состоянием одной и той же нации в разные эпохи внушили людям сильное убеждение в пользу той общей истины, что если правительственная власть находится в руках одного или же немногих, ею воспользуются на благо этого одного или немногих людей; и явилось убеждение, что многие при этом потерпят ущерб. Другими словами, полагают, что лица, не обладающие властью, подвергнутся более значительным помехам и тягостям, нежели власть имеющие; у них будет отнята та свобода, ограниченная лишь свободой других, которой требует справедливость; права их будут более или менее попорчены. Но так как опыт показал, что вслед за более широким распределением политической власти следует убыль подобного рода правонарушений, то и вышло, что поддержание народной формы правления стали отождествлять с поддержанием прав. Возможность подавать голос, т.е. орудие для поддержания прав, стало рассматриваться как особое право — и даже часто оно узурпирует в общем мнении место, принадлежащее настоящим правам.

Насколько это справедливо, мы узнаем, заметив, что там, где так называемые политические права составляют всеобщее состояние, настоящие права часто бесцеремонно попираются. Во Франции бюрократический деспотизм при республике так же велик, как он был при империи. Вымогательства и насильствен-

ные меры не менее многочисленны, и, как было замечено делегатами английских рабочих союзов на одном конгрессе в Париже, посягательство на гражданскую свободу во Франции доходит до пределов, составляющих «позор и аномалию для республиканской нации». То же в Соединенных Штатах. Всеобщая подача голосов не предупреждает продажности муниципальных властей, которые налагают тяжкие подати и не делают ничего путного; она не предупреждает также роста общих и местных учреждений, посредством которых каждый гражданин вынужден отдать свои права в руки заправилам и интриганам; не препятствует и тому, чтобы граждан стесняли в их частной жизни, приказывая им, чего они не должны пить; или тому, чтобы чудовищное большинство потребителей было подвергаемо тяжкому обложению при посредстве охранительного тарифа ради блага ничтожного меньшинства фабрикантов и рабочих; даже не доставляет людям достаточной охраны от насильственной смерти, но во многих штатах допускает частые убийства, которым могут препятствовать лишь блюстители правосудия; но они сами подвержены опасности быть застреленными во время выполнения своих обязанностей. Впрочем, результаты почти таковы и у нас самих. Не только не достигнув лучшей охраны настоящих прав, недавние расширения политических вольностей привели лишь к более значительному нарушению таких же вольностей. Явилось большее число приказаний делать то, не делать другого, причем более прежнего посягают на кошельки граждан.

Таким образом, как здесь, так и за границей мы имеем вполне ясное опровержение господствующего мнения. Крайний случай это тот, когда люди пользуются так называемыми политическими правами для того, чтобы лишиться возможности сохранить свои права в настоящем смысле этого слова, как, например, произошло при плебисците, избравшем Наполеона III. Опускаясь от этого случая к тем, когда люди допускают над собою насилия, вроде того, что их детей принуждают обучаться грамматике и болтать о королях, нередко в ущерб питанию и крепости тела, мы во всех случаях не находим воображаемого тождества. Хотя так называемыми политическими правами можно пользоваться для поддержки свободы, но иногда они не имеют этого значения, и порою даже ими можно пользоваться для установления тиранического правления.

§ 344. Кроме смешения средств с целями, есть еще и другая причина обычного недоразумения. Понятие о праве сложно, и есть возможность ошибочно признать один из его факторов за оба.

Как было не раз указываемо, положительный элемент права состоит в понятии свободы, тогда как отрицательный сводится к ограничению, требуемому равною свободой других лиц. Но оба эти элемента редко существуют совместно в надлежащей пропорции, а в некоторых случаях и вовсе не совмещаются. Можно указать примеры свободы, вполне необузданной: результатом являются вечные насилия и состояние всеобщей войны. Обратно, может существовать равенство в деле обуздания, идущее так далеко, что, в сущности, оно разрушает свободу. Может случиться, что всех граждан обуздывают в равной степени до того, что поработают, и что это совершается властью, ими же установленною. Бывает так, что, преследуя филантропические или иные цели, граждане лишаются вследствие этого большей части свободы, которая остается на долю каждого из них сверх должного уважения свободы других лиц. Но указанная выше путаница понятий, приводящая к этому сопоставлению так называемых политических прав с настоящими правами, отчасти вытекает из того, что смотрят на второстепенный признак, а именно равенство, не думая о первостепенном, а именно о свободе. Возрастание одного, вообще говоря, до того связано с усилением других, что на оба стали смотреть как на неизбежных взаимных спутников, и полагают, что раз добыто равенство, то свобода обеспечена сама собой.

Но, как показано выше, это нисколько не справедливо. Люди могут пользоваться своей равной свободой также для того, чтобы отдать себя в крепостную зависимость. Достаточно, чтобы они не понимали (а это часто бывает), что требование равенства, взятое само по себе, удовлетворяется и в том случае, если равенство относится к степени переносимых притеснений и испытываемых страданий. Они не замечают той истины, что приобретение так называемых политических прав нисколько неравнозначительно с приобретением прав в настоящем смысле этого слова. Первые являются лишь орудием для получения и поддержки вторых; ими можно пользоваться или не пользоваться для выполнения этих целей. Существенный вопрос состоит в следующем: «Каким образом охранять права

в настоящем смысле этого слова? Как защищать их против посягателей, внешних и домашних?» Та или иная форма правления является лишь приложением этих начал. Представительное правление есть одна из практических форм; а выбор депутатов посредством всеобщей подачи голосов — лишь одно из многочисленных средств, посредством которых может быть образовано представительное правление. Но так как подача голосов есть просто способ создать учреждение, охраняющее права, то вопрос сводится к тому, создает ли всеобщая подача голосов такое именно учреждение? Мы видели, что оно не приводит к действительному осуществлению этой цели, а позднее увидим, что при современных условиях едва ли и может привести.

Но дальнейшее рассмотрение этого вопроса придется отложить. Следует начать с вопроса более общего — о природе государства.

XXIII | ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА

§ 345. Изучение эволюции в широком смысле слова знакомит нас с тою истиною, что природа какой бы то ни было вещи далеко не прочна. Не изменяя своего тождества, вещь может в одно время обладать одною природою, а позднее — совершенно другой. Контраст между сфероидальною туманностью и твердою планетою, в которую наконец сгущается эта туманность, едва ли более значителен, нежели контрасты, представляющиеся на каждом шагу.

В органическом мире это изменение природы, в сущности, является всеобщим. Вот полип, который после периода сидячей жизни разрывается на куски, порознь отделяющиеся, как плавающие медузы. Вот маленькая личинка кольчатого типа, которая, после того как она активно двигалась в течение некоторого времени в воде, прикрепляется к рыбе, утрачивает свои двигательные органы и, питаясь паразитически, вырастает в нечто, состоящее почти из одного желудка и яичниковых мешков. А вот другая личинка, заканчивающая странствования своей ранней молодости прикреплением к скале. Развившись в то, что в просторечье называют морским желудем, она кормится, поглощая через свой пищевод мелкие существа из окружающей воды. Или вот червеобразная личинка, которая, прожив и прокормившись некоторое время в воде, наконец после периода покоя прорывает свою куколкувую оболочку и улетает в виде комара. Или вот плодовый червяк и мясная муха, хлебные черви и мотыльки и другие общеизвестные примеры. Всего более странны, однако, такие крайние примеры, как превращения некоторых низших водных водорослей. Двигаясь сначала в течение короткого периода и обнаруживая признаки животных, зародыши в конце концов укрепляются, прорастают и становятся растениями.

Рассмотрение подобных фактов, необычайно многочисленных и поразительно разнообразных, предостерегает нас от заблуждения, могущего возникнуть во всякое время, если будет молчаливо допущено, что природа какой-либо вещи была, есть

и всегда будет неизменной. Наоборот, мы приходим к тому, что вынуждены ожидать изменения природы — быть может, даже коренного изменения.

§ 346. Почти все молчаливо допускают, что существует лишь одно правильное понятие о государстве. Между тем, признав ту истину, что общества развиваются, и прислушиваясь к урокам, доставляемым изучением эволюции, в широком смысле этого слова, мы отсюда заключим, что, по всей вероятности, в разных местах и в разные времена государство имело существенно различную природу. Согласие между выводом и фактом вскоре станет очевидным.

Не останавливаясь на более древних типах, характеризующих по большей части родословную по женской линии, рассмотрим сначала группу, составляющую нечто среднее между семьей и обществом, а именно патриархальную группу. Такая группа, как она появляется в кочевой орде, образует общество, в котором родственные отношения особей между собою и к их общему вождю, а также отношения к общей собственности придают строениям и отправлениям совокупного целого природу, совершенно отличающуюся от тех политических групп, которые нам теперь известны. Даже когда подобная группа развивается в сельскую общину, где, как мы видим в Индии, может существовать полный штат должностных лиц для внутреннего управления, общность (хотя и не всеобщность) родственных отношений между вступившими в союз лицами придает этой группе лиц характер общества, резко отличающегося от того, в котором кровные узы перестали быть господствующим фактором.

Поднимаясь на высшую ступень состава (*composition*), мы рассмотрим к таким обществам, как в Древней Греции, где соединены в крупные группы многие мелкие группы родственников. Члены разных семей, родов и фратрий здесь слиты, не теряя своего тождества, и соответственные группы обладают корпоративными интересами, независимыми и часто антагонистичными между собою. Неоспоримо, что природа такого общества как целого значительно отличается от природы нового общества, в котором полное слияние составляющих групп разрушило первичные разграничительные линии и где в то же время особи, а не семейные группы стали политическими единицами.

Еще раз, помня о контрасте между системой принудительного правления (*status*) и системой договора, мы не можем не увидеть существенного различия природы между этими двумя родами политических тел. В весьма многих древних обществах «религиозная и политическая санкция, порою в союзе между собою, порою в отдельности, решали за каждое лицо, каков должен быть его образ жизни, его вера, обязанности, положение в обществе, и не предоставляли ни малейшего простора для воли или разума самой личности». Но у нас, в Англии, ни религиозная, ни политическая санкция не имеет более такой силы; и ни для одной личности здесь нельзя предписать положения или карьеры.

Ввиду этих фактов мы не можем с каким-либо основанием допустить единство природы всех политических тел. Мы далеки от допущения, что общее понятие о государстве, выработанное Аристотелем и извлеченное из жизни обществ, ему известных, сохранило силу и значение руководящего принципа в настоящее время; и мы вправе заключить, что, по всей вероятности, понятие это теперь неприменимо и, будь оно принято, послужило бы плохим руководством.

§ 347. Еще более проникнемся мы этой истиной, если вместо того, чтобы противопоставлять друг другу общества по их природе, мы укажем на контрасты в их деятельности. Рассмотрим разные роды жизни, которую ведут эти общества.

Так как эволюция подразумевает постепенный переход, то отсюда следует, что как бы ни были велики различия, образующиеся между обществами людей, во всяком случае резкие границы не могут быть проведены. Но помня это ограничение, мы вправе сказать, что существуют три различные цели, ради которых люди, первоначально жившие рассеянными кочевыми семейными группами, могут соединиться в более тесные группы. Одной побудительною причиною является желание товарищества, общительность, хотя и не всеобщая, но весьма общая черта людей, приводящая к скоплению их в группы. Другой причиною является потребность в совокупной деятельности против врагов — животных, или людей, или тех и других — кооперация, имеющая целью сопротивление внешнему нападению или же, наоборот, самое нападение на внешних врагов. Третьей

целью является облегчение добывания средств к жизни посредством взаимопомощи, т.е. кооперация для лучшего удовлетворения телесных, а затем и духовных потребностей. В большинстве случаев преследуются все три цели. Они, однако, не только различимы теоретически, но и каждая из них допускает отдельные примеры.

Из социальных групп, удовлетворяющих только стремлению к товариществу, можно назвать те, которые видим у эскимосов. Люди, образующие какую-либо из этих групп, порознь независимы. Не имея надобности в группировке для внешнего нападения или защиты, они не нуждаются в военачальниках и не имеют никакого политического управления. Единственный контроль, применяемый к каждому, состоит в неодобрительном мнении товарищей. Не существует здесь также никакого разделения труда. Промышленная кооперация ограничена тою, которая существует между мужем и женой в каждом семействе. Общество не обладает никакой организацией, исключая простой смежности его частей; нет никакой взаимной зависимости.

Второй класс весьма многочислен. Чистые его формы представляются охотничьими племенами в широком смысле слова. Деятельности их колеблется между охотою на животных и войною с другими племенами. Примером могут служить хищнические и разбойничьи племена вроде племени масаи. В таких обществах разделение труда, если оно вообще существует, имеет лишь зачаточный характер. Кооперация имеет здесь целью внешнюю защиту или нападение и едва ли имеет какое-либо значение для удовлетворения внутренних потребностей. Когда, посредством завоевания, образуются крупные общества, вместе с этим является некоторая промышленная кооперация; она возрастает по мере возрастания общества. Но так как эта промышленность ведется рабами или крепостными под надзором своих владельцев, то такая кооперация вводит лишь ничтожное ограничение в существенные черты характера общества: а существенным признаком является здесь приспособление совместной деятельности против других подобных обществ. Жизнь личностей подчинена здесь в той степени, которая необходима для сохранения (а порою и для расширения) жизни целого. Племена и нации, у которых подобного рода подчинение не поддерживается, должны, при прочих равных условиях, исчезнуть в борьбе

с племенами и нациями, у которых оно поддерживается. Поэтому такое подчинение становится, посредством переживания наиболее приспособленных, установленным признаком. Наряду с бесспорным предположением, относящимся к этому типу, что война есть жизненное призвание, является убеждение, что каждая личность есть подданный общества: греки полагали, что гражданин принадлежит не себе и не семье, а своей гражданской общине. И естественно, наряду с этим подавлением личных притязаний в пользу общественных мы видим такое обуздание личности обществом, которое делает человека пригодным для этих целей. Человек подвергается такому учению, дисциплине и контролю, которые признаются необходимыми для того, чтобы сделать его хорошим воином или хорошим слугою государства.

Нет возможности дать сколько-нибудь удовлетворительные примеры обществ третьей категории, так как вполне развитые формы их еще не существуют. Те многочисленные вполне мирные племена, которые находятся на некоторых островах, заселенных папуасскими племенами, или же живущие в местностях Индии, настолько зараженных болотною лихорадкой, что окрестные воинственные племена не могут здесь жить, — не в состоянии развиться в крупные промышленные общества по причине непригодной среды. Бодо, дхималы, кокчи и другие туземные племена, живущие земледелием и селящиеся деревушками из 10—40 домов и перекочевывающие в новые области, когда они истощили почву в прежних, не обнаруживают, исключая разделения труда между полями, никакой дальнейшей кооперации, кроме той, которая необходима для сооружения домов и расчистки участков. Говоря вообще, только после того, как завоевание скрепило малые общества в большие, возникают удобные случаи для возрастания взаимной зависимости между людьми, посвятившими себя разным отраслям промышленности. Поэтому в течение продолжительных периодов промышленная организация, играя служебную роль по отношению к военной организации, не обнаруживала своей существенной природы. Теперь, однако, стало ясным, что наиболее развитые новейшие нации организованы по принципу, коренным образом отличающемуся от того, по которому было организовано значительное большинство прежних наций. Если, забывая о недавних ретроградных переменах, происшедших во всей

Европе, мы сравним древние и средневековые общества с нынешними, и особенно с Англией и Америкой, то усмотрим радикальные различия. В одном случае, говоря вообще, все свободные люди — воины, а промышленность предоставлена рабам и крепостным; в другом случае лишь немногие свободные люди — воины, тогда как огромное большинство их занято производством и распределением. В одном случае многочисленные воины стали таковыми под влиянием принуждения, тогда как в другом явились сравнительно немногие воины и стали таковыми по соглашению. Итак, очевидно, что существенный контраст состоит в следующем: в одном случае группа оказывает сильное принуждение на составляющие ее единицы, тогда как в другом случае она оказывает малое принуждение и стремится уменьшиться по мере упадка военщины. Каково значение этого контраста, если мы выразим его в самых крайних терминах? В обоих случаях цель, которую должно выполнить общество как корпоративное целое, т.е. представляемое государством, — цель эта есть благо единиц, составляющих общество: действительно, общество как группа не обладает никакой чувствительностью, и его сохранение желательно только в его служебной роли, относящейся к индивидуальной чувствительности. Но как выполняется эта роль? Первоначально посредством помехи вмешательству в личные дела. На первой стадии смерть или увечье, нанесенное членам общества внешними врагами, составляют то, что общество как корпоративное целое должно предупредить, если не исключительно, то главным образом. Этической гарантией является здесь обуздание членов общества, насколько оно требуется этою целью. На последней стадии главным, хотя и не исключительным предметом является предупреждение смерти или обиды, наносимой членам внутри общества; и этическая гарантия для обуздания членов, очевидно, не простирается далее требуемого такую целью.

§ 348. Здесь не место рассматривать, можно ли присоединить к этой последней функции еще какую-либо иную. Так как речь идет исключительно о природе государства, то нас интересует лишь радикальное различие между этими двумя социальными типами. Необходимо настаивать на той истине, что политическая группа, которой приходится воздействовать на другие

подобные же группы и с этой целью управлять соединенными силами составляющих ее единиц, радикально отличается от политического тела, которому приходится действовать только на свои составные единицы. Отсюда следует, что такие политические умозрения, которые исходят из предположения, что государство во всех случаях обладает одинаковой природой, должны закончиться глубоко ошибочными выводами.

Следует указать еще одно дальнейшее следствие. В течение продолжительных прошедших эпох, как и в наши дни, а также на неопределенное долгое время в будущем, следует ожидать перемен, как прогрессивных, так и ретроградных, причем общества приближаются то к одному типу, то к другому; эти типы должны быть смешанными и неустановившимися. Следует поэтому ожидать преобладания неопределенных и изменчивых убеждений, относящихся к природе государства.

XXIV | УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВА

§ 349. Различие целей обыкновенно подразумевает различие средств. Невероятно, чтобы строение, наилучшим образом приспособленное к одной цели, было всего лучше приспособлено и к другой цели. Для сохранения жизни своих единиц и для поддержки той свободы в достижении жизненных целей, которою обыкновенно обладают независимые народы, общество должно пользоваться своей корпоративной деятельностью, и это обнаруживается главным образом в борьбе с окружающими обществами. В этом случае его организация должна быть такою, чтобы приводить в действие надлежащим образом скомбинированные силы составляющих его единиц в определенное время и в определенных местах. Не требует доказательства, что если единицам, составляющим общество, предоставляется действовать без соглашения, то они рано или поздно будут покорены. Ясно также без доказательств, что для произведения дружного действия эти единицы должны быть кем-либо управляемы. Подобное управление должно быть обеспечено принудительною силою; сила эта должна издавать сообразные между собою повеления, а для этой цели повеления должны исходить от единой власти. Исследования происхождения военного типа (сравн. «Основания социологии», §§547—561) приводят непреодолимо к тому заключению, что для надлежащей внешней деятельности, направляемой одним обществом против других, необходима централизация, и установление ее становится тем более решительным, чем обычнее подобная внешняя деятельность. Не только сама армия подчиняется деспотическому правлению, но и все общество, содержащее эту армию. Воля целого, действуя через посредство развитой ею правящей власти, насилует и почти подавляет волю индивидуальных членов общества. Даже те права, которые предоставляются, считаются как бы дарованными из милости. Поэтому до тех пор, пока военный тип преобладает, устройство государства должно быть таково, что обыкновенный

гражданин в нем подчинен либо автократии, либо олигархии, из которой постоянно стремится возникнуть автократия. Как мы видели сначала, такое подчинение с сопутствующей ему утратой свободы и жизни обладает как бы этической гарантией, когда вынуждается оборонительной войной. Частное нарушение прав должно быть оправдываемо, если целью является предупреждение того полного попрания и утраты прав, которое последует вследствие смерти или покорения. Обыкновенно, однако, военный тип общества развивается более наступательными войнами, нежели оборонительными, и где это так, то соответственное государственное устройство не имеет за собою никакой этической гарантии. Как ни желательно, чтобы высшие расы покоряли и вытесняли низшие и чтобы поэтому на ранних стадиях развития наступательные войны содействовали интересам человечества, — все же, как сказано раньше, содействие таким интересам этим способом должно причисляться к другим родам борьбы за существование, свойственным низшим животным; этика не вправе включать в свою область этот род деятельности.

Здесь необходимо отметить, что если окружающие условия таковы, что обществу угрожает опасность от других обществ, то отсюда вытекает принудительный строй, хотя весьма далекий от абсолютной справедливости, но все же относительно справедливый, т.е. представляющий наименьшее зло, допустимое обстоятельствами.

§ 350. Игнорируя промежуточные формы, мы перейдем от военного строя к промышленному, рассматривая последний в цветущую пору его развития. Мы увидим, что в этом случае требуемое государственное устройство совсем иного рода. В обоих случаях целью является сохранение условий, при которых жизнь и ее деятельности могут продолжаться; но сохранение этих условий против внешних врагов совсем не то, что защита против врагов внутренних. Присмотритесь к контрастам.

В одном случае опасность непосредственно угрожает обществу как целому и косвенно грозит личностям, тогда как в другом мы видим как раз обратное. В одном случае опасность велика, сосредоточена и на первый раз имеет местный характер, тогда как в другом опасности многочисленны, невелики

и рассеяны всюду. В одном случае все члены общества одновременно подвергаются опасности от насилия, тогда как в другом насилие угрожает или испытывается то одним лицом, то другим, и гражданин, сегодня подвергшийся насилию, завтра сам может причинить его. В одном случае крупное зло, раз от него отделались, на некоторое время перестает угрожать гражданам, тогда как в другом случае зло, хотя и не велико, встречается непрерывно. Итак, очевидно, что при настолько различных функциях политические учреждения должны быть в обоих случаях не сходны.

Для предупреждения убийства, воровства, мошенничества нет надобности в армии. Армия, если бы ею воспользовались, не могла бы справиться с мелкими насилиями, встречающимися повсеместно. Требуемая администрация должна быть так же разбросана, как и предупреждаемые или караемые проступки, и ее деятельность должна быть не временною, а непрерывною. Но при отсутствии крупных соединенных сил, необходимых для военных целей, нет надобности в том принудительном законе, посредством которого только и возможно управлять этими соединенными силами для указанных целей. Наоборот, здесь требуется власть, приспособленная к поддержанию прав каждого гражданина против других и уважающего те же права в ее собственном обхождении с гражданами.

Каково надлежащее устройство государства? На первый взгляд кажется, что так как каждый гражданин, предполагая, что сам он не обидчик, заинтересован в сохранении жизни и собственности, в выполнении договоров и в подтверждении всех более мелких прав, то государственное устройство должно быть таким, чтобы каждый гражданин обладал долей власти наравне со всеми своими согражданами. По-видимому, невозможно отрицать, что если бы, преследуя закон равной свободы, люди обладали равными, обеспеченными за ними правами, им следовало бы также обладать и равной способностью указывать на тех деятелей, которые обеспечивают подобные права.

В последней главе было указано лишь одно: что такой вывод незаконен; и различные пояснения сделали ясным, что испытанные средства не достигли здесь желательной цели. Здесь следует заметить, почему именно нет основания допустить, что бы эти цели могли когда-либо быть достигнуты.

§ 351. Из истин, относящихся к человеческому поведению, нет ни одной более достоверной, нежели та, что люди, в среднем выводе, будут действовать под влиянием своих интересов или, скорее, кажущихся интересов. Правительство само находится под влиянием общего стремления поступать таким образом, и каждый парламентский акт заботится о том, чтобы исключить свои собственные вредные последствия. Любой договор, любое завещание, любое условие найма доказывает, до чего общераспространенно и до чего общепризнанно подобное стремление.

Успешность деятельности той или иной формы правления неизбежно определяется этой общей тенденцией. Лица, входящие в состав политического учреждения, и лица, прямо или косвенно их назначающие, как и все другие, будут находиться во власти своих кажущихся интересов. Законы всякой страны доставляют бесчисленные доказательства; история доказала убедительно, что господствующие будут пользоваться властью для своих выгод. Отсюда было выведено, что общие выгоды достижимы лишь предоставлением власти всем членам общества. Но заблуждение становится теперь очевидным.

Поколение тому назад, когда столько агитировали в пользу расширения политической власти, ораторы и журналисты ежедневно громили «классовое законодательство» аристократов; но они не признавали той истины, что если бы вместо тогда господствовавшего одержал верх другой класс, то снова явилось бы классовое законодательство на место старого. Ежедневно повторяются доказательства этой истины. Справедливо, что поколение тому назад землевладельцы и капиталисты так обрабатывали общественные дела, что чувствовали себя хорошо и притесняли других; не менее справедливо, что теперь ремесленники и рабочие при посредстве депутатов, обязанных выполнять их требования, быстро преобразуют наш социальный строй на пользу себе и к невыгоде всем прочим. Ежегодно возникают все новые учреждения, имеющие целью доставлять то, что кажется даровым благодеянием, на счет плательщиков местных и общих податей, и народная масса, пользуясь благами и освобождаясь от расходов на содержание общественных учреждений, требует размножения их.

Несправедливо, что всеобщее обладание политической властью обеспечивает за всеми справедливость. Наоборот, опыт

делает очевидным то, что должно было бы быть очевидным и без всякого опыта, а именно что при всеобщей подаче голосов более многочисленный класс общества неизбежно получит выгоды на счет менее многочисленного класса. Более высокий заработок, доставляемый высшим их более успешными деятельностями, не только не будет предоставлен в их распоряжение, но часть от него будет отобрана каким-либо косвенным способом, для того чтобы увеличить меньший заработок менее прилежных или менее способных; и насколько это достигается, закон равной свободы оказывается нарушенным. Очевидно, что устройство государства, свойственное промышленному типу общества, в котором равенство вполне осуществлено, должно быть таково, что в нем нет места для представительства личностей; представлены должны быть интересы. Для здоровья социального организма и благосостояния его членов требуется уравнивание функций, а это равновесие не может быть поддерживаемо, если мы придадим каждой функции силу, пропорциональную числу функционирующих. Сравнительное значение разных функций не измеряется числом единиц, занятых их выполнением, а поэтому всеобщее благо не будет достигнуто, если мы придадим разным частям политического тела силы, пропорциональные их росту.

§ 352. Возникнет ли впоследствии такая форма общества, в которой политическая власть может быть предоставлена личностям, не придавая тем самым такой силы целым классам, которая будет употреблена ими во зло? Этот вопрос не допускает никакого ответа. Может случиться, что промышленный тип — быть может, посредством развития кооперативных организаций, в теории, хотя и не на практике (по крайней мере в настоящее время), изглаживающих различие между предпринимателем и рабочим, — произведет со временем такие социальные учреждения, при которых антагонистические классовые интересы либо исчезнут, либо настолько смягчатся, что не послужат серьезным осложнением. Возможно также, что со временем люди настолько станут уважать чужие интересы, что это воспрепятствует ненадлежащей погоне за собственными интересами, так что равное распределение политической власти не приведет к заметному преобладанию классовых интересов в законодательстве. Но истина, требующая здесь признания, состоит в том,

что, рассматривая существующее теперь человечество, каким оно долго еще останется, придется сказать, что обладание так называемыми равными политическими правами не обеспечит равенства прав в настоящем смысле этого слова.

Сверх того, то государственное устройство, которое оправдывается относительной этикой, еще по другой причине должно значительно отличаться от устройства, оправдываемого абсолютной этикой. Формы правления, приспособленные к существующим цивилизованным обществам, должны быть переходными. Как подразумевается во всей аргументации, устройство государства, занятого военной деятельностью, должно радикально отличаться от устройства государства, посвященного промышленной деятельности; на переходных ступенях от одной формы к другой приходится пройти смешанные формы, приспособленные то к одному, то к другому ряду требований, смотря по удобству. Действительно, как я показал в другом месте (Основания социологии, §§547—575), если мы исключим те непрогрессирующие типы человечества, из которых развились социальные организации, более не подверженные изменению, и если мы рассмотрим более пластические типы, все еще развивающиеся индивидуально и социально, то мы увидим, что возращание какой бы то ни было социальной деятельности вскоре произведет изменение строения общества.

Отсюда следует вывести, что существует как бы этическая гарантия для смешанных государственных устройств, приспособленных к этим смешанным требованиям. Наивысшей целью является поддержание условий, при которых может быть продолжена индивидуальная жизнь и ее деятельность; поддержание этих условий подвергается опасности то от массы внешних врагов, то от отдельных внутренних врагов. Отсюда следует, что существует подобие этического оправдания для такого политического устройства, которое в каждое данное время всего лучше приспособлено к борьбе с опасностями обоего рода; с негодностью для одной из этих целей можно помириться настолько, насколько это является вынужденным по причине пригодности для другой цели.

§ 353. Название настоящей главы подразумевает еще один вопрос, а именно о предоставлении политической власти женщи-

нам. Мы уже пришли к выводу, что в чисто военных и отчасти военных обществах обладание этими вольностями не может быть предметом справедливых притязаний со стороны женщин. Нельзя по справедливости обладать равною властью, не обладая одинаковою ответственностью. Но, предполагая, что с прекращением господства военной деятельности это препятствие исчезнет, мы должны здесь задаться вопросом, будет ли в этом случае предоставление женщинам права голоса полезным. Я говорю полезным, потому что, как мы видим, это вовсе не вопрос права в прямом и настоящем смысле слова. Вопрос состоит в том, следует ли предположить, что права, в настоящем смысле этого слова, встретят лучшую поддержку, если женщины получают право голоса, чем если этого не будет. Есть некоторые основания допустить, что поддержка прав будет в этом случае скорее менее, чем более удовлетворительной.

Сравнительная впечатлительность женщин — это черта, способная сделать усиление их влияния вредным фактором в законодательстве. Люди вообще, как они теперь организованы, в весьма большой степени подвержены действию специальных эмоций под влиянием временного возбуждения и не испытывают задержек от совокупности других душевных волнений; женщины еще более, нежели мужчины, увлекаются чувствами данной минуты. Эта особенность находится в противоречии с тем рассудительным настроением духа, которое должно руководствовать законодателями. Свобода от страстей, возбуждаемых временными причинами или отдельными предметами, составляет очевидное предварительное условие хорошего законодательства. Это предварительное условие в настоящее время выполняется лишь несовершеннообразом, и выполнение было бы еще более несовершенно, если бы привилегия распространилась на женщин.

Моральное различие сопровождается аналогичным интеллектуальным различием. Весьма немногие мужчины и еще меньшее число женщин составляют мнения, в которых общему и отвлеченному отводится должное место; только частное и конкретное остается в мысли. Девять законодателей из десяти и 99 подающих голоса из 100 при обсуждении той или иной меры помышляют только о непосредственных результатах, вовсе не думая о косвенных последствиях, или о действии,

которое окажет такой пример, или о влиянии на характеры людей. Если бы женщины обладали правом голоса, то это поглощение сознания в ближайшем и личном и исключение отдаленного и безличного было бы еще значительнее; стало быть, огромный вред, причиняемый теперь, мог бы еще усилиться.

Вначале было показано существование радикального противоречия между этикой семьи и этикой государства; было указано, что введение одной из них в область другой вредно, даже губительно при широком и непрерывном применении. В конце концов, поведение определяется характером человека; ум играет лишь служебную роль, доставляя удовлетворение тем чувствованиям, которые образуют характер. В настоящее время как мужчины, так и женщины склонны, по причине своих чувствований, к искажению этики государства введением в нее этики семьи. Но это в особенности в натуре женщин, являясь спутником их свойств, как матерей. Они доставляют благоденствия не пропорционально заслугам, но пропорционально отсутствию заслуг; матери отдают всего более тем, чьи способности наименьшие. Любовь к беспомощным, могущая служить общей характеристикой родительского инстинкта, более сильного у женщин, чем у мужчин, и управляющая их поведением вне семьи, как и в семье, в большей мере, нежели она управляет поведением мужчин, должна еще в сильнейшей степени, чем у мужчин, вызывать общественную деятельность, излишне принимающую во внимание интересы низших, по сравнению с высшими. Нынешнее стремление лиц обоего пола состоит в том, чтобы признавать граждан обладающими притязаниями пропорционально их нуждам — а эти нужды обыкновенно пропорциональны отсутствию заслуг; и это стремление, более сильное у женщин, чем у мужчин, должно, если оно действует в политической области, вызвать, как более общий факт, попечения о худших на счет лучших. Вместо того поддержания прав, которое, как мы видели, является лишь систематическим подтверждением принципа, что каждый должен пользоваться хорошими и худыми последствиями своего собственного поведения, здесь явятся более частые и более многочисленные нарушения этого принципа, чем в настоящее время. Еще более, чем теперь, заработок высшего будет насильственно отниматься у него для помощи низшему, и еще более, чем теперь, худые

последствия, накликаемые на себя низшими, будут сваливаться на высших.

Другая черта, отличающая женщин, зависит от приспособления не к материнским, но к супружеским отношениям. Чувствования женщин сформировались особым образом для обращения с потомством; но они также приспособились к ответственному выбору мужей, по крайней мере настолько, насколько условия позволяют выбор.

Сила, физическая, или умственная, или та и другая, есть и всегда была тою чертою мужской натуры, которая всего более привлекает женщин; и это содействует размножению более сильных. Разновидности, в которых это инстинктивное предпочтение выражалось всего менее, всегда должны были, при прочих равных условиях, стремиться к исчезновению по сравнению с другими разновидностями. Поэтому у женщин является преклонение перед силой во всех ее видах, а отсюда вытекает сравнительный консерватизм. Авторитет, все равно в какой форме — политической, церковной или общественной, подчиняет себе женщин еще более, чем мужчин. Доказательства можно найти в обществах на всех стадиях развития. Освященные древностью обычаи гораздо прочнее удерживаются у женщин, чем у мужчин, даже там, где следовало ожидать, что инстинктивные чувствования могли бы произвести противоположное действие. Примером может служить приверженность женщин племени юангов к одежде, более скромной, чем у Евы, тогда как мужчины носят одежду на поясице. Религиозный фанатизм, служащий выражением крайнего подчинения силе, признаваемой за сверхъестественную, всегда был у женщин сильнее, чем у мужчин. Различие было замечено у древних греков; то же заметили наблюдавшие японцев; примеры можно видеть у индусов; и то же теперь очевидно во всей Европе. Итак, то чувство, которое возбуждает сила и окружающий ее блеск во всех его видах, должно, в случае если женщины приобретут право голоса, усилить всякую власть, политическую и церковную. Могут подумать, что при нынешних условиях консервативное влияние этого рода было бы благотворным; и если бы не существовало вышеописанной черты, то с этим можно было бы согласиться. Но в связи с предпочтением, оказываемым великодушию перед справедливостью, этот культ силы, свойственный

женщинам, если бы ему было дозволено более полное выражение, усилил бы возможность поправления личных прав властями под видом погони за тем, что считали бы благотельною целью.

Совсем иной вопрос, произойдут ли такие дурные последствия в будущие времена, когда исчезнут существующие теперь политические осложнения, причиняемые нашим переходным состоянием. Вполне возможно, что предоставление женщинам права голоса будет тогда благотельным.

Требуя, однако, немедленной эмансипации женщин под тем предлогом, что без этого они не могут добиться законного признания своих справедливых притязаний. Опыт не подтверждает справедливости этой жалобы. В течение последнего тридцатилетия разные виды неправоиспособности женщин были устранены при весьма малом сопротивлении со стороны мужчин. Сравнивая поведение мужчин относительно лиц своего пола с поведением их относительно женщин, придется признать очевидным, что в новейшие времена чувство справедливости более действовало относительно второго. Угнетаемые классы мужчин должны были гораздо дольше бороться, прежде чем они добились от угнетавших их классов требуемых уступок, нежели женщины, когда им приходилось вести борьбу против мужчин своего класса, добиваясь разного рода вольностей. Они достигли желаемого, хотя не имели политической власти, и нет основания сомневаться в том, что и дальнейшие несправедливости, на которые они жалуются, главным образом относительно опеки над детьми, по всей вероятности, могут быть также устранены, не производя тех исполинских перемен в государственном строе, которых добиваются некоторые из женщин.

Эта вероятность, в сущности, достигает достоверности, что станет очевидным, если мы поставим вопрос об ожидаемых преимуществах в его простейшей форме. Когда открыто требуют, чтобы женщины имели право подачи голоса, потому что иначе они не смогут добиться от мужчин исполнения своих справедливых притязаний, то при этом, в сущности, утверждают, что мужчины уступят право голоса, зная, что вместе с этим они уступят и требованиям, хотя не хотят выполнить этих требований самих по себе. А, т.е. подача голоса, влечет за собою выполнение В, т.е. притязаний; но нам говорят, что, хотя мужчины отдадут $A+B$, они не отдадут В, само по себе взятое!

§ 354. Говоря о государственном устройстве, следует сказать кое-что относительно распределения государственных повинностей, а также государственной власти. Ясно, что с таким же основанием можно настаивать на равномерном участии в государственных расходах, как и на равномерном участии в браздах правления. С отвлеченной точки зрения, вопрос этот, по-видимому, не представляет никакой значительной трудности. Суммы, уплачиваемые индивидуально, должны быть пропорциональны индивидуально получаемым выгодам. Насколько эти выгоды одинаковы, несомые повинности также должны быть одинаковы, и наоборот. Отсюда вытекает различие между государственным расходом на охрану личности и расходом на имущественную охрану. Так как жизнь и личная безопасность, говоря вообще, всеми людьми признаются за равноценные, то отсюда вытекает, что те государственные расходы, которые требуются заботами об этих предметах, должны равномерно падать на всех. С другой стороны, так как количество имущественных благ, которыми обладает с одной стороны рабочий, а с другой — миллионер, представляет чудовищное различие, то отсюда вытекает, что суммы, взимаемые за охрану имущественных прав, должны представлять огромные различия, должны быть пропорциональны количеству собственности и до некоторой степени зависеть от ее качества. Относительно расходов на внутреннюю охрану эти соображения указывают приблизительно справедливую норму распределения; но относительно внешней охраны гораздо труднее представить себе справедливое распределение. Вторжение неприятеля угрожает и имуществу, и личности. Гражданина могут ограбить, или повредить телесно, или в большей или меньшей степени лишить свободы. Справедливое распределение зависит от относительной ценности, придаваемой каждою личностью всему этому; но, по-видимому, невозможно никакое определение таких ценностей, ни специальное, ни общее. Поэтому и следует сказать, что, пока существует военный строй, вполне или отчасти развитый, невозможно что-либо большее, нежели грубое приближение к справедливой раскладке государственных повинностей. Один вывод, однако, ясен. Государственные налоги, как бы пропорционально они ни были распределены между гражданами, должны падать на всех. Каждый пользующийся благами, проистекающими от

правительства, должен платить какую-либо долю государственных расходов, и притом платить прямо, а не косвенно. Последнее требование в высшей степени важно. Цель политического деятеля обыкновенно состоит в том, чтобы собирать государственные налоги, оставляя гражданина отчасти или вполне в неизвестности насчет вычетов, делаемых из его дохода. Таможенные налоги и акцизы нередко отстаиваются на том основании, что с их помощью можно вытянуть у народа гораздо больший доход, чем можно было бы при помощи сборщиков податей. Но эта система, состоящая в том, что украдкой собирают суммы, которые трудно было бы собрать открыто, достигает цели, к которой не следовало бы стремиться. Сопротивление податному обложению, таким образом избегаемое, есть благодетельное сопротивление, и если бы его не избегать, оно положило бы надлежащий предел государственным расходам. Если бы каждому гражданину приходилось уплачивать в видимой и осязательной форме свою долю налогов, то сумма оказалась бы такою крупною, что все стали бы настаивать на экономии в выполнении необходимых функций и стали бы сопротивляться ненужным функциям; тогда как теперь, в то время как каждому гражданину предлагают известные блага, за которые он платит незаметным образом, он впадает в искушение одобрять расточительность; и его побуждают принять образ действий, бессознательно или даже сознательно нечестный, а именно приобретать выгоды на чужой счет.

В те времена, когда агитировали за расширение разных вольностей, постоянно повторяли правило: «Податное обложение без представительного правления есть грабительство». С тех пор опыт сделал ясным, что, с другой стороны, представительное правление без прямого обложения влечет за собой грабительство.

XXV | ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА

§ 355. Примут ли читатели те этические принципы, которые выставлены в первых главах, или не примут, во всяком случае большинство читателей согласятся с практическими их применениями, сделанными в последующих главах. Действительно, некоторые читатели до того не терпят дедуктивного образа мыслей, что охотно отвергли бы выводы, даже проверенные индуктивно, если только это было бы возможно. Но в данном случае выводы, достигнутые дедуктивно, оказались убеждениями, эмпирически установленными у цивилизованных людей, в широком смысле этого слова, и по мере возрастания опыта все более и более авторитетно сформулированными законодательством; поэтому отрицание здесь едва ли возможно.

Но теперь нам приходится начать рассмотрение вопроса, относительно которого мнения разделяются. Для избежания предрассудков против достигнутых выводов, не прибегая к методу, не встречающему сочувствия, лучше всего избрать метод, которого нельзя не одобрить. Хотя этот метод, сам по себе взятый, неудовлетворителен, все согласятся с тем, что он хорош в тех пределах, в которых он применен здесь. Итак, начнем с индуктивного исследования обязанностей государства.

Если бы прославленный философ Гоббс, вместо того чтобы выводить свою теорию государства из чистого вымысла, подготовился к исследованию путем удостоверения действительных фактов из жизни первобытных людей или людей, достигших первой стадии общественной жизни, то никогда не выставил бы своего учения. Если бы он знал о настоящих дикарях несколько более, то не приписал бы им тех понятий о социальном порядке и его выводах, которые являются продуктом развитой общественной жизни; он узнал бы также, что подчинение господствующей власти на первых порах несколько не внушается теми мотивами, которые им выставлены. Вместо априорного рассуждения станем размышлять апостериорно — присмотримся к фактам.

§ 356. Первый встречающийся нам факт состоит в том, что где нет и не было войны, там нет и правительства. Мы уже указали на эскимосов, у которых при отсутствии междуплеменных столкновений едва существуют какие-либо столкновения между членами общества, вроде тех, которые, по Гоббсу, неминуемо должны возникать между людьми, не находящимися под властью правительства. Если (что порою случается) один эскимос подвергается дурному обращению со стороны другого, то средством является обращение к общественному мнению при посредстве сатирической песни. Огнеземельцы, собирающиеся в племена, в которых числится от 20 до 80 душ, не имеют вождей «да, по-видимому, вожди им и не нужны для общественного мира», — по словам Уэдделя. О племени ведда мы также читаем, что мелкие племена разделяют между собою лес на участки, и этот раздел «всегда честно соблюдается». Старшина каждого племени — это просто наиболее влиятельный член общины; и, по Теннанту, он «не пользуется никакою властью, исключая право распределять в определенное время года мед, собранный разными членами племени». Другой факт состоит в том, что если между племенами, обыкновенно миролюбивыми, происходят войны, то вожаки приобретают преобладающее влияние. В каждом подобном случае является какой-либо человек, отличающийся от других более значительною силою, мужеством, искусством или умом; такой человек, так как на него вследствие этого полагаются, становится признанным вождем. Но первоначально, как видно из примера тасманцев, человек, приобретающий таким образом преобладание во время войны, утрачивает его по восстановлении мира; мы видим тогда возвращение к состоянию равенства и отсутствие правительственной власти. Но так как войны между племенами обыкновенно становятся хроническими, то постоянно случается, что человек как вождь то в одной войне, то в другой приобретает себе прочную власть. Уважение, ему оказываемое, простирается и на промежуточное время между войнами, как и на военное время, и таким образом возникает начало главенства. Шошоны, или племя Змеи в С. Америке, распадающееся на три отдела, служат прекрасным примером этого соотношения в общественном строе. Горные змеи, племя, состоящее из разбросанных бродячих шаек, не соединяющихся между собою с целью защиты против враждебных

им групп, не имеют никакого правительства. У вар-ар-ари-касов, что означает «рыбоеды», нет и следа социальной организации, «исключая времени улова дососей», когда они «отправляются ватагами к рекам и у них является на время кто-либо, кого именуют старшиной», — его советам скорее следуют добровольно, чем повинуются. Далее следует племя шер-ри-дика: они охотятся за буйволами, лучше вооружены и дают пример более определенного главенства вождя, хотя власть все еще зависит от «личного мужества вождя» и легко передается другому лицу. У команчей, сравнительно воинственных, вожди имеют более власти, хотя их должность не наследственна, но вытекает из «превосходства хитрости, знания или военного успеха». Начиная с этих стадий и подвигаясь все выше, мы можем проследить происхождение определенного главенства, как спутника хронической вражды с другими племенами.

Третий факт состоит в том, что там, где предприимчивый вождь покоряет на войне соседние племена и посредством последовательных завоеваний образует более прочно установленное общество, его верховенство становится вполне прочным, а наряду с усилением его власти воля его оказывается принудительной и в других делах, кроме военных. Когда посредством этого процесса образуются нации, а вожди становятся королями, правительственная власть, становясь деспотичною, в то же время становится совместною с социальной жизнью. Все же следует заметить, что король прежде всего является военным вождем. Летописи египтян и ассирийцев, наравне с хрониками европейских народов, показывают, что правитель первоначально является главным вождем.

Затем, обобщая несколько маловажных фактов под общей рубрикой, мы видим, что там, где, как, например, у новейших наций, глава государства более не командует армиями в сражениях, но передает эту обязанность другому лицу, он все же номинально является воином и получает военное или флотское воспитание. Только в республиках является гражданское главенство, но и оно легко превращается опять в военное. Требуется лишь продолжительная война для того, чтобы превратить правительственную власть в ее первичный тип военной диктатуры.

Эта индукция делает несомненную ту истину, что правительство возникает и развивается при посредстве оборонительной

и наступательной деятельности данного общества, направленной против других обществ. Первичная функция государства или того учреждения, в котором централизованы силы государства, это функция, направляющая соединенные деятельности личностей, входящих в состав государственного тела, когда это необходимо на войне. Первою обязанностью правящей власти является национальная защита. То, что можно счесть мерами для поддержания междуплеменной справедливости, имеет более повелительный характер и наступает раньше, нежели меры для поддержания справедливости между личностями.

§ 357. Итак, в то время как мы видим, что подчинение граждан правителям первоначально не имеет цели, подобной той, которую вообразил Гоббс, мы видим также, что в течение долгого времени не является даже ни малейшей попытки для выполнения подобной цели. Многие простые общества существуют продолжительно, а многие сложные общества существовали в течение долгих периодов, без того чтобы правитель предпринимал какие-либо меры для предупреждения нападений одних членов общества на других.

Хотя необходимость согласной деятельности против врагов племени очевидна и повелительна и хотя это побуждает к повиновению вождю, однако не существует никакой очевидной необходимости для защиты одного из членов племени против другого: в данном случае опасность для блага племени либо не признается, либо не считается достаточно великой для того, чтобы вызвать вмешательство. Пока не было никакого главенства и в эпохи, пока главенство существовало лишь на время войны, каждый член племени поддерживал свои собственные притязания как умел. Когда он испытывал обиду, то мстил обидчику как умел. Это грубое отправление правосудия, вроде того что мы видим у стадных животных и у первобытных орд, являясь признанным обычаем раньше существования какого бы то ни было политического режима, на долгое время переживало установление правительства — как обычай, усвоенный от предков и освященный преданием. Поэтому во всех древних обществах мы находим в полной силе закон частного возмездия (*lex talionis*)—то независимый от правителя, то признаваемый правителем.

Начиная с североамериканских индейцев, мы видим, что индейцы племени Змеи, а также крики и дакоты отомщали за частные обиды, причем мстили за себя сами обиженные или члены их семейства. У команчей система возмездия была обычной, хотя племенные советы порою безуспешно вмешивались. У ирокезов хотя существовало сравнительно развитое правительство, дозволялось частное мщение за обиды. Точно так же в Южной Америке племена уаупе, патагонцы и арауканцы могут быть указаны как обнаруживающие более или менее заметные степени политического подчинения, совмещающегося с первобытным отправлением правосудия каждою отдельною личностью за себя или же членами семьи за него. В Африке, где мы видим народы на разных ступенях развития, встречаются различные смешанные формы тех или других систем.

Бечуанский король или вождь мало пользуется своею властью карать за какие-либо преступления, кроме тех, которые направлены против него или его слуг. У восточных африканцев оскорбленный порою сам мстит за себя, порою жалуется вождю. Некоторые племена береговых негров имеют судебные наказания, тогда как у других убийство отомщается родственниками умершего; подобное же различие замечается в Абиссинии.

Обращаясь к азиатам, мы находим, что среди арабов преобладание одного или другого способа противодействия посягательствам зависит от того, оседлый или кочевой образ жизни ведет данная группа; среди кочевников практикуются частное воздаяние и насильственное принуждение к отплате; в поселениях же арабских наказание налагается властью. У бхилей отношение между карательным действием вождя и частного лица изменяется смотря по власти вождя; у кхондов, мало уважающих власть, правосудие есть дело частного лица. Также и по обычаю каренов каждый сам заботится о соблюдении своего права, причем руководствуются принципом равного возмездия.

Общеизвестно, что аналогичное положение дел существовало у арийских племен, населявших в старину Европу. Частное мщение и общественное наказание смешивались в разной пропорции: одно убывало, а другое возрастало по мере достижения высшей стадии. Кембль говорит: «Право частной мести лежит в основании всякого тевтонского законодательства; каждый свободный (фримен) волен защищать себя самого и друзей

и отомщать за все причиненные им бедствия». Вместо того чтобы, как на первых порах, быть своим собственным судьей относительно пределов возмездия, обиженный теперь удерживается в пределах, возлагаемых на него обычаям, и является установленная норма вознаграждения за обиды, изменяющаяся смотря по сословию. Когда политическая власть достигает силы, то первым шагом является принуждение к уплате обычной пени, а в случае несостоятельности допускается частное возмездие. «Да будет пеня уплачена родственникам, иначе да будет отомщено войною». На этой переходной стадии, которую можно проследить у некоторых из германских племен, судя по первым описаниям их, часть вознаграждения доставалась понесшему обиду человеку или семье, тогда как другая часть шла в пользу правителя. В эпоху феодализма система частного удовлетворения обид медленно уступала место публичному удовлетворению, лишь по мере усиления центрального правительства. Право частной войны между дворянами сохранялось у нас до XII—XIII в., а во Франции даже позднее. Так глубоко укоренено было это право, что в некоторых случаях феодальные владельцы считали для себя позорным поддерживать свои права каким-либо иным образом, нежели силою оружия. Ко все-му этому следует присоединить продолжительное переживание судебных и частных поединков.

Факты эти должны быть рассмотрены здесь еще с двух других точек зрения. Первичная функция правительства состоит в соединении деятельности личностей с военными целями, тогда как защита членов общества друг от друга есть вторичная цель, достигаемая постепенно; но эта вторичная функция возникает путем дифференциации из первичной. Даже на наиболее ранних стадиях развития частное удовлетворение обид является отчасти делом обиженного, частью же делом семьи или родственников. Прогресс, приводящий к развитию семейной организации, в то самое время, как он приводит к соединению групп семейств или классов в общество, служит причиной развития учения о семейной ответственности. Другими словами, частные войны между семейными группами становятся той же природы, как и войны между обществами, и насильственное утверждение частной справедливости родственно насильственному утверждению междуплеменной

справедливости. Отсюда является мысль, кажущаяся нам такою странною, а именно что если член одной какой-либо группы был убит, то член группы, к которой принадлежит убийца, также должен быть убит, причем безразлично, будет ли жертвою сам убийца или нет. Группа получает эквивалентный ущерб, а это и есть существенное требование.

Другая замечательная черта состоит в том, что это грубое утверждение справедливости путем частных войн превращается в общественное отправление правосудия не по причине заботы правителя поддержать справедливые отношения, но в гораздо большей степени по причине его заботы предупредить то ослабление общества, которое должно быть причинено внутренними раздорами. Идет ли речь о первобытном вожде или об атамане разбойничьей шайки, вождь должен предупреждать драки между своими пособниками. То, что здесь проявляется в малой степени, обнаруживалось в более крупных размерах, когда в феодальные времена короли запрещали частные войны между дворянами в эпохи международных войн. Очевидно, что желание короля поддержать общественный порядок, приводящий к боевой готовности, содействует практике посредничества между враждующими подданными; очевидно также, что жалобы, с которыми обращаются обиженные, признавая тем самым власть короля и получая удовлетворение на этом основании, — такие жалобы стремятся все более и более утвердить его судебную и законодательную власть.

Раз установленная эта вторичная функция государства продолжает развиваться и становится функцией, второю по значению, по сравнению с функцией защиты от внешних врагов. Истина, которую здесь следует особенно подчеркнуть, состоит в том, что в то время как другие роды правительственной деятельности убывают, этот род ее усиливается. Военные деятельности могут постепенно ослабевать, а политическая деятельность может отказаться от разных регламентаций, прежде постигавших граждан. Но по мере развития цивилизации отправление правосудия продолжает расширяться и становится более деятельным.

§ 358. Теперь, достигнув этих выводов индуктивно, посмотрим, нельзя ли достичь соответственных выводов путем дедукции.

Посмотрим, нельзя ли из природы людей, как специально об-условленной, вывести, что обе эти обязанности государства имеют существенное значение.

Вначале было показано, что благосостояние любого вида достигается соответствием с двумя противоположными принципами, соответственно приспособленными к юному и к взрослому состоянию. В одном случае получаемые выгоды обратно пропорциональны достоинству, в другом — прямо пропорциональны. Обращая внимание на последний из этих принципов, как теперь единственно нас касающийся, мы ясно видим, что поддержание тех условий, при которых усилия каждого человека получают надлежащее вознаграждение, в общественной жизни встречают помеху от внешних и внутренних врагов. Следствие то, что для блага вида или в данном случае для блага общества эти условия должны быть поддерживаемы надлежащим применением силы; а для применения такой силы требуется корпоративная деятельность общества — повелительная в одном случае и приблизительно повелительная в другом. Подчиняться такому применению силы граждане, вообще говоря (исключая преступников), имеют полное основание. Присмотритесь к их мотивам.

Возможность утраты жизни и та частная потеря свободы, которая постигает солдат, а также те вычеты из заработков, которые падают на других граждан, вынужденных содержать армию, — все это признается всеми справедливым как средство для достижения высшей цели, а именно возможности продолжать все вообще деятельности и пользоваться их плодами. Часть приносится в жертву ради обеспечения остального. Поэтому здесь каждый молчаливо одобряет требуемое принуждение, проявляемое государством.

Хотя потребность в корпоративной охране против внутренних врагов чувствуется менее настоятельно, однако по причине преследования каждым своих целей возникает желание пользоваться такой охраной. Так как в каждом обществе мало членов сравнительно сильных, а много сравнительно слабых, то случается, что в большинстве случаев чисто личное удовлетворение обид неосуществимо. Если кроме помощи родных и друзей, часто недостаточной, можно приобрести содействие кого-либо более могущественного, то в таком случае стоит

купить эту помощь, сначала помощью подкупа, затем посредством дани. Наконец, все находят наиболее подходящим платить за охрану, нежели терпеть насилия. Таким образом, эти первичные и вторичные обязанности государств подразумеваются теми основными потребностями, которые испытываются людьми, живущими в обществе. Люди эти все порознь желают жить, продолжать свои деятельности и пожинать плоды. У всех имеются мотивы для того, чтобы поддерживать против внешних врагов условия, при которых эти цели могут быть выполнены, и все, кроме посягателей того или иного рода, имеют основания поддерживать эти условия против внутренних врагов. Отсюда одновременно возникает обязанность государства и государственная власть.

§ 359. Если эти обязанности возлагаются на государство, то государство обязано принимать такие меры, которые необходимы для успешного выполнения их. Каждый согласится с тем, что необходимо принимать оборонительные меры, достаточные для предупреждения угрожающих опасностей. Даже в том случае, когда нападение со стороны внешних врагов не представляется вероятным, необходимо поддерживать силы, достаточные для отражения нападения, так как полная неподготовленность может навлечь нападение. Хотя в Европе в нашу эпоху нет надобности предупреждать бесцеремонные вторжения грабящих орд, однако готовность, выражаемая так называемыми цивилизованными народами набрасываться друг на друга с огромными армиями из-за пустячного вызова, делает очевидным, что даже наиболее передовые нации не могут, оставаясь в пределах благоразумия, доверять соседям. Какое количество войска необходимо для безопасности, это, разумеется, зависит от обстоятельств, являясь делом, подлежащим обсуждению в каждом данном случае.

Необходимость поддержки такой организации, которая необходима для должного выполнения первой обязанности государства, оказывается общепризнанною. Иное дело поддержка такого устройства, которое необходимо для выполнения второй из указанных обязанностей. Как мы видели выше, защита граждан друг от друга, первоначально не относящаяся к заботам государства, становится лишь постепенно его обязанностью; даже

в наиболее цивилизованных обществах отправление этой обязанности до сих пор неполно и всецелое усвоение ее государством отрицается. Я, разумеется, не желаю сказать, что ответственность государства за охрану граждан против обидчиков признается преступною, не допускается и не выполняется; я хочу сказать, что и само государство не берет на себя, и граждане не допускают, чтобы государство несло какую-либо ответственность за охрану их от обидчиков, нарушивших так называемое гражданское право. Если кого-либо сильно ударили, он зовет полицию, которая берет его сторону и наказывает обидчика; но если его недобросовестно разорили, то блюстители правосудия остаются глухими, предоставляя ему или потерпеть потерю, или подвергнуться опасности дальнейшей и, быть может, более крупной потери при ведении тяжбы, причем еще может потребоваться апелляция во второй инстанции.

Не только юристы, но и большинство прочих людей защищают такое положение дел. Смеются над предложением, чтобы государство отправляло правосудие даром по гражданским делам, как это уже принято для дел уголовных. Впрочем, вообще принято насмехаться над всяким более справедливым устройством, прежде чем успешное применение не докажет его полной пригодности. Утверждают, что если бы государство посредничало между гражданами даром, то суды были бы до того запружены делами, что конца не было бы по причине отсрочек, не говоря уже о чудовищных расходах, которые понесла бы страна. Но это возражение основано на ложном допущении, будто при перемене одной вещи другие вещи останутся неизменившимися. Предполагается, что если бы правосудие было обеспечено и ничего не стоило, то число правонарушений было бы так же велико, как и теперь, когда оно не обеспечено и влечет за собою большие расходы! На самом деле огромное большинство гражданских правонарушений являются последствиями неудовлетворительного отправления правосудия: они никогда бы не были совершены, если бы наказание было несомненным.

Но когда мы присмотримся к этому, то изумительным покажется нам предложение, на котором основано подобное возражение, а именно что многие граждане должны молчаливо переносить свои гражданские убытки или же рисковать разорением, если вздумают восстанавливать свои права; и все это потому,

что государство, которому они уплатили значительные суммы в виде налогов, не должно трудиться и нести расходов на защиту их! Общественное зло при отправлении этой обязанности было бы так велико, что лучше, чтобы бесчисленные граждане подвергались опасности обеднения, а многие — и полного разорения. А между тем при посредстве своих местных агентов государство наблюдает даже над тем, чтобы помойные ямы были в порядке.

§ 360. Надо указать еще одну обязанность государства, косвенно включенную в предыдущую, хотя и отличимую от нее и приводящую к особому рода следствиям. Речь идет об обязанностях государства относительно населенной территории.

Для пользования какой-либо землей, исключая той, которая уже занята (с молчаливого согласия общества при посредстве правительства), требуется дозволение государства. В роли поверенного за нацию правительство должно решить, выгодно ли предположенное предприятие — дорога, канал, железнодорожный путь, док и т.п., настолько способное изменить данный участок земли, что он станет негодным для обычных целей. И если выгодно, то достаточна ли его общепольность для того, чтобы дозволить отчуждение? Должно также назначить условия, безобидные для того, кто вкладывает капитал в предприятие; следует в то же время оградить интересы нынешнего общества и принять во внимание интересы будущих поколений, которые явятся впоследствии верховными обладателями территории. Для выполнения этих различных целей справедливым, по-видимому, было бы не отчуждение требуемого участка навсегда и не бесцеремонное нарушение договора государством по произволу, как делается теперь, но отчуждение на определенный срок, причем предполагается, что условия могут быть пересмотрены вновь по окончании этого срока. При отправлении своих обязанностей в качестве поверенного правящее установление должно иметь в виду еще один вид контроля, сходный, но не тождественный с первым. Если не само государство, то его местные представители должны запрещать или дозволять порчу улиц, дорог и других общественных мест ради проведения воды, газа, телеграфных проволок и т.п. или ради починки таких проводов. Это требуется для охраны каждого

и всех против насильственных действий отдельных членов общества или общественных групп.

В достаточной мере ясно, что подобные же соображения требуют государственного надзора за реками, озерами и другими внутренними водами, а также за ближайшей частью моря. Пользование водами и их богатствами по справедливости может подлежать таким ограничениям, каких потребуют интересы верховного собственника, а именно общества.

§ 361. Спрашивается теперь, каковы же эти государственные обязанности, рассматриваемые с самой общей точки зрения? Что должно делать общество как корпоративное целое для своих членов как индивидов? Ответ может быть дан личными способами.

Благосостояние вида всего лучше поддерживается, если из взрослых каждый испытывает благие или дурные последствия своей собственной природы и вытекающего отсюда поведения. У стадных видов выполнение этого условия подразумевает, что особи не должны настолько мешать друг другу, чтобы препятствовать получению каждой из них благ, естественно доставляемых ей ее деятельностью, или чтобы заставить других перенести то зло, которое естественно накликала его деятельность. Основной закон жизни вида, насколько она ограничена социальными условиями, должен быть поддерживаем социальным агрегатом или гражданским строем.

Это существенное требование должно поддерживаться всеми для каждого, так как каждый порознь не может с успехом поддерживать его для себя. Он не может сам по себе изгонять внешних врагов, и в среднем его сопротивление внутренним врагам, если оно оказано им самим или же с помощью немногих, — безуспешно, или же опасно, или стоит слишком дорого, или составляет трату времени, или, наконец, соединяет все эти неудобства. К этому следует добавить, что всеобщая самозащита подразумевает хронический антагонизм, либо делающий невозможным сотрудничество, либо в значительной мере препятствующий кооперации и вытекающим из нее жизненным удобствам. Поэтому при разграничении вещей, которые должны быть произведены корпоративною деятельностью, и тех, которые должны вытекать из индивидуальной деятельности,

становится ясным, что произведет ли корпоративная деятельность что-либо сверх этого или нет, во всяком случае, ею можно справедливо пользоваться для предупреждения всяких таких помех для индивидуальной деятельности, которые выходят за пределы, требуемые самим общественным состоянием. Каждый гражданин желает жить и настолько полною жизнью, насколько это дозволяется окружающим. Так как таково всеобщее желание, то отсюда вытекает, что все, пользующиеся соединенным контролем, заинтересованы, чтобы каждый, кто не терпит нарушения соотношения между своими собственными действиями и целями, не нарушал этого соотношения для других лиц. Граждане как корпоративное целое должны поддерживать условия, при которых каждый может достичь полнейшей жизни, какая только совместима с наивысшею полнотою жизни его сограждан. Имеет ли государство другие обязанности, это вопрос, подлежащий теперь обсуждению. Между этими существующими функциями и всеми другими есть различие, которое хотя и не может быть проведено во всех случаях с точностью, все же резко отмечено. Поддерживать в целости условия, при которых может быть продолжена жизнь, есть дело, существенно отличающееся от вмешательства в самую жизнь, путем ли помощи личности, или путем направления ее деятельности, или же путем обуздания. Мы сначала зададимся вопросом, позволяет ли справедливость государству взять на себя еще это дело; затем исследуем, совпадают ли политические соображения с соображениями справедливости.

XXVI | ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

§ 362. В те древние эпохи, когда семья и государство еще не были дифференцированы, естественно возникла теория отеческого правления. Члены группы «сдерживались общим повинованием старейшему в роде, отцу, деду или прадеду». Если оставить в стороне те еще древнейшие социальные группы, которых сэр Генри Мэн вовсе не принимает во внимание, то мы можем принять его обобщение, что у арийцев и семитов деспотическая власть отца над детьми, более или менее остающаяся и тогда, когда его дети становятся главами семейств, и даже когда этого достигают внуки, — такая власть придала общий характер контролю, господствующему над всеми членами группы. Когда таким образом возникает идея правительства, она неизбежно входит также в состав идеи той правительственной власти, которая устанавливается, как только сложные семьи превращаются в общины; и эта идея еще сохраняется, когда многие из таких мелких общин, не связанных кровным родством или же представляющих лишь дальней родство, скреплятся в более крупные общества.

Возникающая таким образом теория отеческого правительства молчаливо утверждает свойства неограниченного образа правления.

Деспотический контроль отца простирается на все акты его детей, и так как патриархальное правительство возникает отсюда, то естественно, что и оно простирается на жизнь подданных целиком. Патриархальная стадия была такою, что различия и ограничения здесь еще не возникли и группа сохраняла нечто подобное своему первоначальному устройству, имея в общем одного родоначальника и обладая, если не вполне сообща, то все же на началах общинного владения, населенной землей и ее произведениями; пока это было так, понятие о правительстве как вполне неограниченном по компетенции было, быть может, наилучшим образом приспособлено к потребностям общества.

Но эта социальная идея, подобно древним религиозным идеям, переживает или постоянно появляется вновь при условиях, совершенно несходных с теми, к которым она была приспособлена. Понятие об отеческом правлении поддерживается смутно-сентиментальным образом, без какой-либо определенной попытки усвоить его истинное значение, а следовательно, и без того, чтобы заметить неприменимость этого понятия к развитым обществам.

Действительно, ни одна из черт отеческого правления, как оно первоначально возникло, не существует теперь; да это и невозможно. Заметьте контрасты.

Отеческая власть обыкновенно подразумевает право собственности на средства, которыми кормятся дети и другие зависимые лица; нечто подобное такому праву собственности продолжалось при патриархальной форме правления. У развитых наций не только эта черта отсутствует, но является противоположная ей. Правительственный орган теперь не кормит тех, кем он управляет; наоборот, управляемые доставляют содержание агентам правительства.

При отеческом правлении, в настоящем смысле этого слова, обладатель власти, будучи обладателем также и всего прочего, оказывался в одно и то же время и благодетелем для детей, и лицом, их контролирующим, тогда как новейшее правительство, помимо его власти, главным образом, врученной ему теми, которые, по предположению, замещают детей, — вообще не может быть благодетелем, но должно получать от детей средства, позволяющие ему сделать для них что-либо. Далее, в простых и сложных семейных группах существует приближение к тождеству интересов между управляющими и управляемыми: узы кровного родства проникают так далеко, что обеспечивают регулирующую деятельность, приводящую к всеобщему благосостоянию. Но в передовых обществах в политические отношения не входят никакие подобные эмоции, вроде тех, которые возникают из семейных и родственных чувств; в этих обществах нет чувства, препятствующего своекорыстию правящего, — идет ли речь о короле, об олигархии или о такой демократической республике, каковы Соединенные Штаты. Далее, рассматриваемая параллель не выдерживает критики, если принять во внимание знание и мудрость. Когда речь идет о первичной

отеческой власти и о патриархальной власти, из нее вытекающей, то обыкновенно мы видим более обширный опыт и более глубокую проникаемость, чем у потомков, управляемых этою властью. Но в развитых обществах не существует никакого подобного контраста между умственным превосходством тех, которые, по предположению, занимают место отца, и умственными недостатками тех, кто, по предположению, занимает место детей. Наоборот, среди тех, кого в переносном смысле слова называют детьми, существуют многие и лучше осведомленные, и умственно сильнее, нежели правитель или правители во множественном числе, смотря по условию. И там, где правительство многоголово, и где так называемые дети его могут выбирать в своей среде лиц, образующих это правительство, эти дети обыкновенно пренебрегают наилучшими людьми: в результате оказывается, что в таком многоголовом правлении действует не столько коллективная мудрость, сколько коллективная глупость; отношения отца к сыну здесь еще раз извращаются. Стало быть, та теория функций государства, которая опирается на этот воображаемый параллелизм, радикально ложна. Единственным оправданием аналогии между отцом и детьми, с одной стороны, и правительством и народом — с другой, является детство народа, поддерживающего эту аналогию.

§ 363. И вслед за тем следует отметить такое понятие об обязанностях государства, которое родственно предыдущему, но постепенно от него уклоняется. Речь идет о понятии, вытекающем из опыта относительно тех государственных деятельностей, которые необходимы для ведения войн, бывших до недавнего времени главными деятельностями государства.

В социальных группах типов, предшествующих патриархальному типу, главенство устанавливается частыми войнами; в патриархальной же группе военный вождь обыкновенно является в то же время и главою государства. Это тожество, продолжаясь в течение последовательных стадий, определяет природу правительства в широком смысле слова.

Для того чтобы люди могли быть хорошими воинами, они должны не только подчиняться одни другим, смотря по рангу, и не только подвергнуться военному обучению, но даже их ежедневные привычки должны быть регулируемы так, чтобы

привести к успешному результату. Более этого: король-солдат, рассматривающий все общество как группу, от которой следует брать солдат и припасы, распространяет свой контроль на всю жизнь своих подданных. А так как народы, вообще говоря, были (а многие из них и теперь остаются таковыми) в большинстве случаев воинственными, то это понятие о правительственной власти с сопровождающим его понятием об обязанности государства было почти всеобщим. В наиболее воинственном из греческих государств, в Спарте, приготовление к войне было делом жизни, и вся жизнь была регулирована в виду этой подготовки. Хотя в Афинах не было приложено таких усилий к выполнению этой цели, однако существовало признание, что эта цель является главнейшею.

Идеальная республика Платона был такова, что в ней посредством воспитания граждане должны были формироваться по одному образцу, чтобы стать годными для социальных целей, из которых главной была национальная защита; и эта власть корпоративной группы над ее членами доходила до того, что регулировала даже деторождение — посредством подбора родителей и надлежащего приспособления их возрастов. Точно так же в «Политике» Аристотеля утверждается, что воспитание должно быть изъято из попечения родителей и что различные классы граждан, различным образом воспитанные, должны соответственно быть приспособлены к общественным нуждам; законодателю предоставляется также власть регулировать браки и рождаемость детей. Таким образом, понятие о правительственных функциях, развитое военной деятельностью и пригодное для армии, становится понятием о государственных функциях в широком смысле слова.

Здесь, как и раньше, мы видим, что идеи, чувства и нравы, приспособленные к ранним стадиям развития, переживают в позднейшие стадии, к которым они более не приспособлены, и извращают господствующие убеждения и деятельности. Действительно, многие полагают, что понятие о государственных обязанностях, бывшее пригодным для греческих обществ, остается пригодным и для новейших обществ. Хотя наилучшая социальная организация, как ее понимал Сократ и какую одобрил Платон, состояла в том, что промышленные классы должны быть абсолютно подчинены классам, стоящим выше их, — хотя в своей

«Политике» Аристотель, признавая семью нормально состоящею из свободных и рабов, учил, что в наилучшем образе устроенном государстве ни один ремесленник не должен быть гражданином, а все земледельцы должны быть рабами, — тем не менее полагают, что мы можем с успехом усвоить сопутствующую этому взгляду теорию об обязанностях государства! Человек, у которого понятия о справедливом и несправедливом выражаются в убеждении, что для ремесленника или слуги невозможна добродетель, признается учителем, чьи понятия о справедливом и несправедливом в общественных делах могут служить нам руководством! Полагают, что идеи, пригодные для общества, организованного по типу принудительного строя (*status*), пригодны для общества, организованного на договорных началах! Политическая этика, принадлежащая к системе принудительной кооперации, применяется также к системе добровольной кооперации!

§ 364. Существует, правда, то оправдание, что до известной степени у нас самих, а в гораздо большей степени у народов континента военная жизнь, в возможности, если не в действительности, все еще образует такую значительную, а во многих случаях такую огромную часть социальной жизни, что делает эти традиционные учения пригодными.

Компромисс между старым и новым, всегда необходимый на практике, должен быть достигнут также и в теории, так как теория в среднем должна применяться к практике. Стало быть, бесспорно, что можно вообще поддерживать убеждение, в силу которого правительственная деятельность должна подвергаться некоторым безусловным ограничениям.

Учение об ограничении сферы, внутри которой только и может быть справедливо применен правительственный контроль, это учение естественно для мирного и промышленного типа общества при полном его развитии; оно неестественно ни для военного типа, ни для типов, промежуточных между военным и промышленным. Справедливые отношения между обществом и составляющими его единицами не могут существовать во времена, когда общество и его единицы, совместно и порознь, причиняют несправедливости за границы. Люди, по найму идущие стрелять других людей, не справляясь, на чьей стороне правда, это не такие люди, которые могли бы организовать

справедливые общественные учреждения. Пока европейские нации делят между собою части земли, населяемые низшими народами, проявляя циничный индифферентизм к притязаниям этих народов, до тех пор глупо ожидать, чтобы у каждой из этих наций правительство питало такие нежные отношения к притязаниям личностей, чтобы испугаться и не предпринять той или иной мнимо-политической меры. Пока возможность совершать завоевания за границей, как полагают, дает право на захваченные земли, внутри государства, без сомнения, должно упорно держаться учение, что парламентский акт может сделать все что угодно, т.е. что коллективная воля может справедливым образом навязать себя воле личностей без всякого ограничения.

Можно, правда, с основанием утверждать, что при существующих условиях вера в неограниченность государственного авторитета необходима. Молчаливое предположение, что контролирующее учреждение, назначенное или принятое обществом, не подлежит никаким ограничениям, имеет за себя то, что без него невозможно обеспечить дружной деятельности, по временам необходимой вследствие непредвидимых случайностей. На войне недостаток веры в вождя может быть причиною поражения; так же точно и скептицизм относительно правительственного авторитета в случае войны может произвести роковые колебания и раздоры. Итак, до тех пор, пока религия вражды так сильно ограничивает религию дружбы, учение о неограниченном авторитете государства должно оставаться господствующим.

§ 365. Теперь, видя, каким образом возникли господствующие взгляды на государственные обязанности и как они переживают при новейших условиях, к которым они приспособлены лишь отчасти, мы тем лучше подготовимся к установлению правильного понятия о государственных обязанностях. Признав вероятность, если не достоверность того, что теория, касающаяся надлежащей сферы правительственной деятельности, пригодной для обществ, организованных по принципу принудительной кооперации, должна быть непригодной для обществ, организованных по принципу добровольной кооперации, мы можем задаться вопросом, какова же теория, пригодная для этой последней?

Каждая нация образует разновидность человечества. Благо человечества, в широком смысле слова, достигается благосостоянием и распространением наилучших разновидностей. После того как закончилась хищническая стадия прогресса — после наступления стадии, в которой состязание между обществами утратило характер насилия, — наступит, при прочих равных условиях, преобладание обществ, производящих наибольшее число наилучших особей. Производство и сохранение наилучших особей достигаются сообразованием с законом, по которому каждая особь достигнет благих или дурных результатов своей собственной природы и вытекающего из нее поведения; а в общественном состоянии, так как поведение каждого члена общества приводит к этим результатам, оно должно быть ограничено лишь пределами, указываемыми существованием других людей, подобным же образом выполняющих известные деятельности и ожидающих результатов. Поэтому при прочих равных условиях наибольшее благосостояние и размножение наиболее развитых особей будут достигнуты в том случае, если каждый организован так, что может выполнять требования собственной природы, не препятствуя подобному же выполнению другими лицами. Чем же в таком случае становится обязанность общества как корпоративного целого, т.е. государства? Допуская, что оно более не призвано к охране против внешних опасностей, спрашивается, что же остается на его долю? Как для особей, так и для общества и для целого человечества желательно, чтобы особи были способны жить сообразно с указанными выше условиями; но если так, то дело общества как корпоративного целого настаивать на том, чтобы эти условия были выполняемы. При отсутствии войны ясно одно: должно ли государство выполнять что-либо, кроме указанного, или не должно, во всяком случае только что упомянутая обязанность является долгом государства, а отсюда ясно, что недозволительно делать что-либо препятствующее выполнению указанного.

Поэтому вопрос о пределах государственной деятельности приводит к другому вопросу: может ли государство помимо соблюдения справедливости делать еще что-либо, не нарушая той же справедливости? Рассмотрение вопроса покажет, что это невозможно.

§ 366. Действительно, если государство выполняет что-либо сверх своей обязанности, как она определена выше, то оно должно сделать это одним из двух путей, порознь или совокупно извращающих его обязанности.

Из прочих действий, им предпринимаемых, одна категория подходит под определение действий, ограничивающих свободу некоторых особей в большей мере, чем это требуется поддержкою равной степени свободы других особей; а такие деятельности сами по себе являются нарушением закона равной свободы. Если справедливость утверждает свободу каждого лица, ограниченную только равною свободою других лиц, то в таком случае проведение всяких дальнейших границ несправедливо, все равно, исходит ли принуждение от одного человека или от миллиона людей. Как мы видели во всем этом труде, общая формула права и все специальные права, которые могут быть выведены из этой формулы, не существуют в силу государственного авторитета, но, наоборот, государство существует как средство охраны этих прав. Поэтому если вместо охраны государство урезывает эти права, оно причиняет зло, вместо того чтобы предупреждать его. Не в каждом обществе, но во всяком случае в нашем обществе убийство всех младенцев, не достигших уровня превосходства, требуемого общественною властью, было бы, вероятно, сочтено убийством, даже если бы оно было совершено многими лицами, а не одним; если не в древности, то в наше время прикрепление людей к земле, где они родились, и запрещение заниматься чем-либо, кроме предписанного, было бы сочтено за невыносимое посягательство на свободу. Но если эти крупнейшие нарушения прав дурны, то существуют ведь менее крупные. Воровство есть воровство, украден ли червонец или копейка; точно так же следует признать, что насилие есть насилие, велико ли оно или незначительно.

В других случаях зло бывает общего и косвенного характера, вместо того чтобы быть специальным и непосредственным. Деньги, взятые от гражданина не с целью уплаты за стоимость охраны его личности от насилия, но с целью уплаты стоимости других деятельности, на которые он не дал никакого согласия, причиняют вред вместо его предупреждения. Названия и обычаи так значительно прикрывают факты, что мы обыкновенно не видим в налоге уменьшения свободы, а между тем

ясно, что это так. Взятые деньги представляют такое-то количество труда, а если продукт этого труда отнимается, то личности остается либо лишиться тех выгод, которые достигаются этим, или же приложить большее количество труда. В эпоху феодализма, когда подчиненные классы должны были выполнять для своих господ под названием *corvées* (барщин) разного рода повинности, определенные по времени или по характеру труда, это частное рабство было достаточно очевидным, а когда услуги обменивались на деньги, то отношение оставалось тем же по сущности, хотя изменялось по форме. То же мы видим в настоящее время. Плательщики налогов подчинены государственной повинности, которая не менее прежнего определена, хотя вместо известного рода труда отдаются равноценные суммы денег. В своей первичной неприкрашенной форме государственная повинность была лишением свободы; такую же она является в своей новой замаскированной форме. «Столько-то вашего труда должно быть посвящено не вашим собственным, а нашим целям», — говорят власти гражданам; и, смотря по тому, до каких пределов это доводится, граждане становятся в той или в иной мере рабами.

«Но ведь это рабство для их собственной выгоды, — могут сказать, — и то, что будет сделано с деньгами, у них взятыми, тем или иным путем приведет к их благосостоянию». Да, такая теория — не вполне гармонирующая с чудовищною массою вредных законодательных мер, наполняющих различные уложения. Но этот ответ нецелесообразен. Речь идет о справедливости; предполагая даже, что благодеяния, которые могут быть получены от этих экстренных общественных издержек, справедливо распределены между всеми плательщиками налогов (чего на самом деле нет), во всяком случае остается справедливым, что эти благодеяния находятся в противоречии с основным принципом справедливого социального порядка. Свобода человека не менее страдает в том случае, если властвующие перед ним обуздывают его, основываясь на убеждении, что этим его благодетельствуют. Насилюя таким образом его волю, они нарушают в его лице закон равной свободы, и все равно, каким мотивом они руководствуются. Насилие, подлежащее осуждению, если оно совершается одним лицом, не может быть оправдано на том основании, что оно совершается массою людей.

Без сомнения, большая часть читателей прочтут с изумлением это отрицание неограниченного государственного могущества и молчаливое утверждение, что государство совершает насилие, если переступает должные пределы. Везде и всегда убеждения, сопровождающие существующие учреждения и обычаи, кажутся людям, придерживающимся этих убеждений, неопровержимыми. Фанатизм религиозных преследований всюду опирался на то убеждение, что разногласие с господствующими верованиями предполагает преднамеренную злость или одержимость демоническими силами. Признавалось чудовищным сомневаться в церковном авторитете в эпоху, когда папа господствовал над королями; и даже в наши дни в разных местах Африки мысль отвергнуть местные верования признается настолько чудовищною, что о неверующих европейцах говорят: «Что за дураки эти белые люди!» То же мы видим в области политики. До недавнего времени на островах Фиджи человек, приговоренный к казни, стоял несвязанный, так как сам объявлял, что «все приказанное королем должно быть сделано»; признавалось поэтому невозможным сомневаться в неограниченной власти правителя. Во всей Европе, в эпоху, когда учение о божественном праве королей было общепринятым, утверждение, что многие не должны повиноваться одному, признавалось наихудшим из всех преступлений. Даже всего столетие тому назад в Англии чернь, кричавшая: «Король и церковь!» — готова была убить всякого, кто публично проповедывал против установленных политических и церковных форм. Но до известной степени это и теперь уцелело. Каждый, кто отрицает неограниченную власть государства, может быть уверен в том, что все вообще люди сочтут его глупцом или фанатиком. Вместо божественности королевской власти у нас явилась теперь божественная власть парламента. Многоголовое правительство, избранное толпами невежд и заменившее одноголовое правительство, по предположению назначенное свыше, требует прежней неограниченной власти и получает ее. Священное право большинства, состоящего обыкновенно из глупцов и малосведущих, состоит в том, что оно обуздывает меньшинство, часто более разумное и более сведущее; предполагается, что это право оправдывает любые повеления большинства, и справедливость такого устройства признается самоочевидною.

От людей, поддерживающих «священный долг кровомщения», трудно ожидать склонности к прощению обид. Точно так же нельзя ожидать, чтобы партийные политики, усердно соперничающие между собою в деле добывания голосов посредством обещания государственной помощи разнообразнейшего рода, — обратили особое внимание на такое учение об обязанностях государства, которое исключает наибольшее количество их излюбленных планов. Но, несмотря на все презрительные укоры, которые будут направлены с их стороны, все же следует утверждать, как уже было сказано, что их планы находятся в противоречии с основным принципом гармонической социальной жизни.

§ 367. Если бы мы хотели строго держаться в надлежащих пределах, то здесь следовало бы поставить точку и закончить этот отдел «Оснований науки о нравственности». Мы видели, каковы повеления абсолютной этики относительно обязанностей государства; видели также, какие ограничения подразумеваются тою относительно этикою, которая принимает во внимание требования, зависящие от международных насилий.

Мы видели далее, что во время, переходное между военным и промышленным строем социальной жизни, слишком высокое понятие о государственном могуществе (хотя естественном и в значительной мере необходимом) приводит к множеству несправедливых государственных деятельностей. С этической точки зрения ничего более не остается сказать. Но было бы желательно здесь посвятить некоторое место доказательствам того, что эти деятельности, несправедливые в теории, также неполитичны и на практике.

Предмет этот очень обширен и по недостатку места не может быть рассмотрен всецело.

Было бы неудобно дать что-либо, кроме очерка главных доказательств с приведением немногих пояснений, необходимых для того, чтобы указать на пределы применимости этих доводов.

Сначала мы рассмотрим государство как орудие, по сравнению с другими орудиями; далее исследуем предположение, что государство обладает природой, приспособленной к истреблению других зол, кроме тех, которые зависят от нападения, внешнего или внутреннего; затем рассмотрим, насколько

имеют силу основания, по которым государству приписывается обязанность и способность достижения положительных благ; мы закончим, наконец, исследованием того, встречает ли конечная цель — более высокое развитие человеческой природы — содействие или препятствие от расширения деятельности государства.

Примечание. Относительно выводов, к которым мы придем в последующих трех главах, уместно сказать, что их значение не должно быть измеряемо единственно приводимыми здесь фактами и доводами. Относительно полного подтверждения этих выводов, а также относительно многочисленных фактов, их поддерживающих, я отсылаю читателя к разным статьям, периодически мною опубликованным под общим названием «Опытов». Заглавия их таковы: «Чрезмерное законодательство»; «Представительное правление — для чего оно нужно?»; «Роль государства в деле денег и банков»; «Коллективная мудрость»; «Политический фетишизм» и «Специализированная администрация». Сюда же можно присоединить многие главы, составляющие последнюю часть «Социальной статистики», в настоящее время изъятой из обращения.

XXVII | ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (Продолжение)

§ 368. Мы видели, в главе XXIII, что на более поздней стадии эволюции общество может приобрести природу, существенно отличающуюся от той, которою оно обладало на более ранней стадии. Отсюда мы вывели то следствие, что теория государственных обязанностей, вполне пригодная в одном случае, окажется непригодной, когда природа государства станет иною. Здесь мы должны вывести дальнейшее заключение. Предполагаемое изменение природы государства освобождает власть от разных функций, для которых государство первоначально было наилучшим образом приспособлено; и для этих функций являются другие, лучшие исполнители.

Пока война была главным делом жизни, военная организация играла главенствующую роль; принудительное правление было тогда необходимо для дисциплинирования непредусмотрительных людей и с целью обуздать их противообщественную природу. В те времена учреждения неправительственного характера не могли развиваться. Граждане не обладали ни средствами, ни опытом, ни склонностями, ни идеями, необходимыми для частной кооперации в сколько-нибудь обширных размерах. Отсюда выходило, что все сколько-нибудь широкие задачи взваливались на государство. Следовало ли построить дорогу или прорезать канал, надо ли было соорудить водопровод — единственным орудием была государственная власть, повелевавшая над рабами.

Но с упадком военной деятельности и по мере роста индустриализма упадок системы принудительного правления и возрастание системы договора привели постепенно к возникновению многочисленных добровольных союзов между гражданами, имеющих целью выполнение разнообразных функций. Результат этот был следствием изменения привычек, склонностей

и способов мышления, которое из поколения в поколение происходило вследствие ежедневного обмена услуг по соглашению вместо ежедневного принудительного выполнения услуг. Другой результат тот, что теперь без помощи государственной власти могут быть достигнуты разные цели, которые в старину могла выполнить только одна государственная власть. Исследуя сферу правительственной деятельности, мы должны принять во внимание этот глубоко поучительный факт. Более этого — необходимо принять во внимание явный вытекающий отсюда вывод. Вышеуказанные изменения далеки от завершения, и мы вправе заключить, что по мере дальнейшего прогресса этих изменений может быть достигнуто дальнейшее облегчение функций, некогда бывших обязанностью государства.

§ 369. Что такое облегчение государственных функций и принятие их на себя другими деятелями составляет действительный прогресс, это должно быть очевидно для каждого, кому известно что-либо о законах организации, — хотя, по несчастью, эта истина, по-видимому, не более ценится этими людьми, нежели теми, которые начали свое школьное обучение составлением бессмысленных стихов, а зрелые годы провели в содействии законодательной деятельности. Действительно, относительно индивидуальных организмов, как и социальных, нет истины более достоверной, нежели следующая: поднятие от низшего уровня к высшему отмечается возрастанием неоднородности строения и усилением подразделения функций. В обоих случаях существует взаимная зависимость частей, становящаяся все более значительною по мере повышения типа; и в то время как это подразумевает прогрессивное ограничение одной функции одною частью организма, наблюдается также прогрессивное приспособление такой-то части к такой-то функции.

Когда, лет пятьдесят тому назад, Мильн-Эдвардс придал этому принципу развития у животных название физиологического разделения труда, он признал параллелизм между экономией жизни и социальной экономией; и с тех пор этот параллелизм становился все более и более ясным. У немногих образованных людей существует теперь некоторое смутное признание этой истины; в особенности усиление разделения труда, обнаруживаемое промышленною стороною социально-

го организма, стало популярным благодаря политикоэкономам, настаивавшим должным образом на вытекающих отсюда выгодах. Тем не менее вовсе не замечается или очень мало замечается та истина, что этот принцип остается справедливым также для контролирующей части общества и ее отношений к другим частям. Даже без фактов, поясняющих эту истину, можно быть уверенным в том, что специализация, с вытекающим из нее ограничением, нормально проявляется в регулятивных структурах обществ, как и во всех остальных. Такая специализация и такое ограничение должны доставить преимущества, а всякое изменение в обратном направлении составляет регресс. Вывод, стало быть, тот же, что и раньше. Всеобъемлющие государственные функции характеризуют низший социальный тип, и прогресс к высшему типу отмечается ослаблением функций.

§ 370. Большинство читателей окажут немного доверия этим общим выводам. Необходимо поэтому достичь того же помощью доводов, которые легче могут быть усвоены.

В §5 я привел тот факт, что благосостояние любого животного тела зависит от надлежащего приспособления различных его частей к соответственным функциям. Было показано, что необходимое уравновешение силы между частями организма достигается постоянным соперничеством за пищу и притоком к каждой части того количества пищи, которое соответствует работе этой части. Не требует никакого доказательства, что соперничество в промышленных областях общества достигает аналогичного уравновешения аналогичным путем. Очевидно, что социальные нужды, вообще говоря, всего лучше удовлетворяются осуществлением, по мере возможности, этого соотношения между усилием и выгодой.

Но во всех неправительственных формах кооперации, образующих наибольшую часть новейшей социальной жизни, это уравновешение достигается самопроизвольно. Мне нечего останавливаться на принципе спроса и предложения, как он обнаруживается в нашей промышленной организации; мне остается только указать, что тот же принцип остается справедливым для всех иных неправительственных учреждений, каковы союзы для добровольного религиозного обучения, филантропические

союзы, рабочие союзы и др. Во всех этих случаях деятельность и рост или же покой и упадок зависят от того, выполняются ли ощущаемые потребности. Это еще не все. Необходимо с особую силою подчеркнуть ту истину, что под давлением соперничества каждое из этих учреждений должно выполнить наибольшие функции в обмен за данное количество питания. Сверх того, соперничество постоянно принуждает к улучшениям; с этой целью оно не только утилизирует наилучшие применения, но стремится завербовать также наилучших людей. Прямое соотношение между успешной деятельностью и процветанием вынуждает все добровольные формы кооперации работать под высоким давлением.

Наоборот, принудительные формы кооперации, посредством которых выполняются государственные деятельности, вместо прямого соотношения между функцией и питанием, выказывают в высшей степени косвенное соотношение. Учреждения, управляемые на военный лад, поддерживаемый насильственно взимаемыми налогами, и порознь ответственные перед своими начальниками, по большей части назначенными по партийному кумовству, — такие учреждения вовсе не непосредственно зависят относительно своих средств существования и процветания от тех, кого они должны благодетельствовать. Здесь нет опасности банкротства, могущей принудить к деятельному и энергичному выполнению обязанности; нет того, чтобы соперник, работающий более экономно, мог перебить дело; нет увеличения прибылей от усвоенных улучшений, а тем более от придумывания их. В результате являются всякого рода недостатки. Как недавно мне сказал один чиновник относительно другого по поводу моего замечания о его халатности. «О, он получает хорошее содержание, и ему незачем стараться». Последствием этого лишь косвенного соотношения между получаемыми преимуществами и достигаемым вознаграждением является то обстоятельство, что правительственные учреждения могут влачить свое существование и расходовать средства в течение многих лет, а порою и многих поколений после того, как они утратили всякую годность; а когда эти учреждения слабы, беспечны или медлительны, то неуспешность их деятельности может быть исправлена лишь давлением, оказанным на правительственную машину — настолько громоздкую и сложную,

что только сильное давление, производимое с большим запасом терпения, может достичь надлежащего результата.

§ 371. Ежедневная печать изобилует пояснениями этой истины для всего земного шара в связи даже с теми существенными функциями, которые мы поневоле должны возложить только на государство. Неуспешность деятельности, относящейся к национальной и личной охране, составляет непрерывный скандал.

Относительно нашего военного управления можно привести такие примеры, как обязательное назначение в Англии главнокомандующим герцога королевской крови; сюда же относится чрезмерное количество генералов, имеющее целью удовлетворить классовым интересам, причем производство в генеральский чин лишь в малой степени определяется у нас истинными заслугами. Дальнейшим примером может служить невежество наших офицеров относительно улучшений, которые достигаются иностранными офицерами; сюда же относится частое разглашение государственных тайн служащими в арсеналах. Дальнейшим примером являются изумительные разоблачения относительно наших депо: мы узнали, что там находятся штыки, которые гнутся, сабли, которые ломаются, картечь, которая сплющивается, бомбы ненадлежащей величины. По показанию следственной комиссии 1887 г.: «Нынешняя система не имеет никакой определенной цели, она не управляется никакими определенными правилами; в ней нет никаких регулярных приспособлений ни для надлежащего снабжения амуницией, ни для преследования не радеющих об этом деле, ни для удостоверения того факта, что дело не выполняется надлежащим образом».

Флот соперничает с армией по неисправности. Об этом постоянно напоминают жалобы, расследования и разоблачения. Все помнят историю морских эволюций по случаю юбилея, когда без малейшего намека на морское сражение более дюжины судов, больших и малых, потерпели аварию тем или иным образом — от столкновений, взрывов, поломки машин и т.д.

А затем следует упомянуть о меньших, но не менее значительных несчастиях, постигших в том же году 24 миноноски при крейсерстве туда и назад по каналу: 8 из 24 пришли в большей или меньшей степени в состояние негодности. Суда, не способные двинуться с места, пушки, годные лишь для того, чтобы

производить взрывы, корабли, идущие ко дну, — обо всем этом мы читаем постоянно; затем, в виде замечательного контраста, можно указать на то, что когда первоклассный броненосец «Султан» насккивает на скалу, тонет и, по мнению адмиралтейства, оказывается погибшим, его вытаскивает и спасает частная компания. К этому не мешает добавить, что в одном отчете, относящемся к управлению нашего адмиралтейства и напечатанном в марте 1887 г., указано, что «хозяйничанье вроде того, какое здесь обнаружено, в несколько месяцев довело бы любую коммерческую фирму до банкротства».

То же видим при сочинении и применении законов. До того часто встречаются случаи нелепости и безуспешности, что общественное мнение притупилось. В парламентской процедуре мы встречаемся с крайностями беззаботности и неразумной небрежности. То мы видим, что какой-либо билль проводится через все стадии без всяких дебатов; то оказывается, что после того, как тщательное рассмотрение затянуло осуществление этого билля, он проваливается и должен пройти всю ту же процедуру в следующей сессии. Начинаются поправки и поправки к поправкам разных частных пунктов, причем надеются предусмотреть всевозможные случайности, и наконец весь акт отбрасывается в хаотическую грудку законодательства, запутывая и без того существующую путаницу. Жалобы и изобличения остаются бесплодными. В 1867 г. мы видели отчет комиссии, составленной из выдающихся юристов и государственных людей, каковы Крэнурт, Уэстбери, Кэрнс и др.; здесь была подчеркнута необходимость составить свод законов, как подготовку для уложения, причем указывали на то, что долг нации снабдить граждан способами познать законы, с которыми они должны сообразоваться. Однако, хотя вопрос этот был порою возбуждаем, ровно ничего не было сделано — т.е. государством, так как частные лица сделали кое-что: так, например, сочинения Читти (Chitty, Equity Index) и сэра Джемса Стефена (J. Stephen, Digest of the Criminal Law) до известной степени показали законодателям, что было сделано ими самими и их предшественниками. Здесь мы встречаемся с фактом, который не кажется нам чудовищным только потому, что мы к нему привыкли, а именно что даже юристы не знают, как применять новый акт, пока судьи не решили чего-либо на этот счет, тогда как сами судьи

протестуют против запутанного законодательства, которое им приходится истолковывать. Один судья сказал об одной статье, что «не верит, чтобы ее понимал даже тот крючок, который ее вытянул», да и «сам парламент, который ее принял», а другой заявил, что «для человеческого искусства невозможно найти слова, более рассчитанные на то, чтобы сбить кого угодно с толку».

Естественным последствием являются ежедневные апелляции и кассации; решения судов отменяются, и более бедные тяжущиеся вынуждены уступать более богатым, могущим разорить их при волоките по разным судам. Невероятная пропорция уголовных приговоров также составляет ежедневный скандал. Вот голодный жнец, которого отправляют в тюрьму за то, что он съел на копейку бобов, им сжатых, как случилось в Фэвершеме; а вот богач, совершивший грубое насилие и уплачивающий за это пеню, для него совершенно пустячную. Еще более унижительно обращение с людьми, которых обвиняют без достаточных улик, или с людьми, которые оказываются в конце концов невинными: их по целым месяцам держат в тюрьме, пока суд не докажет, что они невиновны. Даже невинно осужденные, подвергнувшиеся продолжительному наказанию, прежде чем удалось доказать их невиновность, получают лишь род помилования и не пользуются никаким вознаграждением за понесенные страдания и за разбитую жизнь.

Даже малейшие сделки вроде уплаты извозчику или покупке ожерелья напоминают нам ежедневно об официальных стеснениях. Действительно, не доказывается ли это состоянием монетного дела? Здесь мы видим частые перемены в тех случаях, когда они вовсе нежелательны. Являются смешанные системы: десятичная, двенадцатиричная и неописуемая. До недавнего времени у нас существовали две едва различимые между собою монеты, из которых одна означала три пенса, а другая четыре. Четыре года тому назад у нас явилась юбилейная шестипенсовая монета, которую пришлось изъять из обращения, так как она до того точно воспроизводила полусоверен, что стоило ее только позолотить, чтобы иметь фальшивые червонцы. Недавно ввели у нас четырехшиллинговую монету, которую лишь при тщательном рассмотрении можно отличить от пятишиллинговой. В большинстве случаев отсутствует единственная надпись, имеющая смысл, а именно объявленная ценность монеты; нет

также надлежащего приспособления к спросу: всюду жалуются, что мало разменной монеты. Таким образом, вывод, к которому нас вынуждают общие законы организации, индуктивно проверяется относительно трех существеннейших отделов государственной деятельности, а также и в одной второстепенной области, и факты, подтверждающие это, накаплиются с каждым днем.

§ 372. Существует два главных вывода, вытекающих из этой общей истины, выставленной отвлеченно, а выше поясненной также конкретными примерами.

Если народ в широком смысле слова выносит расточительность, бестолковость, небрежность, медлительность, ежедневно поясняемую примером нашей военной, морской и судебной администрации, то тем легче он станет переносить те же неудобства, если они проявляются в областях, не настолько важных и не занимающих такого широкого места в общественном мнении. Пороки бюрократизма необходимо проявляются в официальных учреждениях всякого рода, и следует ожидать, что они достигнут большей крайности там, где необходимость исправления менее настоятельна. Итак, мы можем с основанием утверждать, что когда государство помимо своих существенных функций берет на себя еще несущественные, оно станет выполнять их так же дурно; этого мало, мы вправе заключить, что в этом случае исполнение будет еще худшим.

Второй вывод тот, что дурное выполнение существенных функций делается еще худшим вследствие поглощения внимания и энергии при выполнении несущественных функций. Способность вести немногие дела неизбежно уменьшается от прибавления множества других дел; ясно также, что когда критика со стороны общественного мнения направлена на промахи разного рода, она должна быть менее успешною, чем в том случае, когда направлена на немногочисленные промахи. Если бы, вместо того чтобы быть почти всецело поглощенным другими делами, парламент был занят почти всецело делом внешней и внутренней охраны, никто не осмелится отрицать, что его деятельность была бы более успешна, чем теперь; точно так же, если бы дебаты на трибуне и в печати почти целиком посвящались лишь этим делам, вместо того чтобы почти целиком касаться других вещей, то общество не потерпело бы такой

малоуспешности этого рода деятельности, какую мы видим в настоящее время.

Таким образом, желаем ли мы избежать умножения дурно выполняемых функций или же желаем, чтобы существенные функции выполнялись лучше прежнего, во всяком случае требование остается одним и тем же — необходимо ограничение.

Специализация функций прямо улучшает выполнение каждой функции, приспособляя к ней орган, а косвенно улучшает выполнение других функций, позволяя, чтобы каждая из них приобретала соответственный орган.

§ 373. Предшествующие рассуждения приводят к выводу, что в выполнении социальных деятельности справедливость совпадает с политичностью, — эти выводы немного повлияют на мнение большинства. Убеждение в справедливости естественного закона и во всеобщности закона причинности не слишком сильно даже в научном мире, когда речь идет, например, о жизненных явлениях; и оно очень слабо среди людей, непричастных к науке. Лишь доводы, основанные на обыденных фактах, имеют шансы повлиять на многих, да и то большинство станет отрицать достаточность даже этих доводов.

Необходимо поэтому подкрепить эти доводы другими, извлеченными из прямо очевидных фактов. Посвятим главу этому роду доказательств.

ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (Продолжение)

§ 374. «В простых вещах нельзя доверять непосредственному восприятию. Для достижения выводов, заслуживающих доверия, мы должны применить какой-либо способ измерения, посредством которого можно было бы исправить несовершенство наших чувств. Наоборот, в сложных вопросах достаточно непосредственного созерцания; мы можем с достаточным основанием суммировать и взвешивать факты, не ссылаясь ни на какую общую истину».

Посмеется ли кто-либо, услышав это нелепое предложение? А почему бы ему смеяться? Можно поставить десять против одного, что в скрытой форме это предложение входит в состав молчаливо допускаемых им убеждений. Пусть, например, ремесленник скажет, что ему «плевать» на термометры, так как он будто бы на ощупь лучше узнает, какова надлежащая температура употребляемой им жидкости. Читатель, знающий, что ощущение тепла или холода значительно изменяется смотря по температуре самой руки, поймет, как нелепа эта самоуверенность, происходящая от недостатка знаний. Но он не увидит ничего нелепого в попытке достичь без всякого руководящего начала правильного вывода относительно последствий некоторой деятельности, влияющей многочисленными способами на миллионы людей. Здесь для него не требуется никакого мерила, могущего проверить точность непосредственных впечатлений. Если, например, вопрос идет о том, следует ли ему защищать систему наград учителям, смотря по результатам экзаменов в государственных школах, то он признает очевидным, что поощрение учителям этим способом не может не оказаться благодетельным для учеников. Ему не приходит на ум, что, быть может, учитель станет чересчур подтягивать учащихся; что он,

быть может, достигнет механической восприимчивости; что это зубрение может довести до полного отвращения к учению; что возможно таким образом направить особое внимание на ловких учеников, которые своим успехом принесут пользу учителю, и что в то же время менее способными будут пренебрегать. Будет забыто и то обстоятельство, что система, оценивающая знание по тому, достигаются ли им денежные награды, а не ради самого знания, — такая система не в состоянии произвести здоровый ум; и даже учителя при такой системе легко становятся чистыми машинами. Видя, по его мнению, вполне ясно, каковы непосредственные результаты, и либо совсем не замечая отдаленных результатов, либо относясь к ним чересчур легко, он не сомневается, что такой план вполне целесообразен. Проходит лет двадцать, и когда следствия оказываются настолько губительными, что план этот отвергается, после того как повреждено здоровье миллионов детей и причинено неизмеримое количество физических и душевных страданий, — после всего этого он не станет ни на волос мудрее по причине своего губительного промаха, но готов на следующий день решать по поводу какого-либо вновь предложенного плана таким же образом, посредством простого рассмотрения и взвешивания вероятностей. Другими словами, как выше замечено, хотя в простых вещах пользование общими принципами признается полезным, в более сложных предметах оно не признается необходимым.

А между тем минутное размышление должно было бы сделать ясным для каждого не только то, что эти неосновательные суждения весьма легко могут оказаться ошибочными, но и то, что должно существовать какое-либо руководство, посредством которого могут быть достигнуты точные суждения. Действительно, можно ли придумать что-либо более бессмысленное, нежели убеждение, что в общественных делах нет естественной причинности? И спрашивается, каким образом кто бы то ни было может избежать обвинения в бессмыслии, если он, допуская естественную причинность, в то же время придумывает законы, не принимающие во внимание этой причинности? Как было сказано в одной из предыдущих глав, если не существует причинности, то любой закон так же хорош, как и всякий другой, а стало быть, законодательная деятельность есть нечто смехотворное. Если же неправда, что все законы одинаково

хороши, в таком случае справедливо, что на людей, составляющих общество, один закон повлияет более благотворительно, чем другой, и что его более благотворительное действие подразумевает некоторое приспособление к природе людей и к их способам кооперации. Относительно этого должны существовать некоторые общие истины, некоторые более глубокие общие законы, а конечный результат любого законодательства должен зависеть от признания таких общих законов и от подчинения им законодательной деятельности. Может ли быть поэтому что-либо более нелепое, нежели действовать, не исследовав, каковы эти законы?

§ 375. Добиваться счастья, не взвесив условий, выполнение которых приведет к счастью, бессмысленно в социальном отношении, как и в личном; нет, в первом случае даже более бессмысленно, так как бедствия, проистекающие от пренебрежения условиями, часто избегаются единичной личностью, но при уравнивании между многими личностями общество никак не может избежать вреда.

Взвешивание вероятных результатов каждого поступка помимо всякой общей санкции, исключая погони за счастьем, — это способ действия, свойственный каждому преступнику. Он думает, что вероятность склоняется в пользу достижения им удовольствий и избежания страданий; пренебрегая теми соображениями справедливости, которые могли бы обуздать его, преступник соображает ближайшие последствия, не думая об окончательном результате; и относительно ближайших результатов он порою бывает прав: он пользуется выгодами своих преступных деяний и часто не терпит наказания. Но в конце концов оказывается, что зло превышает благо, частью потому, что он не всегда избегает кары, частью же потому, что та природа, которая воспитывается в нем его деятельностью, неспособна к высшей форме счастья. Образ действий, которым преступник пользуется с эгоистическими целями, аналогичен тому, которому следует, хотя и с альтруистическими целями, политик, следующий принципу так называемой полезности. Такой политик, правда, не для своего блага, но, как он думает, для блага других, взвешивает вероятные удовольствия и страдания; пренебрегая повелениями чистой справедливости, он усваивает такие методы, которые, по его мнению, приведут к достижению

удовольствий и избежанию страданий. Идет ли речь о снабжении общественных библиотек книгами и газетами, он имеет в виду результаты, которые признает очевидно благотворительными, и в то же время не интересуется исследовать, справедливо ли насильно отнять деньги у А, В и С, чтобы уплатить за удовлетворение D, E и F.

Является ли его целью подавление пьянства и проистекающего отсюда зла, он помышляет исключительно об этих целях и, решившись навязать свои собственные убеждения другим людям, старается ограничить свободу обмена и уничтожить дела, в которые был вложен капитал на законном основании и с согласия общества. Таким образом, как выше указано, альтруистический нарушитель чужих прав, подобно эгоистическому нарушителю, пренебрегает всяким иным руководством, исключая оценки ближайших результатов; его не удерживает мысль о том, что его действия нарушают основной принцип гармоничной социальной жизни.

Ясно, стало быть, что этот эмпирический утилитаризм, делающий счастье своей непосредственной целью, находится в противоречии с рациональным утилитаризмом, имеющим целью выполнение условий счастья.

§ 376. Защитники политического эмпиризма не смогут возразить, если мы подвергнем их собственный метод эмпирической проверке. Если, пренебрегая абстрактными принципами, мы станем руководствоваться результатами, либо вычисленными заранее, либо удостоверенными опытом, то отсюда ясно, что таков наилучший способ и для оценки самого эмпирического метода.

Сделаем это.

При одном обсуждении, относящемся к социалистическому законодательству, во время дебатов в палате лордов 19 мая 1890 г. наш первый министр сказал: «Мы не более задаемся вопросом о происхождении или о философской подкладке какого-либо предложения, нежели всякий умный человек вопросом о характере деда своего лакея, прежде чем он наймет лакея».

Осмеяв таким образом предположение, что существуют какие бы то ни было общие законы социальной жизни, с которыми должно сообразоваться законодательство, премьер продолжал: «Прежде всего мы должны рассмотреть всякое дело по

обстоятельствам». Таким образом, лорд Сольсбери откровенно выдал свой метод; но это и есть метод, которому всегда следуют политики, называющие себя практиками и насмехающиеся над «отвлеченными началами».

Но, к несчастью для них, их метод есть тот, которому следовали законодатели, умножившие в течение прошлых тысячелетий человеческие бедствия. Сделано это многообразными способами и в невероятной степени посредством губительных законов. Рассмотрение дела «по обстоятельствам» руководило Диоклецианом, когда он назначил цены товаров и размер заработной платы; такие же соображения руководили правителями всех европейских наций, которые столетие за столетием в бесчисленных случаях решали, какое количество товара должно быть отдано за столько-то денег. Теми же соображениями руководились в нашей собственной стране люди, придумавшие после «черной смерти» статут о рабочих, причинивший крестьянское восстание. Бесчисленные акты, предписывавшие здесь и в других странах качество продуктов и способы производства и назначавшие фискалов, которые должны были наблюдать, соблюдаются ли эти приказания, — все такие законодательные акты вызывались рассмотрением дела «по обстоятельствам»; в каждом данном случае: существовало зло, которое очевидно следовало предупредить. Без сомнения, также приказания фермерам относительно пропорции их пахотных и пастбищных земель, относительно времени стрижки овец, числа лошадей, которых следует впрягать в плуг, а также относительно посевов — все эти распоряжения соображались с «обстоятельствами дела». То же относится к премиям на экспорт известных товаров и к ограничению ввоза других; то же можно сказать о наказаниях, которым подвергались скупщики, и о преследовании ростовщичества как преступления. Каждая из этих многочисленных регламентаций вызывала необходимость существования армии чиновников, которые во Франции почти подавили промышленность и отчасти явились причиной революции. Но для тех, которые установили эту систему, она представлялась сообразною с «обстоятельствами дела». То же относится к бесчисленным законам о роскоши, которые из рода в род издавались королями и их министрами. Из 14 000 стран-ных актов, которые были отменены у нас, в Англии, начиная

с статута Мертона и до 1872 г., некоторые по причине включения в другие акты, другие потому, что оказались недействительными, третьи по причине доставляемых ими тягостей — из всех этих актов многие ли были отменены по причине принесенного ими вреда? Скажем ли мы — половина, четверть или меньше четверти? Представим себе, что только 3000 из этих актов были отменены по причине доказанного вреда, ими причиненного, — а эта цифра очень низка. Что сказать об этих 3000 актов, препятствовавших человеческому счастью и увеличивавших человеческие бедствия то на годы, то на поколения, а порою и на целые века?

Каков же будет приговор? Если следует руководиться наблюдением и опытом, то что говорят нам наблюдение и опыт относительно способа руководства? Не доказывают ли они, вне всякого сомнения, что господствующий способ привел к чудовищной неудаче? «Нет, — быть может, будет дан ответ. — Вы забываете, что хотя многочисленные законы были отменены как причинившие зло, многие другие не подверглись отмене и оказались благотворными». Совершенно верно; но этот ответ не менее неудачен, чем первоначальное предположение. Действительно, каковы наилучшие законы? Это законы, которые сообразуются с теми основными началами, на которые политики-практики хотят «наплевать». Это законы, основанные на той социальной философии, о которой лорд Сольсбери говорит с таким пренебрежением. Это законы, признающие и выводящие разные следствия из формулы справедливости. Действительно, как мы видели во множестве предшествующих глав, социальная эволюция сопровождалась прогрессивным установлением этих этически подтвержденных законов. Таким образом, очевидность доставляет двойное осуждение метода эмпирического утилитаризма. Факты решительно доказывают неуспех этого метода и успех противоположного метода.

Но теперь заметьте, что ни лорд Сольсбери, ни какой-либо другой приверженец той же политической веры не следует логично этому методу, т.е. не всегда они судят о вещах «по обстоятельствам дела». Наоборот, в важнейших вопросах они следуют тому самому методу, над которым насмеваются. Приведите их на очную ставку, и они патетически отвергнут руководство «обстоятельствами дела», если дело таково, что его исход прост и ясен.

Почему воры часто убегают на общественных гуляньях? В одной газете было напечатано письмо, объясняющее это так. На глазах корреспондента произошла кража. Автор спросил одного прохожего, мимо которого бежал вор, почему тот не остановил вора? Спрошенный ответил: «Я не хотел задержать беднягу. Думаю, что украденное принесет ему больше пользы, чем тому, у кого он украл». Здесь также «обстоятельства дела» руководили суждением; относительные степени счастья вора и обворованного были приняты во внимание и дело решено оправданием кражи. «Но права собственности должны быть уважаемы! — ответил бы на это лорд Сольсбери. — Общество погибнет, если позволят одним брать у других под предлогом, что они более нуждаются, нежели собственники». Именно так. Но это значит судить не по «обстоятельствам дела», а сообразно с некоторым общим принципом. Та философия, над которою насмеяется лорд Сольсбери, показывает, что социальная кооперация может быть осуществлена успешно и гармонично лишь под условием, чтобы соотношение между усилием и достигаемою выгодой оставалось ненарушенным. И, как мы видели, то же справедливо для всех тех законов, которые составляют отправление правосудия; и поддержка этих законов есть часть существенных обязанностей лорда Сольсбери; все это выводы из философии, над которою он глумится.

Существенное разногласие состоит в следующем: тысячелетние уроки показали нам, что общество прогрессирует пропорционально своему сообразованию с этими следствиями, и следует прийти к выводу, что и во всяком новом случае следует сообразоваться с теми же началами. Но лорд Сольсбери все же полагает, что не следует сообразоваться этими принципами, если большинство решит, что того требуют обстоятельства дела.

§ 377. Удивительно, как может тот, кто следит за фактами, ежедневно сообщаемыми в газетах, воображать, что меры, согласные с обстоятельствами дела, не приведут к последствиям, выходящим из рамок этого дела. Перемена, произведенная в одной части общества, вызывает другие непредвиденные перемены и т.д. Все это знают и тем не менее думают, что известный парламентский акт произведет лишь преднамеренные последствия и не приведет ни к чему непреднамеренному. Отсюда ясно, что

можно ежедневно заниматься чтением, не став от этого умнее. В любом агрегате, состоящем из взаимно зависящих частей, играет роль та причинность, которую когда-то назвал плодящею. Следствия любой причины, в свою очередь, становятся причинами, часто более важными, чем первоначальная; их эффекты, в свою очередь, становятся причинами. Что случилось, когда несколько лет тому назад наступило значительное повышение цены каменного угля? Расход каждого хозяйства увеличился, и бедняки особенно пострадали. Каждая фабрика подверглась как бы налогу, и либо уменьшилась заработная плата, либо повысились цены товаров. Плавнение чугуна стало стоить дороже, и стоимость всех таких вещей, каковы рельсы и машины, куда входит много железа, также повысилась. Способность конкурировать с разными категориями иностранных произведений уменьшилась. Меньшее количество судов было снаряжено для перевозки товаров за границу; кораблестроение и все вспомогательные производства упали. То же в бесчисленных других случаях. Присмотритесь далее к тому, что произошло от недавней стачки в доках или, скорее, от нерассудительной симпатии, побудившей по «обстоятельствам дела» публику и полицию терпеть насилие, к которому прибегали стачники для выполнения своих целей. Успешное нападение, подстрекательство и бойкотирование вызвали в других местах стачки, где применялись подобные же средства: в Соуттемптоне, Тильбери, Глэсго, Ноттингэме и т.д. Другие категории последовали по тому же пути — красильщики, кожевники, резчики, токари, пекари, плотники, наборщики, рабочие, выделяющие сухари, и т.п. Аналогичные, еще более бесцеремонные средства применялись вслед за тем в Австралии и в Америке. Затем в виде вторичного результата наступил застой, явилось замешательство в делах, а чрез их посредство и в делах, связанных с предыдущими, и сократилось требование на рабочие руки. В числе третичных последствий мы видим поощрение той иллюзии, что достаточно рабочим составить стачку, чтобы достичь каких угодно условий, а отсюда являются самоубийственные требования. Еще более отдаленным результатом являются настаивание на государственном вмешательстве и подогревание социалистических идей.

Косвенные последствия, умножаясь все более и более, часто в конце концов приводят к противоположному тому, что

ожидалось. И в прошедшем, и в настоящем можно указать достаточное число примеров. Относительно прошедшего можно указать, например, акт 8 Елизаветы; здесь с целью охраны жителей Шрусбери от чужеземцев было запрещено всем, кроме свободных земледельцев (фрименов), торговать валлийскими тканями. Шесть лет спустя жители Шрусбери взмолились об отмене закона, по причине «обеднения и разорения бедных ремесленников и других, ради которых был издан акт». Нечто подобное в более недавние времена произошло с спитальфильдскими ткачами. Далее, поразительным примером из новейшего времени служат результаты некоторых законов в западных штатах Америки. В своем послании законодательному собранию Колорадо от 8 января 1885 г. губернатор Грант пишет: «Эти законы были предназначены для истребления ястребов, волков и сорных трав... ястребы и волки постоянно размножались под покровительством этих панемий», т.е. судя по уплачиваемым суммам. Подобные же результаты были испытаны в Индии.

Когда-то бродяги кишели вокруг монастырей; с тех пор и до того времени, когда многие приходы при старинных законах о бедных были почти раздавлены под бременем нищенствующих, опыт непрерывно доказывал, что меры, руководимые кажушимися «обстоятельствами дела, производили как раз обратное тому, что предполагалось сделать: они увеличивали бедствие, вместо того чтобы уменьшать его. Недавние факты поясняют то же обстоятельство. Председатель Брэдфильдского союза в письме, помещенном в «Spectator» (19 апреля 1890 г.), указывает на то, что 17-летнее управление, основанное на принципе вместо порывов чувства сократило число бедных по квартирам с 259 до 100, а на улицах с 999 до 42. В конце письма он приходит к убеждению, что большинство нищих «создается внешней помощью (outrelief)». Это предостережение против руководства кажушимися потребностями было с тех пор подчеркнуто сэром Арнольдом Уайтом. В письме из поселения Теннисо, в Капской колонии, напечатанном в «Spectator» 10 января 1891 г., Уайт пишет: «Всякий план колонизации, не включающий явной смерти для добровольных ленивцев, — если они предпочтут умереть, — должен неминуемо провалиться... Это горький урок, внушенный мне долгими годами опытности, но приобретенный с тяжким трудом». Это значит, что если мы

относительно благотворительности станем подчиняться каждым «обстоятельствам дела», то в конце концов ухудшим зло вместо исцеления его.

Суждения законодателя, осмеивающего философию и воображающего, что достаточно пользоваться наличными фактами, заслуживают такого же уважения, как и суждения рабочего, который присоединяется к товарищам при громогласной защите какого-либо общественного предприятия под тем предлогом, что оно даст занятие рабочим рукам. При этом рабочий судит «по обстоятельствам дела», как оно представляется непосредственно, и ничего не думает о более отдаленных последствиях — не спрашивает, каково будет следствие затраты капитала на что-либо, не дающее соответственного дохода; не задается вопросом, нельзя ли было употребить капитал на какие-либо другие предприятия, быть может, более выгодные и поэтому более полезные; не спрашивает и о том, какие другие рабочие, ремесленники и промышленники могли бы иметь тогда работу.

Действительно, хотя законодатель, может быть, и сообщает несколько более отдаленные результаты, все же он, в сущности, так же далек, как и рабочий, от понимания тех перемен, которые колеблют общество, подобно волнам, раскачивающим из стороны в сторону.

§ 378. Что хуже: убеждение без очевидности или же отказ верить чему-либо несмотря на подавляющие доказательства? Если существует неразумная вера, настаивающая на своем без всяких фактов, то существует и неразумное отсутствие веры, упорствующей несмотря на накопление фактов, которые должны были бы утвердить убеждение; трудно сказать, не получаются ли в этом случае худшие результаты, чем в предыдущем случае.

Дюжинный законодатель, подобно дюжинному гражданину, не питает ни малейшей веры в благотворительную работу социальных сил, несмотря на почти бесчисленные доказательства ее действия. Он упорствует в убеждении, что общество есть род искусственного продукта, а не продукт естественного роста, и остается слепым к тому факту, что обширная и сложная организация, посредством которой поддерживается общественная жизнь, возникла из разных видов самопроизвольной кооперации людей, преследовавших свои частные цели.

Правда, если он задается вопросом, каким образом земной шар был расчищен, вспахан и обработан, каким образом возникли города, как явились всякого рода производства, как развились искусства, как накопилось знание, как возникла литература, то во всех этих случаях он вынужден признать тот факт, что ничто не возникало благодаря правительству, но многое пострадало благодаря правительственной помехе. Тем не менее, игнорируя все это, он полагает, что если надо выполнить что-либо благое или предупредить какое-либо зло, то необходимо призвать на помощь парламент. Он обладает неограниченным доверием к той деятельности, которая не раз терпела неудачу, и не доверяет той, которая много раз достигала успеха. Из различных чувств, побуждающих людей к деятельности, каждая категория участвует в производстве социальных функций и структур. Прежде всего мы видим эгоистические чувства, весьма могущественные и деятельные; их действия, развивая учреждения, имеющие целью производство и распределение, были уже упомянуты. Чувства эти быстро причиняют новые явления роста там, где существуют новые области, которые могут быть с успехом заняты. Начиная с прорытия Суэцкого канала и сооружения моста через р. Форт и оканчивая страхованием овец, домов, жизни, урожая, окон; начиная с исследования неведомых областей, с руководства экскурсиями путешественников и до устройства автоматических ящиков на железнодорожных станциях и отдачи напрокат биноклей в театрах, — всегда частная антреприза оказывается вездесущей и необычайно разнообразной, и даже если государственная деятельность вытесняет ее в одном направлении, она готова вынырнуть в другом месте. Вспомним, как в эпоху Карла II в Лондоне возникла местная копеечная почта (письмо стоило один пенни), подавленная правительством; вспомним о попытке уничтожить артель посыльных — все это факты, поясняющие успешность частной предприимчивости и несносное бремя бюрократизма. Далее, если надо прибавить пример, показывающий превосходство самопроизвольно возникающих учреждений, то достаточно указать на американские компании железнодорожного сообщения (Express Companies), имеющие 7000 агентств, собственные скорые поезда, выдающие ежегодно 25 000 000 квитанций, работающие на правительство, обладающие системой денежных пере-

водов, вытесняющих почтовые переводы, и распространившие свою деятельность на Европу, Индию, Африку, Южную Америку и Полинезию.

Кроме тех эгоистических чувств, которые развили существующую организацию всякого общества, есть еще эго-альтруистичные и альтруистичные чувства, жажда одобрения и симпатия, побуждающая людей к разным иным индивидуальным и групповым деятельности и порождающая разные другие учреждения. Необходимо оглянуться в прошедшее для того, чтобы пояснить действие этих чувств по отношению к благотворительным и воспитательным учреждениям. В настоящее время мы видим обильные примеры их могущества. В Англии, а еще более в Америке мы видим, что завещаются огромные суммы на основание школ, а еще чаще — на оплату профессорских кафедр и на стипендии; мы видим, что чудовищные суммы жертвуются на сооружение и снабжение публичных библиотек; частные лица дарят городам парки и сады; нации завещаются частными лицами целые музеи. В газете «Standard» от 11 апреля 1890 г. мы читаем, что в 1889 г. суммы, завещанные больницам, приютам, миссионерствам, обществам разного рода достигли в Англии 1 080 000 ф. ст., а в первую четверть 1890 г. набралось уже 30 000 ф. ст. В журнале «Nineteenth Century» за январь 1890 г. мистер Юиш сообщил, что за последние годы пожертвования частных лиц на поддержку изящных искусств достигли суммы 347 500 ф. ст. на одни здания, картин же и денег пожертвовано на сумму 559 000 ф. ст. Сюда можно еще добавить недавнее пожертвование в 80 000 ф. ст. на одну картинную галерею, посвященную специально британскому искусству.

Не следует также забывать о ежедневных деятельности многочисленных филантропов в деле возбуждения того или иного движения на благо сограждан. Бесчисленные общества с чудовищным совокупным доходом образуются для бескорыстных целей; у всех их если не выполнение, то намерения хороши. Мотивы в значительной мере, если не всецело, альтруистического характера, побуждающие к организации учреждений и к их работе, не только не обнаруживают упадка силы, но, наоборот, беспрестанно становятся сильнее. Итак, наверное, если эти силы уже произвели так много и беспрестанно достигают еще большего, то можно рассчитывать на их будущую

успешную деятельность; и можно основательно заключить, что они совершат многое, чего мы еще не умеем сделать.

§ 379. Итак, если даже мы пренебрежем этическими ограничениями и упустим из виду заключения, которые должны быть выведены из прогрессирующей специализации, обнаруживаемой обществами, то во всяком случае мы увидим веские основания в пользу утверждения, что скорее следует ограничить государственные функции, нежели их расширить. Расширение этих функций в погоне за тем или иным обещанным благодеянием всюду уже оказалось губительным. История всех народов сходится в том, что обнаруживает чудовищное зло, произведенное законодательством, руководствовавшимся исключительно «обстоятельствами дела», тогда как всюду мы видим успех законодательства, руководившегося соображениями справедливости.

Каждый день в утренних газетах мы вычитываем факты, убеждающие нас в том, что во всем политическом строе плодятся результаты, причинность которых настолько запутанна, что и наивысочайший ум неспособен предсказать совокупных последствий. Так называемый политик-практик, полагающий, что влияние придуманной им меры может быть втиснуто в его поле зрения, это, в сущности, самый нелепый из теоретиков. И вот его доверие к методу искусственного достижения той или иной цели постоянно терпит разочарования вследствие неуспеха в достижении желаемого и вследствие успеха в достижении того, чего он вовсе не имел в виду; но, несмотря на все это, он нисколько не доверяет тем естественным силам, которые произвели многое в прошедшем, производят более в наше время и, как следует ожидать, всего более произведут в будущем.

XXIX | ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (Заключение)

§ 380. Из многих причин, ограничивающих область правительственной деятельности, остается назвать самую могущественную. Цель, которую государственный человек должен считать высочайшею, состоит в образовании характера. Но если мы усвоим правильное понятие о характере, каким он должен быть, и о средствах, которыми это может быть достигнуто, то необходимым последствием будет упразднение многочисленных казенных учреждений.

«Как это так? — без сомнения, воскликнут многие. — Разве образование или воспитание характера не есть цель, к которой направлена значительная доля защищаемого нами законодательства? Разве мы не утверждаем, что важнейшею стороною государственной деятельности является создание хороших граждан? Разве наши школы, библиотеки, санитарные учреждения, гимназии и проч. не имеют целью улучшение природы граждан?»

На этот «вопросительный ответ», произнесенный с таким видом изумления и убеждения, как будто более ничего не остается сказать, наш ответ будет тот, что все зависит от того, хорош ли поддерживаемый идеал и пригодны ли меры, осуществляющие его? И то и другое оказывается никуда не годным. Здесь ясно выставлены борющиеся между собою взгляды, подлежащие нашему обсуждению. Начнем обсуждать их систематично.

§ 381. Начиная с диких орд и восходя к цивилизованным нациям, мы встречаем бесчисленные примеры, показывающие, что, для того чтобы выработать искусного воина, необходима известная подготовка. Обращение с оружием начинается с малолетства; в течение юности предметом честолюбия является успех в стрельбе из лука, в метании дротика или бумеранга с силою и точностью и в искусной обороне и нападении.

В то же время развивают скорость и проворство и пробуют силу. Еще ближе к цели, о которой идет речь, находится дисциплина, приучающая к перенесению тягостей и доходящая порою до настоящих пыток. Словом, всякий мужчина данного племени воспитывается так, что становится пригодным для целей племени: для поддержки его существования, для покорения соседей или же для обеих этих целей. Хотя и нет государственного воспитания в новейшем смысле слова, но все же воспитание предписывается обычаем и навязывается общественным мнением. Молчаливо, если не открыто утверждается, что дело общества — пересоздать по-своему индивида.

По мере того социального прогресса, который образует более крупные, правильно управляемые общины, является дальнейшее развитие государственного воспитания. Теперь не только преднамеренно культивируются необходимая сила, искусство и терпение, но воспитывается и то подчинение, которое необходимо для выполнения военных эволюций, и то дальнейшее подчинение вождям и правителям, без которого нельзя пользоваться соединенными силами для желательных целей. Стоит только назвать Грецию, и особенно Спарту, в пояснение этого фазиса.

Наряду с практикой явилась и соответственная теория. Из убеждения, что индивид принадлежит не себе и не своей семье, а своей гражданской общине, естественно возникло учение, что дело этой общины — пересоздать его характер и сделать годным для своих целей. Как у Платона, так и у Аристотеля мы видим подробно выработанные методы, клонящиеся к надлежащему подготовке детей и юношей для гражданской жизни; не колеблясь, они оба допускают, что в хорошем государстве воспитание должно быть общественным делом.

Очевидно, стало быть, что, пока война является главным жизненным занятием, воспитание индивидов государственным путем по шаблону, приспособленному к успешной военной деятельности, — такое воспитание является вполне нормальным. В этом случае опыт доставляет довольно правильный образец, к которому следует стремиться, а также дает руководство в выборе методов к достижению этого идеала. Все свободные люди должны, по возможности, стать военными машинами, автоматически повинующимися приказаниям, и требуется

объединяющая дисциплина для образования этих машин. Сверх того, военный тип приводит к принудительной системе, требуемой организацией армии, и эта система распространяется также на все служебные части. Естественно, устанавливается при этом та теория, что не только воины, но и все другие члены общины должны быть перевоспитаны правительством так, чтобы оказаться пригодными для своих функций.

§ 382. Не признавая основного различия между обществом, для которого война составляет главное, а средства существования — второстепенное, и тем обществом, у которого отношения как раз обратны, — часто допускают, что дисциплинирующая политика, пригодная для военного типа, годится и для ему противоположного. Но отношения индивида к государству в обоих случаях совершенно различны.

В отличие от грека, который не принадлежал себе, но государству, англичанин лишь в незаметной мере принадлежит своей нации, но весьма положительно принадлежит самому себе. Хотя в надлежащем возрасте он может быть в особом случае забран и поставлен в ряды защитников отечества, все же эта случайность лишь в ничтожной степени ограничивает его частную собственность на свое тело и на самостоятельное управление своею деятельностью.

В целом ряде глав мы видели, что прогрессивное законодательное установление тех прав, о которых говорит этика, утвердило свободное распоряжение собою со стороны каждой особи, и не только по отношению к другим индивидам, но во многих случаях и относительно государств. Государство, защищая личность против насилий других лиц, в разных отношениях само перестало совершать насилия. Очевидным следствием является тот вывод, что в состоянии постоянного мира эта перемена отношений стала бы всецелою.

Каким образом этот вывод относится к спорному вопросу? Вывод тот, что личность прежде перерабатывалась обществом для его целей, тогда как теперь личность должна перерабатывать общество для своих целей. Вместо прочного политического тела, управляющего массами составляющих его единиц для совокупной их деятельности, общество, утратившее свою принудительную организацию и сдерживающее составляющие его

единицы лишь такими узами, которые необходимы для мирной кооперации, становится попросту средою для их деятельности. Еще раз позвольте мне подчеркнуть ту истину, что так как общество в своем корпоративном составе не есть чувствующее существо и так как чувствительность заключается исключительно в составляющих его единицах, то единственным основанием для подчинения чувствительности единиц — лишенной чувства жизни общества является военная организация, пока она обеспечивает наилучшую охрану этих чувствующих единиц. Но это основание отчасти отпадает по мере упадка военного строя и исчезает вполне, как только индустриализм становится полным. Притязание общества дисциплинировать граждан исчезает. Нет более силы, могущей надлежащим образом предписывать форму, которая должна быть усвоена личною жизнью.

«Но наверное общество в его корпоративном составе, руководимое соединенным умом его наилучших членов, может с успехом выработать такое понятие об индивидуальной природе, которое будет всего лучше пригодно для гармонической индустриальной жизни; вероятно, оно сумеет выработать и дисциплину, рассчитанную на создание такой природы?»

В этом случае молчаливо допускается право общества навязывать при посредстве своих агентов выработанный им план. Это воображаемое право совершенно несогласно, однако, с выводами предыдущих глав. Но, не останавливаясь здесь на этом вопросе, посмотрим, насколько общество приспособлено к решению относительно желательного характера своих членов и относительно средств, пригодных для создания того или иного характера.

§ 383. Хорош ли или дурен избранный идеал гражданина и хороши ли средства для достижения этой цели, но выбор такого идеала неизбежно влечет за собою три последствия, и все три приводят к осуждению всего дела.

Система должна клониться к достижению однообразия. Если предпринятые меры вообще приведут к какому бы то ни было результату, то, без сомнения, отчасти этот результат приведет к некоторому сходству между индивидами. Отрицать это значит отвергать успешность примененного процесса. Но по мере достижения однородности является задержка прогресса.

Каждый, кто изучал явления природы, знает, что без разнообразия нет прогресса, без разнородности жизнь совсем не могла бы развиваться. Неизбежный вывод тот, что дальнейший прогресс должен встретить помеху, если является препятствие к возникновению разнородности.

Далее следует утверждение пассивной восприимчивости любой формы, какую только вздумает навязать государство. Составляет ли покорность часть той природы, которую общество как корпоративное целое намерено придать своим единицам, или не составляет, во всяком случае общество не может навязать своих планов, не встретив покорность или не создав ее. Гласно или негласно одной из сторон желательного характера должна быть готовность каждого гражданина самому покоряться или же принуждать своих детей к покорности — к дисциплине, которую намерены навязать немногие или многие граждане. Могут быть люди, признающие чертою высокой человечности такое приспособление воспитания человеческой природы к воле агрегата, составленного большею частью из низших единиц. Но с такими людьми мы не станем спорить.

Еще один дальнейший вывод это тот, что или не существует никакого естественного процесса, посредством которого граждане могут быть сформированы по известному образцу, или же этот естественный процесс должен быть заменен искусственным. Сказать первое — значит утверждать, что, в отличие от всех прочих существ, стремящихся стать приспособленными к своей среде, человек не стремится к такой приспособленности — не стремится подвергнуться переменам, приспособляющим его к жизни, требуемой условиями. Но сказать это значит признать, что человеческие разновидности возникли без всякой причины или же что они были причинены деятельностью правительств. Кто этого не утверждает, тот должен допустить, что люди стремятся естественно приспособляться к требованиям развитого социального состояния; но это допущение поколеблет уверенность в том, что искусственным путем может быть достигнуто лучшее приспособление.

§ 384. От абстрактного рассмотрения вопроса перейдем к более конкретному. Решено, положим, создать граждан, приспособленных к жизни в данном обществе. Откуда вывести понятие

о приспособленности? Люди наследуют не только физические и душевные организации предков, но также, вообще говоря, их идеи и убеждения. Господствующее понятие о желательном типе гражданина должно поэтому быть продуктом прошедшего, слегка видоизмененного настоящим; и предполагается, что прошедшее и настоящее передадут это понятие будущему. Каждый, кто беспристрастно рассмотрит дело, едва ли проглядит, что здесь, в другой области, повторяются нелепости, совершаемые во все эпохи всяким народом в области его верований. Всюду и везде средний человек воображает, что верования, в которых он был воспитан, единственно истинные. Хотя для него должно быть очевидным, что наверное во всех случаях, кроме одного, верования, которых придерживаются так же твердо, тем не менее ложны; однако, как и всякий другой, он уверен, что именно его вера и есть исключение из правила. Самоуверенность не менее нелепая обнаруживается людьми, намеренными навязать будущему свой идеал гражданина. Тот воспринятый тип, который порожден потребностями прошлого и настоящего, по их мнению, без сомнения, был бы типом, пригодным для будущих времен. Но достаточно оглянуться на далекое прошлое, когда промышленная жизнь признавалась презренной, а под добродетелью подразумевали мужество, храбрость, смелость, или на менее отдаленное прошлое, когда «благородный» означало рожденного от знатных предков, тогда как «рабочий» и «подлый» были синонимами. Вспомним время, когда постыдная покорность каждого звания высшему званию признавалась верховным долгом; или то время, когда добрый гражданин всякого чина должен был униженно принимать предписанную ему веру. Мы увидим, что характеры, считавшиеся пригодными для людей, были непохожи на те, которые теперь считаются пригодными. Тем не менее не очень мудрые представители избирателей, большею частию невежественных, готовы, с папской непогрешимостью, устанавливать форму желательной человеческой природы и приспособлять будущие поколения к этой форме.

При такой самоуверенности относительно целей они не менее самоуверенны касательно средств, хотя в последнем случае, как и в первом, прошедшее доказывает им, как неудачны были методы, применявшиеся в течение веков. Во всем христианском мире, с его храмами и церквями, с его обилием благочестивых

книг и обрядов, имеющих целью внушение религии любви — религии, поощряющей милосердие и всепрощение, мы видим господство насилия и мстительности, какую можно найти повсюду у дикарей. Люди, ежедневно читающие свои Библии, посещающие заутреннее богослужение и молящиеся по целым неделям, посылают вестников мира к низшим расам, которые немедленно изгоняются из своей страны разбойничьими экспедициями, дозволенными властью, находящейся на Даунинг-стрит. Сопrotивляющиеся набегу признаются «бунтовщиками», оказываемое ими возмездие признается «убийством», а покорение их окрещивается «умиротворением».

Видя, таким образом, достаточное основание для отвержения искусственного метода формирования граждан и признавая этот метод одинаково дурным по цели и по средствам, мы имеем полное основание доверять естественному методу — самопроизвольному приспособлению граждан к социальной жизни.

§ 385. Органический мир, взятый в общем, преисполнен бесчисленными и необычайно разнообразными примерами, поясняющими ту истину, что прямыми или же косвенными путями способности всякого рода существ приспособляются к их жизненным потребностям, и далее, что упражнение каждой приращенной способности становится источником удовлетворения. В нормальном порядке вещей не только возникает особый мотив для каждой обязанности, но более или менее приятные чувства, сопровождающие действие этих мотивов, проникают в сознание. Далее, наш вывод тот, что там, где гармония была нарушена, она постепенно восстанавливается; где перемена обстоятельств расстроила способности и потребности, они медленно опять достигают согласования либо посредством переживания наиболее приспособленных, либо посредством наследственного действия употребления или неупотребления, или же обоими путями.

Этот закон, справедливый для человеческих существ, как и для других, подразумевает, что природа, наследуемая нами от нецивилизованного прошлого и все еще весьма несовершенна приспособленная к отчасти цивилизованному настоящему, если только ей предоставить простор, медленно приспособится к требованиям вполне цивилизованного будущего. Далее,

отсюда вытекает, что различные способности, вкусы, таланты, установившиеся постепенно, будут влечь за собою удовлетворение при выполнении разных обязанностей, требуемых социальной жизнью.

Уже достигнута значительная способность работать, которую не обладают дикари; уже развилась способность к упорядоченной кооперации при добровольном соглашении; достигнута и такая степень самообуздания, что большая часть людей проводит жизнь без помехи другим людям; уже таковы альтруистические интересы, сознаваемые гражданами в общественных делах, что являются усилия — индивидуальные и самопроизвольно сочетающиеся между собою, — достигающие общественных целей. Симпатии людей стали уже достаточно деятельными для того, чтобы породить многочисленные филантропические учреждения, — можно сказать даже, чересчур многочисленные. И если в течение этих нескольких тысяч лет дисциплина социальной жизни достигла так многого, то безумно предполагать, что она не в состоянии достичь большего, безумно думать, что она в конце концов не достигнет всего необходимого.

Еще одна истина не была нами высказана. Невозможно искусственным путем сделать то, что достигается естественным путем. Действительно, настоящая сущность процесса, происходящего самопроизвольно, состоит в том, что каждая способность приобретает годность для своей функции посредством выполнения этой функции; а если эта функция выполняется посредством подставного деятеля, то не является никакого требуемого приспособления природы, но природа искажается таким образом, что приспособляется к искусственным порядкам вместо естественных. Более этого: ее приходится калечить и умалять ради поддержки этих подставных деятелей. Итак, в результате получается не только никуда не годная, искаженная природа — природа, не достигающая выполнения желательных эффектов, — но ради поддержки учреждений, берущих на себя надзор, уменьшаются средства существования людей, которые подвержены этому надзору: подкапываются под их жизнь и препятствуют им приспособляться иным путем.

Еще раз позвольте мне подчеркнуть основное различие. Пока война является жизненной целью, вытекающая из нее принудительная кооперация подразумевает формирование

единиц целых агрегатом ради его целей. Но когда является преобладание добровольной кооперации, характеризующей индустриализм, то формировка должна достигаться самопринудительно посредством самоприспособления к добровольной кооперации. Едва ли здесь приспособление может быть произведено иным путем.

§ 386. И вот теперь мы наконец достигаем общего принципа, выраженного с самого начала. Все основания в пользу противодействия первичному закону общественной жизни оказываются шаткими. Нельзя достичь прочных результатов иначе, как согласуясь с этим законом. Если можно было бы заставить политика понять сущность его планов, то он остолбенел бы, поняв свою собственную дерзость. Он предлагает устранить, каким бы то ни было способом или в какой бы то ни было степени, тот процесс, посредством которого развилась вся жизнь; он желает провести бездну между поведением и его последствием. Закон жизни, в широком смысле слова, должен быть отчасти нарушен подобным планом; но, в частности, должна быть нарушена та его форма, которая вытекает из общественного состояния. Нарушая своим вмешательством принцип справедливости, общей всем живым существам, политик в особенности стремится нарушить принцип человеческой справедливости, требующий, чтобы каждый пользовался выгодами, достижимыми в надлежащих пределах деятельности; он желал бы перераспределить эти выгоды. Те результаты опыта, накопленного в каждом цивилизованном обществе, которые после записи их в законодательстве в течение веков устанавливали права людей все яснее и яснее, просто игнорируются им в том или ином случае, а права попираются. И в то время как в течение столетий господствующие общественные силы, поддерживая права людей против посягательств, в свою очередь, отказались от насилия против этих прав, — изобретатели законодательных проектов желали бы обернуть колесо назад и ослабить ту свободу деятельности, которая постоянно усиливалась. Таким образом, политика, приводя к нулю основной принцип жизни вообще и первый принцип социальной жизни в особенности, игнорирует также обобщенные результаты наблюдения и опыта, накопленные в течение тысячелетий. И все это на каком основании?

Ради известных результатов воображаемой политики, из которых каждый, как мы видим, ненадежен.

Но требуется ли какое-либо подробное опровержение? Может ли существовать бóльшая нелепость, нежели предложение улучшить социальную жизнь посредством нарушения основного закона этой жизни?!

ЧАСТЬ II

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

I | РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ АЛЬТРУИЗМА

§ 387. В одном из предыдущих трудов этой серии, а именно в «Основаниях психологии», находится отдел, посвященный доказательству того, что все интеллектуальные процессы разложимы в конце концов на распознавания сходства и несходства с умственной группировкой сходного и отделением несходного. Анализ процесса мыслительности показал нам, что этот процесс представляет собой дифференциацию в восприятии и в мысли впечатлений, производимых на нас окружающими предметами и действиями, и интеграцию серий подобных между собой впечатлений в общее понятие; в результате получается столько различных общих понятий, сколько данный частный тип мыслительности способен различить предметов, поступков или их комбинированных групп. На низших ступенях этот процесс представляет собою то, что мы можем назвать бессознательной классификацией; затем, проходя через ряд многочисленных ступеней, он поднимается до сознательной классификации — до той классификации, которую мы находим у людей науки.

Умственный процесс, посредством которого мы таким образом ежеминутно — и обыкновенно с быстротой, не поддающейся наблюдению, — классифицируем окружающие нас предметы и поступки, направляя сообразно им наше поведение, был назван некоторыми учеными, особенно профессором Бэном, «различением» (*discrimination*). Процесс мыслительности в каждом своем проявлении происходит посредством различения, и его развитие от самых низших ступеней до самых высших состояло в возрастании способности к этому различению. Достаточной причиной для такого возрастания послужило то, что во все продолжение развития жизни в ее различных формах ему благоприятствовали как практика или привычка, так и переживание способнейших: умение хорошо различать являлось средством сохранения жизни, а недостаток этого умения — причиной ее потери. Отметим несколько главных фазисов этого процесса.

Если, взглянув на небо, вы затем закроете глаза и проведете перед ними рукой, то вы сможете различить, находится ли перед вами какой-нибудь непрозрачный предмет или нет. Если вы, оставаясь пассивным, дадите кому-нибудь другому двигать перед вашими закрытыми глазами каким-либо предметом, то вы не сможете сказать, что это за предмет: рука ли, книга ли, или ком земли; вы не сможете определить, маленький ли предмет находится около вас или это предмет больших размеров, удаленный на большее расстояние. Этот опыт представляет нам пример самой меньшей степени зрительного различения, — той степени, на которой стоят низкоорганизованные существа, обладающие лишь глазными пятнами, т.е. мелкими частицами чувствительного пигмента, в котором свет вызывает известные изменения. Очевидно, что существо, обладающее лишь таким зачаточным зрением, поставлено в очень невыгодное положение: оно не может отличить затемнения, производимого водорослью, колыхающейся в той воде, в которой оно живет, от затемнения, производимого каким-нибудь проплывающим мимо существом; оно не знает, происходит ли это затемнение от маленького существа, находящегося подле, или от существа больших размеров, находящегося на более далеком расстоянии; оно не знает, безвредное ли это существо, могущее послужить в пищу, или, наоборот, хищник, которого следует избегать. Ему не хватает, таким образом, одного из средств для поддержания жизни, которой оно в силу этого может рано лишиться.

Посмотрим теперь, оставив в стороне все промежуточные ступени, какие результаты приносит с собой для травоядных животных присутствие или отсутствие способности различать одно от другого растения различного рода и качества. Внешний вид, запах или вкус может предостеречь от ядовитого растения одно животное, тогда как другое, обладающее менее тонкой восприимчивостью, съедает его и умирает. По мере развития мыслительных способностей в сознании происходит отделение одних сложных групп атрибутов от других, во многих отношениях им подобных, и результатом такого различения является переживание данного животного, как, например, тогда, когда происходит отличие смертельного аконита от безвредного шпорника.

По мере того как мы поднимаемся к существам, обладающим сравнительно большими умственными способностями, мы видим, что им приходится, под угрозой губительных последствий, различать между все более и более сложными группами атрибутов, отношений и действий. Возьмем как пример тот обыденный случай, когда форма, цвет и движения животного, находящегося на известном расстоянии, образуют в уме восприятие врага, или, наоборот, когда они различаются как обра-зующие до известной степени сходное восприятие животного безвредного: в первом случае результатом является успешное бегство, во втором — успешная охота за добычей.

§ 388. Гораздо более высокой степени различения достигают существа, способные оценивать различия не только между воспринимаемыми и находящимися перед ними предметами, но и между предметами, находящимися в понятии или представлении, т.е. между образами предметов. Некоторое слабое понятие о требующихся для этого умственных способностях дают нам иногда животные, стоящие более высоко, например собака, которая сознает в представлении различие в длине между дорогой, огибающей угол поля, и кратчайшим путем, прорезывающим это поле, и избирает последний путь. Но, вообще говоря, способность различать между воображаемыми группами предметов, свойств и отношений становится заметной только у человека, хотя и у него различение часто оказывается неудачным или вследствие неточности сделанных наблюдений, или вследствие несовершенства способности к мысленному воспроизведению того, что служило предметом наблюдения. Противоположность между аконитом и шпорником может послужить нам примером и здесь. Когда эти два растения находятся у людей перед глазами, они обыкновенно замечают, что, несмотря на сходство в величине, способе роста, глубоко разрезанных листьях, окраске цветов и т.д., растения эти различаются между собой по форме цветов; но в большинстве случаев даже собственники садов не могут, сравнивая свои представления об этих растениях, указать, в чем именно состоят их различия.

Если, таким образом, людям, обладающим средней степенью умственной выработки, не удастся установить различие между образами предметов сравнительно умеренной сложности,

то тем менее возможно для них такое различие в тех случаях, когда группы относящихся к этим предметам атрибутов, свойств и действий оказываются в высшей степени запутанными. Это бывает так в особенности в том случае, когда многие из составных элементов являются сосуществующими, а многие другие последовательными и когда, вместе с тем, группы идей, которые приходится отличать одну от другой, заключают в себе не только формы, цвета, движения, звуки и те чувства, которые предполагаются в тех, кто их производит, но также и влияние, оказываемое известным определенным образом действий, как непосредственное, так и то, которое должно обнаружиться впоследствии. В тех случаях, когда комбинации мыслей, которые приходится одновременно удерживать в уме, достигают этой степени запутанности, способность различать их между собой, если они сходны во многом, но отличаются в каком-нибудь одном существенном пункте, оказывается недостаточной даже у высокоразвитых людей. Возьмем несколько примеров.

Перед нами геометрическая задача — например, восстановить перпендикуляр к концу прямой линии. Следуя установленной рутине, обыкновенный учитель или покажет своему ученику, как разрешить эту задачу, или скажет ему, что он должен сделать для ее разрешения; в результате перпендикуляр будет восстановлен, и ученик, не особенно заинтересованный в приеме достижения этого результата, приобретет на будущее время умение восстанавливать его. Но вот другой учитель, не признающий такого механического обучения и избирающий иной метод. Его ученик, уже знакомый с решением более простых задач, которые он уже раньше разрешал собственными упорными усилиями, с интересом принимается за новую задачу и, сделав несколько различных попыток, через некоторое не особенно долгое время достигает цели. Впечатление, получаемое им при этом, довольно сильно, отчасти вследствие требовавшегося от него напряжения внимания, отчасти вследствие приятного возбуждения, доставляемого успехом. В то же время возрастают его умение и его решимость, и он становится способным к решению все более и более сложных задач. Итак, мы имеем здесь перед собой две группы действий, приобретений и чувств, во многих отношениях сходные. Задача — та же самая, метод решения — тот же самый, приобретенное знание — то же

самое, учитель, преподающий механически и не принимающий во внимание ничего, кроме этого, не видит никакого различия между обеими группами умственных процессов; он считает одинаково хорошим как учить путем указания правил, так и учить, предоставляя ученику находить решение самому.

Как пример более сложного случая, приведем инцидент, происшедший недавно с истбурнскими членами Армии спасения. Многие из горожан жаловались на то, что их процессиями предводительствуют шумливые банды, а эти пылкие христиане отвечали, что они таким образом лишь отстаивают религиозную свободу, признаваемую в настоящее время всеми. В этом именно и проявляется недостаточное различие. Люди забывают, что если в интересах религиозной свободы каждый гражданин и каждая группа граждан имеют право устраивать процессии, предписываемые их верованиями, то в интересах общей свободы индивидуальные граждане и группы их имеют право противиться нарушению мирного хода их жизни. Мы видим здесь неспособность мысленно отделить те требования религиозной свободы, которые не посягают на права других, от тех, которые нарушают эти права, причиняя другим беспокойство. И это различие между религиозной свободой и религиозным своеволием упускается из виду не только такими фанатиками, но даже и нашими законодателями (предполагая, что последние действуют искренно, а не только ищут голосов избирателей).

К этому можно прибавить еще один пример, взятый из современной нам политики, а именно отсутствие как у законодателей, так и у народа различия между влиянием нравственных предписаний на людей, природа которых им соответствует, и на людей, природа которых им не соответствует. Вот перед нами, с одной стороны, ряд правил, которые печатаются, читаются, объясняются, исполнение которых настойчиво требуется, и вот, с другой стороны, ряд детских умов, обладающих своими особыми группами идей, своей способностью к пониманию, своими группами чувств. Обыкновенно думают, что раз известные последствия наблюдаются там, где существует интеллектуальное понимание этих предписаний плюс соответствующие ему чувства, то таковы же будут последствия и там, где существует такое же интеллектуальное понимание, но минус соответствующие чувства. Люди думают, что достаточно внушить детям, что

что-нибудь хорошо, для того чтобы они поступали именно так. Люди ждут от воспитания — и даже не от воспитания, а от одного приобретения знаний, не имеющих отношения к поведению, — такого результата, как уменьшение преступности!

Таким образом, различие, служащее характерным свойством мыслительности, от самых низших до самых высших ее форм, остается, несомненно, еще очень неполным в тех случаях, когда ему подлежат не видимые предметы и действия, а умственные представления сложных агрегатов предметов, действий, чувств, причин и следствий, из которых одни принадлежат прошлому, другие — будущему. Если мы посмотрим на то усилие воображения, которое нужно для надлежащего распознавания различий в этой обширной и темной области, мы убедимся, что в социологии и в этике недостаток различения должен встречаться часто и вести к гибельным последствиям.

§ 389. Но к чему это длинное психологическое рассуждение? Заглавие настоящей главы — «Различные роды альтруизма» дает возможность предугадать ответ на этот вопрос. Очевидно, что в альтруистическом поведении существуют подразделения, которые нужно различать. Выше мы показали с помощью аналогии, что понятия об этих подразделениях, составленные из представлений о предметах, поступках, отношениях и результатах, постоянных и будущих, принадлежат к числу тех сложных вещей, которые трудно отделить друг от друга. Из этого следует, что к надлежащему различению способны лишь люди наблюдательные, обладающие критическим умом и большой способностью к умственному представлению; отсутствие же этих свойств, которое мы встречаем в большинстве случаев, порождает в результате серьезные бедствия.

В число альтруистических действий, как отличных от действий эгоистических, входят все те действия, которые или отрицательным образом — путем самоудержания, или положительным — путем затраты известных усилий ради блага других ведут к благополучию наших собратьев-людей: они включают в себя и справедливость, и благотворительность. Как мы уже видели в предыдущей части этого труда, первое из этих крупных подразделений альтруизма требует симпатического признания права других на свободную деятельность и на плоды

этой свободной деятельности; второе же требует симпатического признания прав других на помощь в получении этих продуктов их усилий и в успешном ведении их жизненных дел. В §54 я указал на то, что одного воцарения справедливости недостаточно для достижения высшей формы жизни, индивидуальной или общественной, и что к нему должно присоединиться и господство благотворительности. Вот часть моей аргументации: «Мы можем очень хорошо представить себе такое общество, которое будет составлено из людей, ведущих каждый вполне мирную, безобидную жизнь, совестливо исполняющих все свои договоры и успешно воспитывающих свое потомство, причем, однако, эти люди не будут доставлять друг другу никаких иных выгод, кроме договоренных в их обязательствах, и таким образом будут постоянно оставаться ниже той наивысшей степени жизни, которая становится возможною вследствие дарового оказывания услуг. Ежедневный опыт показывает нам, что каждому пришлось бы перенести много зол и потерять немало имущества, если бы никто никогда не оказывал ему даровой помощи. Жизнь каждого непременно пострадала бы в большей или меньшей степени, если бы ему пришлось бороться со всеми неприятными случайностями в одиночку. Далее, если бы никто не делал для своих собратьев решительно ничего, за исключением лишь того, что требуется строгим исполнением договора, то частные интересы должны бы были пострадать от отсутствия внимания к общественным интересам. Следовательно, предел развития поведения не может считаться достигнутым до тех пор, пока, кроме избегания прямого и косвенного вреда другим, не существует еще и добровольных усилий для споспешествования благополучию других».

В течение всего прошлого времени это первое различие между двумя подразделениями альтруизма постепенно становилось все более и более ясным, и недавнее время выработало достаточное различие между справедливостью и великодушием. Но несмотря на это перемены, происходящие в наше время, снова смешивают между собой эти понятия. Всеобщее разрушение, посредством которого уничтожается старый порядок вещей и водворяется новый, приносит с собой разрушение старых понятий; среди них есть много неправильных, но есть и правильные. К числу последних принадлежит различие

между справедливостью и благотворительностью. И те многочисленные люди, которые с нетерпением ожидают, чтобы им делали добро, и те немногочисленные, которые стремятся делать его, сходятся в том, что на практике не обращают никакого внимания на демаркационную линию между тем, чего можно требовать по праву, и тем, что следует принимать как благодеяние; когда же таким образом стусевывается различие между тем и другим, то исчезает и разделение между средствами, годными для одного, и средствами, годными для другого. Чересчур горячая, скорая на критику филантропия разрушает посредством беспорядочного законодательства нормальную связь между поведением и его последствиями; и вот теперь, когда замана справедливости великодушием повела к перераспределению благ независимо от заслуг, мы приходим к такому положению вещей, руководящее правило которого можно формулировать словами: будешь ли ты стоять высоко или низко — результаты для тебя будут одни и те же.

§ 390. Между двумя главными категориями альтруизма — справедливостью и благотворительностью — должно быть установлено то различие, что одно из них необходимо для поддержания общественного равновесия и поэтому относится к области общественной, другое же для поддержания такого равновесия не необходимо, а, следовательно, относится лишь к области частной. Посмотрим, почему именно должно быть установлено такое различие.

Мы видели, что справедливость в своей первобытной форме — в той форме, в которой она встречается вообще в животном царстве, — требует, чтобы каждое существо несло на себе все последствия своего поведения, и среди животных необщественных этот закон прилагается без всяких ограничений.

Затем, по мере развития общественности, в особенности же когда эта общественность достигает той степени, которую мы видим в человечестве, возникает еще и другое требование. Отношение между поведением и его последствиями должно, как и прежде, поддерживаться так, чтобы испытывание на опыте результатов известных действий оказывало на эти действия задерживающее влияние; но вместе с тем эти действия должны ограничиваться и таким образом, чтобы помешать

столкновениям каждого из граждан со всеми остальными выходить за пределы, необходимые для поддержания общественного состояния.

Но, как уже было показано в приведенной выше цитате, для того, чтобы индивидуальная и общественная жизнь могла достигнуть своей высшей формы, требуется исполнение еще и другого, вторичного закона, а именно того, чтобы рядом с обменом услуг в силу договора существовали и услуги, оказываемые вне всякого договора. Требования справедливости должны дополняться внушениями добрых чувств.

Здесь мы подходим к истине, на которую слегка указывали и раньше и на которой теперь должны остановиться, а именно что в гармонической общественной кооперации первичный закон не должен нарушаться в пользу вторичного и что поэтому проведение в жизнь справедливости должно быть делом общественным, а проявления благотворительности — делом частным. Одной минуты размышления достаточно, чтобы убедиться в очевидности этого.

Благотворительность, практикуемая обществом при помощи его коллективных сил, должна непременно состоять в том, чтобы брать у одних лиц продукты их деятельности и отдавать их другим, деятельность которых не доставила им нужного довольства. Если общество прибегает для этого к силе, оно нарушает нормальное отношение между поведением и его последствиями как по отношению к тем, у которых берут собственность, так и по отношению к тем, которым ее отдают. Справедливость, в том смысле, как мы определили ее на предыдущих страницах, оказывается нарушенной; принцип гармонической общественной кооперации остается в пренебрежении, а такое нарушение и такое пренебрежение, если они зайдут далеко, должны повлечь за собой различные бедствия. Таких бедствий может быть три, и мы рассмотрим каждое из них в отдельности.

§ 391. Раз для того, чтобы доставить людям, стоящим на более низком уровне, блага, которых они сами не приобрели, нужно отнять у людей, стоящих более высоко, блага, приобретенные ими, и раз этот процесс идет так далеко, что приводит к равенству между положением тех и других, то в результате не оказывается никаких побудительных мотивов для достижения более

высокого уровня. Но уже задолго до наступления этого крайнего момента трудолюбивые люди должны все более и более терять энергию при виде того, как продукты их труда уходят от них; вследствие этого среди этих лучших граждан должно расти недовольство, понемногу ведущее к революции. В результате общество идет по пути к уменьшению благосостояния и ослаблению прочности.

Другой результат — это медленное физическое и умственное вырождение. Если неразборчивая филантропия силой отнимает у лучших их средства к существованию для того, чтобы облегчить жизнь худшим, то лучшие, большинство которых и так обладает недостаточными средствами для хорошего воспитания своих детей, лишаются и этих средств, тогда как жизнь детей худших соответственно искусственно поддерживается. Общий упадок должен явиться последствием такого положения вещей.

Нам остается упомянуть еще об одной категории последствий, настолько же или даже более губельных. Если такая политика упорно проводится в жизнь, она ведет к коммунизму и анархизму. Если общество в своей коллективной силе принимает благотворительность как свою функцию; если низшие на основании и словесных проповедей, и примеров начинают думать, что на обязанности государства лежит не только обеспечение им возможности беспрепятственно стремиться к счастью, но и доставление средств для достижения этого счастья, то среди бедного населения, особенно среди наименее достойных, окончательно вырабатывается тот взгляд, что если им не хорошо живется, то в этом виновато правительство. Они приписывают свои бедствия не собственной лени и дурному поведению, а негодности общества, не исполняющего по отношению к ним своих обязанностей. Что же выходит из этого? Во-первых, среди массы распространяется теория, что общественное устройство должно быть преобразовано в самом своем основании так, чтобы все получали равные доли продуктов труда, т.е. чтобы исчезли все различия в вознаграждении, вытекающие из различий в заслугах; это ведет к коммунизму. Затем, среди самых худших, раздраженных тем, что их дурная жизнь не приносит им всех тех хороших вещей, в которых они нуждаются, развивается учение о том, что общество должно быть разрушено,

что каждый человек может брать все, что он захочет, и «уничтожать», как говорил Равашоль, всякого, кто стоит ему на пути. Это ведет к анархизму, это возвращение к ничем не ограниченной борьбе за существование, подобной той, которая происходит у диких зверей.

Таковы конечные результаты отсутствия различия между справедливостью и благотворительностью и между годными для той и другой средствами.

§ 392. Мы подходим теперь к вопросу, который, несомненно, существует в смутной форме в умах многих, и правильный ответ на который служит еще иным путем к разъяснению существующей спутанности понятий. Я поставлю этот вопрос в форме, наиболее благоприятной для тех, чьи иллюзии я намереваюсь рассеять.

«Вы говорите, что справедливость в ее первобытной форме требует, чтобы каждое существо несло на себе результаты своей природы и вытекающего из нее поведения. Относительно человеческой справедливости вы говорите, однако, что если она и продолжает требовать, чтобы всякое действие приносило свои естественные последствия, то вместе с тем эти действия должны быть ограничены таким образом, чтобы не приходиться в столкновение с такими же ограниченными действиями других. Из этого очевидно следует, что в то время как в царстве справедливости диких зверей каждый индивидуум извлекает выгоду из своих сил, даже причиняя вред и принося гибель не только своей добыче, но и своим соперникам, в царстве справедливости человеческой он этого делать не может — наносить вред своим соперникам ему запрещено. Что же происходит? Находясь под защитой общества как целого, низшие члены его получают полную возможность деятельности и доступ ко всем выгодам, что было бы для них невозможно, если бы высшие пользовались своим превосходством без всякого контроля. Но в таком случае раз царство человеческой справедливости разовьется до еще более высокой формы, то не окажутся ли низшие, отчасти оберегаемые таким образом от последствий своего более низкого уровня, гарантированными от этих последствий еще больше, и не сравняются ли они в конце концов с высшими не только в том отношении, что за ними останутся их сферы

деятельности, но и в отношении выгод, извлекаемых из деятельности в этих сферах?»

Нет сомнения — и я уже признал это в другом месте, — что с известной точки зрения может показаться несправедливым предоставлять низшим страдать от зол, причиняемых их низким уровнем, за который они не ответственны. Природа, в которой борьба за существование ведется повсюду с такой неуклонной строгостью, что по отношению к ней сделалось возможным такое обобщение, как «закон убийства есть закон развития», не обращает внимания на жалобы слабых даже в пределах обеспечения им справедливых условий борьбы; если же мы признаем, что в человеческом обществе суровость природы должна быть смягчена искусственным обеспечением справедливых условий борьбы для низших, то почему бы не смягчить ее еще больше и не спасти их от всех тех бедственных последствий их низкого уровня, которые могут быть устранены искусственным путем?

Но здесь мы расходимся. Именно здесь мы видим, как необходимо различие между сложными понятиями и как важно признание разницы между справедливостью и благотворительностью и связанной с этим разницы между приемами, свойственными той и другой. Допуская, что жестокая дисциплина справедливости животного мира, результатом которой является переживание способнейших, должна значительно смягчаться в человеческом обществе не только под влиянием того, что мы называем человеческой справедливостью, но и того, что мы называем благотворительностью, мы должны вместе с тем настоятельно указывать на то, что в то время как первая должна быть обязательной, вторая должна быть предоставлена добровольной деятельности каждого. Но если мы не возлагаем на государство обязанности стремиться к достижению обеих этих целей, то мы ни в каком случае не хотим этим сказать, что вторая из них вовсе не должна быть достигнута: мы хотим сказать только, что путь ее достижения должен быть иной. Мы признаем, что бедствия, причиняемые людям их низким уровнем, должны подлежать смягчению и тем и другим путем, но мы утверждаем, что в то время как смягчение первого рода должно иметь общественный и общий характер, смягчение второго рода должно иметь характер частный и специальный, потому что, как мы уже видели, первичный закон гармонической кооперации

не должен нарушаться ради исполнения вторичного ее закона: серьезные бедствия являются результатом сколько-нибудь значительного нарушения его.

§ 393. В пользу такого разграничения, требуемого заботой о прочности, благосостоянии и здоровье общества, можно привести еще один довод. Только благодаря ему может сохраниться взаимная польза благотворительности, «являющейся благословением и для того, кто дает, и для того, кто получает». Если добровольная помощь со стороны некоторых из высших ведет к смягчению какого-нибудь из зол, навлекаемых на низших их неспособностью или другими их недостатками, то эти высшие становятся лучше вследствие упражнения их чувства симпатии; если же такое смягчение производится силой, путем отнятия нужных средств у высших, то этот нравственный результат не достигается: часто в результате, наоборот, является деморализация и возбуждаются дурные чувства. Поэт говорит, что «нельзя насилловать милосердие», но точно так же нельзя насилловать и благотворительность вообще. Если ее насилуют, она перестает быть благотворительностью.

Соответственная разница обнаруживается и в последствиях для людей, пользующихся помощью. Добрые поступки, совершаемые добровольно, обыкновенно возбуждают в них чувства благодарности и привязанности, и общество, имеющее в своей среде благодетельствуемых и благодетелей, связанных такими отношениями, не только благоприятствует упражнению чувств как людей, стоящих ниже, так и людей, стоящих выше, но и может установить в своей среде большую связность и прочность.

§ 394. Определив, может быть, даже с слишком большой тщательностью, различие между первичным альтруизмом, который мы называем справедливостью, и вторичным, который мы называем благотворительностью, и остановившись на необходимости такого различения, мы можем теперь перейти к различным родам благотворительности. Прежде всего сгруппируем их в несколько категорий.

Мы находим, во-первых, тот вид благотворительного поведения, который характеризуется пассивностью на деле или на словах, при условиях, когда активное отношение могло бы

доставить эгоистическую выгоду или удовольствие. Многие формы самообуздания, которые обыкновенно не включаются в число требуемых этикой, должны были бы, однако, рассматриваться именно как таковые; здесь мы должны отметить и рассмотреть их. Прежде всего нам предстоит заняться теми из них, которые подходят под общую рубрику «отрицательной благотворительности».

После этого мы рассмотрим те виды действий, которые являются единственными, входящими в обычное понятие благотворительности, но которые мы обозначаем здесь под именем «положительной благотворительности». Под эту рубрику подходят все те действия, которые предполагают принесение в жертву чего-либо, принадлежащего человеку или могущего ему принадлежать, в пользу другого или других; это может быть или принесение в жертву силы, которая иначе могла бы быть сбережена, или принесение в жертву продуктов, полученных человеком от его деятельности, или продуктов, которые он ожидает получить от усилий, затраченных в прошлом. Во всех этих случаях происходит непосредственная потеря удовольствия или средств к его достижению, хотя эта потеря и может вознаграждаться непосредственным или более отдаленным образом удовольствием по симпатии.

Прибавим, для дополнения этих предварительных замечаний, что обе эти группы подлежат еще одной, перекрестной классификации. Наиболее видимые, хотя и не самые обычные виды благотворительных действий, как положительных, так и отрицательных, это те, которые проявляются по отношению к лицам, стоящим ниже нас, или несчастным, или соединяющим в себе и то и другое. Но есть другие благотворительные действия, обыкновенно мелкие, но очень многочисленные, которые ведут к благу людей, не стоящих ниже нас и не несчастных, — действия, которые увеличивают наслаждения окружающих и повышают уровень общего счастья.

Говоря об этих делениях и подразделениях благотворительности в указанном здесь порядке, мы будем рассматривать три категории их последствий: 1) их обратное действие на благотворителя, на его близких и на всех тех, кто имеет на него права; 2) ближайшие последствия их для того, кто пользуется благотворительностью, в смысле увеличения его удовольствия или

уменьшения его страдания, и отдаленные последствия для него, в смысле того или иного изменения его характера, и 3) последствия для общества в целом, в смысле влияния на его прочность, на его благосостояние, как ближайшее, так и более отдаленное.

II | ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ КОНКУРЕНЦИИ

§ 395. Помимо тех пределов, которые ставятся действиям личностей функциями государства, люди должны ставить себе сами еще и другие пределы, требуемые чувством симпатии к своим борющимся согражданам. Жизненная борьба, ведущаяся посредством конкуренции даже в границах, определенных законом, может отличаться такой же безжалостностью, как и жизненная борьба, прибегающая к силе, и каждый гражданин, хотя на него не должно возлагаться в этом отношении никаких внешних ограничений, должен, однако, сам внутренне ограничивать себя.

Среди людей, соперничающих друг с другом на одном и том же поприще, должно всегда встречаться известное число более способных и большинство — менее способных. Строгая справедливость позволяет более способным извлекать из своих способностей все возможные выгоды; если же помимо своего собственного содержания они должны еще содержать свою семью и удовлетворять разным другим требованиям, то санкции строгой справедливости здесь достаточно. Обыкновенно общество извлекает непосредственную выгоду из развития этих высших способностей; кроме того, деятельно поощряя лучших из таких членов и их потомства, оно обеспечивает себе выгоды и в будущем.

В этих случаях — а именно такие случаи представляет нам огромное большинство современного общества, состоящее главным образом из физических работников, — справедливость должна лишь в незначительной мере смягчаться благотворительностью.

§ 396. Множество рабочих в наше время отрицают это положение и утверждают противное. Среди тред-юнионистов и социалистов, как вожаков, так и рядовых, господствует теперь убеж-

дение — и при этом всякое другое убеждение с негодованием отвергается, — что каждый отдельный рабочий не имеет права налагать своей конкуренцией каких бы то ни было стеснений на своего собрата. Человек, который берется работать поштучно за более низкую плату, или другой, и которому удастся благодаря долгой и усидчивой работе получить сумму, почти вдвое большую той, которую он получил бы как поденную плату, подвергается осуждению как человек «беспринципный»! В наше время считается, что он не имеет права извлекать выгоду из своих больших способностей и большей энергии, даже если его побуждает к этому ответственность, связанная с большой семьей, и желание хорошо воспитать своих детей: вот до какой степени извратили наши «передовые» люди старые понятия о долге и о заслугах.

Их аргумент, очевидно, заключается в том, что человек, который таким образом «превосходит» своих братьев-рабочих и зарабатывает больше, чем они, уменьшает соответственно спрос на труд тех, которые иначе нашли бы себе работу; кроме того, они говорят, что, исполняя данную работу с меньшими затратами для хозяина, он понижает уровень заработной платы, а с точки зрения этих неоекономистов, ставших в настоящее время такими крикливыми, и то и другое составляет абсолютное зло.

Как почти все мыслители, занимающиеся социальными и политическими вопросами, они имеют при этом в виду исключительно ближайший результат. Они обращают внимание только на работу и заработную плату, не заботясь ни о количестве продуктов, ни о связанной с этим цене их, ни о благе потребителей. Рабочие и ремесленники рассматриваются ими исключительно как заинтересованные в получении высокой платы и никогда не считаются заинтересованными в приобретении дешевых товаров; они, по-видимому, не имеют понятия о том, что выигрыш на первом может повести к потере на втором. Распространяясь о тяжелом положении тех, кого более дешевая поштучная работа лишает более дорогой поденной работы, они игнорируют как посторонний тот факт, что предмет, производство которого сопряжено с меньшими издержками, может продаваться по более низкой цене и что все ремесленники и рабочие получают от этого соответственную выгоду в качестве

потребителей. Они забывают, кроме того, что рабочие, потерявшие таким образом работу, через некоторое время становятся полезными в других отраслях производства, отчего общество как целое, включающее в себя всех других рабочих, выигрывает.

В сущности, мы имеем здесь лишь новую форму старого протеста против машин, на которые люди, непосредственно затронутые ими, жаловались, что машины лишают их средств к существованию. Как в человеческой машине, так и в машине, сделанной из дерева и железа, всякое усовершенствование ведет к экономии и делает ненужным тот труд, который требовался раньше; если же мы порицаем то изменение, которое производит в человеческой машине поштучная работа и получение большего заработка благодаря усиленному труду, вследствие того что этим вытесняется труд других, то точно так же следует порицать и всякое приложение машин, которое служило с самого начала для облегчения производства. Нужно называть беспринципным того, кто заменил заступ плугом, прялку — прядильной машиной, кто ввел в употребление паровые насосы вместо ручных, благодаря кому локомотивы железных дорог обогнали едущих по дороге лошадей. Будем ли мы иметь дело с живыми агентами производства или с мертвыми орудиями, которыми они пользуются, — это все равно; всякое более экономное устройство в конце концов понижает цены и ведет к благу людей вообще. Так называемый беспринципный человек приносит пользу человечеству, хотя и навлекает временное зло на незначительное число людей — что, в сущности, неизбежно связано со всяким улучшением.

Нам остается указать на удивительное извращение мыслей и чувств, являющееся результатом этой социалистической, тред-юнионистской идеи. Если люди, стоящие выше по своему уменью или энергии, извлекают пользу из своего превосходства, то они считаются «беспринципными»; если же низшие получают выгоду, мешая делать это высшим, то это, по-видимому, не считается с их стороны беспринципным. Если в каком-нибудь занятии большинство, состоящее из менее способных, настаивает на том, чтобы меньшинство более способных не получало большей платы и не дискредитировало их, работая больше или лучше, чем они, то нет сомнения, что это большинство, эти менее способные делают это ради своей собственной выгоды.

Требую равной платы как для более, так и для менее искусных, они обеспечивают себе более высокую плату, чем могли бы получить, если бы в плате были установлены различия; точно так же, отклоняя более острую конкуренцию со стороны искусных рабочих, они избегают того напряжения сил, которое иначе потребовалось бы от них: и в том и в другом случае большинство доставляет себе выгоду в ущерб меньшинству. Если же мы будем прилагать эпитет «непринципиальный» разумно, то мы должны приложить его и к людям, поступающим таким образом, потому что человек с высокими принципами не захочет приобретать выгоду, связывая руки другим. Если бы люди, составляющие большинство, люди, стоящие ниже, были добросовестными в настоящем смысле слова, им бы никогда не пришлось в голову требовать, чтобы меньшинство высших уменьшало свой заработок, не трата имеющихся у него сил, а еще менее пришлось бы им в голову извлекать из этого выгоду. Наоборот, каждый из них, как бы он ни жалел о сравнительно низком уровне своих способностей и как бы ни желал обладать такими же способностями, какими обладают немногие, более одаренные природой, постарался бы распорядиться возможно лучше своими менее значительными способностями и не только не требовал бы для себя тех выгод, которые доставляют другим их более высокие способности, но, наоборот, никогда не захотел бы получить их; он категорически отказался бы от всякой выгоды, помимо тех, которые приносит ему его собственная природа, и был бы доволен, если люди более одаренные доставляют тем, кто обладает менее счастливой организацией, выгоды не материальные, а нравственные. Таков действительно принципиальный человек; человек же беспринципный — это тот, кто поступает обратно.

Поступая, таким образом, под влиянием чувства справедливости, человек высокопринципиальный будет в то же время руководиться и заботой о будущности расы. Если он обладает в должной степени свойственной людям способностью «смотреть в прошедшее и в будущее», то он видит, что общество, которое будет руководиться принципом «тебе будет одинаково хорошо, будешь ли ты стоять на высоком или на низком уровне», неизбежно подвергнется вырождению и после продолжительных бедствий вымрет.

§ 397. Но если от работающей части какой-нибудь промышленной организации мы перейдем к ее регулирующей части, то мы вступим в сферу, где требуется иногда некоторое ограничение деятельности во имя благотворительности. Выгода, доставляемая ремесленнику его превосходством над своими товарищами, сравнительно мала, а потому присвоение ее может быть допущено без всяких ограничений; наоборот, выгода, доставляемая директору, управляющему трудом многих ремесленников, его превосходством над другими такими же директорами, может сделаться очень значительной и послужить в его руках к разорению других конкурентов, если его не будет ограничивать чувство симпатии. Обыкновенно считают, что до тех пор, пока он прямо или косвенно не нарушает закона, такой человек имеет право доводить до крайности это пользование своим превосходством; в этом обнаруживается, однако, незрелость его этического сознания.

Несколько лет тому назад в Нью-Йорке жил один человек, по фамилии Стюарт, приобретший своей широко поставленной оптовой и розничной торговлей колоссальное состояние. Его обычный прием заключался в том, чтобы внезапно понижать свои цены на какую-нибудь категорию продуктов до слишком низкого уровня, нанося таким образом серьезный вред, если не более, многочисленным мелким торговцам и создавая сильные затруднения, если не опасность разорения, для более крупных. Другой прием состоял в том, чтобы с дружескими, по-видимому, намерениями поощрять какого-нибудь фабриканта и оказывать ему помощь, а затем, когда он сильно задолжается, нагрянуть на него с требованием немедленной уплаты и, в случае если он не может тотчас же заплатить, продать его товары и часто самому же скупить их.

Такую войну между конкурентами можно не без основания назвать коммерческим убийством, и если мы будем судить о ее гнусности по причиняемому ей страданию, то ее можно будет признать худшей, чем убийство в собственном смысле слова, так как сумма страданий, причиняемых разоренным и их семьям, больше той, которую причиняет и самим жертвам, и другим людям целый ряд убийств.

Такое полное отсутствие отрицательной благотворительности подлежит осуждению не только в силу непосредственно

причиняемого им большого зла, но также и во имя интересов общества, которое, таким образом, лишается тех выгод, которые приносит с собой конкуренция, идущая нормальным порядком. В самом деле, хотя публика выигрывает, если конкуренты оказываются вынужденными продавать по не вознаграждающим их ценам, но зато впоследствии, когда эти конкуренты погибают и на практике устанавливается монополия, начинается такой подъем цен, который более чем пополняет прежние убытки и от которого публика сильно страдает. Короче говоря, эти формы конкуренции служат к уничтожению самой конкуренции.

Кроме того, как мы увидим ниже, в другой главе, и сам поступающий таким образом промышленник вместе со своими близкими в конце концов терпят косвенный ущерб, так как переходят к жизни более низкого типа, сравнительно с жизнью, которую они вели бы иначе.

В подобных случаях мы можем признать, что народное изречение «живи и жить давай другим» заключает в себе истину. Каждый, кому большой капитал или превосходство деловых способностей дает возможность побивать других людей, занимающихся тем же делом, обязан, во имя принципа отрицательной благотворительности, ограничивать свою деятельность, как только его нужды и нужды людей ему близких вполне достаточно удовлетворены, чтобы дать возможность другим людям, занимающимся тем же, также удовлетворять свои нужды, хотя и в меньшей мере.

§ 398. Что можно сказать в этом отношении о конкуренции между людьми свободных профессий, особенно между врачами и адвокатами?

Если известный врач дает советы всем обращающимся к нему пациентам, в том числе и тем, которые оставили ради него тех врачей, к каким обращались раньше, то его нельзя порицать за это даже в том случае, если он и без того имеет совершенно достаточный доход. В самом деле, если его репутация заслуженна, то, давая совет, за которым к нему обращаются, он уменьшает страдания других и, может быть, даже спасает им жизнь. Точно так же можно с полной справедливостью сказать, что он поступает правильно, если возвышает требуемый им гонорар. Если бы

он не уменьшал таким образом числа своих пациентов, то это повело бы к двум вредным последствиям: их было бы так много, что ни одному из них нельзя было бы уделить должного внимания, а вместе с тем его собственное здоровье скоро настолько расстроилось бы, что он потерял бы способность продолжать свое дело. Но отрицательная благотворительность имеет право требовать, чтобы он посылал к своим сотоварищам тех пациентов, которые страдают болезнями обыкновенными или такими, относительно лечения которых не может быть сомнения.

Переходя от кабинета врача к судебным учреждениям, мы встречаемся со случаями, где профессиональная конкуренция должна быть ограничена не только во имя отрицательной благотворительности, но и справедливости. Система, при которой адвокату платят вперед за услуги, которые он, может быть, окажет, а может быть, и не окажет, смотря как случится, и вместе с тем обращаются к другому, менее известному адвокату и платят ему за то, чтобы он исполнил дело первого, в случае если тот не явится, система, заключающаяся в каком-то *quasi* договоре, в котором одна сторона (та, которая платит) принимает на себя обязательство, между тем как другая (та, которая работает) этого не делает, — такая система очевидно дурна. Тем не менее говорят, что воздерживаться от принятия на себя некоторых дел на основании соображений, касающихся или справедливости требований клиента, или интересов конкурентов, — невозможно на практике; что в адвокатуре человек или должен принимать все представляющиеся ему дела, или потерять практику. Однако до тех пор, пока в подтверждение того, что таковы именно *были бы* результаты, нам не покажут, что таковы именно они *были*, мы имеем право сомневаться в справедливости этой постоянно повторяемой мысли. Она основывается на уверенности в том, что человек, который настолько добросовестен, что не берет на себя больше работы, чем может удовлетворительно исполнить, или отказывается от дел ради того, чтобы предоставить их своим товарищам, должен непременно потерять все свои дела. А между тем, если человек, который таким образом ограничивает число своих клиентов, будет отказываться обыкновенно от тех дел, которые кажутся ему несправедливыми, одно его появление уже будет всегда служить предварительной гарантией справедливости дела и оказывать сильное влияние

на суд; трудно поэтому видеть, каким образом при таких условиях, вызывающих усиленное желание пользоваться его услугами, спрос на эти услуги может упасть ниже, чем он бы хотел.

В этом случае отрицательная благотворительность, заставляющая отказываться от дел в пользу других конкурентов, идет, очевидно, рука об руку со справедливостью, требующей, чтобы вознаграждение получалось только после того, как услуга уже оказана, и с общественной пользой, вытекающей из того, что хорошие дела защищаются хорошими адвокатами. Мало того, здесь проявляется и та нормальная забота о себе самом, которая запрещает чрезмерный труд.

§ 399. Существует еще одна форма конкуренции, которую нам остается рассмотреть, хотя сделать это удовлетворительно и представляется трудным. Я имею в виду конкуренцию между человеком, который облегчил своим открытием или изобретением какой-нибудь род производства, и теми, которые продолжают вести его прежними способами.

В этом случае если он продает по более низким ценам, чем другие, то это является не следствием желания удалить их от дел, а побочным результатом приносимой обществу пользы. Как уже было сказано выше (§306), в этом случае он совершает новое завоевание природы и, отдавая большую часть получаемой выгоды обществу — как это неизбежно бывает, — имеет право удержать для себя несколько больше, чем можно получить при ведении производства старыми способами. Здесь опять является вопрос: как далеко может идти пользование этими выгодами? Не должна ли отрицательная благотворительность удерживать его от того, чтобы разорять своих конкурентов, продавая слишком дешево? На это можно ответить, что если он не будет решительным образом продавать дешевле их, он не доставит публике той выгоды, которую может доставить; ради немногих, он будет пренебрегать многими.

Есть, по-видимому, только один способ, которым он может, сообразуясь с благосостоянием общества и отстаивая свои права на справедливо приобретенное вознаграждение, в то же время проявить должное внимание к тем, чьи предприятия по необходимости уменьшаются или уничтожаются благодаря ему. Он может или предложить им пользоваться его усовершенствованием

за некоторое умеренное вознаграждение, или же сделать их агентами для продажи своего продукта, давая им и в том и в другом случае большое преимущество перед другими, которые хотели бы стать в такое же положение, и таким образом уменьшая, если даже и не совершенно уничтожая, наносимый им вред.

§ 400. Нет надобности приводить здесь дальнейших примеров действия отрицательной благотворительности в смысле ограничения конкуренции, присоединяющегося к тому ограничению ее, которого требует справедливость. При населении, постоянно нуждающемся в средствах к существованию, при борьбе за достижение высшего положения, которое дает, между прочим, возможность лучше воспитывать детей, должно встречаться множество случаев, где природные способности, окружающие условия или случайные обстоятельства дают одним людям большие преимущества перед другими, занимающимися тем же делом. Как далеко может идти пользование этими преимуществами — это дело индивидуального решения, на которое чувство симпатии должно оказывать надлежащее влияние.

Воздержание от некоторых видов деятельности, являющихся и законными, и выгодными, может оказаться полезным для конкурентов; вопрос же, следует ли приносить им эту пользу, должен решаться на основании соображений о том, не удовлетворены ли уже в достаточной мере собственные потребности и потребности близких людей и не велит ли благо как других конкурентов, так и благо общества в целом, отказаться от дальнейших выгод.

III | ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

§ 401. Нельзя порицать общество за то, что оно своей коллективной силой принуждает к буквальному исполнению договоров; чаще даже приходится порицать его за то, что оно этого не делает, а, наоборот, сознательно поддерживает их нарушение или даже само их нарушает; так, например, бывает в тех случаях, когда дома какой-нибудь улицы были наняты по высокой цене благодаря тому, что по этой улице мало ездят, а общество позволяет обратить спокойную улицу в шумную проезжую дорогу, или когда, утвердив парламентским путем на определенных условиях известные права за покупателями задолженных имений, оно затем изменяет эти условия путем новых законов, или, наконец, тогда, когда общество допускает, чтобы имущественный договор, заключенный между собой членами какого-нибудь общества с определенной целью, распространился, раз только на это согласны две трети этих членов, на какие-нибудь другие цели.

Договор должен поэтому, строго исполняться, и закон должен его поддерживать — за исключением тех случаев, на которые мы уже указывали, а именно когда человек берет на себя обязательство, исполнение которого для него невозможно. Эта необходимость строгого требования исполнения договоров станет нам очевидной, когда мы обратим внимание на то, что если снисходительное отношение к нарушителям поведет и в судебных учреждениях к привычке вносить в это некоторые смягчения, то люди скоро начнут рассчитывать на это снисхождение и станут необдуманно заключать договоры в надежде, что в случае нарушения их особенно дурные последствия этого будут устранены.

Но если ослаблять обязательность договоров или смягчать их дурные последствия не дело государства, зато лицам, вступающим между собой в договор, предоставляется добровольно вносить изменения в его выполнение. Отрицательная благотворительность может и здесь требовать полного или частичного отказа от той или иной незаслуженной выгоды, на которую

договор, понятый буквально, дает право. Многочисленные примеры безжалостного соблюдения договоров и недобросовестное пренебрежение к правам, возникшим во время функционирования их, мы находим в отношениях поземельных собственников к арендаторам, особенно в Ирландии. Нередко случается, что если бесплодная, каменистая или болотистая местность, взятая в аренду на короткий срок и по низкой арендной плате, исправляется благодаря упорному труду и приобретает, сделавшись таким образом плодородной, некоторую ценность, собственник предлагает трудолюбивому арендатору выбирать одно из двух: или отдать свою землю ему по истечении срока аренды, или платить арендную плату, значительно повышенную, пропорциональную той возросшей ценности, которую придал земле его собственный труд. Закон здесь ничего не может сделать, так как заключенный договор не исключает по своему характеру возможности такого печального результата; но если собственником руководит в достаточной мере чувство отрицательной благотворительности, он воздержится от того, чтобы пользоваться положением своего арендатора, так как увидит, что в этом случае то, что мы считаем отрицательной благотворительностью, требует лишь соблюдения естественной справедливости как отличной от справедливости легальной.

Подобные же случаи встречаем мы там, где, как, например, у скайских огородников, договор, номинально свободный, не является таковым в действительности, вследствие того что отсутствие конкурентов дает местному помещику неограниченную власть ставить какие угодно условия, а эти люди, имеющие лишь незначительный выбор занятий или даже не имеющие никакого выбора и слишком бедные для того, чтобы эмигрировать, оказываются вынуждены или принять его условия, или умирать с голода. В таком случае, когда условий справедливого обмена не существует, соображения отрицательной благотворительности должны занять место соображений справедливости, ставших недействительными. От собственника требуется здесь, чтобы он воздержался от таких действий, которые не входят в число воспрещаемых технически формулированной справедливостью.

Бывают и другие случаи, более обычные, когда симпатия требует — и часто достигает этого, — чтобы исполнение договора требовалось лишь отчасти. В последние годы застоя в зем-

ледели были многочисленные примеры добровольного отсрочивания получения арендной платы под влиянием побуждений отрицательной благотворительности. Некоторые землевладельцы возвращали своим арендаторам часть условленной ренты в тех случаях, когда плохой урожай разорял их до такой степени, какой нельзя было ожидать при заключении арендного договора.

§ 402. В отношениях между деловыми людьми часто встречаются подобные случаи — случаи, когда согласование заботы о своих собственных интересах с заботой об интересах других ведет к воздержанию от таких действий, которых строгая справедливость не воспрещает. Возьмем три таких примера.

Вот, например, скотовод, которому после долгой засухи нечем кормить свой многочисленный скот и который, ввиду того что в подобном же положении находятся и другие скотоводы, не может продать этот скот иначе, как с большой потерей; вот, с другой стороны, его сосед, которому удалось сберечь большие стога сена. Что делать этому соседу? Если он доведет соображения о своей выгоде до крайности, он или принудит несчастного скотовода понести огромные убытки, продав свой скот, или разорит его на целые годы, заставив сделать громадный расход на корм для скота. Очевидно, что отрицательная благотворительность заставит его умерить свои требования.

Другим примером может нам послужить предприниматель, взявший на себя какую-нибудь обширную работу на условиях, долженствующих, по-видимому, обеспечить ему не более как приличное вознаграждение, принимая во внимание различные обычные случайности, которые могут представиться, — например, трудности при проведении железной дороги или постройке туннеля в милю или две длиной. При заключении договора никто не подозревал, что в горе, через которую должен быть прорезан туннель, заключается большая масса траппа. Предприниматель ожидал встретить землю, которую можно копать, а вместо того видит скалу, которую приходится взрывать. Что же произойдет? Если он не обладает большим капиталом, точное исполнение контракта разорит его, и даже в случае если он богат, эта работа принесет ему вместо выгод большие потери. Мы можем сказать, что даже простая справедливость, если принимать ее не

как сформулированную в законе, а как разумно понятую, требует здесь некоторого смягчения условий, ввиду того, что целью контракта был обмен услуг, а тем более требует такого смягчения отрицательная благотворительность, т.е. воздержание от известного способа действия, хотя он и дозволяется законом. Но такая отрицательная благотворительность, очевидно, должна проявляться лишь тогда, когда несчастная случайность такова, что сильно выходит за пределы разумного предвидения.

Под давлением промышленного кризиса какой-нибудь торговец должен немедленно уплатить по векселю, которому наступает срок, а между тем не имеет больше кредита в своем банке. Он обращается к другому, обладающему сбереженным капиталом, чтобы сделать у него заем под обеспечение его товара. Заимодавец может оказаться при заключении сделки снисходительным или безжалостным. Он может удовольствоваться получением от нее умеренной выгоды, а может, пользуясь нуждой другого, согласиться только на таких условиях, которые поведут к огромным убыткам и, может быть, к банкротству. Здесь мы видим опять обстоятельства, когда самовоздержание может проявиться под влиянием симпатии.

В случаях, подобных рассмотренным нами, настаивание на разорительных и суровых условиях, правда, не может быть включено в категорию несправедливых поступков, так как договор является добровольным с обеих сторон; тем не менее мы должны признать за истину, что требования отрицательной благотворительности являются в таких случаях почти столь же строгими, как требования справедливости. Хотя и в первом, и в последнем из этих примеров вырезывание фунта мяса не входит в первоначальный договор, однако оно является следствием договора, из которого практически нет выхода; в обоих этих случаях, если довести исполнение его до конца, жертва истечет кровью.

Прибавим, что беззастенчивое требование исполнения некоторых сделок, которых не запрещает строгая справедливость, запрещается не только во имя тех симпатических соображений о благосостоянии других, какие мы определяем здесь как отрицательную благотворительность, но и во имя заботы об общественном благе. Всякий образ действий, ведущий к ненужному разорению людей, в общем хорошо ведущих свои дела, оказывает вредное действие на организацию общества.

§ 403. Еще более обширную сферу для смягчения требований справедливости требованиями отрицательной благотворительности представляют собой отношения между нанимателями и нанимающимися, договоры, заключаемые между теми, которые оказывают известные услуги, и теми, которые за них платят.

Как далеко следует идти нанимателю в пользовании конкуренцией между рабочими, которых часто оказывается гораздо больше, чем требуется, и среди которых находятся такие, которые предпочитают работать за низкую плату, чем голодать? Ответить на этот вопрос далеко не так легко, как кажется с первого взгляда, потому что помимо смягчения справедливости под влиянием отрицательной благотворительности он усложняется еще и другими вопросами. Люди, осуждающие, иногда в очень резких выражениях, тех хозяев, которые не платят более высокой заработной платы, чем какую вынуждены платить по условиям рынка, заботятся лишь о судьбе тех, которые работают, и забывают тех, которые остаются без работы. А между тем если при переполненном рынке наемных рабочих какой-нибудь хозяин платит больше, чем должен, то он отказывается, таким образом, от услуг тех, которые удовольствовались бы меньшей платой; наиболее нуждающиеся остаются поэтому без работы, а работа достается тем, которые не находятся в такой крайней нужде, потому что не согласились бы на такую низкую плату. Принимая во внимание выгоды этих менее нуждающихся, мы не должны, таким образом, оставлять без внимания и острую нужду более нуждающихся. Необходимым следствием этого является то, что, по-видимому, великодушный работодатель, который имеет в виду лишь непосредственные результаты, может увеличить своей щедростью бедствия наиболее бедных и уменьшить бедствия наименее бедных.

Возможно и еще одно вредное последствие. Конкуренция так сильна в каждой отрасли промышленности, и часть, остающаяся после сделок как барыш, часто так невелика, что значительное возрастание стоимости производства, являющееся результатом более высокой заработной платы, лишает возможности бороться с другими конкурентами на рынке. Банкротство, нередкое даже среди тех промышленников, которые так экономны по отношению к заработной плате, как только возможно, является, таким образом, уделом тех, кто этой экономии

не соблюдает. Только тот, кто обладает капиталом, далеко превосходящим его непосредственные нужды, может в течение некоторого времени проявлять подобную щедрость; но и ему, если это продолжается долго, грозит банкротство. Если нам возразят, что предприниматель мог бы делить между своими рабочими излишек дохода в тех случаях, когда этот доход оказывается большим, чем обыкновенно, то мы ответим на это, что если бы он принял такой образ действий за обычный, это повело бы к бедственным результатам. Если в один период, в период процветания, предприниматель и получает большие барыши, зато при наступлении застоя ему нередко приходится работать совсем без барыша или даже в убыток себе, чтобы удержать свой штат служащих и сохранить машины в порядке; это было бы невозможно, если бы он не делал сбережений в период процветания.

Кроме того, здесь мы снова встречаемся с фактом, который остается незамеченным или сознательно игнорируется людьми, усиливающими антагонизм между нанимателями и рабочими, — что общий подъем заработной платы совершенно бесполезен, если он сопровождается одновременно и общим подъемом цен на товары. Члены какого-нибудь тред-юниона, думающие только о себе в качестве производителей и о тех выгодах, которые можно получить, принудив хозяина платить им больше, забывают, что при прочих равных условиях цена производимого ими продукта должна возрасти в соответственной мере. Они забывают, что если члены всех других тред-юнионов сделают то же самое, то и предметы, производимые ими, точно так же повысятся в цене; а так как по отношению к самым важным товарам главными потребителями являются массы производителей, т.е. население вообще, то им придется платить за все предметы, которые они покупают, дороже. Более широкий взгляд на дело показал бы им, что здесь являются следующие факторы: 1) количество труда, затраченного всеми рабочими; 2) количество капитала, требующееся для орудий производства, сырого материала и производимых товаров; 3) известная сумма мозговой работы для регулирования труда и для производства финансовых операций — покупки и продажи; 4) известный происходящий отсюда излишек продуктов, который тем или иным путем распределяется среди членов общества. Так как этот излишек остается в течение некоторого

времени неизменным, то всякое увеличение доли физического труда предполагает уменьшение доли капитала, или умственного труда, или того и другого одновременно. Но понижение процента на капитал до известной степени ограничено, потому что, если оно будет значительно, капитал уйдет в другое место, а если вследствие совпадения ряда таких явлений это понижение перейдет повсюду за известные пределы, накопление капитала приостановится. Точно так же и понижение платы за умственный труд имеет свои границы. Если деловые способности будут плохо оплачиваться дома, они уйдут за границу; если же вознаграждение делается недостаточным повсюду, их запас уменьшится. Люди не станут проходить через весь умственный труд и через всю ту дисциплину, которые нужны для того, чтобы сделать из них хороших распорядителей, если их не будет привлекать перспектива крупного вознаграждения. Таким образом, сфера, в которой при обыкновенных условиях обычные тяжелые условия рабочего рынка должны смягчаться отрицательной благотворительностью, оказывается узкой, и даже в пределах этой сферы такая отрицательная благотворительность может, как мы видели, с намерением приносить пользу приносить ненамеренный вред.

Насколько дело идет о договорах, касающихся денежного вознаграждения за услуги, единственным случаем, где отрицательная благотворительность оказывается несомненно полезной, это — тот, когда предприниматель, прибыль которого возрастает так быстро, что дает ему больше, чем требуется для необходимого резерва, не пользуется пассивно выгодами, происходящими от этих изменений, пока растущий спрос на труд не заставит его повысить заработную плату, и отказывается монополизировать в свою пользу всю ту выгоду, которую доставляют ему обстоятельства. Но здесь мы уже подходим к области положительной благотворительности.

§ 404. Признавая применимость отрицательной благотворительности в отношениях нанимателя к нанимающимся, многие думают в то же время, что в отношениях нанимающихся к нанимателю ей места нет. Но это неверно.

Газеты рассказывают нам иногда о случаях, когда крупный контракт, заключенный относительно какой-нибудь работы,

которую требуется кончить к установленному сроку под угрозой тяжелой неустойки, становится невыгодным или даже разорительным вследствие того, что рабочие пользуются обстоятельствами и требуют более высокой заработной платы, в расчете, что предпринимателю не останется другого выхода, как уступить. Если они заявляют своевременно о прекращении их обязательств по отношению к нанимателю, их нельзя обвинять в несправедливости. Они просто предлагают новые, более благоприятные для них условия и отказываются работать на условиях менее благоприятных. Насколько чувство отрицательной благотворительности должно при этом влиять смягчающим образом на их действия — это зависит от условий каждого данного случая. Возможно, что у них есть веские основания думать, что контракт был заключен на очень выгодных условиях и что и при требуемой более высокой плате за труд на долю предпринимателя все-таки останется достаточный доход; в таком случае извлечение выгоды из необходимости, в которую он поставлен, совместно с разумным альтруизмом. Или, может быть, хотя он и не должен особенно много выиграть от данного контракта, он накопил значительные суммы в течение предыдущих годов и был по отношению к рабочим суровым надсмотрщиком; в этом случае точно так же симпатия к нему не предписывает такой заботы о его интересах, которая запрещала бы наносить ему убытки. Но во всех других случаях отношение к нанимателю как к человеку, интересами которого можно вполне пренебрегать, не может быть оправдываемо. И не только должное внимание к его интересам запрещает такое косвенное насилие: оно запрещается также и вниманием к интересам общества. Если вследствие часто повторяющихся случаев такого отношения к нему предприниматель разоряется, то общество лишается полезного члена, и сами рабочие, по крайней мере на время, встречают меньший спрос на свой труд.

Но в большинстве случаев попытки рабочих улучшить свое положение, пользуясь необходимостью, в которую поставлен наниматель, не сдерживаются не только побуждениями отрицательной благотворительности, но даже и побуждениями справедливости: отказываясь работать на тех условиях, на которые они согласились раньше, стачечники вместе

с тем обыкновенно прибегают к насилию или к угрозам насилием с целью помешать и другим принять эти условия. Они нарушают, таким образом, закон равной для всех свободы: они отстаивают свое собственное право вступать в известные договоры или отказываться от них, но отрицают это же право за своими товарищами. Они могут, не нарушая правил этики, пытаться убедить других присоединиться к ним; могут — и в этом не будет ничего дурного — спорить с теми, которые собираются занять их место, и относиться к ним дурно, если они настаивают, но всякий образ действий, клонящийся к тому, чтобы или силой помешать им занять это место, или внушить им страх перед какими бы то ни было дурными последствиями, кроме непопулярности, подлежит нравственному запрещению — запрещению двойному, потому что в нем соединяются и отрицательная благотворительность, и справедливость. Часто бывает, что другие соглашаются на те условия, от которых они отказываются (нередко условия хорошие), потому что их вынуждают к этому лежащие на них обязанности, и помешать им в этом — значит навлечь бедствия не только на них, но и на их семьи.

Если, как это случается не только в подобных обстоятельствах, но и в обстоятельствах иного рода, и хозяева, и рабочие, не принадлежащие к рабочему союзу, подвергаются насилию в форме пользования той системой, которая носит теперь название бойкота; если, как это часто бывает, какая-нибудь объединенная группа людей отказывается работать с человеком, не принадлежащим к их союзу; если, как это происходит в Ирландии, известная политическая группа ставит вне общественного закона того, кто к ней не присоединяется, — то мы видим, что и здесь, как в тех случаях, которые мы встречали раньше, совершаемые дурные поступки представляют собой прежде всего нарушение справедливости. Как бы ни высказывалось относительно этого современное законодательство, люди, очевидно, имеют право и индивидуально, и коллективно отказываться работать, вести дела или поддерживать какие бы то ни было сношения с тем или иным лицом, лишь бы только они при этом не мешали никаким путем его деятельности. Их сообщество нельзя называть заговором, раз то, о чем они сговариваются, не заключает в себе ничего дурного, и если они отказываются работать с человеком, которого они осуждают, или вести с ним дело, то они

не нарушают этим закона равной для всех свободы. Зло состоит обыкновенно в употреблении силы для образования и поддержания бойкотирующей организации и в наложении наказаний на тех, которые ей не подчиняются. Здесь, помимо ограничений, налагаемых отрицательной благотворительностью, достаточно тех, которые налагаются во имя справедливости.

Заметим мимоходом, что пренебрежение этими ограничениями показывает нам, насколько большинство людей еще не готово к пользованию свободными учреждениями. Общество, в котором поддержание своей личной независимости считается пороком, а подчинение принудительной промышленной организации и преследование тех, кто ей не подчиняется, — добродетелью, представляет собой общество, которое скоро утратит вновь ту свободу, какую приобрело в недавнее время. Люди, которые так мало понимают, что такое свобода, неизбежно утратят свою собственную свободу.

§ 405. Рассмотренные нами до сих пор ограничения, налагаемые отрицательной благотворительностью на те договоры, которых справедливость не ограничивает, состояли в том, что запрещали чересчур пользоваться благоприятными обстоятельствами в ущерб ближнему. Но мы должны рассмотреть и другую, более высокую форму отрицательной благотворительности, проявляющуюся в деловых отношениях.

Иногда случается встретить человека, который не только воздерживается от принесения чужих интересов в жертву своим собственным, но идет дальше и предотвращает потери других, мешая им нанести себе ущерб вступлением в невыгодную сделку. Не пренебрегая своими собственными правами, он в то же время не допустит своего клиента или приятеля до сделки на неблагоприятных для того условиях; он добровольно дает или делает больше, чем от него требуется. В вполне развитом промышленном обществе, состоящем из единиц, природа которых отлилась в форму, соответствующую его требованиям, такой образ действий сделается нормальным. Помимо соблюдения той справедливости, которая состоит в исполнении договора, в нем разовьется соблюдение той отрицательной благотворительности, которая воспрещает заключение договора на условиях, чересчур выгодных для себя самого.

В настоящее время поведение, руководимое такими соображениями, по необходимости встречается редко. Люди, которые держат те пари, о каких в подробностях рассказывают газеты, и в которых удовольствие одного покупается ценой страдания другого, не представляют собой людей, способных удержать другого от сделки на тяжелых условиях. Смягчение договоров под влиянием симпатической заботы о благе других не может господствовать у нации, где на всех ступенях общественной лестницы, от принца до служащего в кабаке, все предается игре.

IV | ОГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАСЛУЖЕННЫХ ВОЗНАГРАЖДЕНИЙ

§ 406. Продолжая оставаться в сфере таких сделок, в которых фигурируют деньги или какой-нибудь другой эквивалент их, мы должны теперь рассмотреть один вид отрицательной благотворительности, на первый раз не заключающий в себе ничего благотворительного. Ежедневно приходится встречать примеры того, как непосредственная симпатия побуждает людей к совершению таких действий, которые более отвлеченная и более высокая форма симпатии запрещает. Я имею в виду случаи, когда человек отказывается исполнить или дать что-нибудь, чего от него ожидают или о чем его просят.

Эта форма отрицательной благотворительности настолько не располагает в свою пользу и так легко поддается ложным толкованиям, что люди мало прибегают к ней. Случаи, в которых отказ удовлетворить требование другого вытекает из эгоистических побуждений, настолько преобладают численно, что большинство людей считает почти невозможным предположение, что такой отказ может быть внушен и побуждениями неэгоистическими. Их мысль занята исключительно ближайшими последствиями, они не видят, что понимание будущих, более отдаленных страданий может остановить от таких действий, которые доставляют непосредственное удовольствие. Обыкновенно самоотвержение заключается в том, чтобы сделать доброе дело; но бывают и такие случаи, когда оно состоит в отказе исполнить то, что кажется добром, но в действительности не есть добро.

Это по большей части случаи, где забота об общественных интересах или о благосостоянии большинства должна одержать верх над заботой о благосостоянии отдельных индивидуумов или немногих. Рассмотрим несколько таких примеров.

§ 407. «Бедняжки! Нужно дать им что-нибудь», — говорит какая-нибудь мягкосердечная барыня и открывает окно, чтобы бросить несколько пенсов предводителю плохих странствующих

музыкантов, в течение каких-нибудь десяти минут беспокоивших всех соседей нескладными звуками своей жалкой музыки; после этого она думает, что сделала доброе дело, и считает бесчувственным всякого, кто отнесется к этому с осуждением.

Для предстоящего рассуждения нет особенного интереса указывать на то, что давать деньги как вознаграждение за какое-нибудь дело следует только тогда, когда сделанное является так или иначе полезным; что следует платить за получаемое удовольствие, но не следует платить за испытываемое страдание; и что если принцип одинакового вознаграждения за удовольствие и за страдание получит всеобщее распространение, то общественные отношения разрушатся. Это слишком отвлеченный вывод для нашей барыни. Точно так же не особенно нужно останавливаться и на том очевидном факте, что всякий раз, когда неспособным музыкантам дают деньги, это ведет к тому, что они отправляются странствовать по другим улицам и заставляют других людей страдать от производимого ими невыносимого шума. Но зло на этом не кончается. Если можно заработать деньги, играя дурно, то люди не будут больше стараться выработать в себе умение играть хорошо, и в результате помимо широкого распространения причиняемого страдания явится, кроме того, лишение удовольствия. Но возможно и еще одно дурное последствие. Если бы немusыкальным музыкантам не платили, они бросили бы занятие, к которому неспособны, и принялись бы за такое, к которому они способны, так что общество выиграло бы от их деятельности, вместо того чтобы страдать от нее. Но, как я уже сказал, об этих более отдаленных результатах обыкновенно никогда не думают; если же на них и указывают, то они лишь в слабой степени представляются как сдерживающие побуждения.

Высшая отрицательная благотворительность выражается здесь в перенесении различных неприятных ощущений, связанных в подобных случаях с отказом, — неприятных ощущений, вытекающих из неудовлетворения непосредственных требований симпатии и из ложного толкования, которое дают другие нашим побуждениям.

§ 408. Среди ежедневных происшествий городской жизни, в том виде, как ее ведут люди, имеющие средства, мы можем

указать еще на одну категорию их, по отношению к которой следует сдерживать свою необдуманную щедрость и иногда быть готовым перенести значительные неприятности. Я имею в виду отношения с извозчиками.

Мы оставим здесь в стороне вопрос об отношениях между средствами передвижения, подлежащими таксе, и такими, которые, как, например, омнибусы, предоставляются свободной конкуренции, с тем единственным условием, чтобы о требуемых ценах предупреждали заранее. Установленная система приспособлена известным образом в отношении как числа экипажей, так и доходов хозяев и служащих, и вопрос заключается лишь в том, какие последствия влечет за собой несоблюдение предписанных цен. В огромном большинстве случаев извозчики, представляющие собой класс людей вполне благовоспитанных, довольствуются получением того, что им следует. Но вот извозчик, требующий с вас больше. Вы хорошо знаете расстояние и, может быть, ежедневно платите одну и ту же сумму, которая, как вам достоверно известно, удовлетворяет справедливым требованиям и оставляет, кроме того, значительный барыш. Но извозчик требует еще лишние несколько пенсов, грозит привлечь вас к суду и даже после того, как вы вошли в дом, стоит со своим экипажем около ваших дверей, думая испугать вас своим присутствием. Что вы сделаете? Это неприятная история, и вы уже склонны, чтобы покончить ссору, отдать эти лишние несколько пенсов, которые для вас ничего не значат. Кроме того, вы замечаете, что окружающие думают, что вы отказываете из скупости, и вам кажется, что, в конце концов, лучше, пожалуй, оказаться на этот раз щедрым. Но если вы будете руководствоваться той высшей отрицательной благотворительностью, которая принимает во внимание не только ближайшие последствия, но и отдаленные, не только пользу немногих, но и пользу многих, то вы будете стоять на своем. Посмотрите, какие есть для этого основания.

Если вы хорошо сделаете, что уступите, то точно так же хорошо сделают, если будут уступать и все остальные, к которым подобным же образом будут обращаться с чрезмерными требованиями и угрозами; следовательно, ежедневный доход извозчиков должен возрасти. Но что говорит нам относительно последствий этого политическая экономия — наука, которую

Карлейль называет «скучной наукой» (*dismal science*), подобно тому как ребенок может назвать скучной свою арифметику, которая внушает ему подобное же отвращение. Первым последствием было бы сильное возрастание числа извозчиков, профессия которых стала бы приятным занятием для всех лентяев, в которых никогда нет недостатка. Состав извозчиков увеличился бы, отчасти вследствие притока этих последних, отчасти вследствие присоединения к ним людей, оставивших другие занятия, не дающие такого хорошего ежедневного дохода. Допустим, что число случаев найма экипажей осталось тем же самым (чего в действительности не было бы, так как более высокая плата уменьшила бы спрос со стороны седоков); каковы же были бы последствия такого умножения состава извозчиков? Так как одно и то же число курсов должно было бы распределяться между большим числом извозчиков, из этого произошло бы то, что хотя за каждый конец извозчику платили бы больше, но число его концов уменьшилось бы, и это понижение его ненормально возросшего заработка продолжалось бы до тех пор, пока выгоды извозничьего ремесла не перестали бы привлекать в это ремесло новых людей, т.е. до тех пор, пока оно не понизилось бы по степени своей привлекательности до прежнего уровня. Другим сопровождающим это последствием было бы возрастание числа сделанных экипажей, так как для удовлетворения возросшего спроса на них со стороны извозчиков их понадобилось бы большее количество и повысились бы цены на них, так что часть лишней платы извозчикам пошла бы в карманы каретников. Но мы должны указать и еще на одно вредное последствие. При этом явился бы излишек экипажей и везущих их лошадей, следовательно, бесполезное помещение капитала, а такой излишек экипажей и лошадей, сравнительно с потребностью в них, составил бы потерю для нации. Но мы и теперь еще не исчерпали всего вреда, который бы отсюда произошел. Для людей, более богатых, уплата извозчику лишней суммы, сравнительно с установленной таксой, не представляет с денежной стороны никакой важности, но она имеет значение для тех менее богатых и вместе с тем более многочисленных людей, которым иногда приходится нанимать извозчиков и которые должны были бы отказаться от этого в тех случаях, когда они устали, или когда у них спешное дело.

Я не хочу, конечно, сказать этим, что в уме человека, отказывающегося исполнить неосновательное требование, тотчас же является мысль обо всех этих результатах; я скорее хочу сказать то, что если он случайно представит себе все последствия человеческих действий с их различными разветвлениями, то он тотчас же увидит, что нарушение молчаливых соглашений, подобных тому, которое устанавливается при найме извозчика, ведет к дурным последствиям. Так, например, он констатирует, что привычка давать слишком много на чай прислуге в гостиницах привела к тому, что такого рода места сделались настолько выгодными, что желающим приходилось покупать их у содержателя гостиницы; он увидит, что и после того, как была введена система включения в гостиничные счета платы за прислугу, этот обычай опять распространился и поведет к тому, что хозяева, считаясь с этим, в конце концов будут платить меньшее жалование. Иными словами, он дойдет до признания той общей истины, что всякое уклонение от нормального отношения между суммами, уплачиваемыми пропорционально оказанным услугам, неизбежно кончается, после ряда вредных волнений, восстановлением прежнего отношения между ними: а раз он постиг эту общую истину, он будет, в интересах всех тех, на ком это в конце концов отзовется вредными последствиями, избегать поощрения такой неправильной системы.

§ 409. Еще одна категория поступков, кажущаяся благотворительной, но по существу совершенно не таковая, встречается ежедневно в виде происходящего на всех железных дорогах подкупа кондукторов и носильщиков. Вначале эта организация была установлена на здоровых основаниях, и для того чтобы подкуп мог проникнуть в нее и распространиться в ней, потребовалось некоторое время. В раннюю эпоху введения железных дорог советы директоров были в этом отношении чисты, и так же чиста была и администрация, находившаяся под их управлением. Тогда не было ни торговли акциями, ни фальшивых проектов, создаваемых ради премий, ни подделок отчетов; служащие, до самых низших ступеней включительно, получали надлежащее жалование, за которое от них и ожидали исполнения установленных обязанностей, без всякого другого вознаграждения. Тем, кто приходил в соприкосновение с пассажирами, было

вначале и в течение долгого времени формально запрещено получать с них какую бы то ни было плату: за нарушение этого правила грозило наказание, и иногда оно действительно применялось. Но понемногу, незаметным образом плата носильщикам и подкуп кондукторов входили в привычку и в настоящее время стали таким общим явлением, что даже те, которые долго сопротивлялись такому вредному злоупотреблению, должны были наконец уступить. Платить — стало считаться хорошим, а не платить — достойным презрения. Почти никто не признает той истины, что эта система явилась не результатом щедрости, а результатом эгоизма, и что она различными путями ведет к бедственным последствиям. Вот, например, некоторые из них.

Первоначально договор между пассажиром и компанией состоял в том, что компания обязывалась за известную сумму доставить пассажира в определенное место, причем предоставляла ему определенные удобства; в число этих удобств входило то, что компания брала на себя перевозку его багажа, для чего она держала и оплачивала определенных служащих. Каждый пассажир имел право на услуги этих служащих, и никто не мог пользоваться ими в большей степени, чем приходилось на его долю, не уменьшая этим доли, на которую по справедливости имели право другие. Но уже с самого начала некоторые пассажиры, для которых мелкие суммы не имели значения, стали тайно давать их в вознаграждение за большую скорость или за оказание какой-нибудь несущественной помощи, забывая о том, что такое завладение услугами служащих происходит в ущерб другим пассажирам, которые нуждаются в них настолько же, а часто и больше. В то время как носильщик, ожидающий несколько пенсов от какого-нибудь с виду богатого господина, входящего в первый класс, возится в его купе, укладывая на сетку его сверток с одеялом, его пакеты и зонтик, или выходит из вагона для того, чтобы сообщить ему, что его чемодан и футляр с ружьем хорошо уложены, этого носильщика ожидают двое или трое других пассажиров — какой-нибудь человек в потертой одежде с простым мешком в руках, от которого, по всей вероятности, нельзя ожидать ни одного пенни, или какая-нибудь вдова с кучей детей и с многочисленными вещами, которая волнуется, боясь, чтобы поезд не ушел без нее. И, таким образом, более богатый пассажир, кажушийся великодушным по отношению

к носильщику, является совсем не великодушным по отношению к другим пассажирам.

Но бывают и гораздо более серьезные последствия. Дела пассажиров, от которых нельзя ожидать никакой платы, тем не менее все-таки должны быть устроены, и поезд должен ждать, пока они также усядутся и их вещи будут уложены. Что же непременно происходит при этом? Время, потраченное на бесполезные услуги платящему пассажиру, на то, чтобы сообщить ему, что его вещи находятся в целости, и чтобы получить от него плату, могло бы быть употреблено на услуги другим пассажирам, между тем как теперь опоздание в этом последнем задерживает поезд. Это явление, которое я сам много раз наблюдал и на которое обращал внимание приятелей, повторяется на каждой большой станции, производя опоздание за опозданием и вызывая в общем результате хроническую неаккуратность поездов. Всем пассажирам приходится тратить время для того, чтобы некоторые из них получили большую долю тех услуг, за которые все они заплатили при покупке билетов. Пятьдесят или сто человек достигают таким образом цели своего путешествия гораздо позднее назначенного часа, что иногда бывает сопряжено для них с большими неудобствами. Но это еще не все. Огромное большинство несчастных случаев на железных дорогах происходит от неаккуратности. Поезда, которые в данный момент находятся именно там, где должны находиться, никогда не сталкиваются между собой.

Затем мы имеем ряд побочных вредных последствий. Оплата носильщиков повело к подкупу кондукторов, а от этого происходит различного рода зло. Ради того, чтобы какой-нибудь джентльмен — или человек, одетый как таковой, — давший или обещавший кондуктору шиллинг, мог получить в свое исключительное пользование отделение или часть отделения вагона, другие отделения его оказываются чересчур переполненными. Но бывает и хуже. Кто-нибудь в поисках за местом заглядывает в отделение, в котором сидят всего двое, а на остальных местах положены одежды и одеяла, чтобы показать, что они заняты другими пассажирами; он поспешно ищет в других отделениях, но напрасно. Наконец, он спрашивает у кондуктора, заняты ли эти места, и когда кондуктор оказывается вынужденным ответить, что нет, то лишь после настойчивого требования запертая дверь отделения отворяется ему. Из этого можно ясно

видеть, как система подачек развивает эгоистическую привычку пользоваться исключительными удобствами, лишая других удобств, за которые они заплатили. Еще сильнее другое, связанное с этим зло — подкуп кондукторов, для того чтобы они позволили курить в отделении для некурящих. Это злоупотребление развилось в настоящее время до такой степени, что кондукторы носят в карманах ярлыки с напечатанной надписью «для курящих», которые прикрепляют к окну того или другого отделения, смотря по требованиям занимающих их платных пассажиров. Дело дошло теперь до того, что компания терпит эту привычку, благодаря которой во всех отделениях первого класса стоит такой запах, как в каком-нибудь кабаке.

Мы видим на этих примерах, каким образом невинная, по-видимому, уступка молчаливому ожиданию какого-нибудь носильщика открывает доступ серьезным злоупотреблениям, из которых некоторые могут вести к значительным имущественным потерям и даже к потере жизни. Мы видим, как тот вид отрицательной благотворительности, который принимает во внимание общее и более отдаленное благосостояние, требует иногда, чтобы человек сопротивлялся побуждениям непосредственной симпатии и готов был перенести дурное отношение других.

§ 410. Обобщая эти заключения, мы можем сказать, что обмен благ должен всегда сообразоваться по возможности точно с действительным или молчаливым договором там, где такой договор существует; в отсутствие его он должен сообразоваться с таким воображаемым договором, который в данных обстоятельствах можно было бы разумно заключить.

Одной из отличительных черт эволюции является возрастающая определенность, и мы находим, что в ходе общественного прогресса определенность в сделках между гражданами возрастает. Первоначально не существовало ни жалованья, ни заработной платы, ни определенных условий, ни признанных цен на товары; общий режим характеризовался принудительными услугами, подарками и подкупам; обмен благ отличался смутностью и неопределенностью. Поэтому всякое уклонение от кооперации, руководящейся известным договором, представляет собой шаг назад, по направлению к низшему типу общества, и ему следует противодействовать.

Что общественная жизнь может хорошо идти без всяких подачек — в этом мы уже убедились. Одно поколение тому назад, когда в американских учреждениях еще сохранялась в значительной степени та чистота, которой они характеризовались вначале, служащие, а между прочим и прислуга в гостиницах, не ожидали никаких других получек, кроме той платы, за которую они договорились оказывать известные услуги. Точно так же и в Англии можно встретить в настоящее время, даже среди наиболее нуждающихся людей, которые не согласятся принять больше, чем они условились получить. Я лично могу сам привести пример одной бедной работницы, которая спросила плату, по-видимому, недостаточную, и отказалась принять предложенную ей мною лишнюю сумму. Это показывает, что и та и другая сторона вполне могут противиться возвращению к более отсталой форме общественной кооперации.

При таком положении дел функция отрицательной благотворительности, насколько она касается отношений между нанимателями и нанимающимися, должна состоять в том, чтобы следить, при заключении условия, чтобы последние не оценивали своих услуг слишком низко. То, что при господстве таких чувств будет потеряно вследствие прекращения неправильных уплат, в конце концов, очевидно, будет выиграно вследствие поднятия платы правильной.

V | ОГРАНИЧЕНИЯ В ПРОЯВЛЕНИИ СВОЕГО ПРЕВОСХОДСТВА

§ 411. Помимо материальных выгод, которые люди доставляют друг другу и получают друг от друга при системе общественной кооперации, они доставляют другим и получают сами еще и выгоды нематериальные. Таковыми являются выгоды, удовлетворения или удовольствия, которые представляют результат общения людей между собой и могут быть распределены желательным или нежелательным образом. Роль отрицательной благотворительности заключается здесь в том, чтобы ограничивать действия, доставляющие этого рода наслаждение себе самому, таким образом, чтобы другие также могли получить свою долю этих наслаждений.

То физическое, или умственное, или одновременно и физическое и умственное превосходство одного гражданина над другим, которое дает возможность приобрести большее богатство, но которым не следует пользоваться до крайних пределов, пренебрегая благополучием других, есть вместе с тем такое превосходство, которое может доставить человеку и большую, чем обыкновенно, долю общественного одобрения. Точно так же большая, чем обыкновенно, сумма общественного одобрения может достаться и такому человеку, который обладает другого рода превосходством, могущим, например, доставить ему не материальные выгоды, а популярность. В таких случаях возникает вопрос: как далеко может идти такой человек в преследовании своих выгод? В какой мере он должен воздерживаться от пользования своими более значительными способностями с целью дать другим возможность приобрести одобрение или избавить их от огорчения, которое они испытали бы вследствие своего поражения?

Здесь возникает ряд трудных вопросов. Жизненная борьба, благодаря которой возникли как в подчеловеческом, так и в человеческом мире все высшие способности, может быть с полным правом перенесена из области той деятельности, которая

имеет в виду поддержание жизни, в ту область, где целью деятельности служит удовольствие, доставляемое тем упражнением наших способностей, которое представляет собой излишек. При отсутствии этой отчасти физической, но главным образом умственной конкуренции общественные сношения потеряли бы всю свою прелесть. А между тем и в этой области, как и в первой, симпатия должна вести к известному самоограничению в наслаждении успехом.

§ 412. Одной из форм эгоизма, часто встречающейся и подвергающейся справедливому осуждению, является эгоизм человека, злоупотребляющего, несколько не ограничивая себя, своей замечательной способностью вести беседу. О многих людях, умеющих блестяще говорить, рассказывают, что присутствие других соперников возбуждает в них в некоторых случаях очевидную зависть; если же достаточно умелых соперников не оказывается, они заговаривают всех и превращают то, что должно было бы быть беседой, в монолог. Наоборот, иногда нам приходится слышать и о таких людях, которые, несмотря на свою способность постоянно овладевать вниманием других, заботятся о том, чтобы люди невыдающиеся или скромные точно так же могли найти случай принять участие в обмене мыслей, и даже стараются вовлечь таких людей в разговор. Эти два противоположных типа людей представляют собой пример в одном случае отсутствия и в другом — присутствия отрицательной благотворительности; вместе с тем они дают нам доказательство той обыкновенно забываемой истины, что чрезмерное старание заслужить одобрение других часто ведет к собственному поражению. Человек, монополизирующий разговор в свою пользу, больше теряет от нравственного осуждения со стороны других, чем выигрывает от их интеллектуального одобрения.

Часто случается, что за обеденным столом или в обществе людей, собравшихся вместе при каких-нибудь других обстоятельствах, высказывается какое-нибудь ошибочное суждение или приводится какой-нибудь несостоятельный аргумент. Тот, кто замечает ошибку, может или обнаружить свое превосходство в знании или в логике, или же пропустить ошибку молча, не желая возвыситься в мнении присутствующих ценой понижения в их мнении другого. Который же из двух способов

действия он должен избрать? Для удовлетворительного решения вопроса нужно принять во внимание различные соображения. Может ли несостоятельный аргумент или неправильное суждение, если оно не будет поправлено, принести заметный вред? Отличается ли высказывающее его лицо тщеславием, ценит ли оно себя слишком высоко? Пользуется ли это лицо в глазах других незаслуженным авторитетом? Старается ли оно в погоне за одобрением унижить других? Если на все эти вопросы или на некоторые из них мы ответим «да», то ошибку следует исправить как для блага самой личности, так и для блага ее слушателей. Но если ошибка неважна, или если кредит говорящего вообще не превышает заслуженного и только должен напрасно пострадать от такой компрометации, или если его общее поведение в общественных отношениях заслуживает похвалы, — в таком случае симпатия справедливо может побудить человека промолчать: отрицательная благотворительность может ограничить естественное желание выказать свое превосходство.

Многое из сказанного здесь по отношению ведения беседы или спора приложимо, естественно, и к публичным прениям. Почти всегда вмешательство личного чувства делает такие прения малоценными по отношению к их явной цели — установлению истины. Стремление к тому блеску, который приносит с собой победа, ведет часто к безжалостности и недобросовестности, задерживающим или делающим невозможным достижение правильных заключений. Отрицательная благотворительность служит здесь общему благу и вместе с тем смягчает личные обиды. Обыкновенно возможно бывает построить свое доказательство и выставить убедительные аргументы, не дискредитируя чересчур явным образом своего оппонента. Мелкие ошибки в постановке вопроса и в рассуждении, не имеющие влияния на общий результат, можно великодушно пропустить; это великодушие может справедливо доходить до того, чтобы признать силу доводов, на которые опирается противник, показывая в то же время их недостаточность. Надлежащая отрицательная благотворительность уважает самолюбие антагониста, за исключением, может быть, тех случаев, когда его недобросовестность и вытекающее отсюда старание затемнить истину требуют обличения. Недостаток правильного чувства

в этой области приводит к губельным общественным последствиям. Стоит только посмотреть вокруг на приемы политических и богословских дебатов, чтобы увидеть, к каким крайним извращениям человеческих верований приводит отсутствие того симпатического отношения, которое требуется отрицательной благотворительностью.

§ 413. Нам остается сказать еще несколько слов относительно более специальных мотивов, могущих в некоторых случаях помешать человеку, обладающему известным превосходством, выказать это превосходство.

Двое людей играют в игру, требующую известного искусства, причем при игре присутствует как зритель маленький сын одного из них. Отец играет так, что его антагонист, вероятно, одержит победу, если только приложит к этому свои силы. Но если последний руководствуется в должной мере чувством отрицательной благотворительности, то он будет — ненавязчиво, но незаметным образом — играть хуже, чем может, чтобы дать отцу побить себя. Он почувствует, что то небольшое удовольствие, которое могла бы доставить ему победа, будет более чем уравновешиваться симпатией к неприятному чувству отца, потерпевшему поражение в присутствии сына, и симпатией к сыну, увидавшему, что его отец не стоит так высоко, как он предполагал. Такой образ действий предполагает, конечно, известную неискренность, но это зло является ничтожным сравнительно с тем, которое произошло бы в обратном случае.

Точно так же несомненно, что при некоторых особых обстоятельствах можно пощадить человека, которого легко победить в споре или в другом умственном соревновании, даже если во всякое другое время он не заслуживает такого внимательного отношения к себе. Допустим, например, что при этом присутствует его невеста; показать его невежество или нелогичность или сострить на его счет было бы при таких условиях жестоким. Всякий, если только он не отличается особенной бесчувственностью, поймет, что позорить его при свидетеле, к которому он стоит в таких отношениях, было бы дурным способом упражнения своих умственных способностей. Если человеком руководит в должной мере чувство симпатии, то он предпочтет в подобном случае показать себя плохо осведомленным или глупым,

чем доставить другому то страдание, которое явилось бы следствием иного поведения с его стороны.

§ 414. Мы видим на этих примерах, каким путем должна была бы действовать отрицательная благотворительность, заставляющая человека добровольно уступать свое превосходство и таким образом вносить гармонию в общественные отношения.

В этих случаях мы видим, может быть, лучше, чем в каких бы то ни было других, уместность смягчения по мере наших сил тех страданий, которые причиняет неравенство способностей. Мы уже видели выше, что суровая дисциплина природы, благоприятствующая хорошо одаренным индивидуумам и предоставляющая страдать плохо одаренным, представляется, с человеческой точки зрения, как несправедливость, и что хотя мы не должны идти наперекор нормальным отношениям между поведением и его последствиями настолько, чтобы сравнять удел хорошо одаренных с уделом плохо одаренных, тем не менее повсюду, где это не служит заметным препятствием дальнейшему ходу развития, мы имеем право вносить в эти последствия некоторые изменения. Если с смягчением материальных последствий, которые приносит с собой жизненная борьба с одной стороны более, а с другой менее способным, сопряжены многочисленные затруднения, то эти затруднения становятся сравнительно небольшими, когда дело идет о смягчении умственных последствий ее, поскольку они проявляются общественным образом.

Бывают, конечно, случаи, когда обнаружение человеком своей умственной силы в разговоре или в споре доставляет ему денежные выгоды, а потому может рассматриваться как преимущество, которым он имеет право пользоваться в борьбе за существование; но в случаях вышеприведенных, которые можно считать типическими средними случаями, более ловкий игрок, лучший собеседник или более остроумный логик может воздержаться от проявления своего превосходства, не рискуя благосостоянием высшего, и может избегать дискредитирования соперника, не содействуя заметным образом благосостоянию низшего. Он может уменьшать зло, причиняемое несправедливостью природы, не навлекая этим зол иного рода.

Вместе с тем ограничение стремления к собственному торжеству, внушаемое таким образом человеку отрицательной благотворительностью, есть ограничение варварского стремления, свойственного ранним ступеням человеческого развития. Гордость, внушаемая победой над противником, является чувством одного и того же рода, сражается ли этот противник руками или языком, держит ли он в руках шпагу или перо. Военственная натура, которая в течение всего хода общественного прогресса гордилась успехом в физических столкновениях, является в существенных чертах той же самой, которая гордится успехом в столкновениях умственных. Поэтому в интересах высшей цивилизации следует ограничивать себя в этом отношении, чтобы не дискредитировать без пользы того, кто умственно стоит ниже.

VI | ОГРАНИЧЕНИЯ В ВЫРАЖЕНИИ ПОРИЦАНИЯ

§ 415. Предмет настоящей главы естественно связан с предметом предыдущей и в сущности едва отделим от него, в силу того что критические замечания в разговоре или споре неизбежно предполагают некоторое порицание. Тем не менее порицание в собственном смысле слова достаточно отличается от таких критических замечаний для того, чтобы его можно было рассматривать отдельно.

Ни симпатия, ни рассуждение не могут сами по себе служить достаточным регулятором при высказывании порицания ни в отношении обстоятельств, при которых оно высказывается, ни в отношении его степени. Иногда обязанность человека — воздержаться от порицания, иногда же такое воздержание является нарушением обязанности. Для того чтобы поступать правильно, нужно принимать во внимание многое. Здесь играет роль взаимное положение обоих лиц: в иных случаях это отец и сын, в других — хозяин и служащий, иногда старший и младший по возрасту; иногда же это люди, находящиеся друг к другу в отношениях равенства и независимости. Здесь нужно также принять во внимание сравнительную степень высоты характера осуждающего и осуждаемого, а также ожидаемые последствия: полезные или вредные, ближайшие или отдаленные, или одновременно и те и другие. Вместе с тем нужно считаться и с присутствием или отсутствием свидетелей, а также и со степенью и формой осуждения.

Для того чтобы уметь руководиться в своем поведении всеми этими фактами и обстоятельствами, требуется наличность деятельной симпатии, быстроты восприятия и большой способности предвидения. Желательно также, чтобы там, где это возможно, человек употреблял в этих случаях некоторое время на обдумывание.

§ 416. Чаще всего нам приходится встречаться с тем видом порицания, который возникает в отношениях между родителями

и детьми. В странах, где настоящая потребность иметь сына обусловлена верованием, что только сын может приносить надлежащие жертвы духу отца, мы находим понятие — необходимо вытекающее из этого и господствовавшее до сравнительно недавних времен, — что дети существуют главным образом для пользы родителей. До тех пор пока преобладал этот взгляд и связанное с ним требование наказаний, на порицание по отношению к детям не могла оказывать значительного влияния забота об их благополучии. Но в современную эпоху, когда понятия сделались если не совсем, то отчасти обратными и родители очень часто живут главным образом для блага детей, порицание по отношению к ним стало смягчаться под влиянием соображений о его последствиях. В наше время родители, отличающиеся наибольшей добротой, часто воздерживаются, не смотря на испытываемое ими раздражение, от такого порицания и тем проявляют отрицательную благотворительность.

Более внимательное отношение и развитие симпатии должны вызвать терпимость к той умственной и физической подвижности, которой характеризуется ранняя пора жизни, хотя бы это и было сопряжено с некоторым самопожертвованием; они заставят подчиниться, в разумных пределах, и склонности детей к перекрестным вопросам. Родители будут ставить своей целью дать детям желаемые сведения, а в случае слишком затруднительных вопросов постараются положить конец разговору не словами осуждения, а каким-нибудь иным путем.

Если бы люди постоянно имели в виду ту истину, что нельзя ожидать от неразвитой натуры такого поведения, на которое способна только натура развитая, это во многих случаях удержало бы их от проявлений гнева. Нельзя рассчитывать на высшие регулирующие эмоции, выступающие на сцену лишь позднее, в той же мере, как если бы они были уже вполне деятельными. Помня это, отец, обладающий хорошо уравновешенными чувствами, не будет строго осуждать проступков детей. Это не значит, что их ошибки следует обходить молчанием; это значит только, что высказываемое неодобрение должно выражаться в умеренной форме.

Отрицательная благотворительность будет служить помехой слишком частому выражению порицания как ради ближайших, так и ради отдаленных последствий. Слишком частое

доставление нравственного страдания вызывает жесткость и иногда отчуждение; а то и другое несовместимы с благотворной дисциплиной. Отец, который молча проходит мимо мелких ошибок или, самое большее, встречает их неодобрительным взглядом, оставляя открытое выражение порицания для более серьезных проступков, будет пользоваться, при прочих равных условиях, таким влиянием, какого никогда не достигнет отец более суровый, который не вызывает действия мотивов, ведущих к хорошему поведению, а заменяет их мотивами более низкими, вытекающими из страха перед ним.

Многое из того, что говорится здесь по отношению к семье, может быть, разумеется, сказано и о школе. Карательные меры, к которым в ней прибегают, должны быть мягкими и иметь в виду не только контроль в настоящем, но и постоянную выработку характера; они должны представлять собой элементы управления мягкого, но не распущенного.

§ 417. Отношения между нанимающим и нанимаемым, между хозяином и слугой должны прежде всего быть такими, какие вытекают из заключенного договора. Справедливость идет здесь впереди благотворительности, и соображения, касающиеся выражения порицания, подчинены поэтому соображениям, касающимся долга. Здесь можно с полным правом настаивать на выполнении известного соглашения и с полным правом порицать его неисполнение, так как здоровая общественная кооперация находится в зависимости от исполнения принятых обязательств, и отсутствие такого исполнения (за исключением тех случаев, когда оно зависит от уважительных, непредвиденных причин) не может быть пропущено без протеста.

Этические суждения о возникающих отсюда вопросах усложняются сознанием того, что отношения между нанимающим и нанимаемым, а в особенности отношения между господином и слугой, содержат в себе элемент, едва ли признаваемый абсолютной этикой. Хотя обязательство оказывать известные определенные услуги за определенную сумму и вполне согласимо с чистой справедливостью, тем не менее, вследствие того что одна сторона исполняет договор, т.е. платит деньги, лишь через известные промежутки времени, тогда как другая — та, которая подчиняется приказам, — исполняет его непрерывно,

с таким договором связывается чувство, отчасти сходное с тем, которое проявляется в повиновении раба своему господину (см. §169). Может ли при господстве абсолютной этики общественная организация сделаться таковой, чтобы устранить на практике это чувство, — этого мы не знаем; но при той общественной организации, которую мы встречаем теперь, такое устранение невозможно, и всякая система относительной этики должна стараться как можно лучше примениться к тем формам поведения, которые возникают на почве отношений подчиненности. Один из наилучших путей в этом отношении заключается в том, чтобы смягчать выражение своего порицания как по степени, так и по форме, и, таким образом, игнорировать, насколько возможно, существование этих нежелательных отношений.

Как мы уже говорили выше, меньше всего можно колебаться в выражении своего порицания в тех случаях, когда неисполнение долга вытекает из недобросовестного пренебрежения принятыми на себя обязательствами. При этих условиях воздержание от порицания, даже если им руководит непосредственная симпатия, не может заслуживать одобрения с точки зрения той высшей благотворительности, которая имеет в виду более отдаленные результаты — исправление заблуждающегося лица и благосостояние общества. Человек, поощряемый отсутствием порицания к небрежному исполнению своих обязанностей, имеет меньше шансов достигнуть благосостояния, чем тогда, когда эта небрежность встречает противодействие; вместе с тем всякое происшедшее в нем улучшение явится выгодным для всех тех людей, которые впоследствии будут иметь случай вступить с ним в какой-нибудь договор.

Тот род дисциплины, который должен по возможности шире практиковаться в случаях рассмотренной категории, может также с успехом прилагаться и в случаях другого рода, и именно там, где причиной неисполнения обязанностей бывает забывчивость. По отношению к прислуге, как и по отношению к детям, следовало бы везде, где это выполнимо, предоставлять действовать дисциплине естественной реакции. Если они будут постоянно убеждаться в том, что всякое несделанное дело должно непременно быть сделано, это, может быть, помешает им быть небрежными — происходит ли эта небрежность от лености или от беспечности. Если от человека, который не может запомнить

зимой, что нужно закрывать двери, требовать, чтобы он каждый раз возвращался обратно и закрывал их, это, может быть, вызовет в нем некоторое раздражение; но это раздражение, вероятно, будет менее сильным, чем то, которое вызывает постоянная брань, а желание избежать беспокойства окажется часто очень действительным.

Ошибки, происходящие от глупости или неловкости, часто вызывают самое резкое порицание, между тем как они заслуживают его лишь в самой мягкой степени. Этого рода ошибки с большей очевидностью, чем какие бы то ни было другие, вытекают из унаследованных недостатков организации. Среди детей бедняков часто встречается почти невероятная медленность в понимании даже самых простых вещей, и с людьми, у которых эта непонятливость является врожденной или привитой дурными условиями воспитания, следует обращаться мягко. Если роль благотворительности заключается в том, чтобы смягчать, поскольку это совместимо с другими целями, несправедливость природы, то не следует, чтобы несправедливость, от которой страдают менее одаренные, делалась для них еще невыносимее вследствие сурового обращения людей. Отрицательная благотворительность требует, чтобы порицание, вызываемое ошибками таких людей, высказывалось с осмотрительностью и мягко.

Помимо альтруистических соображений существуют соображения эгоистические, ради которых стремление к порицанию должно быть ограничено. Помимо прямого вреда, который наносит себе человек, когда злоупотребляет им, существует еще вред косвенный, заключающийся в том, что сама цель не достигается. Люди, постоянно недовольные, перестают пользоваться уважением; наоборот, те, которые высказывают порицание хотя авторитетно, но редко, имеют очень сильное влияние.

§ 418. Что можно сказать о выражении порицания в тех случаях, когда заинтересованные лица — друзья или посторонние — независимы друг от друга? Это вопрос, общего ответа на который, по-видимому, быть не может; каждый данный случай должен быть рассмотрен в отдельности.

Дурной поступок постороннего, если он незначителен, часто лучше всего игнорировать или, во всяком случае, не выражать

своего недовольства иначе, как взглядом или манерой обращения, так как слова, особенно если поступок касается нас самих, могут принести больше вреда, чем пользы. Но если проступок серьезен, то и ближайшие, и более отдаленные соображения требуют, чтобы на него обратили внимание. Каждый человек обязан как в своих собственных интересах, так и в интересах других людей сопротивляться явным нападениям на себя, так как если никто не будет в таких случаях сопротивляться, то это послужит поощрением для нападающего. Если проступок совершен по отношению к другим, то выражение порицания становится от этого не только не излишним, но в некоторых отношениях даже более необходимым, так как собственный интерес уже не играет здесь роли. Часто в таких случаях вмешательство, даже только словом, вызывает в другом обиду. «Что вам за дело?» — вот восклицание, которое можно часто слышать в общечитии, и вульгарные умы всех классов общества обыкновенно бывают согласны с выражающейся в этом восклицании мыслью. В этих случаях отрицательной благотворительности нет места. Как бы ни было сильно желание не причинять страдания человеку, совершившему проступок, это желание должно уступить место симпатии к потерпевшему. Здесь выступает на сцену положительная благотворительность, и нападающему, который в таких случаях возражает обыкновенной фразой: «Не мешайся не в свое дело», — нужно ответить, что дело каждого поддерживать гармонию общественной жизни и защищать тех, которым словом или делом наносится вред.

Если человек, поступивший дурно по отношению к нам или к другим, — наш друг, то к нежеланию огорчить его упреком часто присоединяется боязнь потерять друга или ослабить дружеские чувства, что оказывает на нас чересчур сильное влияние. Отрицательной благотворительности, которая в подобных случаях может вести к пассивности, не всегда следует подчиняться: человек имеет полное право высказывать порицание другому в защиту своих собственных прав и еще с большей справедливостью может сделать это в защиту прав других, когда эти права оказываются попранными. Соображения как о ближайших, так и об отдаленных последствиях покажут ему, что неприятное другому суждение нужно высказать в таком случае даже там, где это сопряжено с серьезной обидой.

Но если заинтересованными лицами являются люди нам близкие, то выражение порицания может часто с успехом ограничиться переменной в манере держать себя. Холодность в обращении часто выражает неодобрение так же ясно, а иногда даже с большей силой, чем слова, так как предоставляет простор игре воображения того, к кому это неодобрение относится; но она имеет то преимущество, что не причиняет огорчения так открыто и дает гораздо меньше поводов для жалоб и для возможного отчуждения.

§ 419. Рядом с недостаточным ограничением выражения порицания, которое мы встречаем в некоторых случаях, мы видим в иных случаях, наоборот, слишком большое самоограничение в этом отношении. Часто люди не высказывают осуждения или таких мнений, которые должны повести к осуждению, — даже там, где оно не только является заслуженным, но даже требуется.

В странах с низким нравственным уровнем мы встречаем антагонизм по отношению к закону и симпатию к преступнику. Граждане смотрят на закон не как на общего друга, а скорее как на общего врага. У нас подобного же рода чувство обнаруживается в общественных школах, где оно приводит к тому, что защитить совершившего проступок от наказания является требованием чести, а указать на него — позором. Чувство это доходит до того, что маленький мальчик, сильно обиженный большим, не смеет ничего сказать начальству о своей обиде. Если он это сделает, его исключают из среды товарищей; таким образом тот, кто заслужил порицание, не подвергается ему, а оно падает на того, кто его не заслужил.

Находясь под сильным влиянием этой школьной этики, многие люди обнаруживают иногда и в последующей своей жизни чувства, свойственные школьникам, и нередко принимают сторону человека, совершившего серьезный проступок, смотря в то же время с осуждением на того, кто его обличил. Часто в самом деле кажется, что лучше самому поступить дурно, чем привлечь внимание на дурной поступок другого, и это отращение к высказыванию порицания там, где это порицание требуется, иногда имеет своим последствием самые странные аномалии. Узнают, например, что председатель дирекции одной компании ведет изменнические переговоры во вред интересам

своей компании. Товарищи заставляют его выйти в отставку, как говорится, отпускают его с миром и выдают ему свидетельство; под одним таким свидетельством подписался тот член компании, который рассказывал мне об этом факте.

Правильно понятая отрицательная благотворительность, однако, не только не требует такого воздержания от порицания, но совершенно наоборот. Прием, благоприятствующий преуспеянию недостойных и считающий опасным предоставить их поведение его нормальным последствиям, не заслуживает никакого этического оправдания.

§ 420. Многое из сказанного в этой главе приложимо, если только переменить выражения, и к наказаниям. Наказание есть порицание, принявшее вместо строгих слов форму строгих дел. Как и во всех других обстоятельствах, здесь следует, насколько возможно, сообразоваться с принципом естественной реакции. Чувство симпатии может, например, побудить обойти молчанием случайную неаккуратность служащего; но если эта неаккуратность является хронической, то необходимость охраны договора, в которой заинтересованы все граждане, требует испробования естественной реакции, в силу которой служащий должен потерять тем или иным путем часть вознаграждения, которое по условию он должен получать за свои услуги. Если рабочие, работающие у какого-нибудь хозяина, постоянно приходят позже назначенного времени, они отнимают у него часть того труда, который они обязаны давать за известную плату, и он имеет право сделать соответственный вычет — наложить штраф. Мы встречаем, к несчастью, на нашей ступени прогресса много таких натур, на которых ни чувство долга, ни мягкий упрек, ни строгие слова не производят заметного влияния; по отношению к ним справедливость требует нормального наказания, заключающегося в потере известных выгод, и отрицательная благотворительность не должна служить ему препятствием.

Относительно наказаний, выражающихся как в делах, так и в словах, мы можем сказать, что если порицание заслужено, то роль отрицательной благотворительности заключается в том, чтобы предупреждать излишнюю строгость, к которой может побудить нас гнев — даже если он является законным. Симпатия, которая заставляет нас в некоторых случаях

воздерживаться от прямого причинения огорчения, а в других — смягчать высказываемое порицание, должна в таких случаях обуздывать наши чувства.

Умеренность, но не воздержание — вот что здесь нужно. Общепринятое мнение, выражающееся в формуле «никогда не выходи из себя», говорит, что гнев является нежелательным при всяких обстоятельствах, но это совершенно ошибочно. Гнев представляет собой нормальный и в некоторых случаях полезный способ выражения наших чувств. Если бы люди, на которых нападают, никогда не обнаруживали гнева, случаи нападения стали бы очень многочисленными. Человечество в настоящее время недостаточно цивилизовано для того, чтобы обойтись без задерживающего влияния страха, и отрицательная благотворительность не может сделать ничего больше как сдерживать гнев в должных границах.

VII | ОГРАНИЧЕНИЯ В ВЫРАЖЕНИИ ОДОБРЕНИЯ

§ 421. Каким образом может та форма альтруизма, которую мы называем отрицательной благотворительностью, оказывать задерживающее влияние на выражение одобрения, — это не сразу бросается в глаза и для большинства людей покажется даже непонятным.

Они легко понимают, что забота о правде должна во многих случаях победить желание доставить удовольствие своим одобрением. Они не сомневаются и в том, что, когда человек, даже не имея в виду приобрести расположение другого, выражает перед ним восхищение, которого не чувствует, он поступает дурно. Еще древний египтянин Птаготеп говорил, что «тот, кто отклоняется от истины, чтобы быть приятным другому, — противен», и в продолжение всех прошедших с тех пор пяти тысяч лет люди не переставали порицать лесть. В наше время отсутствие правдивости в человеке, высказывающем неискренние похвалы, вызывает некоторое презрение даже в том, к кому эти похвалы относятся. Все если и не говорят, то чувствуют, что есть что-то дурное в такой любезности, которая побуждает к незаслуженным комплиментам.

Но требование, которое предъявляется в таких случаях, есть собственно требование избегать лжи, и запрещение вытекает здесь исключительно из правдивости, а не из отрицательной благотворительности. Воздержание от незаслуженных похвал не может, как думают, быть отнесено к той форме альтруизма, которая состоит в воздержании от слов или поступков, причиняющих огорчение, и подведение ограничения в выражении похвал под рубрику отрицательной благотворительности, очевидно, должно заключать в себе какую-то ошибку.

Но, помимо ограничений, предписываемых правдивостью, существуют еще и другие. Даже если мы предположим, что высказываемое или обнаруживаемое одобрение вытекает из искреннего восхищения, то и тогда бывают случаи, когда от него

следует воздержаться. Желание доставить непосредственное удовольствие должно часто подчиняться желанию более отдаленного, конечного блага, в одних случаях — индивидуума, в других — общества.

Трудно отделить те случаи, когда люди воздерживаются от похвалы — выражающейся иногда во взгляде или в манерах, а иногда в словах, — в силу искренности, от тех, когда ими руководят соображения о более отдаленных последствиях вместо ближайших. Мы можем поэтому без всяких неудобств соединить вместе все разнообразно обусловливаемые случаи воздержания от похвалы — воздержания, которое часто предполагает значительные жертвы ради блага других.

§ 422. Восхищение, возбуждаемое ребенком, всегда отражается и на матери, и вот из сознательного или бессознательного стремления к этому восхищению она вызывает своего маленького сына из детской, чтобы показать его гостю. Тщеславие, вообще достаточно сильное в современном человечестве, уже и так достаточно развилось в мальчугане благодаря тому, что ежедневное усиленное внимание к его красивой одежде и тщательно завитым волосам и лестные замечания няни дают ему обильную пищу. Не явится ли у вас желание понравиться ребенку и доставить удовольствие матери каким-нибудь комплиментом? Захотите ли вы поощрить ее к дальнейшему развитию в ее ребенке самомнения и жажды похвал? Если вы этого не делаете, вы доставите разочарование обоим и, вероятно, ослабите дружеские чувства матери по отношению к вам. Однако, несмотря на все это, предусмотрительная забота о благе их обоих заставит вас воздержаться от ожидаемой похвалы.

Вот перед вами красивая молодая женщина, привыкшая получать дань своей красоте и в виде слов, и в виде взглядов. Она постоянно думает о вызываемом ею восхищении и постоянно ждет выражения его. Она, несомненно, красива, настолько красива, что вы с трудом удерживаетесь от того, чтобы не показать ей, что вы это замечаете. Доставите ли вы ей желаемое удовольствие, дадите ли ей заметить ваши взгляды? Если вы будете иметь в виду только ближайшие результаты, вы это сделаете; но если вы подумаете также и о результатах более отдаленных, — вы этого не сделаете. Если вы заметите, что ее натура и так уже

в значительной мере испорчена тщеславием, если вы посмотрите на проявления ее чисто эгоистического желания и увидите, что оно исключает из ее сознания все альтруистические желания, которые, наоборот, должны были бы в нем преобладать, то вы постараетесь не показывать ей, что обращаете на нее больше внимания, чем на других.

Такое самоограничение под влиянием требований отрицательной благотворительности покажется, вероятно, многим бесполезным или даже нелепым. Но если они примут во внимание, что описанное настроение ума часто оказывается очень плачевным и иногда ведет к несчастью для себя и для других, если они вспомнят, что оно способно по прошествии ряда годов испортить различным образом семейную жизнь до такой степени, что матери начинают чувствовать зависть к своим дочерям, и если при этом они вспомнят, что оно развивалось из года в год под влиянием открытой или молчаливой лести окружающих, — то они увидят, что проповедуемое нами воздержание имеет известное значение.

§ 423. Подобным же образом следует ограничивать себя — иногда из желания быть искренним, а иногда из боязни принести вред — и в тех бесчисленных случаях, когда ожидаемое одобрение относится к какому-нибудь результату деятельности человека — книге, поэме, речи, произведению живописи или какого-нибудь другого пластического искусства, пению или исполнению музыкального произведения. В частной жизни зрителю или слушателю кажется трудным действовать в этом случае добросовестно. Боязнь огорчить другого заставляет людей выражать одобрение, которого они не чувствуют, и отклонять мысль о возможных дурных последствиях таких неискренних речей. Там, где поощрение желательно, единственным мотивом ограничения похвалы должна быть правдивость; часто даже в пристрастном одобрении находится такой элемент, который, не развивая тщеславия, доставляет в то же время удовольствие и тем самым возбуждает к дальнейшей деятельности. Если произведение, о котором идет речь, — какой-нибудь эскиз, или предмет, служащий для украшения, то мысль об отдаленных последствиях может не играть задерживающей роли; но если это — произведение литературное:

стихи, статья или, может быть, целая книга, то в таком случае следует обыкновенно воздерживаться от выражений, могущих поощрить напрасное честолюбие. В таких случаях хорошо промолчать или сделать некоторые мягкие возражения — и не только ради того, чтобы избавить начинающего автора от возможных разочарований в будущем, но и ради предотвращения вредных общественных последствий. Стихи, лишённые истинной поэзии, и книги, не содержащие в себе ни фактов, ни ценных мыслей, не только заставляют общество тратить напрасно на бумагу и печатание, но и заглушают действительно ценные произведения. Воздержание от похвалы обращается таким образом во многих случаях в обязанность по отношению к людям вообще. Отрицательная благотворительность предписывает здесь молчание.

Менее широки, но зато более заметны те дурные последствия, которые влечет за собой выражение своего одобрения по отношению к лицам, получившим обыкновенное музыкальное образование, но лишенным крупных музыкальных способностей, и которых при каждом удобном случае просят играть ради предполагаемого удовольствия окружающих. Наш пагубный социальный порядок, стремящийся сделать каждого индивидуума возможно более похожим на другого, заставляя их всех проходить через одну и ту же воспитательную систему, требует, чтобы каждая молодая женщина брала уроки пения и прошла курс игры на фортепьяно, хотя бы она была лишена всякого слуха и чувствовала полное отвращение к тем упражнениям, которые ее заставляют проделывать. Ежедневно в течение целых годов это служит источником утомления для учеников и раздражения для учителей, причиняет неприятности в семье и беспокоит соседей — и все это для того, чтобы на каком-нибудь вечере заставить гостей выслушать плохое пение или плохо исполненную музыкальную пьесу и услышать от них лицемерное «благодарю вас». Здесь выражение похвалы, осуждаемое искренностью, вместе с тем, очевидно, осуждается и заботой об общем благе. Отрицательная благотворительность более широкого характера запрещает выражение таких мнений, которые хотя в отдельности и остаются малозначащими, но в своей совокупности служат к поддержанию системы, вносящей порчу в общественные отношения.

Само собой разумеется, что на обществе лежит еще более настоятельная обязанность запретить общественной критике давать ход незаслуженным похвалам.

§ 424. Существует еще одна форма одобрения, сродная лести и точно так же требующая ограничения: это молчаливая лесть, которая заключается в постоянном согласии с мнениями другого. Если мы, с одной стороны, порицаем человека, постоянно находящего повод к несогласию, то мы должны, с другой стороны, порицать и того, кто (иногда, может быть, до известной степени под влиянием симпатии, но часто еще более под влиянием своего рода раболепства) всегда находит причины соглашаться.

Конечно, уже одной правдивости достаточно для осуждения этой излишней склонности постоянно соглашаться с взглядами другого. Во всех людях, за исключением тех, которые совершенно лишены всяких идей, должны часто зарождаться мнения, противоречащие мнениям тех, с кем они говорят, и если их слова не будут соответствовать их внутреннему убеждению, то всякий найдет их образ действий нечестным. Но не одна искренность требует ограничения этой формы одобрения: того же требует и дальновидная отрицательная благотворительность. Если другой человек продолжает считать ложным то, что, по-вашему, верно, это далеко не безразлично: выражение согласия с высказанным им мнением или положением может повлечь за собой двоякое зло. Во-первых, самая ошибка может иметь для него вредные последствия, затем это может содействовать развитию в нем безосновательного самомнения. Мало того: привычка соглашаться приводит в конце концов к тому, что общественные сношения теряют всякий интерес вследствие отсутствия столкновения различных мнений. Эмерсон осуждает где-то тип человека, состоящего целиком из уступок; очевидно, что беседа между людьми, отличающимися этим свойством, должна сделаться бесцельной. Всякое определенное мнение, всякий индивидуальный характер исчезнут в бесцветном однообразии, если каждый человек будет стараться понравиться всем, постоянно соглашаясь с ними.

Обязанность ограничивать себя, предписываемая отрицательной благотворительностью, состоит здесь в том, чтобы промолчать, когда от явного несогласия нельзя ожидать никакой

пользы. Для того чтобы уметь держать себя — не выражая несогласия там, где оно не нужно, и не выражая согласия там, где оно на самом деле не чувствуется, — часто требуется некоторый такт, который в этом случае является помощником доброго чувства.

§ 425. Ограничивающее влияние отрицательной благотворительности может найти себе применение и еще в одном случае, а именно когда человека приглашают принять участие в публичном чествовании лица, заслуга которого состоит, по всей вероятности, не в чем ином, как только в добросовестном исполнении лежавших на нем обязанностей.

Многие считают нужным пассивно сопротивляться такому способу выражения своих чувств ради предотвращения дальнейшего роста этого злоупотребления. Предлагается, например, преподнести человеку, как выражение признания его заслуг, портрет. Если человек, чествуемый таким образом, проникнут деятельной симпатией, он предпочитает обойтись без этого знака уважения к себе и не заставит своих друзей тратить для этого, зная, что в большинстве случаев их взносы будут даны под некоторого рода нравственным давлением. Но если это лицо не обладает таким исключительно развитым чувством симпатии и поощряет подписку, то человек, который и при обыкновенных условиях отказался бы от подписки, может сделать это здесь ради заботы об общем благе.

Даже в том случае, когда знаком одобрения служит предмет, не имеющий ценности, у него часто могут быть уважительные причины воздержаться от участия в этом. Его может удерживать мысль, что распределение таких наград не соответствует заслугам личностей, что многие из наиболее достойных забываются, в то время как менее достойных чествуют, в результате чего является ложное направление общественного мнения. Затем его может удерживать соображение, что в глазах чествуемого лица хорошее исполнение своего дела не должно было бы служить поводом для особой похвалы, потому что каждый человек должен исполнять это как обязанность, а не с целью заслужить одобрение.

Именно в последнем мы находим решающий аргумент в пользу воздержания от похвалы. В «Основаниях психологии», §§519—523, уже было указано, что от самой ранней эпохи и до

наших дней эго-альтруистические чувства находились в числе главных регуляторов общественного поведения и являлись необходимыми на той ступени развития, когда не существовало и подобия надлежащим образом развитых нравственных чувств. Главным двигателем являлось стремление к хорошей репутации, известности и славе, а не желание сделать взятое на себя дело, исполнить известную обязанность или уметь вести себя хорошо. Любовь к похвале заменяла собой в значительной мере любовь к справедливости. Доэтические чувства должны были управлять поступками, потому что чувства этические были еще недостаточно развиты, чтобы занять их место. Но в таком случае из этого следует, что за более высокой стадией индивидуальной и общественной жизни последует та, на которой «последняя слабость благородных умов» значительно уменьшится и люди будут меньше искать одобрения других и меньше высказывать его сами. Ими будут управлять более высокие мотивы, чем любовь к похвале, а раз требования на похвалу станут меньше, то ее будут меньше и выражать. Это приводит нас к выводу, что жажду одобрения вообще следует подавлять: предусмотрительное желание содействовать дальнейшему человеческому развитию представляет собой достаточный стимул для воздержания от похвалы, особенно в таких случаях, когда люди стремятся ее получить.

VIII | КОНЕЧНЫЕ САНКЦИИ

§ 426. В предыдущих главах мне уже случалось упоминать о происхождении обязанности благотворительности, но я предпочел не говорить об этом происхождении в каждой главе в отдельности, а остановиться на нем более пространно теперь.

Раз мы признали желательным поддержание и процветание человеческого рода или той части его, которая образует собой данное общество, из этого следует, что способы поведения, сгруппированные нами под рубрикой отрицательной благотворительности, имеют своим конечным обоснованием то, что они ведут к этому поддержанию и процветанию. Мы указали на то, что свободная конкуренция должна быть до известной степени ограничена не только ради блага конкурента, которому может грозить бесполезное разорение, но и ради блага общества в целом, которое пострадает от такого уничтожения одной из частей его производящей и распределяющей организации. Мы молчаливо признали, что некоторые ограничения свободы договора нужны для предотвращения крайне вредных последствий для индивидуумов и значительного вреда для общества, а следовательно, и для данной доли человечества — вреда, который может произойти, если всегда, при всех обстоятельствах будет требоваться буквальное исполнение договора. Подобными же соображениями руководствовались мы и тогда, когда осуждали различные более мелкие уклонения от основного принципа общественной кооперации — что каждый индивидуум должен при обыкновенных условиях получать не больше и не меньше истинного эквивалента оказанных им услуг.

Прибавим здесь, что поддержание или процветание расы или разновидности является конечной санкцией и для тех родов отрицательной благотворительности, которые мы рассматривали как ограничение выражения похвалы или порицания. В самом деле, во всех этих случаях требуемое ограничение имеет в виду возможное благо того, кого порицают или хвалят, а именно его возможное улучшение. Но улучшение индивидуума заключается в лучшем приспособлении его к общественной кооперации, а это ведет к общественному благосостоянию, а следовательно, к поддержанию расы.

§ 427. Вторая санкция соотносительна с первой и с известной точки зрения должна даже стоять на первом месте, так как если поддерживаемая раса не пользуется счастьем, то поддержание ее перестает быть желательным. Как уже было указано в §16, как оптимисты, так и пессимисты согласно исходят из того общего постулата, что жизнь должна считаться благословением или проклятием, смотря по тому, будет ли сопровождающее ее сознание приятным или тягостным в общей своей сложности... Исследуя ближе ту истину, что поведение считается нами хорошим или дурным смотря по тому, оказывается ли вся совокупность его последствий приятною или неприятною для себя самого, или для других, или для себя и для других зараз, мы нашли, что эта истина скрывается во всех ходячих суждениях о поведении: доказательство чему можно видеть уже в том, что обратное приложение слов «хороший» и «дурной» сейчас же ведет к нелепостям. Мы нашли также, что всякий другой критерий поведения, из числа тех, какие когда-либо предлагались, почерпает в конце концов свой авторитет из этого «последнего критерия», так как нельзя представить себе ни «совершенства природы самого человека», ни «добродетельности поступка», ни «праведности побуждения», если не считать, что они заключают в себе понятие о счастье для себя самого, или для других, или для себя и для других зараз. Отсюда следует, что раз конечная санкция того поведения, которое мы называем благотворительным, заключается в том, что оно ведет к поддержанию вида, то одновременно с этим его конечной санкцией является то, что оно ведет к счастью, частному или общему: оба этих заключения представляют собой разные стороны одной и той же истины.

Мы видели выше, что эта основная соотносительность между ними необходима и что она неизбежно установилась в процессе развития жизни вообще. Так как для всех типов существ, стоящих ниже человека, не существовало других побудительных мотивов для совершения одних поступков и воздержания от других, кроме доставляемых ими приятных или тягостных чувствований, то в течение мириад поколений существ, предшествовавших человеку, устанавливались мало-помалу некоторые органические отношения между удовольствиями и полезными действиями для индивидуума, или для общества, или для обоих одновременно — с одной стороны и между страданиями

и вредными для них действиями — с другой. Из числа этих органических отношений наиболее существенные, касающиеся потребностей физической жизни, были унаследованы человеческой расой, как дикой, так и цивилизованной, и остались в общем деятельными руководителями ее на пути к благосостоянию индивидуума и вида. И хотя изменения, связанные с переходом от требований дикой жизни к требованиям жизни цивилизованной, упразднили многие из наиболее сложных из этих отношений; хотя процесс нового приспособления, уже до известной степени совершившегося, будет продолжаться в будущем еще в течение долгих периодов времени, прежде чем вполне восстановится гармония между чувствами и потребностями, — тем не менее это первоначальное руководство не может быть уничтожено. Требуемая реорганизация человеческого существа уподобит его существам низшим в том отношении, что не только низшие, но и высшие части его природы будут приспособлены к условиям, предписываемым ему его образом жизни — подобно тому, как это происходит у низших существ; все действия, ведущие к его собственному благосостоянию и к благосостоянию вида, будут ему казаться приятными.

Таким образом, мы находим две соотносительные санкции благотворительности: во-первых, в том, что она ведет к счастью, ближайшему или отдаленному, или одновременно к тому и другому, а, во-вторых — как следствие этого, — в том, что она служит поддержанию вида или расы, рассматриваемых как пользующиеся растущим счастьем. И во всех ходячих понятиях о благотворительности мы находим смутно или ясно выраженный этот взгляд: если какой-нибудь род поведения ведет к увеличению суммы несчастья, ближайшего, или отдаленного, или того и другого вместе, то он считается всеми не благодетельным, а, наоборот, вредным.

Само собой разумеется, что эти соображения, касающиеся природы благотворительности вообще и высказываемые здесь по поводу тех действий, которые мы подводим под рубрику отрицательной благотворительности, приложимы в равной степени и даже с большей очевидностью к действиям, которые мы обобщаем под именем положительной благотворительности и к которым мы теперь переходим.

ЧАСТЬ III

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

I | СУПРУЖЕСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

§ 428. Обращение с женщинами относится к самым мрачным страницам истории человечества, а если бы в нашем распоряжении были данные об истории доазбучной, то эта сторона жизни показалась бы нам еще более мрачной. Я говорю «к самым мрачным страницам», потому что многие другие, несомненно еще более ужасные вещи, как, например, людоедство, истязание пленных, принесение людей в жертву духам и богам, были явлениями спорадическими, между тем как жестокое обращение с женщинами — явление всеобщее и постоянное. Если мы бросим сначала взгляд на подчиненное положение женщин у полукцивилизованных народов, а затем обратимся к нецивилизованному и посмотрим, какую тяжелую и полную лишений жизнь ведут среди них почти все женщины, если мы задумаемся о том, что должно было совершаться у еще более диких народов, которые в течение многих тысячелетий бродили по земле в первобытные времена, то придем к тому заключению, что наше воображение не в силах даже представить количество перенесенных и переносимых женщинами страданий.

Это дурное обращение с женщинами (как я уже раньше указывал) было неизбежным спутником постоянной борьбы за существование между племенами — борьбы, которая местами продолжается еще и до сих пор, некогда же происходила повсюду (§335). Жестокость мужчин, поддерживаемая борьбой с врагами, необходимым образом проявлялась и в их домашней жизни. Как во внешних, так и во внутренних отношениях племени слабейший оказывался в положении побежденного. Полное отсутствие симпатии приводило к тому, что женщины неизбежно должны были страдать от эгоизма мужчин, и эти страдания не имели другого предела, кроме физической способности первых переносить истекающие отсюда лишения. Переходя эту границу, дурное обращение делало женщин неспособными воспитывать надлежащее количество детей и влекло за собой уничтожение племени. И мы смело можем предположить,

что множество племен исчезло по этой причине, уступая место другим, у которых дурное обращение с женщинами не доходило до крайности.

Однако не следует думать, что женщины, вынужденные в прошлом, а во многих местах еще и теперь переносить все эти страдания, были или есть существенно лучше мужчин. Повсюду жестокость является общим свойством обоих полов, и, судя по наблюдаемому у североамериканских племен пристрастию женщин к истязанию пленных, у них она проявляется даже резче, чем у мужчин. Несомненно только то, что неограниченный и жестокий эгоизм, являющийся характерной чертой обоих полов, отражался пагубно на тех, кто был менее способен к сопротивлению. В силу этого женщины были вынуждены выносить все тягости, исполнять скучные и монотонные работы, оставаться голодными до тех пор, пока не удовлетворят своего аппетита их властелины, и довольствоваться остатками.

Только в более поздние периоды истории человечества, когда борьба за существование между обществами, как малыми, так и большими, перестала с прежним постоянством возбуждать зверские страсти, обращение с женщинами сделалось мало-помалу менее жестоким, и только в течение именно этого периода у мужчин возникла мысль, что женщины имеют по отношению к ним некоторые специальные права; возникли также и соответствующие этой мысли чувства.

§ 429. Однако мы зашли бы, быть может, слишком далеко, если бы приписали это смягчение в поведении мужчин некоторому сознанию его большей благопристойности. Мало-помалу характер людей изменился, и сопровождавшее эту перемену улучшение в обращении мужчин с женщинами, которое, в свою очередь, приводило к постепенному изменению обычаев, не имело никакой другой общепризнанной санкции, кроме авторитета этих обычаев. Частью благодаря влиянию непосредственной симпатии, частью под давлением общепринятых условностей, то те, то другие привилегии переходят к женщинам; но истинная нравственная основа этого лучшего обращения еще не сознается сколько-нибудь ясным образом.

В предыдущих главах мы неоднократно и в различных случаях видели, что помимо равенства (*equalization*), требуемого

от нас справедливостью, которое полагает свободе каждого границы, обусловливаемые свободой всех, благотворительность побуждает нас к дальнейшим шагам по пути к еще большему равенству. После того как равенство устанавливается относительно сфер деятельности, она требует, чтобы мы сделали что-нибудь в смысле уменьшения неравенства тех выгод, которые сильнейший и слабейший в отдельности получают в пределах своей сферы. Это требование должно быть выполнено прежде всего в отношениях между мужчинами и женщинами. Оставляя в стороне все вопросы, касающиеся умственных сил, нельзя отрицать, что по отношению к физическим силам женщины не равны мужчинам и в этом отношении в борьбе за существование стоят в невыгодных условиях. Неоспоримо также, что, вынашивая детей, они терпят новый ряд невыгод и от времени до времени становятся в значительной степени неспособными утилизировать даже и те силы, которыми обладают. Далее, не подлежит также сомнению, что если заботы о добывании средств для семьи и падают на мужчин, то все же тягостные обязанности женщин, непрерывное с утра до вечера наблюдение за детьми привязывают их более тесным образом к дому и вообще ограничивают в большей степени их индивидуальное развитие. Неизбежно возникающее отсюда неравенство в жизни обоих полов должно быть, насколько возможно, сглажено мужчинами; их долг вознаградить за него женщин.

Таким образом, те правила поведения, которые характеризуют отношение мужчин к женщинам в цивилизованных обществах, не представляются, как это кажется на первый взгляд, собранием произвольно установленных условностей. Если не сознательно, то бессознательно мужчины подчинили в настоящее время свое поведение известным властным требованиям положительной благотворительности.

§ 430. Идеи и чувства, которые должны регулировать отношения между мужчинами и женщинами вообще, находят более специальное приложение в сфере супружеских отношений. Здесь больше, чем в какой-либо другой сфере, на мужчине лежит обязанность, насколько возможно уменьшить те невыгоды, под давлением которых приходится жить женщине. В первое время супружеской жизни эта обязанность обыкновенно

выполняется хорошо. Чувство, связывающее оба пола, обеспечивает, по крайней мере на время, признание прав женщины со стороны мужчин, за исключением разве самых грубых из них. Ее относительная слабость является одним из элементов привлекательности — и у мужчины естественно рождается желание охранить ее от вредных последствий этой относительной слабости. Но хотя природа людей стала теперь менее исключительно эгоистической, чем прежде, однако эгоизм, унаследованный от предков более варварского типа, до известной степени вновь воскресает в значительном числе случаев. Часто случается, что проявляемая на первых порах заботливость уменьшается, а по временам игнорируются даже требуемые обычаями знаки внимания — то по достаточно извинительному поводу, то без всякой оправдывающей причины. Вследствие этого нужно, чтобы в сознании людей утвердилась истинная нравственная основа необходимого со стороны мужчин симпатического самопожертвования в пользу женщин вообще, и в особенности со стороны мужей по отношению к женам. До тех пор пока существует мнение, что правила поведения, регулирующие отношения полов вообще, а тем более супружеские отношения, представляют по своему происхождению условности, ими будет легче пренебрегать, чем тогда, когда на них будут смотреть, как на проявление того рода благотворительности, которая стремится уменьшить неравенство в жизни всех, кому природа дала неодинаковые преимущества.

Различные случайности в жизни женщины в течение периода беременности носят такой характер, что по временам требуют особого внимания. Более или менее серьезные расстройства здоровья являются обычными спутниками этого состояния, а иногда с ними бывает связано и душевное расстройство. Когда на эти недомогания будут смотреть как на следствия так тяжело лежащих на женщину функций, то естественно, что и отношение к ним должно сделаться заботливым и нежным. Те же причины могут оказывать на женщин и более общее влияние, которое иногда объясняется неправильно и подрывает чувство мужчины. Антагонизм воспроизведения и индивидуации (как мы уже раньше указывали) нередко вызывает у женщин значительное ослабление умственной деятельности. Живо обнаруживаемые до замужества умственные интересы

уменьшаются и исчезают, и человек развитой, ожидавший встретить в жене сочувствие своим стремлениям, видит себя обманутым в своих надеждах. Благодаря этому иногда происходит отчуждение, которое ведет к упадку семейной жизни. Между тем если бы мужьями руководила разумная благотворительность, то они, правильно объясняя себе это ослабление умственной деятельности, относились бы к нему не с раздражением, а с сожалением, которое сопровождалось бы некоторой особенной симпатией, чтобы вознаградить женщину за утраченные ею умственные удовольствия.

§ 431. Без сомнения, то самопожертвование, как в мелких, так и в крупных вещах, которое муж должен проявлять относительно своей жены, безгранично. В то время как со стороны мужа унаследованная и столь еще несовершенно в настоящее время нравственная природа ведет к недостатку внимания, требуемого истинной благотворительностью, со стороны жены та же унаследованная нравственная природа часто является причиной настойчивости на незаконных требованиях. Женщины требуют и достигают несколько большего, чем нормальное вознаграждение за невыгоды их жизненных условий. Подобное отношение к мужу нередко устанавливается в течение первой беременности. В это время чрезмерная требовательность со стороны жены не может встречать достаточного отпора. Сильное волнение может повлечь за собой несчастные последствия, и муж, опасаясь таких последствий, чувствует себя обязанным уступить, как бы безрассудно ни было требование жены. Это взаимное положение супругов, раз возникнув и продолжаясь в течение нескольких месяцев, обнаруживает тенденцию упрочиться. Подобный результат легче всего может получиться в тех случаях, когда жена такая именно женщина, для которой не следует делать чрезмерно больших жертв; низменная натура ее обнаруживается в этом пользовании преимуществами своего положения.

Как нужно поступать в таких случаях, сказать трудно. Ответ должен быть различен сообразно с обстоятельствами. Если, с одной стороны, нежелательно сильное преобладание мужа над женой, то, с другой стороны, еще более нежелательно сильное преобладание жены над мужем; еще более нежелательно,

потому что женщина менее беспристрастна и более импульсивна, чем мужчина. Хотя при тех обстоятельствах, когда, по всей вероятности, впервые предъявляются незаконные требования со стороны жены, им и не может быть дано надлежащего отпора, тем не менее не следует уступать им потом, когда уже нельзя опасаться дурных последствий. С ними необходимо бороться ради счастья обоих супругов, так как проявление силы является чертой мужского характера, наиболее привлекательной для женщин и внушающей постоянство их привязанности, и слабость последнего, выражающаяся в постоянной уступчивости при столкновениях, становится в действительности причиной ослабления привязанности и уменьшения супружеского счастья. Та истина, что часто женщина больше любит сильного, хотя и дурно обращающегося с нею человека, чем хорошо относящегося к ней, но слабого, свидетельствует о том, какую громадную ошибку делает муж, который примиряется с подчиненным положением.

Но все вопросы этого рода, источником которых является человеческая природа, еще недостаточно совершенная для гармонической семейной жизни — для последней еще более недостаточно совершенная, чем для гармонической общественной жизни, — должны по необходимости остаться с очень неопределенными ответами. Активная симпатия и вытекающая из нее благотворительность необходимы как со стороны мужа, так и со стороны жены, и недостаток в них в каждом из супругов должен приводить к дурным результатам, которых нельзя исправить никакими средствами. Можно сказать только одно: пусть лучше необходимая благотворительность со стороны мужа грешит излишком, чем недостатком.

§ 432. Супружеская благотворительность должна быть, без сомнения, взаимной. Хотя главным образом муж должен оказывать ее жене, но и жена должна оказывать ее мужу в широких размерах. Если ей и не приходится вознаграждать мужа за относительную слабость и невыгоды жизненных условий, то тем не менее она должна отплатить ему за делаемое для нее добро и жертвы теми меньшими жертвами и добрыми поступками, какие возможны в сфере домашней жизни. Она должна сознавать, что находится в долгу у того, кто зарабатывает

хлеб, и до известной степени погашать этот долг: молчаливый договор между супругами по справедливости предполагает это. Но сверх требуемого молчаливым договором старательного исполнения необходимых домашних обязанностей жене представляется полная возможность для благотворительности в бесчисленных мелочах, способствующих семейному счастью. Если, с одной стороны, мы часто видим в менее цивилизованных семьях, что муж совершенно игнорирует права жены, обрекая ее доступной только мужчине работой, то, с другой стороны, мы также часто видим небрежных жен, которые, проводя время в праздности вне дома или убивая его на болтовню, относятся с таким невниманием к своим домашним обязанностям, что вызывают постоянные ссоры и приводят к семейному несчастью. Особенно среди зажиточных классов есть немало замужних женщин, которые занимаются то чтением романов, то визитами, то модными дамскими работами и почти никогда не заглядывают в кухню, слагая все свои обязанности на прислугу. Помимо действительного управления домом, требуемого одинаково как справедливостью, так и благотворительностью, со стороны жены необходимо также сочувствие интересам мужа, его стремлениям и заботам. Правда, что такое сочувствие охотно проявляется в значительном числе случаев, но справедливо также и то, что часто жена не делает никаких попыток или делает очень мало попыток разделить занятия и вкусы мужа в свободное от занятий время. Обыкновение молодых девушек, которые ежедневно упражняются в музыке до замужества, забрасывать ее по выходе замуж, служит примером недостатка тех мелких проявлений благотворительности, которых требует должная взаимность.

§ 433. Относительно всей той части хорошего поведения в сфере супружеских отношений, которая идет дальше требований справедливости, — т.е. молчаливого договора о доставлении средств к жизни и покровительстве, с одной стороны, и исполнении домашних и материнских обязанностей — с другой, нужно заметить, что эта часть поведения должна носить добровольный характер. Благотворительность принудительная (как уже сказано выше) перестает быть благотворительностью. К несчастью, многие из проявлений внимания, к которым побуждает

доброта, становятся механическими, как только войдут в обыкновение, и вследствие этого теряют в значительной степени свою первоначальную нравственную красоту. Когда то, что было добровольной уступкой, требуется как должное, тогда сопровождавшее ее раньше с обеих сторон чувство удовольствия исчезает, а часто даже заменяется противоположным чувством, так как предъявление присвоенных себе прав предполагает эгоизм, а уступка ему делается без всякой симпатии.

Таким образом, желательно, чтобы как в общественных отношениях мужчин и женщин, так равно и в супружеских отношениях сохранялось насколько возможным различие между справедливостью и благотворительностью, так чтобы последняя продолжала носить характер непосредственного доброго побуждения, на которое не было заранее рассчитано.

Благотворительность в супружеских отношениях может достигнуть полного развития только тогда, когда каждый из супругов будет заботиться о правах другого. До тех пор пока будет продолжаться обычный порядок, при котором каждый отстаивает свои права и дает отпор посягательству на них, не может быть никогда полной гармонии. Только тогда, когда каждый будет готов скорее пожертвовать собой, чем принять жертву, может быть достигнута высшая форма супружеских отношений.

II | РОДИТЕЛЬСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

§ 434. Уже в девятой главе «Этики индивидуальной жизни» мы сказали многое, что с таким же или даже с большим удобством можно было бы изложить под настоящим заглавием. Но поведение родителей по отношению к детям представляет еще и другие, не затронутые в указанной главе стороны, которые нам еще остается рассмотреть здесь.

Говоря вообще, мы можем сказать, что поведение родителей более всякого другого доставляет примеры благотворительности. Хотя в отношениях родителей к детям эгоизм по временам действует сильнее, чем альтруизм, и хотя здесь играет роль такой фактор, как эгоизм любви, который побуждает жертвовать высшими интересами ребенка ради того, чтобы немедленно доставить ему удовольствие, тем не менее в этой сфере не столько нужно настаивать на благотворительности, сколько на некотором ограничении ее.

Безрассудная благотворительность должна уступить место разумной благотворительности. В тех случаях, когда родители охотно доставляют детям необходимое для их физического развития и, при посредстве доверенных лиц, все нужные вспомогательные средства для умственного развития, они скупаются на размышление и внимание, необходимые для хорошего руководства воспитанием детей.

§ 435. Большинство людей ничем так не дорожатся, как работой мысли. Тот факт, что во всем мире девяносто девять человек из ста принимают ту веру, в которой родились, служит характерным примером их отношения ко всем видам мысли вообще. Почти все они механически следуют привычной рутине и не только слепы к ее недостаткам, но не хотят признавать этих недостатков даже тогда, когда им на них указывают. Это всюду обнаруживаемое ими нежелание думать заметно также и в их отношениях к детям. Они молчаливо признают, что исполнили уже свой родительский долг, когда снабдили детей

в достаточной степени всем необходимым в сфере их физических нужд и сдали на попечение учителей, которым платят сами или общество.

Но правильно понимаемая родительская благотворительность обнимает более широкий круг обязанностей. Некоторые части умственного воспитания можно с успехом передать доверенному лицу; другие же передать нельзя. В позднейших стадиях может быть полезно поручить умственное воспитание учителям, между тем как первоначальное интеллектуальное развитие и эмоциональное развитие в течение всего воспитательного периода должны лежать на обязанности родителей. Они могут и в этой сфере пользоваться помощью других лиц, но последние не могут надлежащим образом заменить в этих отношениях родителей. Ребенок даже тогда, когда он еще на руках, уже ищет сочувствия своей умственной деятельности: он протягивает данную ему вещь к вашему лицу, чтобы и вы могли посмотреть на нее, а когда он подрастает и научается говорить, то постоянно сопровождает свои объяснения вопросом: «Так?» — обнаруживая этим желание услышать согласие и подтверждение своих слов. Ответы на эти духовные запросы должны исходить от родителей более, чем от кого-либо другого. И дело родителей же более, чем кого-либо другого, положить в основу нормального процесса обучения привычку ребенка задавать вопросы. Для родителей в тех случаях, когда их чувство к детям соединено с наблюдательным и мыслящим умом, этот процесс развития должен представлять больший интерес, чем для других. Обнаруживаемое каждым ребенком в его постоянных вопросах рвение к знанию родительская благотворительность должна стремиться удовлетворить, открывая перед ним от времени до времени путь к новым категориям вопросов, касающихся фактов, доступных пониманию детского ума. На это нам могут возразить, что ни отец после своих утомительных занятий, ни мать среди своих домашних хлопот не могут выполнить этого. Но для того чтобы руководить саморазвитием, достаточно уделять ежедневно очень маленькую долю внимания, и истинно образованные родители будут находить интерес в наблюдении за его успехами.

Еще в большей степени домашнего надзора требует образование характера как в первые, так и в позднейшие перио-

ды воспитания. Если поведение родителей было таково, каким оно должно быть, то создавшаяся между ними и их детьми взаимная привязанность даст им возможность сильнее влиять на чувства детей, чем мог бы влиять кто бы то ни было, — и добрые родители будут считать одной из своих ежедневных обязанностей пользоваться этим влиянием ради самых лучших целей. Они будут достигать их не понудительными средствами, так как последние редко потребуются, если между родителями и детьми установились правильные отношения, но путем нравственного влияния, выражением одобрения и порицания, сочувствия и отвращения по поводу тех или других поступков, смотря по тому, будут ли они выше или ниже нормы. В тех случаях, когда воспитание с самого начала ведется правильным образом и родители обладают должною находчивостью, необходимой для того, чтобы приравнивать способы контроля над детьми к особенностям их характера, нравственное воспитание перестает быть тягостным и может превратиться в удовольствие.

Но каковы бы ни были затруднения на этом пути, в сферу родительской благотворительности входят настолько же заботы о душе детей, насколько и заботы об их теле. Если детей необходимо воспитывать годными для жизни, то было бы нелепо предполагать, что родители должны заботиться об одной стороне пригодности и игнорировать другую.

§ 436. Обыкновенно бывает, что родительская благотворительность, далеко не отвечая требованиям в некоторых отношениях, в других, напротив, заходит гораздо дальше этих требований, или, лучше сказать, в других отношениях она побуждает доставлять немедленно счастье, не заботясь должным образом о дальнейшем счастье. Я имею в виду, без сомнения, всем известное и всеми осуждаемое обыкновение родителей «баловать» детей.

Так как выработка в детях пригодности к самостоятельной жизни составляет дело воспитания, то последнее должно уподобить их жизнь в раннем возрасте той, которую им придется вести в позднейшее время, уподобить настолько, чтобы поддерживалось если не то же самое, то по крайней мере некоторое соответствие между трудностями жизни и ее удовольствиями. Без

сомнения, жизнь детей в раннем возрасте, представляя периоды роста и развития, должна отличаться от дальнейшей жизни в том отношении, что в детстве как в физической, так и в духовной сфере необходимо больше давать и меньше требовать; но тем не менее уже в этом первом периоде нужно ознакомить детей с соотношением между затрачиваемыми усилиями и получаемыми выгодами, которое должно вполне выясниться для них в зрелом возрасте. Поэтому не следует доставлять постоянно удовольствий без всякого отношения их к трудолюбию. Родители, руководящиеся разумной благотворительностью, должны избегать чрезмерного потворства желаниям детей.

Вред, причиняемый слишком большим несоответствием между получаемыми выгодами и затрачиваемыми усилиями, часто сопровождается в нынешнее время еще и другим злом, что можно наблюдать не среди более бедных членов общества, но среди людей со средствами. Они щедро доставляют детям разнообразные общественные удовольствия, которые следовало бы оставить до зрелого возраста, и отсюда получается тот неизбежный результат, что жизнь в зрелом возрасте уже не может дать им столько, сколько она могла бы дать при нормальных условиях. Когда воспитание ведется правильно, окружающий мир и ежедневные происшествия доставляют достаточно удовольствий, чтобы заполнить время отдыха в детской жизни, не прибегая к многочисленным искусственным удовольствиям, — и родители, руководимые мудрой благотворительностью, будут стараться полней утилизировать первые и таким образом избегнут вреда, часто приносимого теперь снисходительными родителями своему сыну, которого они делают *blasé* раньше, чем он вступил в действительную жизнь.

§ 437. Часто в тех случаях, когда родительская благотворительность удовлетворяет требованиям во всех других отношениях, остается еще одна сторона, относительно которой она оказывается несостоятельной. У родителей замечается недостаток должного самообладания для равномерного распределения между всеми детьми родительских ласк и забот. Это причиняет большой вред, в котором родители, по-видимому, мало отдают себе отчета. То, что родители не могут чувствовать одинаковой привязанности ко всем детям, лежит в природе вещей.

Закон неустойчивости однородного проявляется в жизненных мелочах так же, как и повсюду. Тяготение к неравенству и большей или меньшей исключительности в привязанностях является неизбежным. Уже с самого рождения некоторые дети внушают матери меньше материнской любви, чем другие, — и эта разница в расположении к ним, раз возникнув, имеет тенденцию еще больше возрастать благодаря тому, что отсюда вытекает разница в обращении с детьми и в степени ответного чувства.

Мы видим отсюда, что слепые инстинкты, даже альтруистического характера, требуют ограничения и руководства со стороны высших чувств. И благотворительность, и справедливость предписывают возможно большее приближение к равенству в обращении с детьми, т.е. равному распределению между ними родительских ласк и забот. Ни для кого не будет представлять вопроса, что с точки зрения справедливости каждый ребенок имеет одинаковое право на ту помощь в своем развитии, которую родители призваны оказать ему, и едва ли кто-нибудь будет отрицать, что и та часть поведения родителей, которая переходит за пределы справедливости и становится благотворительностью, должна также быть распределяема между детьми с возможно большею справедливостью.

Очень важно, чтобы в этой сфере чувства имели большую власть над инстинктами, так как исключительность привязанности в семье причиняет громадный вред. Часто родители, благородные во многих других отношениях, поступают очень жестоко с некоторыми из своих детей, относясь к ним равнодушно, между тем как расточают ежедневно ласки их братьям и сестрам. Омрачить все годы детства — немалое зло. Но помимо прямого вреда такое отношение причиняет и косвенный вред. Душевное угнетение ведет к потере бодрости духа и часто служит причиной умственной неспособности. Такое отношение к детям неблагоприятно действует также на их характер, пробуждая в душе их враждебное чувство и зависть. И таким путем теряется то руководящее влияние на детей, которым пользуются родители, воспитавшие в своих детях симпатическое к себе отношение.

Немногие стороны поведения родителей относительно детей нуждаются так в родительской благотворительности, как борьба с неизбежно возникающей склонностью неравномерно распределять свои ласки между детьми.

§ 488. Нам остается назвать наиболее вредное из проявлений дурно направленной, родительской благотворительности. Часто излишек ее в одном отношении соединяется с недостатком в другом. Отец, совершенно механически исполняющий свои обязанности по отношению к детям, нисколько не заботящийся об их умственном развитии и обнаруживающий к ним во время их детства очень мало родительских чувств, посвящает тем не менее многие годы неустанного труда накоплению большого состояния, которое завещает им по наследству. Правда, он поступает так не потому исключительно или даже главным образом, что его побуждает желание оставить детям хорошие средства. Часто главным мотивом служит чисто эгоистическое желание приобрести почет, доставляемый богатством. Но к этому мотиву присоединяется также желание оставить детям наследство, которое дало бы им возможность жить без труда и забот. Насколько в таком отношении действует благотворительность, эта благотворительность носит сложный характер.

Хотя наш общественный строй с его громадным скоплением богатств в сравнительно немногих руках и является таким строем, который наиболее приспособлен к существующему типу людей и, вероятно, необходим для него, но мы можем с полным правом смотреть на него как на переходный. Подобно тому как новейшие времена были свидетелями уменьшения сильного политического неравенства и сопровождающего его неравенства власти вообще, которое являлось характерной чертой более ранней эпохи, так в высшей степени вероятно, что и будущее будет свидетелем уменьшения господствующего теперь денежного неравенства. Тот общественный строй, который мы теперь, по-видимому, переживаем, возник из военного строя и может быть назван военно-промышленным; он представляет такой промышленный строй, который хотя и опирается на систему договора вместо системы раз установленных законов и обычаев, но в значительной степени еще проникнут прежним военным духом, что, действительно, и не могло бы быть иначе, так как характеры и чувства людей могут изменяться только в течение долгих периодов. Хотя можно ожидать, что денежное неравенство — в некоторых случаях немалое, быть может, — будет характерной чертой также и будущего, снова возникнув после временного торжества социализма и коммунизма, тем не

менее мы можем предположить, что при лучших общественных условиях и высшем развитии людей оно не будет иметь ничего похожего на то неравенство, которое существует теперь. Тогда не будет ни возможности, ни желания накапливать большие состояния: желание это уменьшится отчасти потому, что люди признают ту истину, что родительская благотворительность вместо того чтобы усиливать это желание, подрывает его.

В этом отношении на детей одинаково вредно влияет как надежда на то, что они будут иметь возможность жить без труда, так и осуществление этой надежды. Как мы уже указывали в главе о деятельности, а также и в другом месте, истинно здоровой жизни не может быть, когда получаемые выгоды не имеют отношения к затрачиваемым усилиям. Организация человеческого существа наравне со всеми другими существами (за исключением паразитов) основана на том общем принципе, что поддержание жизни должно быть результатом деятельности; и если оно происходит помимо нее, то влечет за собой вред для организма. Отсюда происходит уменьшение приспособленности организма к жизни, которое, продолжаясь из поколения в поколение, приводит к вырождению. Нам нет надобности доказывать это. Деморализация, производимая «большими ожиданиями», представляет общеизвестный факт.

Кроме вреда указанного нами рода родительская благотворительность, которая заходит дальше нормальных требований — всестороннего приготовления детей к самостоятельной жизни и помощи им в их первых шагах, — приносит вред и в другом отношении. Она воспитывает в детях мысли и чувства, совершенно несовместимые с сыновним отношением. Сцену между Генрихом V и его умирающим отцом, когда первый, оправдываясь в том, что взял корону, говорит: «Я не думал, что снова услышу ваш голос», — а король отвечает ему: «Желание породило у тебя эту мысль, Гарри», — можно признать типичной для того душевного состояния, которое легко возникает в тех случаях, когда смерть отца должна доставить сыну большую власть, или состояние, или то и другое вместе. Хорошо известный факт, что между находящимся в живых владельцем завещанного имущества и будущим владельцем возникает некоторое тайное чувство ревности, служит тому достаточным подтверждением. Следовательно, тот, кто накапливает большое

состояние, которое должно после его смерти перейти к детям, и кто в то же время хочет избежать опеки, неизбежным образом подвергает себя громадному риску вызвать в душе своих детей жестокое желание своей скорейшей смерти. Мысли о выгодах, приобретаемых после кончины отца, будут часто возникать у детей сами собой, и хотя сыновняя привязанность и может быть настолько сильна, чтобы подавить эти мысли, однако они исчезнут ненадолго и будут порождать хроническую внутреннюю борьбу деморализирующего свойства. Общераспространенное обыкновение запасать много для детей во всех отношениях скорее вредно, чем полезно. Побуждая их к бездействию и беззаботности в юности, укрепляя эти черты в них и тогда, когда они вступят во владение наследством, и делая таким образом их жизнь ненормальной, этот обычай одинаково вреден как для родителей, так и для общества. Всецелое поглощение делами, полнейший материализм в стремлениях, суживая умственную жизнь отца, подрывает также и его физические силы: причиняет расстройство здоровья и ведет к противоестественно раннему концу. В то же время жадность к богатству создает часто ту жестокую конкуренцию, которая, как мы видели в одной из предыдущих глав, не только причиняет бесполезные страдания конкурентам, но и влечет за собой зло общественное.

Отсюда можно вывести то заключение, что должное внимание к своим собственным интересам, к интересам своих близких и общественным требованиям должно, вместе с предусмотрительной благотворительностью, удерживать родителей от создания такой независимости своим детям.

III | СЫНОВНЯЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

§ 439. Многие годы детства должны пройти, прежде чем у детей может явиться мысль о их естественных обязанностях к родителям, как тех, которых требует справедливость, так и тех, которых требует благотворительность. Правда, родители постоянно настаивают на обязанности детей повиноваться им, и последняя хотя и игнорируется в иных случаях, зато в других признается надлежащим образом. Но всегда на нее смотрят как на обязанность, налагаемую произволом родительской власти. У детей существует очень мало или совсем не существует никакого представления о ее естественности.

Бывают, однако, случаи, преимущественно в семьях с ограниченными средствами, когда раньше даже, чем наступит юношеский возраст, преобладающее чувство симпатии побуждает детей оказывать постоянную помощь, стараться облегчить бремя, падающее главным образом на мать, — и в этих случаях, быть может, возникает мысль, что эта помощь является лишь ничтожным вознаграждением за все заботы о воспитании, которыми они пользовались в предыдущие годы. Но чаще эта достойная похвалы помощь является следствием скорее непосредственного побуждения, внушаемого привязанностью, и вытекающего из нее доброго чувства, чем признания прав родителей.

Во многих случаях, однако, — и можно опасаться, что в громадном большинстве их, — даже с наступлением зрелого возраста не возникает идеи о сыновней благодарности как следствии идеи о сыновнем долге.

Дети принимают как должное, не обязывающее ни к какой благодарности то, что их кормят, одевают и воспитывают; чаще случается, что они втихомолку ропщут на то, что не получают многих желательных вещей. Если при случае отец, делая своему юному сыну выговор, напоминает ему о принесенных ради его блага жертвах, указывает, в чем должна выражаться его признательность за них, и требует от него в силу естественного и разумного отцовского желания по крайней мере молчаливого

признания неоспоримого факта, если уж он не способен ни к чему большему, — то отцовские речи часто не вызывают у сына тех чувств, какие должны бы вызвать. В большинстве случаев на родителей смотрят как на законный источник благ, на который можно рассчитывать во всем и по отношению к которому не существует никакого долга.

И таково действительно и есть примитивное отношение детей к родителям. Такова связь между каждым поколением и следующим за ним во всем вообще животном царстве. С неутомимой энергией и неусыпной заботливостью воспитывают родители своих детей до их зрелого возраста, и дети, неспособные понять того, что для них было сделано, неспособны также и к ответному чувству. Эта животная форма родительских и сыновних отношений в значительной степени удержалась и у людей.

Часто в том возрасте, когда молодые люди должны уже быть способны к самостоятельной жизни, они постоянно требуют помощи у стариков, и если не получают того, чего просят, то выражают свое неудовольствие в не совсем почтительных словах. Правда, сознание о громадном долге детей родителям и вытекающих из него обязанностях высказывалось иногда с давних пор, о чем свидетельствуют следующие слова египетского мудреца Ани: «Ты был отдан в школу, и в то время как ты учился грамоте, она (мать) аккуратно приходила к твоему учителю и приносила для тебя еду и питье из дому. Ты стал теперь взрослым мужчиной, ты женился и имеешь свой дом, но ты не должен никогда забывать о том тяжелом труде, который перенесла твоя мать, и о всех ее благодетельных заботах о тебе. Остерегайся, чтобы у нее не было причины жаловаться на тебя, и опасайся, чтобы она не воздела свои руки к Богу и чтобы Бог не услышал ее молитвы» (The Hibbert Lectures, 1879).

Но хотя обязанности детей по отношению к родителям и признавались всеми, но в действительности мало чувствовались и теперь еще очень недостаточно чувствуются, и до сих пор дети все еще недостаточно сознают свою обязанность возвратить долг родителям.

§ 440. Общераспространенное понятие о сыновней благотворительности недостаточно широко. Все, исключая самых бесчеловечных людей, чувствуют, что нужно охранять родителей

от нужды и прямых физических лишений, но немногие чувствуют обязательность постоянного внимания, снисходительности в мелочах и проявлений привязанности, которые в действительности являются обязательными. Необходимая взаимность охватывает не только материальные, но и нравственные блага и предполагает такое старание сделать родителей счастливыми на старости лет, которое соответствовало бы стараниям последних сделать счастливыми своих детей во время их детства.

Немногие стороны человеческой природы в настоящем ее виде так несовершенны, как эта сторона. Хотя у цивилизованных народов стариков не бросают на произвол судьбы и не предоставляют им умирать от голода, как это делается у диких племен, но тем не менее им предоставляют угасать в условиях, которые, выражаясь фигурально, могут быть названы нравственным голодом. Оставляемые своими детьми поочередно, по мере того как они вступают в брак, родители часто вынуждены под конец жизни вести почти или совершенно одинокую жизнь. Лишенные уже той энергии, которая необходима, чтобы испытывать удовольствия, доставляемые деятельностью, не пользуясь и пассивными удовольствиями, доставляемыми общением с кругом знакомых, они страдают от скуки и однообразия жизни. От времени до времени, то тот, то другой из детей навещает их ради внешнего выполнения сыновнего долга и ради успокоения своей совести в том случае, когда обладает настолько симпатической натурой, чтобы чувствовать ее угрызения; но дети редко обнаруживают достаточно сердечности и внимания, чтобы сделать настолько отрадными последние дни жизни родителей, насколько это необходимо, так как эти последние дни должны быть вознаграждением за хорошо прожитую жизнь и хорошо выполненные обязанности.

Требование сыновней благотворительности является вопиющей необходимостью, и вместе с тем нельзя указать того пути, которым можно было бы достигнуть его выполнения. Оно не может, в сущности, исходить от самих стариков, так как они являются лицами благотворимыми. От самой же молодежи мы не можем ожидать проявления в достаточной степени сыновней благотворительности, так как потребность в ней предполагает недостаток с их стороны чувства, которое создает эту потребность.

Официальные же проповедники нравственности редко касаются этого предмета, а если и касаются его, то без надлежащего результата.

Если те лица, на чьей обязанности лежит внушать людям правила поведения, не выполняют ее должным образом по отношению к сыновней благотворительности и недостаточно настаивают на ней в интересах родителей, то тем менее они настаивают на ней в интересах самих детей. Относясь небрежно к своей обязанности поддерживать права отцов и матерей по отношению к детям, они предоставляют последним страдать на склоне лет от сознания, что они не выполнили своих обязанностей, когда уже нет более возможности их выполнить, и оставляют их в добычу тягостных мыслей о безотрадности последних дней жизни тех, о ком они должны были нежно заботиться, о той безотрадности, которую они начинают сами переживать, когда их собственные последние дни жизни становятся столь же безотрадными.

IV ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМ И ПОСТРАДАВШИМ ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ

§ 441. Это заглавие относится отчасти к содержанию трех предыдущих глав, так как и родительская, и сыновняя, и супружеская благотворительность требует внимательных забот о том из членов семьи, который страдает от болезни или несчастного случая. При естественном порядке вещей дом становится в случае надобности больницей, а члены семьи — сиделками.

Если благотворительность предписывает помогать в случае болезни или несчастья лицам, стоящим вне семейной группы, и притом даже с риском пострадать самому, то, без сомнения, она предписывает то же и относительно членов семейной группы. И если (как мы уже видели) охрана мужем жены требуется как необходимое условие для продолжения рода (так как род должен страдать, если мать беззащитна), то по той же причине требуется и заботливое отношение к жене, когда она по-чему-либо лишается сил. Равным образом необходимы, в свою очередь, и заботы жены о кормильце семьи как условие благосостояния последней. Тем очевиднее еще обязательность тщательного ухода за больными детьми: обязанность ходить за ними во время болезни составляет часть общей обязанности родителей употреблять все средства, чтобы вырастить их. Только по отношению к родителям, обиженным детьми, которых они воспитали, мы лишены возможности сказать, что благодеяние рода требует заботы о них. Здесь обязанность вытекает из того факта, что прямым результатом необходимых забот является большее счастье.

В случае инфекционных болезней обязанности этого рода должны быть выполнены даже с риском заражения, а иногда и смерти. Вся природа учит нас этому. Наряду с тем фактом, что у бесчисленных видов низших животных жизнь родителей всецело жертвуется в пользу потомства, мы видим, что и у высших

существ есть инстинкт, который побуждает главным образом мать, идти навстречу опасности ради защиты детей: такое равнодушие к опасности образовалось путем переживания наиболее приспособленных индивидуумов. Отсюда мы должны заключить, что и у людей риск заразиться при уходе за больными детьми нравственно обязателен для матери; единственным задерживающим мотивом может служить только то соображение, что смерть ее повлечет за собой невозможность выполнить обязанности по отношению к оставшимся после нее членам семьи. И, по-видимому, нет также никакой причины, почему бы подобной же обязанности идти навстречу опасности не лежало и на отце, за исключением только того соображения, что ему нужно доставлять средства к жизни как для всей семьи вообще, так и для больных ее членов и что его неспособность к труду может привести к общей нужде.

Но не существует ли еще и других препятствий для самопожертвования, которого требует болезнь того или другого члена семьи от ее здоровых членов? Такие препятствия действительно существуют. Разумная, в меру проявляемая благотворительность не должна способствовать гибели сравнительно более достойного ради спасения менее достойного. Каждый из нас может указать на людей, разбитых физически и морально благодаря самоотверженным заботам о неспособных к труду родственниках, которые часто принимают их жертвы без всякого чувства благодарности. Вот, например, жена, посвящавшая в течение десяти лет все свое время уходу за своим страдающим подагрой мужем и вследствие этого умершая от физического переутомления раньше него. Вот дочь, которая после нескольких лет ухода за престарелой матерью должна была вскоре снова ухаживать за древней теткой и которая, пережив этот долгий период ежедневного самоотречения и утомительных забот, сама становится душевнобольной. Вот муж, последние дни жизни которого отравлены трудным уходом и надзором на дому за сумасшедшей женой. Хотя в подобных случаях (все они относятся к тесному кругу моих собственных знакомых) благотворительность и требует вообще большого самопожертвования, но тем не менее ее предписания должны быть настолько ограничены, чтобы не требовать ради смягчения страданий больных утраты жизни от здоровых; необходимо

прибегнуть к компромиссу, путем которого достигалось бы некоторое облегчение от тягостного бремени подобных обязанностей. В особенности не следует допускать, чтобы неспособные к труду члены семьи, предъявляющие незаконные требования, встречали безграничную снисходительность. Часто вся семья находится в подчинении у одного непомерно требовательного члена ее и вместо благодарности выслушивает от него только ропот. Такой тирании слабых нужно противодействовать. Как для подавления их собственного эгоизма, так и для блага всех окружающих следует отказывать им в неразумных жертвах, которых они постоянно требуют. Такие люди больны не только физически, но и нравственно, и их нравственная болезнь так же требует лечения, как и физическая. Лица, вступающие на склоне лет в брак с молодыми женщинами, ставят их в действительности в положение, немногим отличающееся от положения сиделки, не позволяя им даже взять себе помощницу, чтобы разделить с ней труд по уходу за ними. Такие люди нуждаются в таком воздействии, которое могло бы пробудить в них необходимое сознание не об обязанностях других по отношению к ним, но об их собственных обязанностях по отношению к другим. Человек не освобождается от обязанностей благотворительности, только потому что он болен, и если он действительно сознает эти обязанности, то он будет сам настаивать, чтобы другие не вредили себе ради него.

§ 442. По отношению к более широкой благотворительности, проявляющейся в попечении о больных вне собственной семьи, трудно сказать что-нибудь определенное. Каждый отдельный случай получает более или менее особый характер в зависимости от личности пациента и обстоятельств, так что общее положение едва ли можно установить. Но мы можем, однако, высказать те соображения, которыми следует руководствоваться при решении вопроса в каждом данном случае.

Хотя, как все с нами согласятся, заботы о больных ложатся прежде всего на членов семейной группы и затем на родственников, но тем не менее они должны ложиться также, только в меньшей степени, и на лиц, не связанных родственными узами. Эти последние могут по справедливости ограничиваться косвенной помощью, где она нужна и заслужена. Только в тех

случаях, когда не оказывается родственников или они неспособны выполнить родственных обязанностей, благотворительность должна, по-видимому, требовать необходимых попечений о больных и от посторонних.

Вопрос о том, как далеко следует идти в таких заботах, должен быть решен отчасти также по соображению с тем правом на участие, которое вытекает из характера и поведения того или другого лица.

Если человек, зная, что кругом него существуют ссудо-сберегательные товарищества, отказывается в течение всей жизни делать сбережения на случай болезни и наконец захварывает, то нельзя считать справедливым, если в его нуждах как неспособного к труду человека ему оказана будет такая же помощь, как и в том случае, если бы он делал сбережения. Если симпатия и побуждает к одинаковому вниманию как к предусмотрительному человеку, так и к непредусмотрительному, то чувство справедливости должно налагать свое veto. Затем опять-таки вопрос в характере данного лица. Если для людей, ни на что не годных, приносятся в случае их болезни такие же жертвы, как и для людей, на что-нибудь годных, то таким путем уничтожается отчасти различие в последствиях хорошего и дурного поведения, которое все должны стараться удерживать. Далее, в связи с этим находится вопрос об оценке личности. По справедливости гораздо больше следует делать для человека, способности и энергия которого обещают послужить на пользу общества, чем для того, кто бесполезен для своих близких или является бременем для них.

Кроме самих благотворимых лиц, их характера и обстоятельств нужно принять в соображение также и личность благотворителя. На тех, кто не обладает достаточно крепким здоровьем или чьи силы еще плохо восстановились после болезни, разумная благотворительность не налагает таких же тяжелых обязанностей, как на людей с цветущим здоровьем, которые могут перенести расстройства в нем без серьезных последствий. Различие вытекающих отсюда требований окажется еще большим, если мы вспомним, что люди с пониженной жизнедеятельностью более склонны к заражению инфекционными болезнями, чем те, у кого жизнедеятельность более высока, и в особенности тогда, как это обыкновенно случается, когда

в первом случае присоединяется боязнь заразиться, а во втором она отсутствует. К тому ограничивающему влиянию, которое вследствие этой причины разумный эгоизм оказывает на альтруизм, следует присоединить влияние еще другого фактора альтруистического характера, а именно мысли о том вреде, который причиняется людям ухаживающим, если они заразятся или заболеют от переутомления. Этот вред может быть различного рода. Женщина, которая возьмет на себя обязанность ухаживать за посторонним человеком, возвратясь домой, в свою семью, с лихорадкой, рискует не только своим здоровьем и жизнью, но также здоровьем и жизнью своих близких. Мало того. Она причиняет им беспокойство и заботы, неразлучные с уходом за ней, а также нравственные страдания, которые вызываются ее страданиями, а может быть, и смертью. Даже если она и избежит рокового конца, то неизбежным образом потеряет на некоторое время способность нести те обязанности, которые обыкновенно должна исполнять, а в иных случаях может утратить эту способность на продолжительное время. Таким образом, очевидно, что благотворительность, побуждая к помощи лицам, которые не могут рассчитывать на родственников, в тех случаях, когда эта помощь может быть оказана без значительно-го риска, не должна требовать такой помощи от людей, на которых лежат семейные и другие важные обязанности.

Но тем не менее мы не должны игнорировать того факта, что подобная помощь может быть оказываема и часто оказывается без вреда и теми лицами, которые не должны бы были подавать ее, если только вышеприведенный довод действителен. Каким-то удивительным образом медицинский персонал (принимая, однако, в большинстве случаев некоторые меры предосторожности) редко захварывает инфекционными болезнями, несмотря на то что ежедневно посещает пациентов, страдающих лихорадками и другими болезнями этого рода. Мы должны предположить, что привычка вместе с выработавшимся индифферентизмом дают им эту привилегию; но, однако, если даже и верны эти причины, то все-таки нелегко объяснить себе, каким образом они избегают опасности в первое время своей профессиональной деятельности. Больничные сиделки, по-видимому, также становятся несклонными к заболеванию. Таким образом, риск заболеть, которому подвергаются те, кого сочувствие

к страданиям людей побуждает избрать уход за больными своим постоянным занятием, не так велик, как сначала кажется; уход же за больными, страдающими неинфекционными болезнями, вполне совместим с хорошим здоровьем.

Побудительной причиной к самопожертвованию, требующемуся для ухода за больными, является странное чувство, которое так трудно анализировать, — чрезмерная состраdatельность, и если наряду с этим чувством сильно развит материнский инстинкт, который в основе своей есть любовь к беспомощному существу, то заботы о беспомощном больном становятся источником невидимых удовольствий, в значительной степени уравнивающих страдания и даже делающих это занятие приятным. И хотя благотворительность, проявляющуюся в такой форме, нельзя считать обязательной, тем не менее всякий должен по справедливости преклоняться перед ней.

§ 443. Хотя относительно ухода за больными, которые не могут рассчитывать на помощь родных, должное внимание ко всем обстоятельствам действует ограничивающим образом, однако это несколько не препятствует уходу за пострадавшими другого рода, теми, кто потерпел от несчастного случая. Каждый от времени до времени бывает свидетелем увечий, причиняемых падением, или столкновением экипажей, или вырвавшейся лошадью, и каждый в подобных случаях обязан подать ту помощь, какая только окажется для него возможной. Никто, исключая людей, у которых преобладающей чертой характера является еще варварская жестокость, не отнесется иначе как с презрением к фарисею и одобрением к самарянину в известной притче.

Но в то время как обязанность заботиться о пострадавших от несчастного случая всеми признается требованием самой заурядной благотворительности, другая связанная с ней обязанность — приобретать необходимые знания и навык, чтобы старания наши подать помощь могли быть действительно полезными, только недавно получила некоторое признание. До сих пор еще у 99 человек из ста желание помочь раненому или изувеченному не дополняется знанием и умением, и даже хуже того: оно связано с невежеством, благодаря чему их участие приносит только вред. Старание сделать что-нибудь оканчивается тем, что они причиняют зло, так как в таких случаях люди не

сознают в достаточной степени ту истину, что для правильного образа действия существует только один путь, тогда как для неправильного — много путей.

Таким образом, разумная благотворительность требует приобретения хирургических и медицинских знаний, могущих быть полезными для пострадавших, прежде чем им будет врачебная помощь. Безусловного одобрения поэтому заслуживают общества для подания первой помощи в несчастных случаях и другие, подобные им, которые стараются распространять необходимые знания и обучать необходимым приемам при подании помощи. К несчастью, когда являются потребность в приобретенных знаниях и умение обращаться с пострадавшими, ожидаемая помощь не всегда оказывается действительной; нервность, нерешительность или, быть может, спутанность в полученных сведениях приводят к неудаче. Из этого тем не менее не следует делать вывода, что нужно отказаться от подобной подготовки к помощи пострадавшим; наоборот, скорее следует вывести то заключение, что эта подготовка должна быть более основательной и действительно составлять часть даваемого всем образования.

V | ПОМОЩЬ ОБИЖЕННЫМ И НАХОДЯЩИМСЯ В ОПАСНОСТИ

§ 444. Каждого человека, способного к нравственным идеям и чувствам, разного рода мотивы побуждают защищать тех, над кем совершается насилие, в особенности когда они слабее нападающих. В подобных случаях наряду с непосредственной симпатией действует также вид нравственных и физических страданий, гнев против того, кто их причиняет, чувство справедливости, возмущенное нарушением прав личности, и (в тех случаях, когда быстро возникает представление об отдаленных результатах) негодование, что подрываются установленные основы общественного порядка. Каждый человек, цивилизованный не внешним только образом, но в глубоком смысле этого слова, будет чувствовать себя обязанным помочь тому, кто терпит физическое или нравственное насилие, и будет готов рисковать собою ради того, чтобы оказать такую помощь.

Храбрости, выказанной одним из тех наемных людей, которые, побеждая небольшие полудивицизованные нации и слабые цивилизованные племена, соединяют их под одно знамя, можно удивляться почти с таким же правом, как и храбрости дикаря, унижающего и порабощающего свою относительно более слабую добычу. Храбрость того, кто вступает в бой ради самозащиты или в качестве солдата сражается, защищая свою родину от нападающих на нее врагов, почтенна, но представляет не что иное, как непосредственное выражение простого эгоизма в первом случае, а во втором — косвенное выражение того же эгоизма, так как в интересах каждого гражданина не допустить подавления своей национальности. Но храбрость, побуждающая к помощи обиженному, причем, выступая против более сильного противника, человек рискует пострадать сам, ради того чтобы не дать в обиду слабейшего, — является храбростью высшего порядка, внушаемую не низменными, как это бывает во многих случаях, а самыми возвышенными чувствами.

Можно думать, что даже в языческом обществе жестокое обращение с слабым более сильного должно было вызывать всеобщее порицание, тем более можно думать, что в обществе, исповедующем христианство, всякий пользующийся физической силой для угнетения более слабой физической жертвы должен вызывать общее презрение. И прежде всего, казалось бы, можно питать уверенность, что в учебных заведениях, руководимых и управляемых проповедниками христианства по призванию, христианства, которое всегда предписывало благотворительность, — жестокое обращение сильных и старших с юными и слабыми строго запрещается и влечет за собою суровую кару. Но в наших общественных школах, заведомых духовенством, благотворительность, которую мы только что отнесли к высшему порядку, не находит приложения; наоборот, там находит приложение укоренившаяся склонность причинять зло. Угрозы и побои, доходившие в Препрежнее время до чрезвычайных размеров, существуют еще и до сих пор, и еще недавно смерть одного ученика, бывшая их следствием, нашла оправдание и прощение в устах одного из наших епископов. В этих школах поддерживается и одобряется нравственная дисциплина, не совсем чуждая для тех людей, которые в качестве законодателей и полководцев направляют и ведут по всему миру экспедиции, результатом которых является обогащение христиан путем эксплуатации язычников.

Но хотя этика общественных школ и как следствие ее этика так называемого патриотизма чужда на практике (какова бы ни была теория) той формы благотворительности, которая побуждает рисковать собой, защищая слабого против сильного, тем не менее эволюционная этика (как мы уже разъясняли) настаивает на этой форме благотворительности, так как высшая природа индивидуума и высший шик общественной организации не могут осуществиться без влияния симпатии, которая побуждает к благотворительности, выражающейся в самопожертвовании.

§ 445. Прежде чем рассматривать требования благотворительности относительно самопожертвования не в случае угрожающего вреда со стороны недоброжелательных людей, а в случае угрожающего вреда со стороны сил природы, следует сказать кое-что относительно мужества, необходимого как в первом

случае, так и во втором, и в последнем в действительности часто более необходимого, так как силы природы неумолимы.

Очень распространено мнение, что мужество достойно одинакового одобрения, а отсутствие его одинакового презрения при всяких обстоятельствах. Это неразборчивое суждение нельзя поддерживать. Развитие храбрости зависит в значительной степени, если не всецело, от упражнения ловкости в борьбе с опасностями. Совершенно естественно, что тот, кто всегда терпит неудачи и страдает от них, становится все более и более нерешительным ввиду борьбы с какой бы то ни было органической или неорганической силой, между тем как, наоборот, успех во всяком предприятии воспитывает готовность, иногда даже чрезмерную, идти на риск. Каждый новый успех служит поводом к величайшему удовольствию, и ожидание последнего становится побудительной причиной к риску. Таким образом, как робость, так и мужество до известной степени носят оправдание в самих себе: первая свойственна натурам, физически, морально или умственно более или менее несовершенным; второе же свойственно натурам, выделяющимся по своим физическим силам, по силе чувства или умственным способностям и сообразительности. Нам легче будет избежать ошибки при решении этого вопроса, если мы возьмем такой пример, по отношению к которому у людей не составилось еще предвзятого мнения, например исследование Альп.

Вот человек, располагающий в силу своей организации такими малыми силами, что изнемогает, едва взобравшись на 200 или 300 футов, или не может крепко и долго удерживаться на руках, или не обладает достаточно острым зрением, чтобы быть уверенным в безопасности того места, куда он ступает, или не может без головокружения выносить вида пропасти и имеет так мало присутствия духа, что теряется от всякой случайности. Все согласятся, что каждый из этих недостатков, физических или духовных, решительно не допускает попытки взобраться на вершину горы и что подобная попытка была бы доказательством не храбрости, а безумия. Наоборот, человека, обладающего при сильных членах и здоровыми легкими, а также тонкими внешними чувствами, здоровой и надежной головой и теми физическими и духовными способностями, которые обнаруживаются при случае, когда того требует опасность,

такого человека можно считать достаточно гарантированным от неудачи, чтобы пойти на рискованное предприятие, например, спуститься в «crevasse» с целью спасти упавшего в нее. Его храбрость является естественным спутником способности к такому предприятию.

Эта противоположность природных качеств людей должна обыкновенно обуславливать противоположность их поступков, и при оценке поведения следует принимать ее во внимание, что должно большею частью выражаться в форме сожаления к недостаткам того или другого рода, обуславливающим страх, и почтение к качествам, обуславливающим храбрость. «Большею частью», говорю я, так как существуют различные степени робости у тех лиц, кому недостатки могут служить оправданием, и различные степени храбрости там, где она связана с природными качествами, и в то время как высшая степень робости по справедливости заслуживает порицания, высшая степень храбрости достойна должного поклонения, если только она не переходит в безрассудную неосторожность.

Итак, говоря вообще, при решении вопроса, следует ли в данном случае проявлять храбрость, необходимо принимать в расчет отношение между поступком, который должен быть совершен, и вероятной способностью к нему известного лица. И составленное суждение, очевидно, должно видоизменяться сообразно с возрастом — оно не может быть одинаковым по отношению к юноше и старику — сообразно с состоянием здоровья, которое часто лишает отчасти возможности выказать храбрость, сообразно с тем, что называется «самообладанием» (*personal equation*), так как в минуту опасности медленность соображения или действия бывает часто фатальна. Одного того факта, что сердечная болезнь порождает робость, проистекающую из бессилия, которое является следствием неправильного кровообращения, достаточно, чтобы показать, что как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим рассматриваемая нами обязанность рисковать собой должна всегда находиться в соответствии с индивидуальными особенностями.

Даже не принимая во внимание таких специальных причин, всегда на самом деле существует сознание, что следует сохранять некоторое соответствие между степенью опасности и способностью выдержать ее. И поведение людей, игнорирующих

это соответствие, обыкновенно осуждается как «безрассудное». Пословица: «Осторожность есть лучшая часть храбрости», — хотя по прямому смыслу и относится только к риску на войне, но приложима также и к риску другого рода и подразумевает, что последний следует порицать, если опасность слишком велика, а не одобрять. Равным образом эпитет «безумно отважный», прилагаемый к тому, кто напрасно рискует умереть или причинить себе большой вред, выражает порицание и предполагает сверх того мысль, что нередко то, что считается храбростью, есть в значительной степени просто глупость — неспособность предусмотреть вероятные последствия. Действительно, все сознают некоторого рода обязанность не рисковать жизнью слишком безрассудно даже по доброму побуждению.

Кроме указанного ограничения обязанности оказывать помощь тем, кому угрожают неумолимые силы природы, она должна быть, как мы увидим дальше, ограничена еще больше признанием косвенных результатов старания подать помощь в том случае, если оно окажется гибельным.

§ 446. От общего мы можем перейти теперь к частному. Спрашивается, какую обязанность налагает благотворительность по отношению к утопающему? В каких случаях мы можем считать эту обязанность несомненной и в каких сомнительной или отвергать совсем?

Если хороший пловец, обладая необходимой способностью подать помощь, все-таки не делает попытки спасти жизнь человека, которому в недалеком от него расстоянии грозит опасность утонуть, то он, очевидно, не только заслуживает порицания за бессердечие, но более того. Если он может с малым риском для себя предупредить смерть ближнего и не делает этого, то его следует считать виновным в преступлении, однородном с непреднамеренным убийством. Единственно допустимым извинением для него может быть только опасение, чтобы утопающий, схватившись за своего спасителя, не лишил его тем возможности выплыть и не причинил смерти обоим — опасность, которую, однако, как ему должно быть известно, легко предупредить, приблизившись к утопающему сзади.

Но что должны мы сказать, если человек не обладает достаточной силой, или ловкостью, или тем и другим вместе, чтобы

употребить необходимые для спасения усилия? Что если слабость делает для него невозможным продолжительное напряжение? Или предположите, что свидетель несчастья, располагая даже в общем достаточной силой, не способен проплыть более 50 ярдов, между тем как человек, которого нужно спасать, находится от него в значительном расстоянии. Предположите также, что несчастье случилось на море и прибой волн так силен, что оставляет мало шансов тому, кто оказался бы в их власти, снова достигнуть берега даже одному, а тем менее в том случае, когда ему придется поддерживать утопающего. Эти примеры ясно показывают, что как бы сильно безрассудная благотворительность ни побуждала к рискованному поступку, разумная благотворительность должна удерживать от него. Разумный эгоизм должен в подобных случаях сдерживать неразумный альтруизм, так как бессмысленно губить две жизни в напрасных усилиях спасти одну.

Но следует обыкновенно принимать во внимание и другие препятствия. Человек неженатый или не имеющий близких родственников, так что его смерть не может причинить другим больших нравственных страданий, человек, не ответственный за благосостояние детей или престарелых родителей, может с большей легкостью отдаться непосредственному влечению симпатии и решиться сделать то, что не должен делать другой, чья жизнь нужна для его близких. В таких случаях благотворительность побуждает к поступку и благотворительность же удерживает от него. Совершенно независимо от чувства самосохранения сознание долга по отношению к тем, кто от него зависит, может помешать человеку сделать попытку оказать ту помощь, к которой побуждает симпатия.

Таким образом, нельзя сказать ничего определенного. За исключением вышеуказанных примеров, где обязанность оказать помощь очевидна, в каждом отдельном случае о ней следует судить сообразно с обстоятельствами, причем нужно принимать во внимание не только указанные выше ограничения, но и качества того лица, которому оказывается помощь, так как не следует рисковать для преступника в той же мере, как для честного и полезного для общества человека.

§ 447. Как ни трудны вопросы, возникающие иногда в виду вероятной смерти от утопления, но еще труднее те вопросы,

которые возникают в виду вероятной смерти от огня. В первом случае имеют большое значение личная способность спасающего к оказанию помощи, являющаяся результатом его силы, ловкости и проворства, и противодействие стихии, то спокойной, то бурной, с которой ему приходится бороться, может быть им вполне определено; во втором же случае ему приходится бороться со стихией, разрушительное действие которой гораздо ужаснее, гораздо менее доступно определению и непреодолимо для человеческих сил.

От времени до времени мы читаем о таких случаях, когда люди спасают своих близких и даже посторонних лиц из пылающих домов с риском поплатиться жизнью, и о других также случаях, когда подобные же самоотверженные усилия приводят к гибели. Должны ли мы при аналогичных условиях сказать: идите и поступайте так же? Требует ли благотворительность равнодушия к самому себе, доведенного до такого предела, когда оно легко может окончиться пожертвованием второю жизнью без спасения первой? На эти вопросы нельзя дать общего ответа. В каждом отдельном случае они должны быть решены в зависимости от побочных обстоятельств и того или другого преобладающего чувства: родительского, сыновнего, братского или иного. Часто возникает такой вопрос, на который нельзя дать ответа даже при условии абсолютного самоотвержения, как, например, в том случае, когда отец уже вынес одного ребенка из охваченной пламенем комнаты и должен решить, следует ли ему броситься наверх и спасти другого ребенка, между тем как огонь на лестнице угрожает смертью всем. Очевидно, что при такой сложности условий и ощущений, с одной стороны, и обязанностей и риска — с другой, нельзя сказать ничего определенно-го, и то, что справедливо по отношению к этому чрезвычайному случаю, справедливо также и по отношению к массе других случаев. Этика умолкает ввиду противоположных требований.

Если дело идет не об одной только жизни спасающего, если его смерть должна причинить несчастье другим и помешать исполнению важных обязанностей, приговором этики может быть скорее запрещение, чем предписание рискованного поступка.

§ 448. Без сомнения, в интересах человечества во всем его целом — поддерживать традиции героизма. Тот, в ком альтруи-

стические побуждения настолько сильны, что он жертвует своей собственной жизнью в напрасном почти стремлении спасти жизнь другого, подает пример великодушия, который до известной степени является противовесом неисчислимым жестокостей, зверств и низостей, царящих среди людей, и поддерживает надежду на будущее усовершенствование человечества. То благо, которое приносят подобные поступки, заставляя от времени до времени краснеть эгоистов, можно считать вознаграждением за потерю человека, альтруистическую натуру которого следовало бы усвоить всему человечеству.

Но во всех вопросах этого рода, затронутых в настоящей главе, мы можем с успехом сослаться на древнее учение о золотой середине. Когда приходится метать кости со смертью, уместно задаться вопросом, не поддельные ли у нее кости. Даже высшее правило: «Люби ближнего, как самого себя» — не предполагает того, что человек должен ценить свою жизнь меньше, чем жизнь другого. Отсюда, по-видимому, можно сделать тот вывод, что положительная благотворительность предписывает помощь находящимся в опасности в тех случаях, когда перевешивает вероятность спасти свою жизнь, — и не идет в своих требованиях дальше этого.

VI | ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ РОДСТВЕННИКАМ И ЗНАКОМЫМ

§ 449. Вместе с переходом общества от организации старого типа, в которой составной единицей являлась семья, к организации новейшего типа, когда такой единицей является индивидуум, происходило любопытное изменение обязанностей, сопровождавшееся не менее любопытным изменением чувств. Нам кажется странным теперь, когда мы перестали нести бремя уголовной и всякой другой ответственности не только за отдаленных, но даже за близких родственников, то положение вещей, которое еще существует до сих пор у туземцев Австралии, где виновность в преступлении разделяют с убийцей все его родственники, считающие себя, в свою очередь, предметом мести со стороны родных убитого, а также и то положение вещей, при котором, как это было в прежнее время повсюду в Европе, семья или клан являлись ответственными за преступления, совершенное одним из их членов.

С одной точки зрения старая система кажется выше в нравственном отношении; она кажется более альтруистической. Но если мы взглянем с другой точки зрения, то результат получится обратный, так как старая система связана с крайним равнодушием и очень часто враждой ко всем, кто не принадлежит к семейной группе. Новейшая же система, не признавая положительных прав, вытекающих из единокровия, признает более, чем старая, права, вытекающие из общественной солидарности, а также из общности человеческой природы. Если мы вспомним, что по основному принципу этики каждый индивидуум должен испытывать на себе последствия, вытекающие из его собственной природы и поведения, и что при старой системе родственники известного лица с такою же легкостью подвергались последствиям его поведения, как и оно само, между тем как при новой системе только оно одно испытывает их, — мы придем к тому заключению, что из этих двух систем новейшая стоит выше.

И нам тем легче будет сделать этот вывод, если мы вспомним, что эта система связана с более справедливым политическим режимом и вытекающим из него улучшением общественных отношений.

Этот вывод послужит нам руководством при обсуждении вопроса об обязанности помогать родственникам. Права несовершеннолетних детей на поддержку со стороны родителей вытекают непосредственно из того постулата, что продолжение рода представляет *desideratum*, — постулата, из которого, как мы видели, берут начало все нравственные принципы вообще. С другой стороны, права родителей на поддержку со стороны детей вытекают непосредственно из того положения одолженности, в которое ставят детей родительские попечения о них. Но никакие другие права родства не имеют под собой по существу сколько-нибудь прочной почвы.

Единокровие, вытекающее из общего происхождения, не имеет само по себе никакого нравственного значения. Единственное нравственное значение братских отношений возникает из совместной жизни в детстве и предполагаемой взаимной привязанности, которую она создает между ними. Братья и сестры обыкновенно любят друг друга больше, чем тех, кто стоит вне семейного круга, и общепринятое мнение таково, что более сильная привязанность между ними вызывает и более сильное побуждение к взаимопомощи. Если родственники, как справедливо говорят, суть находящиеся поблизости друзья, то в таком случае на детей одних родителей следует смотреть как на стоящих в первом ряду друзей. Но их обязанности по отношению друг к другу мы должны считать не следствием общего происхождения, а следствием связывающих их уз дружбы — уз, способных изменяться по своей силе соответственно разнице в поведении и потому порождающих различные степени обязанности.

Многие не согласятся, вероятно, с этим взглядом; поэтому я излагаю его прежде, чем поставить вопрос, каковы требования положительной благотворительности относительно денежной помощи, которую должны оказывать друг другу братья и сестры. И я высказываю его тем резче, что предъявление и удовлетворение требований, не имеющих другого оправдания, кроме общего происхождения, может служить причиной величайших злоупотреблений и несчастий.

В течение последних трех лет я лично знал два случая, когда обеднение и разорение были результатом того, что сестры отдали свои деньги займы братьям. Не имея понятия о денежных делах и способности отнестись критически к более или менее правдоподобным уверениям братьев, они уступили, движимые сестринским чувством уважения и доверия, их давлению, чему способствовало также убеждение в их нравственной обязанности помочь братьям, вытекающей из родственных отношений.

Разумная благотворительность никоим образом не поощряет подобных уступок.

Брат, который ради своих собственных выгод желает отдать в залог недвижимое имущество сестер, могущих серьезно пострадать, если он потерпит неудачу, является таким братом, который сам доказывает полное отсутствие у него истинного братского чувства. И ссылка на то, что он был уверен в успехе, совершенно недостаточное оправдание. К такому именно оправданию прибегают те люди, которые, чтобы выйти из критических обстоятельств, присваивают данные им на хранение капиталы или подделывают долговые обязательства, надеясь уплатить по ним ранее, чем истечет срок. И если в подобных случаях считается преступным рисковать так, под влиянием надежды на успех, чужою собственностью, то мы не можем освободить от более или менее однородной ответственности и того брата, который под влиянием подобной же надежды добивается ссуды у своих доверчивых сестер. Того, кто делает подобную вещь, нельзя больше считать братом.

Но как же следует поступать в том случае, когда брат просит ссуды не у сестры, а у брата же, обладающего значительными средствами и могущего быть компетентным судьей в денежных делах? На этот вопрос нельзя, конечно, дать определенного ответа. Будущий кредитор может в этом случае взвесить вероятные результаты и оценить, кроме того, деловые способности своего брата; он может также вполне справедливо чувствовать достаточную уверенность в своих собственных способностях наживать деньги, чтобы решиться сознательно рискнуть значительной потерей. В особенности в том случае, когда брату его угрожают затруднения, к братской привязанности может присоединиться сочувствие к тяжелому положению и ускорить согласие. Но и здесь, однако, уместно колебание с обеих сторон.

Если дела носят несколько спекуляторский характер, то брат, нуждающийся в деньгах, будет затрудняться брать их, а еще более просить, если он совестливый человек; он будет чувствовать, что играть интересами другого, по пословице: «Головы выигрываю я, хвосты проигрываешь ты» — довольно бесчестно, и тем более по отношению к брату.

§ 450. Относительно более отдаленных родственников или лиц, не состоящих ни в каком родстве, можно привести по большей части те же самые побудительные и задерживающие мотивы. Если истинными побудителями к необходимой денежной помощи являются скорее привязанность и сочувствие, чем общее происхождение, то друг, к которому благодаря продолжительным и сердечным отношениям установилась глубокая симпатия, имеет больше права на такую помощь, чем малознакомый родственник, поведение которого вызывает порицание или отвращение. Признание личных достоинств или общественных заслуг также может по справедливости руководить добрым побуждением оказать помощь, когда денежные затруднения, в особенности непредвиденные, угрожают бедой. В тех же случаях, когда дело идет о денежной ссуде не для предупреждения вероятного разорения, а для осуществления какого-нибудь нового предприятия, требуется более долгое время на размышление. Даже признавая личные достоинства и честность занимающего, следует еще принять в соображение его энергию, необходимые для дела знания, проверенные на практике деловые способности; следует также принять в соображение те последствия, какие придется испытать, если он потерпит неудачу; словом, этот шаг необходимо обсудить как с альтруистической, так и с эгоистической точки зрения — и степень возможного самопожертвования может превысить ту, на которую рассчитывали. Вполне обдуманного решения в подобных случаях очень трудно достигнуть. В значительной степени то же самое можно сказать относительно того непрямого займа денег, который состоит в поручительстве. В этом случае часто еще труднее решиться на такую помощь, так как возможны только два ответа: да или нет — и так как сумма, которой приходится рисковать, бывает обыкновенно значительная. Между истинным альтруизмом и разумным эгоизмом в таких случаях происходит упорная

борьба. С одной стороны, кажется жестоким не дать возможности получить желаемую должность, которая может послужить первым шагом к благополучию целой жизни. С другой стороны, представляется более чем неосторожным рисковать разорением, которое согласие на просьбу может повлечь за собой. Тот, кто мог бы с уверенностью поручиться за поведение другого, должен обладать значительно большей способностью распознавать людей, чем обыкновенно встречается. Несоответствие между внешностью и действительностью часто бывает чрезвычайно велико, и поэтому только немногие в достаточной степени застрахованы от ошибки. Приятная внешность и правдоподобные уверения обыкновенно возбуждают доверие, между тем как в нем отказывается людям резким и прямым, которые не употребляют больших стараний, чтобы нравиться, — и понятие о человеке, достойном доверия, ошибочно отождествляется скорее с типом людей первого рода, чем второго.

Но, без сомнения, в случаях, подобных предыдущим, самое сильное препятствие к слишком опрометчивой благотворительности вытекает из естественной заботливости о правах зависимых лиц. Тому, кто под влиянием экзальтированного великодушия готов рискнуть испортить свою собственную жизнь, непозволительно рисковать жизнью тех лиц, за которых он ответствен. Люди, руководящиеся законной благотворительностью, взвесив возможный в будущем вред для других и настоящую пользу одного лица, по большей части найдут более разумным устоять перед побуждением оказать помощь.

В настоящее время, однако, едва ли есть надобность в подобных соображениях. Благодаря страхованию, которое достигло такого развития, что ручательство за добропорядочное поведение дается по взносе годового жалованья, ни один здравомыслящий человек не подумает просить своего друга поручиться за себя. Тот, кто попросил бы другого подвергнуть себя ради него такого рода риску, был бы признан теперь уже в силу одного этого не заслуживающим доверия.

§ 451. К этим советам регулировать добрые побуждения осторожностью, которые представляют не что иное, как результат обыкновенного житейского опыта большинства людей, следует присоединить еще один совет, не вытекающий из него с та-

кою очевидностью. В некоторых случаях, когда желание добра другу или родственнику побуждает ссудить их крупной суммой денег, благоразумная предусмотрительность относительно их блага может привести другие мотивы, которые будут побуждать к отказу в помощи.

Часто само благотворимое лицо нуждается в том, чтобы его спасли от несчастья, которым ему угрожает его слишком сангвиническая натура. Многим из тех, кто нуждается в ссуде денег, следует по справедливости отказывать в их же собственных интересах. Стремление к займам так часто соединено с неспособностью к приобретению, что мы можем почти сказать, что деньги следует давать только тем людям, которые доказали свою способность наживать. Отсюда во многих случаях отказать в просимой ссуде значит спасти от беды того, кто просит ее.

Я говорю это отчасти под влиянием замечания, сделанного в моем присутствии одним в высшей степени честным человеком, который вел дело — имел фабрику, кажется, на взятый займы капитал. Он сказал, что беспокойство почти убивает его. Мысль о величине того риска, которому подвергается благосостояние других, и усилия выполнить свои обязательства делают его жизнь несчастьем. Таким образом, ясно, что дальновидная благотворительность во многих случаях отклонит просьбу о ссуде ради блага самого заемщика, когда близорукая благотворительность исполнила бы ее.

VII | ПОМОЩЬ БЕДНЫМ

§ 452. Мы переходим теперь к предмету, который в представлении многих людей по преимуществу соединяется с понятием о благотворительности, а некоторыми людьми вполне отождествляется с этим понятием. Со словом «благотворительность» (или, скорее, «милосердие», которое обыкновенно неправильно употребляют вместо первого) по большей части соединяется мысль о щедрой помощи нуждающимся. Раздавание денег или предметов, стоящих денег, является настолько легким и обычным способом проявления доброты, что люди нерассуждающие, в особенности среди тех, кто получает, не имеют почти другого понятия о доброте.

Этот род благотворительности, являющийся, как мы видели, одним из многих видов ее, ежедневно встречается нам в трех различных формах. У нас существует установленная законом помощь бедным путем распределения между ними денег, собранных по принуждению; к этой категории можно отнести также и милостыню, подаваемую из пожертвованных сумм. У нас существует помощь бедным, оказываемая свободно образовавшимися обществами, средства для которой доставляются добровольно. И наконец, у нас существует помощь бедным, подаваемая частным образом: или тем лицам, которые находятся в некоторой зависимости, или людям, относительно нужд которых имеются частные сведения, или же случайно встречающимся нищим. Мы рассмотрим все эти три вида благотворительности в вышеуказанном порядке.

§ 453. После всего, что было сказано в предыдущих отделах этого труда, нам нет надобности здесь доказывать, что помощь бедным из собранных путем налога общественных сумм находится в противоречии с тем ограничением государственных функций, на котором настаивает этика, если мы будем рассматривать эту помощь независимо от некоторых фактов прошлого, которые мы сейчас укажем. Если истинная функция государства, как уже неоднократно указывалось нами, заключается в охране общества и каждого отдельного его члена от внешних

и внутренних насилий с той целью, чтобы каждый мог жить, не терпя лишнего, не требуемых близостью других людей стеснений, и если другая функция государства заключается единственно в таком надзоре за пользованием необитаемой территорией, который не допускал бы ущерба для интересов всей совокупности владельцев общины, — то отсюда следует, что государство, облагая налогом один класс в пользу другого, выходит из пределов своих функций и до некоторой степени нарушает правильное отправление первой из них. Однако это заключение можно вывести, как я сказал, в том лишь случае, «если мы будем рассматривать этот вопрос независимо от некоторых фактов прошлого, которые мы сейчас укажем». Эти упомянутые нами факты прошлого станут нам очевидны, если мы бросим взгляд назад, на дофеодальную и феодальную эпохи, когда рабы, хотя и прикрепленные к земле, имели известные установленные права на некоторое количество ее продуктов, и далее, на более поздний период, когда, после уничтожения рабства и сопровождавшего его разрушения связи раба с землей, законы о бедных снова восстановили его связь с ней и законное на нее право. Снова привязывая его до известной степени к месту жительства, они признают до известной степени его право на продукты земли.

Рассматривая законы о бедных с этой точки зрения, мы можем сказать, что они в основании своем справедливы, и помощь бедным, оказываемая согласно им, есть нечто большее, чем простая милостыня. Полная узурпация земли лэндлордом и полная экспроприация работника были несправедливы, и восстановление прежнего отношения в более свободной форме может быть истолковано как косвенный способ признания справедливого права. Нет ничего невероятного в том, что сравнительная устойчивость политического строя в Англии в позднейшее время зависит косвенным образом от отсутствия недовольства, которое возникает там, где классы, не имеющие собственности, находятся всецело во власти классов, владеющих собственностью.

Благотворительность, принимающая форму помощи, подаваемой общественным путем, затруднительна не только потому, что она осложняется соображениями о справедливости, но также и потому, что она осложняется соображениями о связанных с нею несправедливостях. Между тем как в прежнее время установленная законом принудительная помощь бедным падала

почти всецело на тех, кто, как, например, лендлорды, по справедливости должны были нести ее, в позднейшее время она перешла от лендлордов в значительной степени к другим, по отношению к кому не может быть справедливых притязаний. Таким образом, о принудительной благотворительности можно составить суждение, по-видимому, только эмпирическим путем.

Однако если мы вспомним, что благотворительность в истинном смысле этого слова теряет свое значение, когда оказывается по принуждению, и благотворитель, равно как и благотворимый, утрачивают те чувства, которые при нормальном порядке неразлучны с ней, то будем склонны думать, что было бы гораздо лучше, если бы справедливое право каждого члена общины как участника в общем владении землей было признано иным образом, и благотворительность эманципировалась от государственной власти. Рассмотрим вредные последствия настоящей системы.

§ 454. В то время как община в ее целом является, как мы признали выше, владельцем необитаемой территории, считаемой ее неотъемлемою собственностью (но не той ценности, которую она приобретает путем расчистки и обработки), и каждый член общины вследствие этого имеет законное право на нее, нельзя отстаивать подобного же «права на поддержку помимо земли», безотносительно к затрачиваемой энергии, как это часто делается. Земля производит продукты только в возмещение за труд, и тот, кто не прилагает труда к земле, не имеет никакого права на ее продукты или по крайней мере имеет только право на известную долю из того количества ее произведений, которое она дала бы в необработанном виде, а эта доля при настоящей цифре народонаселения не представляла бы никакого подобия помощи.

В качестве аргумента приводится то, что бедные работают для общества, пока они молоды и сильны, и должны получать от него поддержку, когда становятся старыми и слабыми. Это было бы веским доводом при социальном строе с искусственно распределяемым вознаграждением за труд; но при настоящих условиях общество дает рабочему, пока он молод, именно столько, во сколько конкуренция позволяет ценить его труд, и таким образом выплачивает ему свой долг. Далее, на этот

аргумент можно возразить, что если в период деятельности труд рабочего оплачивался низко, то эта низкая оплата его была в значительной степени следствием того факта, что он был обременен необходимостью помогать, если не прямо, то косвенно ленивым и неспособным к труду. Доставка необходимого для жизни тем, кто не работает, неизбежным образом отнимает необходимое для жизни у тех, кто работает. Зажиточные люди не будут благодаря этим поборам совершенно лишены жизненных удобств. Лишены их будут те люди, которые располагают лишь небольшими средствами. Если бы они не обирались таким путем, то могли бы сделать сбережения на непродолжительный период жизни.

Защитники утверждают, что быстрое размножение всегда ведет к излишку людей, для которых работы не находится, но поддержка необходима. На это можно возразить, во-первых, что этот излишек будет постоянно возрастать в той пропорции, в какой для него доставляются средства; во-вторых, мы можем ответить на это, что этот аргумент допустим только в том случае, если бы работа, которую должно выполнить общество, представляла определенную величину, так как в противном случае всегда может оказаться какая-нибудь дальнейшая работа, на которую может быть с пользой употреблен этот излишек в возмещение за его содержание. Говорить же, что одни должны работать чрезмерно, чтобы другие оставались праздными, — абсурд.

Иногда ссылаются на то, что всегда должен существовать известный контингент нуждающихся людей — больных, неспособных, несчастных, престарелых — и что всего лучше, если помощь им оказывается из средств, заведующих специально для того назначенными людьми, которые отнесутся внимательнее к каждому отдельному случаю и будут сообразовывать помощь с нуждами. Это мнение предполагает веру в административную власть вообще, которая не исчезла еще, несмотря на опыт, повторяющийся из поколения в поколение. Оно предполагает, что должностные лица, стремящиеся в большинстве случаев получать жалованье с наименьшим для себя беспокойством, будут наилучшими судьями характера, поведения и нужд получающих помощь людей и что официальные попечители будут распределять общественные суммы более мудро,

чем частные лица свои собственные средства. Оно игнорирует обширный фактический материал, собранный в парламентских Синих книгах, равно как и в специальных трудах по этому предмету, доказывающий, что эта система создавала и поддерживала всякого рода пороки и злоупотребления, следствием которых была общая деморализация.

Не будем забывать, что обложение тяжелым налогом тех, кто сам едва-едва может поддерживать себя и свою семью и стараются исполнять эти обязанности, являлось жестокою несправедливостью по отношению к отдельным личностям и злом для всего общества. Встречается множество случаев, когда достойные и трудолюбивые люди, иногда лишенные работы по недостатку спроса или даже неспособные к ней вследствие продолжительной болезни, вынуждены платить налоги и лишаться имущества ради того, чтобы составила сумма, необходимая для поддержки никуда не годных людей. Хуже того: нередко случается, что люди, работая в других приходах, далеко от их собственных, и имея там возможность существовать своим трудом, должны вследствие преследования сборщиков налога в пользу бедных бросать свои места, возвращаться в собственный приход, доставать денег у него, чтобы перевезти жену и детей, и обращаться к благотворительности. Таким образом нарушаются здоровые трудовые отношения ради поддержания системы, которая заработную плату заменяет милостыней.

Мы не должны упускать из виду также и тот факт, что общественная организация помощи вдвойне нецелесообразна. Она нецелесообразна, потому что распределение неизбежно становится небрежным и помощь оказывается благодаря отсутствию личного интереса к делу там, где не нужно: часто наиболее щедрая помощь подается лицам, наименее того заслуживающим. Она не имеет смысла также и потому, что значительная часть всех собранных сумм идет на поддержание самого механизма, на жалование сборщикам налога, чиновникам комитетов попечения о бедных, управляющим рабочими домами и их подчиненным, приходским лекарям и пр. Эти расходы достигают в Ирландии в крайних случаях двух третей всех сумм, а в Англии в настоящее время иногда превышают третью часть их — пропорция, которая, хотя и не везде такова, но все-таки указывает на высокую среднюю цифру этих расходов.

Если мы вспомним, что вынужденная законом помощь бедным, как мы уже видели, несовместима с справедливостью, то перед нами будет поучительный пример, показывающий, что в этом, как и в других случаях, несправедливое оказывается с течением времени и неблагоприятным¹.

¹ В вышеизложенных рассуждениях мне оказали помощь сочинения моего покойного дяди Томаса Спенсера, священника картезианского монастыря в Хинтоне, близ Бата, человека, способного по преимуществу судить об этом предмете. Опыт его предшественников и его собственный придают такую цену его суждению, какую может иметь суждение разве только одного из ста тысяч человек. Свое чрезвычайно доброе отношение к прихожанам он доказал учреждением в Хинтоне приходской школы, библиотеки, общественной лавки платья, а также устройством образцовых коттеджей. Его доброта доходила до таких пределов, что он давал в течение некоторого времени по воскресеньям мясной обед группе рабочих. Сочувствие его к рабочему классу вообще доказывалось тем фактом, что он посвящал значительную часть свободного времени проповеди воздержания путем лекций и сочинений, тем фактом, что он присоединился к движению в пользу общей подачи голосов, которое имело целью расширить политическую власть населения, и всего более тем фактом, что он был единственным духовным лицом, которое приняло деятельное участие в агитации в пользу отмены хлебных законов, и читал молитву как на первом банкете защитников этой реформы, так и на последнем. Его филантропические чувства, таким образом, не могут подлежать сомнению. Что же касается его опыта, то он был не менее широк и разносторонен. Хотя первоначально, как друг бедняков, он всегда был на их стороне и против попечителей, но впоследствии пришел к убеждению, что старые законы о бедных приносили громадный вред, и когда были изданы новые законы о бедных, он немедленно применил их в своем приходе (добившись, я полагаю, согласия от уполномоченных по наблюдению за их введением раньше, чем организовался приходский союз для вспомоществования бедным в Бате) и очень скоро уменьшил налоги с 700 ф.ст. до 200 ф.ст. в год, в результате чего приход стал пользоваться гораздо большим благосостоянием и довольством. Затем, когда образовался приходский союз в Бате, он был назначен председателем совета попечителей и занимал эту должность в продолжение нескольких лет; благодаря этому он ознакомился с обширным рядом фактов, что дало ему возможность написать четыре памфлета под заглавием: «Reasons for a Poor Law considered», прямой вывод из которых — отрицание законов о бедных вообще.

§ 455. Против подания помощи бедным путем добровольных, создавшихся по частной инициативе организаций: благотворительных обществ, обществ попечения о нищих и др. — можно привести меньше возражений, чем против подания ее при посредстве установленной законом понудительной системы. «Меньше возражений», — говорю я, но все-таки такие возражения могут быть, и в некоторых отношениях можно привести даже больше возражений. Хотя развращающее влияние принуждения и устраняется в этом случае, но развращающее влияние, оказываемое распределением помощи при посредстве уполномоченных лиц, остается в силе. Если в настоящее время у нас уже более не существует того беспощадного механизма, который приводился в действие законами о бедных, тем не менее известный механизм существует и теперь. Благотворители не входят в непосредственное соприкосновение с благотворимыми, а имеют дело только с агентами, назначенными известным числом благотворителей. И дело благотворительности, вместо того чтобы приносить пользу обеим сторонам, развивая их нравственные чувства, исключает, насколько это удобноисполнимо, возможность развития этих чувств и порождает множество дурных побуждений. Остановимся на отношении этой системы к дурным работникам.

То, что было при законах о бедных (в особенности старых законах о бедных), когда помощь о бедных оказывалась людям непредусмотрительным и ведущим дурную жизнь, между тем как бедные, но бережливые люди, ведущие хорошую жизнь, ее не получали, — то же наблюдается и при деятельности филантропических обществ вообще. Достойный человек скорее будет терпеть страдания, чем обратится за помощью, тогда как человек недостойный домогается помощи и получает ее. Благотворительные фонды лорда-мэра в 1885/86 г., например, оказались израсходованными в значительной степени на поддержку «лентяев, расточителей и пьяниц». «Они не видели причины, почему бы и им не иметь денег на свои расходы, как их соседям». В иных случаях просители «требовали своей доли». В другом случае, когда им предлагали работу, менее одной пятой их оказались на что-нибудь годными, доказывая тем, что люди, не имеющие работы, к которым общество относится обыкновенно с таким сожалением, считая их обиженными, на самом деле не

имеют работы по той причине, что не могут или не хотят работать, и доказывая тем также, как вывод из предыдущего, что благотворительность дает им возможность уклоняться от суровых, но здоровых требований природы.

Поощрение лицемерия вместе с невниманием к достойным беднякам, которые не жалуются на свою нужду, и, напротив, вниманием к недостойным беднякам, жалующимся на нее, становится очевидным в тех случаях, когда проявление религиозного чувства обращается в орудие вымогательства милостыни. Ханжеская болтовня легко вводит в заблуждение духовных лиц и набожных женщин, и они покровительствуют тем, кто особенно наловчился в проявлениях притворной религиозности и благословениях за полученную милостыню. Отсюда — наказание за искренность и награда за ложь, что ведет к деморализации.

Это зло еще усиливается благодаря соревнованию различных сект. Адепты их конкурируют между собой в собирании и раздаче денег в видах успеха своих учений и подкупают людей копеечными завтраками и обедами. Почти половина доходов одной миссии идет на даровые билеты, и «если пользующийся таким билетом желает разменять его на наличные деньги, он не может этого сделать, пока не окончится вечерняя служба». Эта развращающая система доведена до таких размеров, что агенты миссии «стараятся навязать билеты самым почтенным и независимым людям, доводя их до нищенства, чтобы обратить в своих лицемерных прозелитов». Одна женщина, бедная, но совестливая и порядочная, видя, как слуги церкви покровительствуют никуда не годным людям, сказала: «Мне не нужно билетов добрых леди... но очень прискорбно видеть, что беспечные люди, живущие как свиньи, получают их все без исключения, тогда как те, кто борется с нуждой и старается работать, могут уйти ни с чем». Результатом такого отношения является не только подрыв добродетели и поощрение порока, но также и содействие при помощи денег развитию суеверий. Если не все враждующие учения, распространению которых содействуют этим путем, истинны, что невозможно, то, следовательно, таким образом пропагандируется неправда и вознаграждается неискренность.

Другое зло — это эксплуатация доверчивых людей плутами, которым нужно создать для себя места и получать жалованье.

Вопиющая нужда открыта, программы широко распространяются, сборщики голосов оказывают давление на тех, к кому обращаются, — и все это потому, что А, В, С и др., потерпев неудачу в своей карьере, пришли к убеждению, что они могут получать деньги, разыгрывая роль управляющих, секретарей, сборщиков. Таким образом, если энергично навязываемое учреждение наконец основывается, то оно служит их интересам. Но оно не всегда основывается. Подобно тому как существуют дутые промышленные компании, существуют также и дутые филантропические общества, общества, поддерживаемые в течение некоторого времени с намерением добыть подписи. Мало того, я слышал из авторитетного источника, что существуют шайки людей, которые составили себе профессию из занятия делами благотворительности единственно только ради своих личных целей. Но даже и теперь мы не достигли еще конца всех зол. Таким злом является также неискренность тех, кто доставляет деньги для раздачи бедным: низкопоклонство и желание показать себя часто бывают более сильными мотивами в этих случаях, чем добрые чувства к людям. Эти плутоватые покровители, обращаясь к богатым людям с письмами о пожертвовании, стараются просить об оказании чести внести их имена в качестве вице-председателей. Даже в том случае, когда общества существуют на самом деле, блестящий членский взнос или единовременное пожертвование в значительной степени вызываются желанием фигурировать перед светом в качестве великодушного человека, занимающего почтенное и влиятельное положение. К этому присоединяются еще более низменные мотивы. Какой-нибудь *pouveau riche* или даже человек, дела которого идут довольно успешно, принимает активное участие в учреждении или ведении одного из обществ, возникших, по общему предположению, в видах чистой благотворительности, так как ему нравится перспектива участвовать в заседаниях комитета, председательствуемого пэром, и, быть может, бок о бок с его сыном. Он сам, его жена и его дочери утешаются мыслью ежегодно видеть свои имена в списках чиновных лиц и думают об этой перспективе больше, чем о том добре, которое собираются делать.

Подобное же развращающее влияние оказывают и другие общества, имеющие благотворительные цели: попечение о бедных, помощь потерпевшим от несчастного случая или престарелым

рабочим и пр. Здесь опять-таки наименее нуждающиеся, но имеющие много друзей обыкновенно фигурируют в качестве благотворимых, а наиболее нуждающиеся и не имеющие друзей игнорируются. Затем сюда присоединяются дороговизна и развращающее влияние избирательного процесса, связанное с большими расходами, и хлопотливое соби́рание голосов, обмен голосов и т.д. Очевидно, что издержки на приведение в действие этой системы, в смысле денег и усилий, таковы, что их хватило бы для поддержания гораздо большего числа благотворимых, если бы они не затрачивались в таком количестве на самый механизм.

То же самое следует сказать и об учреждениях, которые большинством людей считаются бесспорно благотворительными, — госпиталях и даровой врачебной помощи. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что 30% лондонских жителей пользуются ими, и величина этой пропорции показывает ясно, что большинство из них нельзя отнести к неимущим и что они могли бы платить своим докторам. Даровая врачебная помощь способствует развитию нищенства и еще более прямым образом. Приходящие больные начинают с получения лекарств и в скором времени переходят к получению пищи — и эта система ведет их впоследствии к тому, что они открыто ищут денежной помощи. Развращающее влияние даровой врачебной помощи доказывается тем фактом, что в течение 40 лет, с 1830 по 1869 г., число госпитальных больных увеличилось в пять раз больше, чем население, а так как заболеваемость не возросла, то вывод отсюда ясен. Сверх того обещание дарового совета привлекает низменных людей в таком количестве, что «бедные теперь постепенно вытесняются из врачебного кабинета людьми состоятельными». Несколько сот и даже до тысячи человек обращаются ежегодно за врачебной помощью в качестве приходящих больных, скрывая свою личность; 20% приходящих больных в одном большом госпитале «дали ложные адреса» с намерением скрыть свою личность. Проистекающее отсюда скопление больных влечет за собой то, что каждый из них пользуется малым вниманием: в среднем на каждого приходится одна минута, а иногда и та сокращается до 40 секунд.

Таким образом, те, для кого предназначена даровая врачебная помощь, получают мало пользы. Часто «подаваемая помощь является только номинальной», «обманом по отношению

к обществу и хитростью по отношению к бедным». Безвозмездная врачебная помощь, в том виде как она существует теперь, «оказывается главным образом членами обществ даровой врачебной помощи», учрежденных с благотворительными целями. Некоторые дают советы по меньшей мере 318 пациентам в течение 3 часов и 20 минут — процесс, достаточно утомительный для людей, уже сильно поработавших на частной практике, и способный привести в изрядное уныние людей с незначительной частной практикой, оказывающих таким образом безвозмездно помощь, за которую в другом случае они получили бы очень необходимое для них вознаграждение. Таким образом, 600 000 ф. ст., которые ежегодно затрачиваются на столичные госпитали, возрастая почти до миллиона, если прибавить к ним годовую стоимость занимаемых этими учреждениями земель и построек, действуют в значительной степени деморализующим образом на пациентов, отнимая врачебную помощь у тех, для кого она предполагалась, и доставляя ее тем, для кого она не предназначалась, и вместе с тем обязывая многих бедных докторов и лекарей до утомления работать даром¹.

Итак, эти разнообразные данные опыта, доставляемые обществами и учреждениями, которые поддерживаются добровольными пожертвованиями и подписками, единогласно говорят о том, что какую бы пользу последние ни приносили, она всегда сопровождается серьезным злом, злом, которое иногда бывает значительнее добра. Они убеждают нас в той истине, что общественный механизм, все равно будет ли он носить принудительный или непринудительный характер, требует большой затраты сил и приводит к совсем другим результатам, чем от него ожидалось. И постольку, поскольку косвенные воздействия благотворительности перевешивают ее прямое влияние, она не достигает своей цели.

§ 456. Здесь, как и в предыдущих отделах и частях этого труда, предполагается тот вывод, что благотворительность, прини-

¹ Приведенные здесь факты читатель найдет в труде Джона Чапмана: *Medical Charity: Its abuses and how to remedy them*. Некоторые из указанных нами сумм и цифр нужно значительно увеличить, так как с 1874 г., когда был напечатан этот труд, госпитали очень расширились.

мающая форму материальной помощи нуждающимся, приводит к самым лучшим результатам тогда, когда она носит частный характер.

Если, подобно милосердию, она «доставляет счастье и тому, кто дает, и тому, кто берет», то осуществлять это в полной мере она может только в том случае, если благотворитель и благотворимый находятся в непосредственном общении. Однако справедливо и то, что частная благотворительность часто не соответствует требованиям или впадает в чрезмерность и получает неправильное направление. Рассмотрим ее недостатки и искажения.

Самым обычным из них является беспечное расточение денег на подаяние нищим и связанное с ним поощрение порока лени. Люди помогают дурным падать еще более иногда вследствие слишком развитого чувства симпатии, благодаря которому они не могут выносить вида реального или кажущегося страдания; иногда потому что успокаивают этим свою совесть и думают, что случайной «*largesse*» они заглаживают свои дурные поступки; иногда под влиянием мысли о будущей жизни и надежды получить большие блага на том свете при помощи мелких подачек на этом; иногда потому, что при всем сознании вероятного зла, причиняемого их подаянием, им не хватает необходимого терпения, чтобы собрать справки, и они спешат покончить с этим делом, отдав полшиллинга или еще меньше. Без сомнения, это зло велико и сильно говорит против частной благотворительности, по крайней мере на практике, если не в теории.

Те же самые причины порождают и поддерживают обманы путем писем с просьбами о помощи. Разоблачение этих обманов от времени до времени в газетах должно бы служить предостережением; но всегда есть достаточно доверчивых людей, которые верят тому, что им рассказывают хитрые обманщики, и скорее позволяют ввести себя в заблуждение, чем причинят себе труд проверить их рассказы, причем многие из них думают, что они поступают похвально, делая то, что имеет вид добра, тогда как в действительности поступают дурно, не заботясь о предупреждении зла. Всякий знает, что подобное отношение служит поддержкой огромному числу плутов и мошенников, — и без сомнения, отсюда вытекает веский довод против преимуществ частной благотворительности.

Затем, мы снова сталкиваемся с тем возражением, что раз сбор средств для помощи нуждающимся будет производиться не принудительным путем и каждому будет предоставлено руководствоваться внушением чувства симпатии, то люди, лишенные этого чувства или наделенные им в недостаточной степени — а такие люди составляют значительную часть общества, — не будут вносить ничего и предоставят нести слишком тяжелое бремя наиболее отзывчивым. Или потребность в помощи будет удовлетворяться в недостаточной степени, или добросердечные люди будут вынуждены приносить чрезмерные жертвы. Но как ни веско это возражение, оно в действительности не так серьезно, как кажется сначала. В этом случае, как и во многих других, выводят неверное заключение относительно действия новой причины, так как предполагают, что при изменении известной вещи все другие остаются без перемены. При этом забывают, что в тех случаях, когда нет принудительного закона, часто существует принудительное общественное мнение. Закон не карает за ложь, если только она не говорится после принесения присяги, и тем не менее, опала, которой подвергается уличенный лжец, имеет большое значение в видах поддержания правдивости у людей.

Не существует также установленного наказания за нарушение общепринятых правил поведения, и тем не менее этим правилам многие подчиняются более усердно, чем правилам нравственности или постановлениям закона. Многие гораздо больше боятся общественного недовольства, которое сопровождает ошибочный, в смысле какой-нибудь условности, поступок, чем угрызений совести, сопровождающих действительно дурной поступок¹. Отсюда можно сделать с полным основанием тот вывод,

¹ В Индии у наиболее невежественных мушерасов (musheras) наблюдается в высшей степени замечательное и поучительное явление, могущее служить иллюстрацией как для этой общей, так и для более частной истины, и уже указанное нами в §183. У них нет брака, и между тем неверность или мена любовников с каждой стороны, раз уже состоялось взаимное присвоение, представляет очень редкое явление и когда случается, то влечет за собой экскоммуникацию. Таким образом, среди этих первобытных людей общественное мнение в деле супружеских отношений имеет более силы, чем закон среди нас. (Относительно Musheras см. Calcutta Review, апрель 1888 г.)

что если добровольная частная помощь бедным заменит общественную принудительную помощь, то общее чувство, которое побуждает к помощи последнего рода, будет еще долгое время служить поддержкой для помощи первого рода. Общее сознание станет таково, что немногие, даже из людей несклонных к симпатии, будут дерзать заслужить презрение, которому они подвергнуться бы, если бы уклонились от всякого участия в общей ответственности, и так как таким образом обеспечивалось бы нечто вроде законной контрибуции с индифферентных и черствых людей, то у некоторых из них в силу привычки к проявлению формальной благотворительности возникло бы чувство, благодаря которому с течением времени проявления благотворительности стали бы искренни и приятны.

Дальнейшее затруднение представляется само собой. «Я слишком занят», — говорит деловой человек, когда его побуждают заняться частной благотворительностью. «Я должен содержать семью, и все мое время поглощается исполнением родительской и других обязанностей, лежащих на мне. Мне невозможно поэтому производить расследования, которые необходимы, чтобы избежать ложно направленной помощи. Я должен сделать свой взнос и предоставить другим распределить его». Нельзя отрицать того, что этот ответ имеет действительное значение. Но если мы напомним всеми замеченный факт, что в случае надобности следует обращаться скорей к деловому человеку, чем к праздному, то можем с некоторым основанием задать вопрос, нельзя ли и деловому человеку случайно выбрать свободное время, чтобы навести справки о тех случаях нужды, на которые обращено его внимание. Иногда результатом некоторой суммы альтруистических поступков может явиться известная выгода духовного характера, способствующая успешности его деловых занятий.

Во всяком случае следует признать, что частная помощь бедным представляет нормальную форму попечения о них, и если бы она подавалась более разумно и внимательно — что и было бы действительно, раз вся ответственность за заботы о бедных падала бы на такого рода благотворительность, — то путем ее можно было бы сделать многое для борьбы с нуждой, в особенности благодаря тому, что нужды значительно уменьшились бы, если бы исчезла искусственно создаваемая нищета, которой мы окружены.

§ 457. От этой общей защиты частной помощи против помощи, оказываемой путем общественных и квазиобщественных учреждений, я перехожу теперь к защите, специально касающейся естественной формы частной помощи, которая уже существует и нуждается только в развитии.

В запутанной сети общественных отношений, окружающей каждого члена общества, есть особая сеть более интимных отношений, предъявляющих к нему большие требования. Всякий, кто имеет средства оказывать помощь, приходит в своей ежедневной деятельности в соприкосновение с рядом людей, которые вследствие болезни, потери работы, смерти или другого несчастья могут, в свою очередь, попасть в положение, требующее помощи, — и за каждым членом этого интимного круга необходимо признать право на помощь.

В прежних обществах, организация которых была основана на системе раз установленных законов и обычаев, зависимость низших вела за собой некоторого рода ответственность за их благосостояние. Простая и сложная семейная группа, составленная из родственников, находящихся по отношению друг к другу в различных степенях взаимного подчинения и обыкновенно владевшая рабами, регулировалась таким образом, что низшие члены хотя и обязаны были делать то, что им приказывали высшие, и брать то, что они им давали, но в то же время получали все необходимое. Их положение очень походило на положение домашних животных, как в смысле подчинения, так и в смысле надлежащего удовлетворения их нужд. Как при первобытной патриархальной системе, так и при феодальной, в полном ее развитии, система раз установленных законов и обычаев представляла, как мы видим, ту общую черту, что подчиненные хотя и были лишены в значительной степени свободы, но зато и снабжались в значительной степени средствами к жизни. Или они получали прямо пищу и жилище, или им назначалась определенная часть продуктов, которая давала им возможность иметь то и другое. Владение ими неизбежным образом влекло за собой и необходимость заботиться о них.

Одновременно с тем, как эта система постепенно уступала место системе договора, во взаимном положении низших и высших происходило изменение, выражавшееся в том, что

первые, приобретая выгоды независимости, утрачивали выгоды зависимости. Более бедными людьми никто уже больше не управлял, но никто также и не содержал их. Всеобщим принципом кооперации стало правило: столько-то труда за такое-то количество денег, и раз деньги были уплачены за затраченный труд, не признавалось больше никаких дальнейших прав. Если требования справедливости были выполнены, то предполагалось, что выполнены все требования. Старинные отношения покровительства, с одной стороны, и преданности — с другой прекратились, новые же отношения благотворительности и благодарности заменили их только отчасти.

Не можем ли мы сделать отсюда с достаточной вероятностью тот вывод, что нужно воссоздать нечто сходное со старым порядком, но в новой форме? Не можем ли мы ожидать, что возобновится нечто подобное прежнему заботливому отношению высших к низшим без восстановления старинной власти над ними? Не можем ли мы надеяться, что помимо создания формальных уз между индивидуумами управляющего класса и группами людей, трудом которых каждый из первых так или иначе распоряжается, между ними создастся в будущем прочная нравственная связь? Такая нравственная связь уже признается и теперь до некоторой степени. Уже и теперь все хозяева, одаренные в достаточной степени чувством симпатии, признают себя обязанными заботиться о своих слугах во время их болезни; уже и теперь они помогают тем из живущих вне их дома людям, которые менее прямым образом работают на них; уже и теперь от времени до времени мелкие торговцы, носильщики, мальчики для посылок и др. пользуются их добрыми услугами в случае несчастья. Необходимо, по-видимому, только то, чтобы поступки, встречающиеся теперь нерегулярно то там, то здесь, получили всеобщий характер путем постепенного уничтожения искусственного посредничества в распределении помощи. Согласно высказанному нами выше предположению, симпатические чувства, вызвавшие и поддерживавшие это искусственное посредничество, должны будут, когда уничтожится последнее, оживить и развить естественную форму благотворительной деятельности. И если в руках каждого члена общества останется та сумма, которая взимается с него в виде налогов и подписок, он будет в состоянии удовлетворять частным

просьбам, хотя и не с такими большими расходами, как теперь, но зато с такими расходами, какие ему желательны.

Вместе с восстановлением более тесных отношений между высшими и низшими, которые распались во время нашего перехода от древнего рабства к современной свободе, и вместе с возвращением благотворительности к ее естественной форме прямого сношения благотворителя с благотворимым личным распоряжением помощью будет руководить непосредственное знакомство с теми, кто получает ее, и она по своему характеру и размерам будет приноровлена к нуждам и заслугам благотворимых. Когда вместо того, чтобы нести ответственность при посредстве официальных исполнителей законов о бедных и обществ попечения о них, каждый, кто имеет лишние средства, будет нести ее сам непосредственно, тогда каждый будет видеть необходимость справок, проверки и надзора, и таким образом помощь, оказываемая достойным, увеличится, помощь же, оказываемая недостойным, уменьшится.

§ 458. Здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с самым большим затруднением, неразлучным со всеми способами смягчения нужды. Не можем ли мы частой помощью достойному сделать его недостойным и не уверены ли мы почти вполне, что, помогая уже недостойному, мы делаем его еще более недостойным? Как должны мы регулировать нашу денежную помощь, чтобы не способствовать размножению неспособных к труду и порочных людей?

В этом труде я так часто говорил о неразумии и прямо о жестокости завещания потомству всевозрастающего наследства в виде преступников и неспособных к труду, что здесь мне нет надобности настаивать на той истине, что благотворительность должна настолько сузиться, чтобы избежать содержания низших на счет высших или по крайней мере чтобы довести до минимума тот вред, который это явление влечет за собой.

При настоящих условиях это затруднение кажется почти непреодолимым. Основанные в силу закона и созданные частным образом учреждения принудительного и добровольного характера, спасающие дурных людей от крайних проявлений их дурных свойств, породили не поддающееся контролю число таких людей, и предупредить дальнейшее размножение

их кажется почти невозможным. Растущее с каждым годом количество просьб о поддержании тех, кто не хочет работать, чтобы собственными силами поддерживать себя, постоянно увеличивает это зло. Каждое новое усилие смягчить наказание за непредусмотрительность увеличивает неизбежным образом число непредусмотрительных. Подается ли помощь при посредстве административного механизма, или благотворительных обществ, или частным образом, трудно решить вопрос, как ограничить ее, чтобы удержать низших от произведения на свет еще большего количества низших.

Если бы мы предоставили действовать со всею его суровостью принципу переживания наиболее приспособленных, который с нравственной точки зрения предполагает, как мы видели, что каждый индивидуум должен испытывать на себе последствия, вытекающие из его собственной природы и поведения, то общество быстро очистилось бы от порочных людей. Но мы не можем предоставить этому принципу действовать со всею его суровостью, так как это в настоящее время несовместимо с нашими чувствами. Смягчение его действия не причиняло бы никакого серьезного вреда, если бы испорченные люди не оставляли потомства. Близорукая благотворительность могла бы без помехи облегчать страдания, если бы дальновидная благотворительность гарантировала, что эти люди не произведут на свет подобных себе. Но как можно гарантировать это? Если бы помощь, все равно путем ли общественной или частной деятельности, подавалась слабым, больным, калекам и идиотам под условием, чтобы они не женились, то следствием этого было бы, очевидно, сильное повышение числа незаконных браков, которые, обуславливая еще более плохое воспитание детей, дали бы в результате еще худших мужчин и женщин. Если бы вместо «наводняющей страну десятой части» существовала только пятидесятая, то с нею можно было бы бороться с успехом путем частных промышленных учреждений и тому подобных средств. Но количество непродуктивных людей так велико, что борьба с ними может привести только в отчаяние: задача кажется неразрешимой.

Без сомнения, если она и разрешима, то только путем страдания. Давая, благодаря неразумным учреждениям, жизнь большому количеству людей, не приспособленных к требованиям

общественной жизни и являющихся вследствие этого источником страданий для себя и других, мы не можем обуздать и постепенно уничтожить эту армию сравнительно недостойных людей, не причиняя больших страданий. Зло сделано, и нужно нести наказание за него. Исцеление может прийти только путем испытаний. Искусственное облегчение нужды при помощи правительственных мер представляет нечто вроде общественного потребления опиума, доставляющего временное облегчение ценою бóльших страданий впоследствии. Увеличение доз, утоляющих боль, неизбежно ведет за собой постепенное увеличение зла, и единственное рациональное средство против него — это перенести то бедствие, которое причинит на некоторое время прекращение помощи. Переход от государственной благотворительности к здоровым условиям самопомощи и частной благотворительности должен быть подобен переходу человека от жизни курильщика к нормальной жизни, т.е. мучительным, но благотворным.

VIII | ОБЩЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

§ 459. Обязан ли каждый человек поддерживать общение с людьми? Может ли он, не игнорируя требований, которые предъявляет к нему общество, вести уединенную жизнь или жизнь, ограниченную семейным кругом? Или положительная благотворительность предписывает поддерживать дружеские отношения и знакомство в таких пределах, чтобы каждый оказывал с своей стороны и встречал со стороны других гостеприимство? И если таково действительно ее требование, то в чем должно заключаться надлежащее выполнение его?

На эти вопросы возможны, по-видимому, только общие ответы. Мы могли бы, правда, сказать, что некоторое общение, если только позволяют неотложные требования жизни, обязательно, так как без него общее счастье было бы неполным. Если общество отшельников или людей, ведущих замкнутую семейную жизнь, представляло бы более или менее грустную картину, если общение ради обмена мыслей и взаимного возбуждения чувств вносит значительную долю удовольствия в жизнь каждого человека, то, следовательно, на каждого человека падает, по-видимому, обязанность поддерживать общение с другими людьми.

Само собою разумеется, что эта обязанность менее непреложна, чем многие другие, и должна быть подчинена другим обязанностям даже тогда, когда исполнение ее возможно. Прием гостей, связанный с значительными расходами, не может заслуживать нравственной санкции там, где с трудом удовлетворяются семейные нужды, требования справедливости и те требования, которые возникают в случае несчастья с людьми, достойными помощи. При таких условиях нравственно обязательно только такое общение с людьми, которое не связано с расходами (часто самая лучшая форма общения).

Сверх того, благотворительность налагает на нас обязанность искать общества наших ближних только под условием, чтобы исполнение этой обязанности доставляло больше

удовольствия, чем страдания. Она никоим образом не поощряет механического процесса визитов и рассеянной жизни, которую ведут люди «света» и более обширных кругов, усваивающих светские привычки. Благотворительность никого не побуждает способствовать общественной «сутолоке». Требование, чтобы люди собирались вместе, можно приписывать благотворительности только в том случае, если предполагается, что собравшиеся выносят из общества друг друга известную сумму удовольствия, достаточно вознаграждающую за беспокойство и расходы. И действительно, можно сказать, что благотворительность не только не поощряет механического общения между людьми, но, напротив, предписывает употреблять старания к уменьшению и полному прекращению его. Всякий признает, что обеды и ужины, на которые люди приглашают гостей и, в свою очередь, получают приглашения, не доставляют по большей части искомого удовольствия, между тем как причиняют беспокойство и стеснение хозяевам и гостям, — и все это потому, что люди думают гораздо больше об удовлетворении тщеславия и соблюдении приличий, чем об удовольствии дружеских сношений. Многие к тому же пришли к заключению, что старания восстановить естественность в отношениях с людьми, уничтоженную ложным стыдом по большей части напрасны. В начале этого столетия некоторые, желая видеть у себя от времени до времени интересных для них лиц, ввели обыкновение объявлять, что они будут «дома» (*at home*) в определенные вечера, надеясь этим уклонением от обычных церемоний достигнуть того, что им было нужно. Но как только этот обычай распространился, «*at-homes*» обратились в такую же условность приличия, как и все другие собрания, и теперь их нельзя отличить от раутов прежних дней. Та же участь постигла и более новое средство, «*at-homes*», отличительными чертами которых были малолюдность и раннее время, так как «небольшие и ранние» приемы стали означать теперь полную комнату гостей, являющихся между 10 и 11 часами вечера.

Таким образом, участие в такой общественной жизни, которая утратила действительный смысл ради внешней обстановки, не относится к сфере социальной благотворительности. Напротив, последняя предписывает неустанное противодей-

ствие системе, которая приводит людей, ищущих удовольствия, к страданию.

§ 460. Но в то время как содействие обычному общению искреннего характера едва ли многие отнесут к сфере благотворительности, содействие другому виду общения они без колебания отнесут к этой сфере. Я говорю об отношениях между людьми, занимающими высшее положение в обществе, и теми, которые занимают низшее положение.

Такое общение существовало всегда в большей или меньшей степени — в старину в форме пиршеств, устраиваемых по какому-нибудь случаю феодальными дворянами для своих вассалов, а в позднейшее время в форме угощений, устраиваемых периодически или по особым поводам эсквайрами для крестьян. После некоторого промежутка, в течение которого эти обычаи, по-видимому, стали менее распространенными, они возобновились в новой форме: устройства гуляний в садах провинциальных центров для живущего по соседству бедного люда, даровых экскурсий для детей и взрослых из Лондона в деревню, угощений для учеников сельских школ и пр. Дешевые лекции и концерты, устраиваемые любителями бесплатно или за незначительную плату, представляют другой вид социальной благотворительности. Вообще такие формы благотворительности следует приветствовать как ввиду доставляемого ими непосредственного удовольствия, так и ввиду их влияния на развитие взаимных добрых чувств между классами и, следовательно, общественной солидарности. Обыкновенно они являются выражением искренней симпатии и вызывают у лучших из приглашенных некоторое чувство благодарности — а такие результаты благодетельны. Дурное влияние этого обычая мы можем признать только в тех случаях, когда он становится механическим и одной стороной выполняется по рутине, а другой принимается как должное. Затем, его дурное влияние мы можем признать и в тех еще случаях, когда общение этого рода поддерживается в интересах религиозных сект, ради привлечения последователей. Но эта форма благотворительности не имеет других неблагоприятных сторон, и причиняемый ими вред не так велик, как тот, который связан с общением богатых между собой; поэтому мы можем с уверенностью сказать, что

благотворительность предписывает эти разнообразные формы общения между богатыми и бедными. Старания некоторых лиц просвещать своих ближних, которые находятся в худших условиях, а также доставлять им удовольствия, заслуживают не меньшего, если не большего одобрения. Те люди, которые лет сто тому назад старались рассеять мрак невежества среди ремесленников и рабочих путем воскресных школ, заслуживают гораздо большей благодарности, чем многие другие, чьи имена пользуются известностью, и десятки людей следующего поколения из многих тысяч, принадлежавших к среднему сословию, людей, которые посвящали большую часть времени в воскресные дни просвещению других, перенося в течение многих лет осуждение тех, кто считал себя «выше» их, должны быть также вспоминаемы с благодарностью, гораздо большей благодарностью, чем люди, занимавшиеся принуждением своих ближних учить и учиться в школах.

Хотя система воскресных школ, распространившаяся сначала между диссидентами и затем принятая господствующей церковью, чтобы предупредить отпадение от нее, и была отчасти подчинена сектантским целям, но первоначальная цель ее была благая, и самоотверженное достижение ее было также по большей части благотворительно. Такая деятельность представляла хороший образец социальной благотворительности.

В недавнее время получило успешное развитие добровольное обучение другого рода. Я подразумеваю публичные лекции, читаемые в городах и деревнях непатентованными лекторами. Иногда между хозяевами и рабочими устанавливаются некоторые отношения помимо деловых, основанных на контракте. Один мой покойный друг, у которого было более тысячи человек рабочих, устраивал для них, наряду с угощениями и экскурсиями в деревню, беседы о различного рода физических явлениях, поясняя их опытами. Это даровое распространение знаний, все равно хозяином ли в среде его рабочих или каким-нибудь местным жителем, занимающимся известной специальностью, в среде его соседей представляет такую форму благотворительности, которая заслуживает одобрения. Оно необходимо в особенности в сфере вопросов, касающихся поведения и общественных дел. Общество было бы в гораздо лучшем состоянии, если бы люди, способные к преподаванию, просвещали

окружающих относительно политических и нравственных вопросов. Многие господствующие теперь нелепые идеи, вероятно, никогда и не возникали бы.

Но обычаи имеют всегда тенденцию обращаться в законы, пользование уступкой — в право, и даже более широкое общение между людьми, как в форме доставления знания, так и в форме доставления удовольствия, может утратить характер благотворительности и обратиться в установившуюся формальность, не сопровождающуюся достаточно добрым отношением с одной стороны и благодарностью с другой. Как предупредить такое перерождение, трудно сказать.

§ 461. Указанные до сих пор требования социальной благотворительности если на практике и не выполняются читателями, то будут признаны ими в теории. Теперь же мы переходим к менее очевидным ее требованиям — требованиям, которые большинство людей будут действительно отрицать, а многие считать несогласными с общественными обязанностями. Я говорю о тех действиях, целью которых является изменение привычек и обычаев, препятствующих общему счастью. Хотя эти люди и не станут утверждать, что соблюдение приличий составляет нравственный долг, но тем не менее большинство считает его долгом и осуждает тех, кто нарушает те или другие правила, установленные обществом для регулирования жизни и поведения. Они не будут в состоянии, быть может, привести достаточных оснований для этих правил; они признают, быть может, что многие из этих правил причиняют беспокойство и неприятности без всякой благотворной цели; быть может, они даже осудят некоторые из них. Но тем не менее они думают, что эти правила, до цвета надеваемого вечером галстука включительно, должны быть уважаемы. Относясь к несоблюдению их как к проступку, который следует порицать, они не задают себе вопроса, не причиняет ли то или другое правило приличия серьезного вреда и не должны ли они постараться уничтожить этот вред.

Тот, кто сам вырабатывает свои мнения, а не принимает на веру уже готовые, достаточно ясно поймет, что наряду с другими обязанностями по отношению к ближним существует обязанность стремиться путем установления более рационального образа жизни увеличить их счастье. Он поймет, что

благотворительность, в истинном смысле этого слова, не ограничивается раздаванием денег, помощью в случае несчастья, выражением симпатии и добрыми словами, но обнимает собой многие такие действия, которые хотя и причиняют в ближайший момент страдания другим, но являются благодетельными в более отдаленном будущем и которые не только не вызывают у других одобрения, но, напротив того, возбуждают раздражение. Правила поведения, во многих случаях бесполезные, а в иных и вредные, устанавливаемые невидимой общественной силой, портят жизнь массы людей в гораздо большей степени, чем они сознают. Рассмотрим некоторые предписания этого рода, которым не следует подчиняться.

§ 462. Наше внимание естественно останавливается прежде всего на тех из них, которые касаются одежды. Указывать здесь на безумства моды излишне. Каждый знает их. Но вряд ли кто-нибудь или очень немногие откажутся следовать им. И не только почти все применяются к ним, но и защищают это следование моде. Они смеются над модами в старинных книгах, где изображены костюмы того времени, и признают, что если бы не привычка, то они могли бы считать такими же нелепыми и современные моды. Они признают также бесполезную трату денег, вызываемую выбрасываньем еще годных к употреблению платьев на том основании, что они уже не соответствуют требованиям моды, и даже жалуются на это обыкновение. При случае они сетуют также на беспокойство, потерю времени и утомление, причиняемые необходимостью поддерживать гардероб на уровне последней моды. И тем не менее, когда им доказывают, что ради своей собственной пользы, равно как и ради пользы других они должны бороться с предписаниями моды, которые влекут за собой такие вредные результаты, они спорят и даже насмеваются. Социальная благотворительность заключается, по их понятию, скорее в подчинении, чем в борьбе.

Без сомнения, они могут сослаться на недостаток мужества. Они не отваживаются вызвать сетование друзей и насмешки посторонних. Но, во-первых, перенесение неприятных последствий правильных поступков есть одна из форм, в которых проявляется благотворительность, и, во-вторых, в тех случаях, когда разумное по существу своему несоблюдение моды явля-

ется очевидным результатом независимости, а не бедности или невежества, общество обыкновенно примиряется с таким поведением и относится к нему не только терпимо, но даже с тайным уважением.

Но относительно одежды социальная благотворительность требует не только борьбы с беспрестанным переходом от одного нелепого покроя платья к другому. Помимо ненужного подчинения неразумному контролю над одеждой люди обнаруживают чрезмерное внимание к самой одежде, независимо от моды. В этом случае опять-таки доказательства излишни, так как большая трата денег и времени на украшение внешности с целью вызвать одобрение является обычным материалом для порицаний. Но, быть может, следует выставить на вид ту истину, что, часто отдавая слишком много жизни и ума стараниям возбудить в других удивление путем украшения своей особы, люди проигрывают в этом отношении. Чувство, с которым смотрят на чересчур нарядную женщину, доказывает это ясным образом: это чувство, хотя и не в такой сильной степени, вызывается также видом многих женщин, которых не осуждают за чрезмерную разряженность. Изысканный туалет, показывая зрителю, что преобладающим желанием было заслужить одобрение, вызывает в нем обратное чувство: порицание нравственного недостатка перевешивает в этом случае одобрение, вызванное внешностью. Никто не считает любовь к похвалам хорошим качеством.

По отношению к одежде следует стремиться к тому, чтобы она была красива без бьющей в глаза роскоши и элегантна без явного умысла. Известное внимание к внешности, которое предполагает уважение к окружающим, вполне естественно, но, однако, не такое внимание, которое предполагает чрезмерную заботу об их мнении. Для успешности этого компромисса необходима некоторая доза эстетического вкуса, свойственного немногим. Но другие могут стараться приблизиться к нему — и социальная благотворительность, стремящаяся к уничтожению общественных обычаев, не имеющих разумного основания, должна поддерживать и поощрять такое приближение к нему.

§ 463. С чрезмерным вниманием к внешности в сфере одежды связано и чрезмерное внимание к внешности вообще.

Женщины высшего и среднего круга тратят значительную и часто большую часть своего времени в погоне за украшением обстановки. Целью их жизни стало, по-видимому, придавать вещам красивый вид, и они никогда не задают себе вопроса, не существует ли естественной границы эстетическим удовольствиям.

Как уже было указано в заключительной главе III части, очень многое в хорошем поведении зависит от соблюдения надлежащей пропорциональности относительно разнообразных сфер деятельности. Признавая до известной степени древнюю доктрину, мы видели, что по отношению к каждому роду деятельности разум должен решить, где находится середина между двумя крайностями. Мы видели также, что дело разума определить естественное отношение каждого рода деятельности к другим родам деятельности. Наблюдая действия окружающих людей, мы видим, что надлежащая пропорциональность между различными родами деятельности очень мало соблюдается, и у многих, по-видимому, нет даже никакого представления о том, что она необходима. В одном случае по отношению к труду, в другом — к удовольствию, в третьем — к образованию, в четвертом — к тому или другому коньку замечается чрезмерная затрата энергии, и никто, по-видимому, не задумывается над этим и не задает себе вопроса, не слишком ли он жертвует другими целями ради преследования своей излюбленной цели. Это замечается в особенности относительно стремления к красоте или тому, что считается красотой.

В уме многих, в особенности женщин, по-видимому, никогда не возникает вопроса, не доходит ли до чрезмерности трата времени на украшение окружающей обстановки. Они молчаливо признают, что стремление к элегантности и красивой внешности всюду и везде похвально, и не сознают, что следствием его является невнимание к серьезным целям жизни. Это нездоровое подчинение реального кажущемуся в высшей степени, как показывает исследование, извращает душу и вредит телу. В то время как многие вещи, необходимые для удовлетворительной жизни, остаются несделанными, хозяйка дома тратит много времени на модные дамские работы, содержание в порядке комнатных украшений, установку цветов и пр., гораздо больше времени, чем она отдает заботам

о доброкачественности и хорошем приготовлении пищи и руководству воспитанием своих детей¹.

¹ В течение многих лет я собирался написать опыт об эстетических пороках и накоплял материал, наглядно показывающий, какой вред причиняется жизни благодаря тому, что люди обращают привлекательную внешность в главную цель ее, вместо того чтобы подчинять соображениям о полезности как цель второстепенную. Мы приведем здесь некоторые из многочисленных примеров, выясняющих, каким путем нарушается комфорт и подрывается здоровье ради достижения действительной или воображаемой красоты в таких вещах, относительно которых не следовало бы предъявлять требований о красоте. Берете ли вы кочергу, чтобы расколоть угли, вы видите, что разукрашенная бронзовая рукоятка ее, привинченная к стальному стержню, не держится твердо, отчего кочерга шатается; вы чувствуете далее, что филиграновая отделка бронзовой рукоятки причиняет боль вашей руке, когда вы ударяете кочергой по куску угля. Заметив, что огонь тухнет, вы оборачиваетесь к ящику для угля и, видя, что он пуст, звоните и велите наполнить его. Тогда, на том основании, что нельзя портить элегантного ящика, украшенного, быть может, фотографическими снимками, окруженными изящной позолотой, вы вынуждены слушать шум, происходящий от пересыпания за дверью угля из железного ящика в парадный, причем поднимается пыль и разбрасывается сор — и все это вы заранее должны быть готовы безропотно претерпеть ради фотографических снимков и позолоты. Затем, когда вы садитесь, приведя в порядок огонь, ощущение некоторой неловкости в затылке обращает ваше внимание на модный антимакасар, сделанный из туго накрахмаленного шнура; предполагается, что изящество его узора должно служить вознаграждением за причиняемое вашей коже раздражение. То же повторяется и за столом. За завтраком вам подают поджаренный хлеб нежелательного качества, но представляющий то преимущество, что он может быть нарезан треугольными ломтиками, изящный вид которых приводит присутствующих в восхищение. Если вы возьмете сваренное всмятку яйцо, то убедитесь, что ради приятного вида оно варилось в малом количестве воды, вследствие чего желток в середине его сварился только наполовину, тогда как окружающий его белок переварен и обращен в твердую массу. Если бы кушанья были более изысканные, перед нами было бы еще больше наглядных примеров. Достаточно указать только на сладкие блюда. Вы видите перед собой торт, у которого худо пропечена нижняя корка благодаря тому, что время, необходимое для печения, употреблено было на украшающую его снаружи отделку. А вот другой торт, тесто которого, покрытое сверху глазурью, вышло тяжелым и непереваримым

Все это заслуживает порицания не только с точки зрения этики, как поведение, в котором менее важные цели занимают первенствующее место сравнительно с более важными целями, но также и с точки зрения эстетики: чрезмерное стремление к красоте вредит последней. Во-первых, многие предметы домашнего обихода непригодны для украшения. Несоответствие между изысканно украшенным ящиком для углей и его черным, грязным содержимым так велико, что является нелепостью, и количество времени, затрачиваемое на выделывание листьев и цветов для наружного украшения торта представляет сплошной контраст с тривиальным результатом: все эти украшения уничтожаются почти тотчас же, как появляются перед глазами. Большинство вещей в доме не должны быть только неприятны или вредны. Во-вторых, если красота преследуется только в таких вещах, которые существуют исключительно ради украшения как их единственного назначения, и в некоторых долго сохраняющихся вещах, которые можно сделать красивыми, не уменьшая их полезности, то в результате увеличивается общая сумма эстетического удовольствия, так как красивые вещи для надлежащей их оценки должны стоять рядом с другими вещами, не претендующими на красоту. Изящная статуэтка или красивый пейзаж, писанный акварелью, производят более сильное впечатление среди относительно ординарной и незаметной окружающей обстановки, чем в комнате, загроможденной множеством красивых и считаемых красивыми предметов. Сверх того, комната, наполненная картинами, скульптурными

благодаря задержке испарения. На одном конце стола стоит желе, которое, ради того чтобы оно приняло красивый вид вмещавшей его элегантной формы (что часто, когда желе делается надлежащим образом, не удастся), сделано густым искусственно, и если вы окажетесь достаточно легкомысленным, чтобы положить в рот кусок его, оно может навести вас на мысль о растворяющейся индийской резине. На другом же конце стола страсть к внешности доведена до таких пределов, что крем ради большей привлекательности окрашен жидкостью существа, которое в живом виде похоже на упившегося кровью клопа. Таковы ваши испытания в течение целого дня, начиная с первого шага поутру, когда вы должны, стоя мокрым, распутывать красивую бахрому полотенца, до последнего шага вечером, когда вам приходится отыскивать туфли, скрытые от взора как вещь, не служащая украшением.

произведениями, вазами и бесчисленными редкостями, теряет свой индивидуальный характер, между тем как та же комната, заключающая в себе небольшое количество красивых, искусно размещенных вещей, сама становится произведением искусства.

Обычай приобретать бесполезные принадлежности домашнего обихода коренится также в чрезмерной любви к внешнему блеску. Как на типический пример мы можем указать на серебряные ножи для масла. Это совершенно излишняя утварь. Тут не может служить предлогом химическое действие масла на сталь, так как для намазывания его употребляются всеми ножи стальные. Тут не может служить предлогом и то соображение, что стальной нож менее отвечает своему назначению как орудие при употреблении пищи: в действительности серебряный нож для масла с точки зрения механики плохо приспособлен к своему назначению. У него нет другого *raison d'être*, кроме того, что он должен служить наглядным доказательством обладания таким количеством денег, которое позволяет приобрести предписываемую обществом утварь. То же можно сказать и относительно других предметов роскоши в доме: из опасения подвергнуться осуждению за глаза, люди делают ненужные траты на покупку этих бесполезных предметов и ежедневную их чистку.

Таким образом, социальная благотворительность предписывает употреблять старания, чтобы возможно меньше жертвовать пользой ради показной внешности, и вместе с тем трату меньше времени, энергии и денег на достижение второстепенных целей в ущерб главным.

§ 464. Старания принести пользу ближним путем улучшения их образа жизни приложимы также и в другой сфере. Существует немало установившихся обычаев и общественных правил, с которыми необходимо бороться в интересах всего человечества и которые нужно изменять и уничтожать. Даже филантропия в известных случаях признает это своей обязанностью.

Так, мы видим старания сдерживать безрассудные траты денег на похороны. Ясно, что требования, вытекающие из этого обычая, тяжело ложатся на нуждающиеся семьи и, может быть, чувствительным образом уменьшают то небольшое, что остается для удовлетворения безотлагательных нужд какой-нибудь вдовы и ее детей. Обыкновенно думают, что недостаток внешней

пышности предполагает недостаток уважения к покойнику, и отсюда обязательность денежных трат, которые неизбежно влекут за собой страдания. Это зло гораздо ощутительнее у малоцивилизованных племен, например у обитателей Золотого Берега, где, по словам Бичама (Beesham), «похороны обыкновенно являются полным разорением для семьи». Дальнейшим основанием для борьбы с чрезмерными тратами при похоронах, хотя среди нас они развиты гораздо менее, является то соображение, что дорогие похороны перестанут быть выражением почтения к умершему, если они будут устраиваться одинаково как для хороших, так и для дурных людей, и что отсутствие таких похорон не возбуждало бы мысли о неуважении, если бы все оставили этот обычай.

Подобные же основания можно привести в пользу стремления упростить различные свадебные обычаи. Последние в некоторых местах доходят до крайностей, превосходя все, что нам известно о них в этой части света, и приводят к поразительно вредным результатам. Так, в одном (если не больше) случае у более или менее цивилизованного племени свадебные празднества стали до такой степени разорительны для родителей невесты, что они начали практиковать умерщвление детей женского пола как средство против этого обычая: они избавлялись от дочерей, пока те были еще детьми, во избежание тех расходов, которые они должны были причинить впоследствии, если бы выросли. У нас свадебные обычаи причиняют менее серьезный ущерб родителям, но с ними неразлучно другое зло, которое настоятельно требует борьбы с ним. В старину поднесение подарков новобрачным имело целью положить начало их хозяйству, и подарки, подносимые с этой целью, могут быть оправданы как в старину, так и теперь. Но этот когда-то разумный обычай превратился в нелепое обыкновение осыпать подарками и тех невест, которые, так же как и их женихи, достаточно богаты, чтобы хорошо обставить себя во всех отношениях, причем знакомыми, которые их делают, руководит не столько дружеское расположение, сколько боязнь осуждения, и следствием этого является тяжелый налог на тех, кто имеет много знакомых. В настоящее время в высших кругах эта система достигла таких размеров, что список подарков с именами дарителей без всякого стеснения печатается в газетах. Таким образом люди

выставляют напоказ, с одной стороны, свое общественное положение, с другой — щедрость. В числе тех обычаев и обрядов, которые должен отвергать всякий, кто обладает дальновидностью по отношению к общему спасению, следует упомянуть еще одну группу. Я говорю о различных проявлениях любезности, принятых в известных случаях. Говорят, что в Париже обыкновение делать пасхальные подарки обратилось в такой обременительный обычай, что немалое число людей уклоняются от него, устраивая поездки под тем или другим вымышленным предлогом. Люди создали для самих себя систему взаимного обложения налогом. А считает себя обязанным делать подарки В, С, D и др.; В, в свою очередь, А, С, D и др. и так далее до конца азбуки. Среди нас самих в недавнее время возник обычай, также связанный с денежными потерями, хотя и менее серьезными — раздавать визитные карточки на Рождество и Пасху.

Сверх траты денег и времени и беспокойства, он причиняет зло одновременно и отрицательного, и положительного характера: отрицательного, так как подобные обычаи по мере того, как они становятся общераспространенными, теряют свое значение и перестают доставлять удовольствие, и положительного, так как неисполнение их порождает нехорошие чувства. До тех пор пока эта любезность проявляется добровольно по отношению к одному или немногим лицам, особенно нравящимся или любимым, она имеет цену, но коль скоро она становится делом привычки, то теряет всякую цену или хуже того.

Пусть каждый требует правды и искренности и, насколько возможно, удерживается от вошедших в обычай церемоний, заключающих в себе неискренность. Если каждый решится допустить насколько возможно меньше безмолвной лжи, отношения между людьми станут гораздо нормальнее.

§ 465. Без сомнения большинство читателей были удивлены тем, что мы включили три предыдущих отдела в труд об этике, так как они не привыкли смотреть на действия, вытекающие из установленных обществом правил поведения с точки зрения нравственности. Но мы утверждали с самого начала, что всякое поведение, результатом которого является увеличение или уменьшение счастья, может быть рассматриваемо с этой точки зрения, и не подлежит сомнению, что устанавливаемые

обществом правила поведения или способствуют счастью, или ведут к противоположным результатам.

Но некоторые люди порицают социальную благотворительность, предписывающую борьбу с вредными обычаями, вследствие того, что эта борьба создает репутацию эксцентричности, а последняя лишает до некоторой степени возможности проводить в жизнь более важные реформы, например политические и религиозные. С этим выводом можно было бы согласиться, если бы посылка была верна. Но утверждение, что изменение общественных обычаев менее важно, чем другие реформы, несправедливо. Примите во внимание вредные результаты превращения ночи в день вследствие вдыхания испорченного искусственным освещением воздуха. Примите также во внимание зло, причиняемое плохим распределением времени еды, причем большая часть пищи принимается в такое время, когда ослабевает способность к перевариванию ее, а не тогда, когда желудок наиболее к тому способен. Заметьте потом, что это неразумное распределение уменьшает общение между людьми и увеличивает формализм того общения, которое сохраняется. Вспомните, как много жизни (что мы видели в предыдущих отделах) тратится на выполнение разных обычаев: то на бесполезную смену платьев, разговоры с портнихами и толки о модах с знакомыми, то на покупку и производство так называемых красивых вещиц, которые особенно в ходу в данное время, то на визиты, часто в надежде не застать дома того, кому их делают¹. Если мы присоединим сюда постоянное беспокойство и большие расходы, причиняемые приемами гостей, которые доставляют мало удовольствия и много неприятностей, то увидим, что зло, с которым нужно бороться, далеко не ничтожно. Тот, кто усердно применяется к общественным требованиям, разыгрывает только роль счастливого человека, вместо

¹ Интересная сатира на эту систему была помещена назад тому лет двенадцать или около того в «The Owl». В ней автор предлагает учредить дамскую биржу (ее предполагалось назвать Ликвидационной конторой), где мужья-слуги должны были каждый день самолично вручать знакомым своих жен предназначавшиеся им визитные карточки и, в свою очередь, получать от других знакомых визитные карточки, должные их женам, и таким образом выполнять механический процесс раздачи карточек с большей экономией.

того чтобы быть им в действительности. Мне пришли в голову два наглядных примера, показывающих, до какой степени действительность приносится в жертву внешности в такой общественной жизни, которая ведется согласно установленным правилам. Один из них мне доставила одна дама, придерживавшаяся обычной рутины высшего света, когда я высказал ей мою нелюбовь к скучным и утомительным путешествиям по железной дороге; она ответила, что, наоборот, всегда с большим удовольствием садится на поезд в Париже, уезжая в Алжир (где они по временам жили) и чувствуя, что на многие часы будет свободна от докучливых занятий — визитов, приемов, переписки. Другой пример мне доставило свидетельство людей, которые имели возможность сравнить стесненную жизнь в Лондоне с свободной от всяких стеснений жизнью в колониях. Первые эмигранты в Новую Зеландию принадлежали к более культурному классу, чем обычный состав колонистов, и перенесли с собой те обычаи и правила жизни цивилизованных людей, которые коренятся в добрых чувствах, оставив позади все, что носило чисто условный характер. Те из них, которые, испытав в течение ряда лет преимущества такой жизни, приехали назад в Англию, почувствовали такое отвращение к нашему искусственному образу жизни, что возвратились назад в Новую Зеландию. Я знал только двоих из этих колонистов, и оба они решили окончить там свои дни.

Итак, мнение, что рациональное изменение установленных обществом правил поведения не представляет сравнительной важности, далеко от истины. Если мы будем судить по тому влиянию, которое они оказывают на счастье, то можем сделать предположение, что оно представляет более важную цель, чем что-либо другое. Каждый желающий блага человечеству будет неустанно стремиться к упрощению домашнего обихода и обычаев и связанному с ним уменьшению трения в жизни. Это одна из задач социальной благотворительности, которую всегда следует иметь в виду.

IX | ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

§ 466. Приписываемый Карлу I приказ «не касаться государственных дел» вполне понятен со стороны короля; так как король, естественно, желает иметь на них свой собственный взгляд. Но готовность со стороны подданных подчиниться такому повелению мы не можем считать столь же естественной, и тем не менее такая готовность была общим явлением в прошлом, да и теперь встречается нередко. Существует немало людей, которые, никогда не слышав, по всей вероятности, об этом законе короля Карла, бессознательно подчиняются ему и, по-видимому, гордятся этим. Вы всегда можете услышать из уст торговца слова: «Я никогда не мешаюсь в политику», — причем выражение, с которым он говорит их, заставляет думать, что он считает такое невмешательство почтенным делом.

Действительно, было время — плохое время, которому такое душевное настроение вполне отвечало. Во дни исключительного господства военной силы, когда рабское подчинение способствовало успеху на войне, самобытность в мыслях и действиях была неуместна. Но при том политическом режиме, которого мы достигли теперь, участие в политической жизни является обязанностью каждого гражданина, и уклонение от нее доказывает его близорукость, неблагодарность и низость: близорукость, потому что устранение себя от вмешательства, сделавшись общим явлением, должно привести к упадку всех существующих полезных учреждений; неблагодарность, потому что оставлять в пренебрежении полезные учреждения, созданные патриотизмом предков, — значит не признавать своего долга им; низость, потому что пользование этими учреждениями со стороны лиц, которые всецело предоставляют другим заботиться о их поддержке и усовершенствовании, предполагает у них способность получать выгоды, ничего не давая взамен их.

Для того чтобы свободная политическая организация была жизненна и полезна, все входящие в ее состав единицы должны

исполнять свое дело. Раз многие из них остаются пассивными, организация мертва настолько, насколько они в ней участвуют, и по мере того как число пассивных увеличивается, она должна разрушаться. Не допускать последнего — одна из обязанностей, налагаемых политической благотворительностью. Посмотрим, какие вредные последствия происходят от невнимания к этой обязанности и какую пользу могло бы принести большее внимание к ней каждого как для него самого, так и для других.

§ 467. Когда система раз установленных законов и обычаев заменилась системой договора, явилась необходимость тщательно поддерживать ее. Общественная жизнь, основанная на добровольной кооперации, предполагая охрану жизни и свободы как необходимое условие, требует только того, чтобы договоры выполнялись, чтобы за известное количество труда уплачивалась определенная заработная плата, чтобы за известное количество товара уплачивалась его стоимость в виде денег или другого эквивалента, чтобы предпринимаемое на известных условиях дело выполнялось и условия эти соблюдались. Поскольку уголовные законы должны охранять от прямого насилия, постольку же гражданские законы должны служить охраной против непрямого насилия. И каждый член общества является по мере своих способностей ответственным за успешное выполнение этих функций.

К несчастью, в настоящее время люди почти или совсем не сознают такой ответственности. Если они и чувствуют себя призванными принять некоторое участие в политической жизни, то разве в выборах, в агитации в пользу сокращения часов труда, в уменьшении числа привилегий или в уполномочении муниципального совета на приобретение в пользу города фон-танов, устройство трамвая и пр. Что же касается соблюдения основного условия общественной жизни, согласно которому каждый должен пользоваться всеми выгодами, доставляемыми его деятельностью, не заставляя других терпеть причиняемый его деятельностью вред, ввиду чего каждый обязан исполнять все то, что он предпринял, и, с другой стороны, пользуется правом получить все, что ему следует по договору, — что касается этих важных вещей, то средний человек почти или совсем о них не думает. Он думает только о поверхностных вопросах

и игнорирует основной вопрос. Он забывает о безрассудстве той законодательной власти, которая из поколения в поколение не предпринимает ничего, чтобы дать возможность людям знать существующие законы. Он смотрит беззаботно на нелепые старания лордов и общин прибавлять ежегодно множество новых законодательных актов к обширной грудѣ старых актов, что еще более увеличивает путаницу в законах. Он беспечно присутствует при нарушении судом, вследствие технических ошибок, справедливости, как будто дело идет о неизменном и естественном ходе вещей; так, на его глазах выигранные суммы поглощаются издержками на ведение дела, бедные истцы разоряются в борьбе с богатыми истцами, которые не боятся их жалоб в суд ввиду возможности апеллировать, — и громадное большинство людей, над которыми совершается насилие, охотнее подчиняются ему, чем решаются рискнуть на еще большую несправедливость.

Разумная политическая благотворительность будет стремиться к уничтожению этого громадного зла с большей энергией, чем к достижению изменений в государственном устройстве или расширению государственных функций, так как неисполнение этого первого условия общественной кооперации бесчисленными путями вредит жизни всякого. Все питаются фальсифицированными продуктами и носят платье, сделанное из тканей, наполовину поддельных, — и все это потому, что не существует легкого способа для нарушения договора в случае продажи под видом одной вещи того, что наполовину оказывается другой вещью. Все платят за каждый товар больше, чем следует, так как во всяком торговом деле известная средняя сумма идет на судебные издержки, которые должны быть покрыты путем повышения прибыли. И каждый рискует серьезной потерей в случае, если тот, с кем он имеет дело, пострадает, может быть, до полного банкротства, благодаря широко распространенной бесчестности, против которой в действительности нет никакой защиты. Если бы, как это бывает в большинстве случаев, ближайшие последствия не скрывали из виду более отдаленных, то люди поняли бы, что, стремясь к добросовестному и деятельному отправлению правосудия, они гораздо больше способствовали бы общему счастью, чем стремясь к целям, именуемым обыкновенно филантропическими.

§ 468. Вероятно, всякий согласится, что политическая жизнь нормальна лишь постольку, поскольку она сознательна, но многие признают следующий отсюда вывод, что политическая жизнь, которую ведут воюющие партии, ненормальна и что политическая благотворительность может с успехом стремиться ослабить и насколько возможно уничтожить эту борьбу партий. Для нас здесь очевидно, что в Соединенных Штатах, где переход власти в руки демократов или республиканцев сопровождается удалением служащих одного лагеря и назначением на их место лиц, принадлежащих к другому лагерю, и где удаление и назначение обложены тяжелым налогом, чтобы иметь фонды для избирательных кампаний, которые доставляют им или отнимают у них места и доходы, государственный механизм создан для того, чтобы причинять вред заменой общественных целей личными. Но не все видят, что в Англии узкопартийное правительство с его борьбой за власть имеет также недостатки, хотя и меньшие, но еще очень серьезные. Одним из недостатков, которые всегда были очевидны и с каждым днем все резче бросаются в глаза, является бесчестность кандидатов, открыто проповедующих то, во что они не верят, и обещающих делать то, что сознательно не считают нужным делать, — и все это ради поддержки и помощи политическим вождям своей партии. Попросту говоря, они стараются получить власть посредством коварства. И когда они заявляют, путем подачи голосов в палате общин, что держатся такого-то мнения, тогда как на самом деле думают противоположное, как, откровенно говоря, должны мы назвать их? Действительно, дело дошло до того, что подача голоса, которая по прямому значению своему есть выражение известного убеждения, быть может, относительно вопроса, могущего повлиять на счастье миллионов людей, не служит уже выражением такого убеждения, но вместо того говорит только о желании видеть тех или других лиц на тех или других местах!

«Но верность партийным интересам вынуждает жертвовать личными убеждениями», — говорят в оправдание такого отношения. Да, действительно, верность партии обратилась в воображаемую добродетель, которой приносится в жертву истинная добродетель — искренность. Откуда взялась добродетель, заключающаяся в верности партии, на которую ссылаются политики в свое оправдание? В какой системе нравственности

отведено ей место? Она просто является одной из форм недостойного поведения, замаскированного красивыми фразами. Она не что иное, как проступок, принимающий вид заслуги.

Извращение чувств и мыслей, вызываемое этой системой, так велико, что те немногие, кто не хочет подчиняться ей, подвергаются унижениям и считаются помехой политической деятельности. В Америке, где организация партий более развита, чем у нас, всякий, кто избегает отступать от своих убеждений и следовать за толпой, которую ведет на выборы «генерал», заслуживает презрительной клички и осуждается за фарисейство и недостаток общественных инстинктов. В «стране свободы» стало политическим преступлением поступать по своему собственному убеждению. Представительное правление в истинном смысле этого слова стало позором, под прикрытием которого там существует олигархия чиновников, искателей должностных мест и людей, пользующихся неограниченной властью.

Правление партий далеко не представляет орудия для выполнения воли нации; наоборот, оно постоянно оказывает орудием подавления воли народа. Министерство, призванное к власти избирателями, зачастую обманутыми обещаниями, которым не суждено было никогда исполниться, является, быть может, представителем господствующего мнения относительно некоторых руководящих вопросов; но, оказавшись у власти, главы партии, поддерживаемые сильным большинством, могут в течение целого ряда лет свободно делать много таких вещей, на которые они никогда не были уполномочены. Кучка людей под предводительством лица, обладающего большим влиянием, проводит при помощи покорных приверженцев, побуждаемых верностью партийным интересам, законы, которые, будь они подвергнуты плебисциту, были бы решительно отвергнуты. Таким образом и этим вторым путем господство партий делает недействительным представительное правление. Один человек с толпой своих покорных слуг может в течение известного времени предписывать свою волю целой нации совершенно так же, как он мог бы это делать, будучи деспотическим монархом.

«Но в какой же другой форме может быть политическая жизнь?» Полагают, что этот вопрос заключает в себе неопровержимый довод в пользу господства партий. Один американец,

доводы которого в пользу этой системы я только что прочел, говорит: «Каждое общественное мероприятие должно поддерживаться одной партией и отвергаться другой, и никогда не может быть больше двух партий с жизненными, практическими задачами». Здесь заблуждение сквозит ясно. Этот аргумент предполагает, что партии никогда не приходится решать более одного вопроса. Он предполагает, что те, кто приходит в соглашение с своими вождями относительно известного результата, который приводит последних к кормилу правления, будут согласны с ними и относительно всех других вопросов, могущих возникнуть за все время их служебной деятельности, — а такое предположение нелепо. Затем, задают другой вопрос: «Каким образом могло бы министерство сохранить власть, если бы оно не подчиняло личные мнения своих приверженцев своему мнению? И что должно произойти, если неповинующиеся члены партий будут беспрестанно свергать министерства?» Здесь перед нами одна из бесчисленных иллюстраций тех ошибок, которые вызываются предположением, что при изменении одной вещи другие остаются без перемены.

Если бы политики были добросовестны, если бы вследствие этого никто не подавал голоса за такую вещь, в которой он не убежден хорошо, и если бы поэтому собрание представителей распадалось не на две больших партии, а на множество мелких партий и независимых членов, как это и должно быть, то никакое министерство не могло бы рассчитывать на что-либо подобное постоянному большинству. Что же случилось бы? Министерство не было бы вынуждено выходить в отставку, если бы с ним подало голос только меньшинство, но воспользовалось бы уроком, данным ему этим отпадением от него большинства. Оно не могло бы быть, как теперь, хозяином в палате, но являлось бы всегда исполнителем ее воли, не диктующим ей ту или другую политику, но принимающим ту политику, которой палата решила держаться. Таким образом, ни одно мероприятие не могло бы быть проведено, не получив искренней поддержки со стороны большинства ее многочисленных партий, — и если бы оно было принято этим большинством, то это доказывало бы наибольшую вероятность, что оно согласно с волей народа. Если нам возразят, что это повело бы к большой проволочке в проведении мероприятий, то мы ответим на это:

тем лучше. Политические реформы никогда не должны совершаться иначе, как преодолев большое сопротивление.

Но, помимо этих соображений, этическое dictum ясно. Ложь, выражающаяся в действиях, является такой же ложью, как и та, которая выражается в словах, и этика никоим образом не относится к первой благосклоннее, чем ко второй. Вытекающая из основных законов хорошего поведения, благотворительность и искренность должны идти рука об руку, и политическая благотворительность должна выражаться в требовании политической искренности.

§ 469. К числу обязанностей, предписываемых политической благотворительностью, относятся не только такие общие обязанности, как требование справедливых и известных всем законов и искренность поведения в сфере политики, но также и обязанность заботиться о добросовестном и успешном выполнении администрацией своих функций.

Эта обязанность предполагает, очевидно, выбор хороших представителей, как местных, так и общих. Хотя и существует вообще некоторое представление о необходимости поступать в этом отношении осмотрительно, но представление это недостаточно ясно. У нас еще нет надлежащего сознания об ответственности каждого избирателя не только за подачу голоса, но также за понимание того, что хороший выбор возможен только при предварительном удачном подборе кандидатов. В настоящее время у нас есть тщательно приспособленный механизм для выбора представителей из числа предложенных кандидатов, но для решения вопроса, какие люди должны быть предложены кандидатами, существует только механизм тайной агитации, между тем как последняя функция в действительности важнее первой. Ибо мало пользы в обладании явной властью сделать выбор между А и В, если тайные силы выискали каких-то равно нежелательных А и В. В настоящее время местное саусус каждой партии под большим или меньшим руководством центрального саусус в Лондоне фактически парализует волю избирателей, принуждая их сказать, которого из двух или нескольких кандидатов желают они иметь, и часто предоставляя им на самом деле только возможность сказать, который из них им менее нежелателен. При такой системе обращается очень

мало внимания на действительную способность человека быть представителем. Был ли он щедрым местным благотворителем? Обязался ли он поддерживать главу партии? Склоняется ли он в пользу известной излюбленной программы? Может ли он достигнуть дружеского влияния на избирателей или руководить выборами благодаря своей популярности? Таковы или в этом роде вопросы, решающие его избрание со стороны саусис, а следовательно, и со стороны избирателей. А обладает ли он обширными сведениями в делах политики; имеет ли необходимую опытность в администрации; достаточно ли он дальновиден, добросовестен и независим; не пообещает ли того, с чем не согласен или чего не чувствует себя способным выполнить, — такие вопросы почти не возбуждаются.

Естественно, что в результате является палата общин, составленная из политических бездарностей, пользующихся известностью охотников, людей, согласующих свои мнения с обстоятельствами; будучи убеждены вместе со своими избирателями, что общество представляет не продукт естественного роста, а изделие человеческих рук, они ведут свои законодательные труды под влиянием глубокого заблуждения, что вещи можно с успехом устраивать по желанию таким или иным образом, и, преследуя интересы партии и свои личные цели, не задаются вопросом, каковы будут окончательные результаты тех временных средств, к которым они прибегают для их достижения. Разумеется, политическая благотворительность предписывает усиленную борьбу с этой системой и налагает обязанность изыскивать способы, путем которых избиратели могли бы участвовать в выборах действительно, а не номинально, и достигнуть избрания людей, способных быть не только орудием партии, но и законодателями.

Те, на ком лежит обязанность выбора лиц для провинциальных советов, муниципальных собраний, приходских управлений и др. учреждений, вызываются к деятельности их вождями только тогда, когда предстоит выбор членов этих учреждений, но тотчас же снова впадают в свое обычное безгласие — и большинство из них обращает мало внимания на деятельность этих учреждений, а если и узнает об их бездеятельности и упадке, то чувство политического долга не побуждает его искать средств, чтобы уничтожить это. Лавочник не любит вмешиваться, так

как некоторые из его покупателей, прямо или косвенно заинтересованные в этих видимых им злоупотреблениях, могли бы быть обижены его вмешательством. В числе пациентов доктора также найдется, вероятно, несколько человек, если и не связанных общими интересами с людьми, беспечность и неспособность которых должны быть обнаружены, то находящихся с ними в дружеских отношениях; поэтому и доктор не чувствует желания рисковать неудовольствием этих пациентов. Даже человек с состоянием, денежным интересам которого ничто не могло бы угрожать, какой бы путь он ни избрал, не решается вмешиваться из опасения сделаться непопулярным. Он знает, что вмешательство его вызовет неприязнь и не создаст в вознаграждение за нее новых дружеских связей. Затем, существует много людей, которые, если даже их и не удерживают вышеуказанные мотивы, просто не понимают, зачем им беспокоить себя без всякой личной выгоды. Таким образом, люди предоставляют злоупотреблениям расти и развиваться.

В сфере администрации это очень обычное явление. У нас не существует никакого понятия о том, что политическая благотворительность требует от каждого его доли участия в наблюдении за правильным выполнением функции политического механизма, как местного, так и общегосударственного¹.

¹ Да позволено мне будет подкрепить мои мысли примером дурной администрации, который ежедневно находится перед глазами миллионов людей, живущих в Лондоне. Я разумею неизменно дурное состояние дорог, мощенных битым камнем. Какая причина этого? После дождя каждый зрячий человек может ее видеть. Обыкновенно, если не всегда, на самой высокой точке всякого более высокого места дороги лежит кусок битого камня, величиной в два, три раза больше среднего из тех, которые покрывают дорогу. Каждый из этих больших кусков, поддерживаемый снизу несколькими другими кусками, может оказывать большее сопротивление давлению колес экипажей, чем окружающие меньшие куски, и потому выдается среди них. Колесо экипажа, быстро прокатываясь через эту точку, подсакивает вверх и тотчас же падает вниз, ударяя по следующей за ней части поверхности. Эти удары, повторяясь, образуют углубление. Случается и худшее. В дождливую погоду каждая выбоина наполняется водой, которая делает ее более рыхлой, чем выдающиеся части, и легче уступающей давлению. Таким образом, получается поверхность, изобилующая небольшими углублениями

§ 470. «Свобода достигается ценою неусыпной бдительности», — сказал один из первых государственных людей Америки, и правильное функционирование учреждений достигается также ценою неусыпной бдительности. Поскольку несовершенна человеческая природа, постольку же должна быть несовершенна и всякая организация, в которую входят человеческие существа. И она станет гораздо более несовершенной, чем могла бы быть, если они не будут постоянно обнаруживать ее недостатки и прилагать старания предупредить возникновение новых недостатков.

Отсюда следует, что истинное сознание общественного долга должно побуждать к прекращению злоупотребления тотчас же, как только они становятся очевидны, не ожидая, пока они примут серьезные размеры. Злоупотребления, благодаря которым то та, то другая администрация становится с течением времени бесполезной или даже вредной, начинаются обыкновенно с небрежного выполнения обязанностей, против чего никто не считает нужным протестовать. Каждое новое, сравнительно небольшое, злоупотребление игнорируется как маловажное,

и возвышениями. Причиняемый этим вред разнообразен. Сотни тысяч людей, едущих в омнибусах, кэбах и каретах, испытывают постоянные толчки, неприятные для здоровых и очень вредные для слабых и больных людей; экипажи портятся скорее, чем бы следовало, лошади слишком утомляются, и их приходится заменять другими раньше, чем потребовалось бы при иных условиях. И наконец, сама дорога портится быстрее. Почему все это происходит? Единственно потому, что подрядчик извлекает выгоду из невнимания к равномерности кусков камней. И так как введенный в последние годы паровой каток прибавляет и большие и маленькие куски, образуя из них ровную поверхность, инспектор находит работу прекрасной. Почему он так поступает? Потому что подрядчиками часто бывают богатые люди, а жалованье инспекторов не очень велико.

Итак, здесь перед нами пример очевидного злоупотребления, жалобы на которое, по-видимому, бесполезны. Если вы укажете на него члену провинциального совета, вы услышите в ответ, что совет не имеет в этой сфере никакой власти; вы не получите также удовлетворения, если обратитесь к члену приходского управления. Среди многих лиц, облеченных властью, и множества людей, которые должны были бы наблюдать, чтобы первые исполняли свои обязанности, не находится никого, кто сделал бы хоть один шаг, чтобы помешать этому вопиющему злоупотреблению.

до тех пор пока оно не разрастется наконец до больших размеров и не станет, быть может, непоправимым. Мои наблюдения над спуском воды из шлюза часто поражали меня, как хороший образец того, каким образом величайшие несчастья являются результатом невнимания к маловажным недостаткам. Когда спускают воду, там и сям в стене можно заметить струйку воды, текущую из трещины, — трещины, через которую вода снова входит, когда шлюз вновь наполняется, и из которой снова течет струйка, когда вода спадает. В старом, небрежно содержимом шлюзе эти струи не только многочисленны, но некоторые из них становятся очень большими. При каждом пользовании шлюзом пустота, постепенно образовавшаяся позади каждой из них, наполняется и опоражнивается сама собою, и чем больше она становится, тем скорее сильно вливающийся и выливающийся поток увеличивает ее. В конце концов, если не предпринимается ничего для исправления, пазы каменной постройки настолько размываются и задняя сторона стены издалбливается, что та или другая часть ее оседает. Аналогично этому незначительные злоупотребления в каком-нибудь учреждении, возникшие вследствие беспечности или своекорыстия, и терпимые благодаря индифферентизму или тому, что кажется добродушием, мало-помалу увеличиваются до тех пор, пока все учреждение не станет негодным или вредным.

«Неусыпная бдительность», необходимая для сохранения не только свободы, но и нравственной чистоты, должна опираться на принцип, совершенно противоположный тому, которому люди обыкновенно следуют. Большинство людей полагают как относительно общественных, так и частных дел, что все идет хорошо, до тех пор пока не будет доказано, что идет худо, тогда как, наоборот, они должны бы предполагать, что дела идут худо, пока не доказано, что они идут хорошо. Хотя они постоянно слышат в церквах об укоренившихся у людей пороках, хотя в каждом номере газеты они находят описания различных бесчестных поступков и обманов, не только простых, но и тех сложных обманов, которые практикуются дутыми компаниями и мошенническими синдикатами, но тем не менее они думают, по-видимому, что в действиях той политической или общественной организации, в которой они принимают участие, нет и не будет злоупотреблений. Хотя каждая

квитанция, получаемая ими, является предостережением против бесчестности, хотя в каждом юридическом деле принимается много мер предосторожности, чтобы предупредить нарушение договора, и хотя каждое постановление парламента наполнено оговорками, предполагающими уверенность в том, что кто-нибудь станет злоупотреблять им, раз будет оставлена возможность для злоупотребления, — но тем не менее люди думают, что до тех пор, пока факты не всплыли наружу, не должно быть никаких подозрений относительно действий обществ, утвержденных законом или официальных организаций, и думают так, несмотря на ежедневные доказательства, что банковские крахи и банкротства компании происходят благодаря неосновательной уверенности в добросовестности всех участвующих лиц и недостатку контроля в видах предупреждения возможно-го мошенничества¹.

Таким образом, политическая благотворительность, побуждая к этой «неусыпной бдительности», требует, говорю я, постоянной готовности обнаружить всякого рода злоупотребление, готовности противодействовать незначительным превышениям власти, готовности потребовать отчета в действиях, которые мало-мальски отклоняются от должного порядка, готовности встретить вражду, которая является следствием такого отношения.

¹ В тот момент, когда эти страницы находились в печати, события доставили обильный материал предостерегающего характера для тех, кто может извлечь из него урок. Наряду с менее значительными случаями в газетах печатались одновременно отчеты о судебных процессах нескольких учреждений, как то: *The Liberator Building Society*, *the London and General Bank*, *the Hansard Union*, *Hobbs & Co*, *Barker & Co's Bank*; в Италии — *Banca Romana*, а во Франции — о процессе Панамы, гигантского скандала, в котором были замешаны директора, законодатели и даже министры. Несмотря на это, завтра у нас будут новые предприятия, и люди будут думать, что дела их идут хорошо, пока какая-нибудь катастрофа не докажет, что они шли худо.

Х | ОБЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ВООБЩЕ

§ 471. Большинство моих читателей, вероятно, недоумевают по поводу многого из того, что в предыдущих, и в особенности же в последних главах, мы отнесли к сфере благотворительности. Обыкновенно думают, что только известные области общественного и политического поведения могут быть рассматриваемы с точки зрения нравственности, между тем как в этой книге мы смотрели на большую часть их с этой точки зрения. Но тот, кто удержал в памяти доктрину, изложенную в начале этого труда и только что вторично разъясненную, согласно которой всякое поведение, прямо или косвенно содействующее счастью или несчастью, должно в силу этого подлежать оценке как хорошее или дурное, тот поймет, что, справедливо рассуждая, нельзя было пройти молчанием те разнообразные вопросы, которых мы коснулись. Кроме поведения, носящего чисто индивидуальный характер и влияющего на других только отдаленным путем или вовсе их не касающегося, и поведения, которое входит в область справедливости, налагающей ограничения на индивидуальную жизнь во имя общественных интересов, — почти все остальные области поведения относятся к сфере благотворительности, положительной или отрицательной, так как почти все они изо дня в день затрагивают других, доставляя им удовольствия или страдания.

При таком воззрении на сферу благотворительности, становится ясным, что она охватывает еще и другие стороны поведения, которых мы не включили в нее. Много потребовалось бы места для подробного рассмотрения побудительных и сдерживающих мотивов, которые должны руководить нашим поведением по отношению к окружающим. Некоторые слова, интонации голоса, выражения лица при ежедневных сношениях наших с людьми постоянно вызывают у них неприятные чувства, другие же, наоборот, — приятные, и сумма счастья или несчастья, причиняемых ими, часто далеко превосходит сумму счастья или несчастья, доставляемых явно зловерными или

благодетельными поступками. Приятность или неприятность в обращении не могут быть, конечно, всецело приписываемы присутствию или отсутствию добрых побуждений. Чаще всего главной побудительной причиной является желание или нежелание заслужить одобрение. Но в большинстве случаев легко отличить ласковость в обращении, основанную на искренней симпатии. Притворная доброта редко производит такое же впечатление, как истинная доброта.

В то время как благотворительность другого рода может быть вызвана сознанием долга по отношению к обществу, желанием установить справедливые отношения между людьми или стремлением к возвышенному идеалу поведения, этот вид благотворительности может быть следствием лишь активного сочувствия к ближним. У некоторых богато одаренных натур чувство симпатии является преобладающим и невольно проявляется ими; благотворительность для таких натур составляет органическую потребность. Каждый чувствует себя хорошо в их присутствии. Они представляют естественные центры счастья. Натуры же низшего разряда, составляющие огромное большинство, могут исполнять внушения благотворительности в этой области лишь постольку, поскольку они могут подчинить себя известному идеалу поведения — даже в этом случае лишь отчасти. Иногда им удается своевременно усмотреть в себе зарождение какого-либо неприязненного чувства и вовремя подавить его, или уловить с достаточною проницательностью случай проявить симпатию, или даже возбудить ее в себе ярким представлением всех обстоятельств в своем воображении. Таким образом, сохраняя постоянно в памяти требования благотворительности, можно достигнуть некоторого самодисциплинирования.

Помимо упорядочения отношений к членам семьи и знакомым благотворительность требует также и регулирования отношений к тем, кто занимает подчиненное положение или стоит на низшей ступени общества. Таким образом, открывается обширная сфера для проявления умиротворяющей симпатии. Та манера обращения, которой беспрестанно напоминает об отношении начальствующего к подчиненному, перешла к нам от военного строя с его градацией чинов и принудительной субординацией. Проникнув в общественную жизнь, она оказывает на всех такое сильное влияние, с которым трудно бороться. Хотя,

с одной стороны, у добропорядочных людей существует отвращение к обычаям, заставляющим других чувствовать свою подчиненность, а с другой стороны, более независимые люди начинают смутно чувствовать оскорбительность этих обычаев, тем не менее оказывается невозможным сразу изменить установленные порядки и устранить связанные с ними недобрые чувства. Без сомнения одновременно с заменой прежней системы *status'a* системой договора, произошло смягчение обычаев, напоминающих людям о различии в их общественном положении. Это зашло уже так далеко, что в наши дни истинному джентльмену считается свойственным стремиться не стесняться в своем присутствии людей, стоящих на низшей ступени общественной лестницы, и стараться не только не подчеркивать существующего между ними различия в положении, но по возможности уничтожить сознание этого различия.

Для урегулирования таких отношений благотворительность ставит себе в настоящее время задачею увеличивать благополучие менее счастливых людей поднятием их до уровня более счастливых, стараясь, по возможности, заставить их забыть о различии, как относительно общественного положения, так и относительно материальных средств.

§ 472. Предыдущие параграфы возбуждают, по всей вероятности, в душе многих немой протест, уже и раньше не раз поднимавшийся, против безмолвного принятия нами социальной системы, которую они порицают. Выведенные из терпения массою зла, от которого теперь страдает человечество, они приписывают его существующей организации общества и с негодованием отвергают все выводы, допускающие продолжение подобного порядка вещей. Послушаем, что говорят они.

«Ваше понимание благотворительности неблагоприятно в самом основании своем. Замечания ваши относительно ограничений, налагаемых на свободу конкуренции и на свободу договора, допускают предположение, что и в будущем, как в настоящем, все люди будут продолжать борьбу из-за личных выгод. Услуги, оказываемые бедными богатым, являются признанным фактом в замечаниях ваших по поводу обуздания предосудительных поступков. Различные способы помощи неимущим, порицаемые или одобряемые вами, допускают и в будущем, как

теперь, существование бедных и богатых. Некоторые же указывают относительно поведения в ближайшем будущем предполагают неизменное существование высших и низших классов. Но те, которые освободились от воззрений, навязанных им прошлым, признают, что все подобные отношения между людьми крайне неудовлетворительны и требуют изменений. Истинная этика — истинная благотворительность — не может признавать того неравенства, какое вы допускаете. Если правила этики должны выполняться, то весь общественный строй, каким мы его видим в настоящем, должен быть упразднен и заменен таким строем, в котором не было бы ни различия каст, ни различия состояний. А при этой предполагаемой системе большая часть поступков, отнесенных вами к сфере благотворительности, вовсе не будут иметь места, Они будут устранены как бесполезные или невозможные».

Бесспорно, для такого протеста найдется априористическое оправдание. Общество, в котором существуют определенные деления на классы, не может осуществить условий, при которых может быть достигнуто наивысшее счастье. Хотя предположение, что все индивидуумы, составляющие общество, могут быть равны по своим природным дарованиям (ужасное положение, если бы оно осуществилось), не выходит из пределов возможного, но есть вероятность, что будет достигнуто такое равенство, которое явится результатом приблизительно равного распределения различных способностей, и те, кто будут ниже в одних отношениях, окажутся выше в других: таким образом, создастся бесконечное разнообразие при всеобщем однородности и уничтожатся градации в общественном положении. Приблизительно подобный тип человеческой природы, а следовательно, и социальный тип, предполагает и абсолютная этика.

Но во всех этих рассуждениях упускается из виду, что в течение тех стадий развития, чрез которые медленно проходят люди и общества, мы имеем дело главным образом с относительной, а не с абсолютною этикой. Относясь к законам абсолютной этики как к идеалу, мы должны постепенно пересоздавать сообразно с ними действительность, насколько природа вещей позволяет нам это; так как внезапные превращения невозможны, то невозможно и внезапное выполнение высших требований этики.

§ 473. Те, которые, не удовлетворяясь медленным путем незначительных изменений, этим единственно верным ходом прогресса, надеются достигнуть высших общественных форм немедленным переворотом, предполагают на самом деле, что душа человека может разом так измениться, что вместо дурных качеств будет проявлять только хорошие. Эти новые верования в чудеса, которые совершит крутой переворот в социальном строе, не менее безосновательны, чем прежняя вера в чудеса, совершаемые благодетельными феями.

В том мире, где всюду, начиная от Дальнего Востока России до Крайнего Запада Калифорнии и от Северного полюса до Южного, ежедневно совершаются насилия покоряющими друг друга народами и взаимные посягательства человека на человека, нескоро найдется место для такого общественного порядка, который зиждется на братской заботливости людей друг о друге. Человеческая природа, которая порождает международные распри и неудержимую жажду мести, которая создает дуэлистов и внушает презрение к тем, кто не стремится смыть оскорбление кровью, — такая природа не обладает теми свойствами, которые необходимы для создания гармонического общества. Люди, которые толпами стекаются смотреть на грубые состязания и игры в лапту, football matches, с диким хохотом подзадоривая играющих, и беспорядочной толпой нападают на не угодивших им посредников, так что для защиты последних требуется вмешательство полиции, — не такие люди, которые могли бы вызвать заботливое внимание к правам других, если бы решились работать совместно для общего блага. Никакими силами нельзя создать благоустроенных учреждений для людей, которые расстреливают тех, кто не хочет присоединиться к их политическим комбинациям, которые мучают и калечат скот своих противников по взглядам, подкупают наемников, чтоб взорвать на воздух неповинных лиц и произвести панику, и затем, когда эти жалкие люди подвергаются осуждению, негодуют, что их не отпускают на волю. Только необузданному воображению может казаться возможным, чтоб общественный строй, более совершенный, чем ныне существующий, могли поддерживать люди, которые в качестве железнодорожных агентов разбивают и сжигают подвижной состав компаний за несогласие на их требования, в качестве рабочих на железных заводах встречают

пулями тех, кто соглашается получать заработную плату, от которой они отказываются; пытаются умертвить их и истребить их жилища при помощи динамита или отравить целой массой; люди, которые, работая в копиях, ведут местную междоусобную войну, чтобы помешать нежелательной для них конкуренции. Не странно ли, в самом деле, ожидать, что те, кто, при полной неразборчивости в средствах, эгоистично добиваются получать наибольшую заработную плату за наивозможно меньшее количество труда, вдруг станут настолько бескорыстны, что высшие из них будут воздерживаться от пользования своим превосходством из опасения нанести ущерб низшим.

Но и не прибегая даже к таким крайним примерам, мы можем видеть на основании общих нравов, как нелепо мнение, что эгоистичное поведение может сразу превратиться в альтруистическое. Всюду в обществе, от чертогов дворян и клубов, посещаемых десятками тысяч высшего сословия, в среде представителей торгового сословия, их сыновей и дочерей и даже обитателей кухонь до уличных мальчишек включительно, мы встречаем пристрастие к азартным играм и пари, общей основой которого является желание получить выгоду путем проигрыша своего ближнего. И хотят уверить, что при новой социальной системе люди, одаренные большими способностями, будут добровольно терпеть убытки ради того, чтобы выиграли люди, менее одаренные природой! Не прибегая к преобразованию человеческого характера, посредством изменения социального строя надеются достигнуть результатов доброты при отсутствии самой доброты!

§ 474. Между тем как большинство людей считают природу человеческую неизменяемой, некоторые держатся того мнения, что она способна быстро изменяться. Оба эти воззрения ошибочны. Можно достигнуть крупных изменений в ней, но только в течение многих поколений: незначительные изменения, подобные особенностям, отличающим нации между собою, требуют столетий; крупные же перемены, каково превращение эгоистической природы человека в альтруистическую, требуют целых эр. Ничто не может произвести этой метаморфозы, кроме долговременного влияния общественной жизни и вытекающего отсюда опыта, который показывает, что путем

подчинения общественным требованиям достигаются блага, а пренебрежение этими требованиями приводит к страданиям. Об этом почти не стоило бы и упоминать, если бы воспитание, получаемое высшими сословиями и деятельно прививаемое ими теперь низшим классам общества, не пренебрегало изучением раскрытых уже тайн природы. Одна из них заключается в том, что не может быть никаких политических или социальных действий помимо тех, к которым побуждает разум каждого человеческого существа в отдельности или всей их совокупности; что человеческим существам доступны только такие мысли и вытекающие из них действия, которые непосредственно касаются их жизни, подчиненной присущим ей законам, и что эти законы составляют часть тех более общих законов, с которыми должна согласоваться жизнь вообще. Если бы государственные люди, политики, филантропы и составители проектов признали эту истину, столь глубоко касающуюся их, они увидели бы, что все социальные явления, с самого начала до настоящего времени и далее, в самом отдаленном будущем, должны быть неразлучными спутниками приспособления человеческого к новым условиям жизни — превращения человеческой натуры, приспособленной к условиям хищнической и бродячей жизни диких, в такую, которая была бы пригодна к оседлой и промышленной жизни цивилизованных обществ. Они увидели бы, что этот долгий процесс, в течение которого прежние привычки и стремления должны мало-помалу исчезнуть, чтобы уступить место новым привычкам и стремлениям, неизбежно связан с продолжительными страданиями; для них стало бы очевидным, что нет никакой возможности избежать страданий, происходящих от чрезмерного напряжения одних способностей и насильственного бездействия других, требующих деятельности, и они пришли бы наконец к заключению, что остановка в этом процессе приспособления ограждением отдельных личностей и классов от тех суровых требований, какие предъявляет к ним данное состояние общества, не только не поведет к сокращению страданий, но скорее увеличит их, так как то, что было бы потеряно в смысле приспособленности к условиям благодаря их смягчению, рано или поздно пришлось бы наверстать и сызнова пережить процесс приспособления и связанные с ним страдания.

Итак, наряду с теми постоянными функциями благотворительности, которые получают преобладающее значение в вполне благоустроенном обществе, она должна в течение тысячелетий пополнять также временные функции, сопряженные с нашим переходным состоянием. Когда попытки людей к достижению своих идеалов и преобразованию общественного строя без преобразования самих себя оканчиваются неудачей, страдания отрезвляют их, и они снова подчиняются той тяжелой дисциплине, которая подвинула нас уже так далеко вперед и благодаря которой возможен дальнейший прогресс. Но прежде чем этот прогресс начнет совершаться беспрепятственно, должны произойти большие перемены. Большая часть людей на земном шаре должны перестать взаимно истреблять друг друга и пользоваться почетом пропорционально подвигам своим на этом поприще; когда же и общества перестанут истреблять друг друга и прославлять свои успехи в этом деле, тогда цивилизация диких масс пойдет сравнительно более быстрым путем. Невозможно ожидать, чтобы общество значительно приблизилось к царству политической справедливости внутри него, когда извне царствует политический разбой. Но когда прекратится антагонизм между этикою дружбы и этикою вражды, тогда можно ожидать беспрепятственного поступательного движения к тому высокому идеалу, который рисуется как смутная мечта в наших социальных системах.

Но пока главная временная функция благотворительности заключается в смягчении страданий, вызванных переходным состоянием, или, говоря точнее, в предохранении от излишних страданий. Страдания, сопутствующие каждому новому шагу в приспособлении, неизбежны, но оно сопровождается также совершенно излишними страданиями, которые могут быть ко всеобщей пользе устранены. Благотворительность, которая только облегчает страдания, должна быть признана сама по себе, независимо от других ее результатов, полезною. Благотворительность, которая доставляет непосредственное облегчение, способствуя тем к дальнейшему преуспеванию личности, еще полезнее. Благотворительность же, которая принимает в соображение не только нравственные и более отдаленные результаты для личности, но также и последствия оказываемой помощи для потомства и общества вообще, является самым полезным

видом благотворительности, так как такая благотворительность настолько проникнута сознанием ответственности, что готова скорее перенести в данный момент страдание, вызванное сочувствием, чем сознавать, что она содействует увеличению и распространению страданий. Задача высшей благотворительности заключается в том, чтобы не только быть готовым в случае надобности принести в жертву эгоистические удовольствия, но также быть готовым пожертвовать в случае надобности и альтруистическими удовольствиями.

§ 475. Мы приходим снова к выводу, сделанному нами уже раньше, что самопожертвования, требуемые переходным состоянием, уменьшаясь постепенно, должны с течением времени занять второстепенное место в жизни, так как чувства, вызывающие их, не находя приложения в облегчении несчастья, сделаются источником счастья. Симпатия, составляющая основание всякого альтруизма, побуждает к сочувствию не только неприятным ощущениям, но и приятным, а по мере того как тягостные ощущения становятся менее преобладающими, сочувствие приятным ощущениям становится почти исключительным ее результатом.

Как было указано выше, в §93, деятельная и широкая симпатия только усиливала бы и умножала страдания, если б она возникла в течение тех стадий развития общества, когда страдания превышали удовольствия. Если бы люди, более одаренные и живущие в более счастливых условиях, вполне сознавали все, что приходится их ближним переносить в жизни, то в результате они стали бы столь же несчастливы, как и прочие, и тем только увеличили бы сумму общего несчастья. Жизнь стала бы невыносимой для глубоко сочувствующих личностей, если б они могли с достаточною ясностью представить себе пытки, которым подвергают негров арабские торговцы невольниками, томительные годы неволи канаков, попавших в ловушку, таких же рабов под другим названием, из года в год повторяющиеся страдания истощенных податями полуголодных индийских земледельцев, печальное существование русских крестьян, отбывающих солдатчину и, несмотря на голод, принуждаемых снаряжать новобранцев. Живое сочувствие превратилось бы в пытку для того, кто мог бы представить себе душевное и телесное

состояние массы окружающих его людей: долгий и упорный труд, несмотря на чувство протеста против него, скудное и часто неудовлетворительное питание, недостаток в одежде, топлIVE, постельном белье, плачущих детей, жену, ожесточенную лишениями, и мужа, отупевшего порой от пьянства, и ко всему этому безвыходность положения, сознание, что это беспросветное существование придется влачить до конца жизни и что многие стороны его еще ухудшатся при наступлении старости. Ясно, что альтруистические чувства, служащие в известной мере к облегчению страданий, сопряженных с приспособлением человечества к внешним условиям, глохнут и оскудевают благодаря постоянному присутствию неустранимой нищеты и могут развиваться только по мере того, как она уменьшается. За каждым незначительным уменьшением страдания следует некоторое приращение симпатии, которая, в свою очередь, делает все возможное для дальнейшего облегчения страданий и т.д. *paripassu*. Но сочувствие может достигнуть своего полного развития только тогда, когда сумма страданий станет ничтожной.

Когда стесненность в средствах существования будет доведена до наименьших размеров — сначала путем благоразумного воздержания, в конце концов — путем уменьшения плодovitости, а с другой стороны, дальнoбойные винтовки, громадные пушки, начиненные динамитом гранаты и другие орудия, столь усовершенствованные за последнее время христианскими народами для массового истребления ближних, будут находиться лишь в музеях, симпатия, вероятно, достигнет такого развития, какое теперь мы почти не можем себе представить. Процесс эволюции должен неизбежно содействовать всем изменениям в природе людей, которые делают жизнь более полной и увеличивают счастье, в особенности таким изменениям, которые приводят к этой цели с наименьшей затратой сил. Натуры же, которые при помощи более развитой способности выражать чувства интонацией голоса и мимикой будут с такою полнотою разделять чувство удовольствия других, что не будут отделять его от своих собственных чувств, должны быть способны испытывать гораздо большее блаженство, чем то, которое доступно теперь людям. Большая часть духовной жизни таких натур будет являться следствием их сочувствия духовной жизни других.

Таким образом, вместе с возрастанием приспособленности к внешним условиям альтруизм будет все меньше и меньше выражаться в облегчении страданий и все больше и больше — в доставлении счастья.

§ 476. Большинство читателей это заключение не удовлетворит, причем несогласие с ним иным из них подскажет разум, другим же — чувство. Первые принадлежат к разряду людей, которые верят в органическую эволюцию и знают, что многие из бесчисленных превращений, вызванных ею, так поразительны, что кажутся почти невероятными, но тем не менее безмолвно признают, что никаких дальнейших превращений не произойдет — даже таких относительно незначительных изменений, путем которых люди достигнут высшего типа, пригодного для гармонической общественной кооперации. Вторые принадлежат к гораздо более распространенному классу, для которого будущность всего человечества не представляет особенного интереса и которые равнодушно относятся к заключению, не обещающему им никакой выгоды ни в настоящем, ни в будущем.

Но существуют немногие, отличающиеся умственно от первых и нравственно от вторых. Они находят не только рациональным верить в дальнейшую эволюцию, но даже нерациональным сомневаться в этом, нерациональным предполагать, что причины, которые привели в прошлом к таким поразительным результатам, не приведут ни к каким результатам в будущем. Не возлагая надежд на то, чтоб которое-либо из существующих обществ достигло высшей организации, или чтоб которая-либо из существующих разновидностей людей оказалась вполне приспособленной к общественной жизни, они тем не менее ожидают, что путем постоянных изменений — то прогрессивных, то регрессивных — будет совершаться в будущем эволюция человечества, приспособленного к требованиям его жизни. А наряду с этим верованием возникает у этого разряда людей, число которых все возрастает, желание споспешествовать этому развитию. Заботы, которые и в настоящее время у многих идут дальше благосостояния собственного потомства и распространяются на благосостояние нации и ее учреждений, равно как в иных случаях на благосостояние других наций

и других рас, со временем будут все более и более превращаться в заботу о прогрессе человечества во всем его целом.

В будущем высшим стремлением благотворящего будет получить долю участия — хотя бы даже совершенно неопределенную и неизвестную — «в создании человека». Опыт показывает от времени до времени, что в преследовании совершенно бескорыстных целей может заключаться высокий интерес, и с течением времени будет встречаться все больше и больше личностей, бескорыстною целью которых будет дальнейшая эволюция человечества. Взирая с высоты мышления на эту отдаленную жизнь человеческого рода, пользоваться которою придется не им, а только отдаленному потомству, они найдут удовлетворение в сознании, что они также содействовали движению общества вперед, к ее осуществлению.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А Идея права у Канта

Из тех путей, которые предстояли многим умам в течение столетий, почти все должны оказаться початыми, если не исследованными. Отсюда всегда есть значительная вероятность против предположения, чтобы в каком бы то ни было учении содержалась абсолютно новая истина. Это замечание внушено одним таким ошибочным предположением.

Основной принцип, высказанный в главе, озаглавленной «Формула справедливости», это тот самый, который был выставлен мною в «Социальной статике» (условия, существенные для человеческого счастья, их указание и развитие главных из них), первоначально изданной в конце 1850 г. Тогда я предполагал, что я был первым признавшим закон равной свободы отвлеченным выражением разнообразных конкретных случаев справедливости. Но я ошибся. Во второй из двух статей, озаглавленных «Герберт Спенсер и его теория общества» м-р Мэтланд (Maitland), в настоящее время профессор права в Кембридже, занимающий кафедру, учрежденную Доунингом, указал в журнале «Mind» (том VIII, 1883 г., с. 508—509), что уже Кант высказал другими словами подобное же учение. Не будучи в состоянии прочесть немецких цитат, приводимых Мэтландом, я не мог проверить это показание. Но когда я взялся за этот вопрос снова и достиг главы «Формула справедливости», то стало необходимым окончательно убедиться, каковы были взгляды Канта. Я нашел их в недавнем переводе м-ра Хэсти (Hastie) сочинения Канта, вышедшего по-английски в 1887 г. под заглавием «Философия права» (The Philosophy of Law, a exposition of the Fundamental Principles of Jurisprudence as the Science of Right). Здесь, на с. 45, встречается следующее утверждение: «Итак, право включает совокупность условий, при которых добровольная деятельность любой данной личности может быть в действительности согласована с добровольными действиями всякой другой личности сообразно всеобщему закону свободы». А затем следует отдел, где читаем:

«Всеобщий принцип права»

«Всякое действие *справедливо*, которое само по себе или же по максиме (правилу), на которой оно основано, таково, что может существовать совместно с свободой воли каждого и всех в их деятельности, согласно с всеобщим законом.

Итак, если мое действие или мое состояние вообще может совмещаться со свободой всякого другого, сообразно с всеобщим законом, то всякий препятствующий мне совершать это действие или оставаться в этом состоянии, оказывает по отношению ко мне несправедливость. Действительно, такая задержка или помеха не может совмещаться с свободой, сообразно с всеобщим законом.

Отсюда также вытекает, что нельзя требовать как права, чтобы этот всеобщий принцип всех правил был сам принят как мое правило, т.е. чтобы я сделал его *правилом* моих действий. Действительно, кто-либо может быть свободен, хотя его воля совершенно безразлична для меня, или даже если бы я в душе желал ее ограничить, до тех пор пока я в действительности не нарушу этой свободы *моим внешним действием*. Этика, однако, в отличие от юриспруденции, налагает на меня обязанность сделать осуществление права *правилом* моего поведения. Всеобщий закон права может поэтому быть выражен так: „Действуй вовне так, чтобы свободное упражнение твоей воли могло быть способно к совместному существованию с свободой всех других, согласно с всеобщим законом“. Это без сомнения есть закон, налагающий на меня обязательство; но он вовсе не подразумевает и еще менее повелевает мне, чтобы я был *должен*, единственно на основании этого обязательства, ограничить мою свободу этими самыми условиями. Разум в этом отношении утверждает только, что он в этой мере ограничен своей идеей и может быть подобным же образом ограничен и фактически другими; и он устанавливает это как постулат, который не подлежит дальнейшему доказательству. Так как имеющаяся в виду цель состоит не в научении добродетели, но в объяснении того, что такое *есть* право, то постольку закон права, таким образом установленный, не может и не должен быть представляем, как побудительный принцип деятельности».

Эти цитаты делают ясным, что Кант достиг вывода, хотя и не тождественного с моим собственным, но близко с ним родственного. Стоит, однако, заметить, что мысль Канта, хотя сходная по природе, отличается от моей и по происхождению, и по форме.

Как показано на одной из предыдущих страниц, его вывод достигается исследованием «источников таких суждений в чистом разуме» и составляет часть «метафизики морали». Между тем, как видно из с. 67—68 первоначального издания моей «Социальной статистики», закон равной свободы, там очерченный и затем формулированный, рассматривается как выражение первичного условия, которое должно быть выполнено, прежде чем величайшая степень счастья может быть достигнута близкими по природе и живущими в близком общении существами. Кант высказывает априорное требование, рассматривая его независимо от благодетельных последствий, тогда как я высказал то же априорное требование как нечто такое, с чем при обстоятельствах, вынужденных социальным состоянием, должно сообразоваться для достижения благодетельных целей.

Стоит отметить также различие формы, в которой представляется это понятие. На с. 56 Кант, правда, говорит, что «существует лишь одно прирожденное право, а именно право свободы», и стало быть, ясно признает положительный элемент в понятии справедливости. Однако в цитированных выше местах право личности на свободу представляется как вытекающее из неправоты поступков, посягающих на эту свободу. Отрицательный элемент, или обязательство уважать границы, является господствующей идеей; у меня, в роли первичного, выступает положительный элемент — право свободы деятельности, тогда как отрицательный элемент, вытекающий из ограничений, налагаемых присутствием других людей, представляется как второстепенный. Это различие, быть может, не лишено значения; действительно, выставлять на первый план обязательство кажется естественным для общественного состояния, в котором политические помехи значительны, тогда как выставлять на первый план притязания представляется естественным для социального состояния, где существует большая степень признания индивидуальности.

Приложение В

Земельный вопрос

Развитие природы с ее «окровавленными зубами и когтями» было на высшей ступени развитием цивилизации. Посредством «крови и железа» мелкие группы людей были соединены в более крупные, а эти — в еще более крупные, пока наконец не образовались нации. Этот процесс, везде и всюду происходивший при посредстве грубой силы, привел к нагромождению насилий над насилиями. Дикие племена медленно были скреплены посредством грубых средств. Мы не могли бы, если бы захотели, проследить акты бесцеремонного насилия, совершенные в течение тысячелетий; да если бы и могли, то не имели бы возможности исправить дурные последствия.

Землевладение было установлено этим путем; и если происхождение землевладения было преисполнено несправедливостями, то это были несправедливости, совершенные не предками какого-либо одного из существующих классов, но предками всех существующих теперь людей. Дальние предки нынешних англичан были разбойниками, заграбившими землю других разбойников, в свою очередь, ограбивших таких же предшественников. Норманнское грабительство, местами полное, местами частное, относилось к землям, которые за несколько веков были захвачены, одни — датскими и норвежскими пиратами, другие, в более ранние времена, — ордами фризов или древних англичан. Собственники-кельты, изгнанные или поработанные этими последними, в предшествующие века сами экспроприировали народы, жившие в подвальных жилищах или землянках, до сих пор еще находимых в некоторых местах. Что случилось бы, если бы мы пытались отдать назад земли, несправедливо отобранные, т.е. если бы норманны должны были отдать отобранное датчанам, норвежцам и фризам, а эти последние — кельтам, а кельты — пещерным жителям, пользовавшимся кремневыми орудиями? Единственной возможной сделкой было бы возвращение всей Великобритании целиком валлийцам (жителям Уэльса) и шотландским горцам; а если эти последние не должны были бы уступить отобранного, то только потому, что они не просто отобрали земли у туземцев, но перебили их и тем узаконили свое право собственности!

Многие в настоящее время выражают пожелание, чтобы земельная собственность сообразовалась с требованиями чистой справедливости. Это требование само по себе заслуживает одобрения и у некоторых людей вызывается чувством добросовестности. Было бы, однако, желательно, чтобы люди, выражающие подобные требования, высказывали их не только по отношению к здешнему землевладению, но и относительно различных колонизируемых областей — и там следовало бы соблюдать требования чистой справедливости. В настоящее время негодование против несправедливого присвоения земли, происходившего некогда в нашем отечестве, не сопровождается негодованием против самых худших способов присвоения, применяемых теперь в чужих странах. Как обладатели господствующей политической власти и как поставщики пушечного мяса наших армий народные массы ответственны за те отвратительные деяния во всех частях земного шара, которые оканчиваются захватом новых территорий и экспроприацией жителей. Разбойничьи экспедиции старинных англичан повторяются, в гораздо крупнейшем масштабе, в разбойничьих экспедициях нынешних англичан. Но люди, проклинаящие древние узурпации, не говорят ни слова для протеста против этих гораздо худших новейших узурпаций. Нет, они даже являются помощниками и пособниками. Оставаясь пассивными и молчаливыми, когда идет речь о всемирном земельном грабительстве, которое могло бы быть приостановлено их голосованием, и поставляя солдат, выполняющих этот грабеж, они являются ответственными лицами. При посредстве своих депутатов они в этих случаях совершают худшие и более многочисленные несправедливости, чем те, которые были совершены по отношению к их предкам.

Естественно, что массы безземельных смотрят на частную земельную собственность как на несправедливое учреждение; мы видели, что у них есть на это основание. Но если речь идет об исправлении, то на первое место следует поставить вопрос: кто обиженные, и кто обидчики? Оставим в стороне тот первичный факт, что предки нынешних англичан, имеющих землю или безземельных, были, все вместе, людьми, отобравшими землю силою у первых собственников. Будем думать только о насилии и обмане, посредством которых известные предки овладели землей, тогда как другие утратили ее. Первый являющийся

здесь вопрос состоит в следующем: кто потомки и тех и других? Молчаливо допускают, что нынешние землевладельцы составляют потомство узурпаторов, а безземельные — потомство ограбленных. Но это далеко не так. Среди дворянства есть, например, весьма мало лиц, получивших свои титулы в дни последних узурпаций, и нет таких, которые получили бы их в дни самых первых узурпаций. Среди нынешних землевладельцев есть много таких, которые, судя по фамилиям, происходят от ремесленников. Ясно, что теперь нельзя найти потомков людей, присвоивших себе землю. Наоборот, велико число безземельных, являющихся, судя по фамилиям, потомками высших сословий; число придется еще удвоить, если принять во внимание браки с потомками по женской линии. Ясно, что из нынешних безземельных многие по крови являются потомками узурпировавших землю. Поэтому горькое чувство по отношению к землевладельцам, возникающее у многих безземельных, вспоминающих о прошлых временах, в значительной мере неуместно. Они сами в значительной степени являются потомками грешников, тогда как те, против кого они ратуют, являются в значительной степени потомками потерпевших.

Но согласимся со всем тем, что говорят о прошлых несправедливостях, и оставим в стороне все прочие препятствия, стоящие на пути справедливого перераспределения. Существует еще одно препятствие, которого, кажется, обыкновенно не замечают. Даже допуская, что англичане как раса овладели землей на справедливом основании (что неправда); допуская, что нынешние землевладельцы — потомки грабителей (а это в значительной степени не так); предполагая, что нынешние безземельные — потомки ограбленных (и это во многих случаях неправда), — все же придется признать одну сторону вопроса, в значительной мере препятствующую восстановлению нарушенных прав. Если мы вообще ссылаемся на прошлое, то надо брать это прошлое целиком, т.е. принять во внимание не только то, что люди вообще потеряли посредством присвоения земли частными лицами, но и то, что они получили в обмен. Необходимо, стало быть, принять во внимание помощь, оказываемую на основании законодательства о бедных. М-р Т. Маккей, автор книги «The English Poor», был так любезен, что доставил мне следующую выписку, показывающую нечто вроде полного

итога, данного налогом в пользу бедных, начиная с 43-го года царствования Елизаветы (1601 г.) в Англии и Уэльсе.

Сэр Никольс (G. Nicholls, Hist. of Poor Law, прибавл. к т. II) не решаетя приводить вычислений раньше 1688 г. Для этой эпохи он определяет налог в пользу бедных приблизительно в 700 000 ф. ст. в год. До начала нашего столетия цифры более или менее приблизительны.

Годы	Основа исчисления	Млн ф. ст.
1601—1630	примерно 3	3
1631—1700	(1688 по Никольсу 700 тыс.)	30
1701—1720	(1701 по Никольсу 900 тыс.)	20
1721—1760	(1760 по Никольсу 1 ¹ / ₄ млн)	40
1761—1775	(1775 принято 1 ¹ / ₂ млн)	22
1776—1800	(1784 принято 2 млн)	50
1801—1812	(1803 4 млн 1813 6 млн)	65
1813—1840	(по точным данным Никольса)	170
1841—1890	(по Мельголлю, Dict. of Statist. и Statist. Abstract)	334
Всего		734

Это цифры, указывающие на суммы, *израсходованные* в пользу бедных. Под общим названием «налога в пользу бедных» (poor-rate) всегда собирались суммы на другие цели, например налоги в пользу графств, приходов, на полицию и др. Следующая таблица показывает ежегодный размер этих налогов по сравнению с суммами, расходуемыми на бедных.

Цитируемый автор	Год	Полная сумма	Расход на бедных	Прочие расходы
Никольс	1803	5 348 000	4 077 000	1 271 000
	1813	8 646 841	6 656 106	1 990 735
	1853	6 522 412	4 939 064	1 583 341
(Последняя графа вычислена только по балансу.) (Расход)				
Мельголь	1875	12 694 202	7 488 481	5 205 727
(Stat. abstract)	1889	15 970 126	8 366 477	7 603 649
(Здесь последняя графа означает действительный расход.)				

Итак, кроме цифр, указанных раньше в первой таблице, надо иметь в виду сумму, идущую на другие цели и составляющую от 1¼ до 7½ млн в год в нашем столетии.

Мельголл для 1853—1875 гг. не дает графы «других расходов».

Разумеется, из 734 000 000 ф. ст., израсходованных на беднейших членов класса безземельных в течение трех столетий, часть возникла из налогов на дома. Лишь та часть, которая падает на поземельную ренту, может быть правильно включена в сумму, доставленную землю. От одного землевладельца, в то же время состоящего в совете королевы и часто по профессии являющегося посредником по вопросу о местном обложении налогами, я получил следующее сообщение: по его мнению, если сказать, что из сумм, полученных бедными, на землю падает 500 млн ф. ст., то эта оценка будет ниже истинной.

Таким образом, если даже мы станем игнорировать тот факт, что это количество, постепенно уплаченное, при ином употреблении доставило бы так или иначе гораздо большую сумму, то все же очевидно, что притязаниям безземельных можно противопоставить крупные притязания землевладельцев — быть может, даже более крупные, чем им предъявляемые.

Действительно, заметьте теперь, что безземельные не имеют справедливых притязаний на землю в ее нынешнем состоянии — вспаханную, подвергшуюся дренажу, огороженную, унавоженную, застроенную фермами и т.п., но только на землю в ее первобытном состоянии, то каменистую, то болотистую, то покрытую лесом, бурьяном, вереском и т.д. Только эта земля принадлежит общине. Поэтому является вопрос: каково соотношение между первичной «степной ценностью» земли и суммой, полученной беднейшими из безземельных за последние три столетия? Быть может, землевладельцы в состоянии доказать, что за землю в первобытном, необработанном состоянии, не доставляющую ничего, кроме диких животных и диких плодов, сумма в 500 млн ф. ст., была бы высокою ценою.

Когда в «Социальной статике», напечатанной в 1860 г., я вывел из закона равной свободы то заключение, что земля не могла бы по справедливости быть отчуждена от общества, и доказывал, что по вознаграждении нынешних владельцев ее следовало бы экспроприировать в пользу общества, я проглядел предыдущие соображения. Сверх того, я не видел ясно, что произошло бы, если бы было дано вознаграждение за всю ту ценность, которая была придана земле трудом в течение веков.

Как видно из главы XI, я по-прежнему придерживаюсь первоначального вывода, что группа людей, образующих общество, является верховным собственником на землю; заключение это гармонирует и с юридической доктриной и ежедневно применяется в законодательстве; но в то же время более полный пересмотр этого вопроса привел меня к заключению, что следует удержать частную собственность, хотя и подчиненную государственному верховенству.

Будь даже возможно исправить несправедливости, совершавшиеся в течение тысячелетий, и посредством некоторого уравнивания притязаний и контрпритязаний, прошедших и нынешних, совершить передел, справедливый с отвлеченной точки зрения, то все же в результате получилось бы положение дел менее желательное, чем теперь. Оставляя в стороне все финансовые возражения против национализации земли (сами по себе отвергающие сделку, так как при справедливой оценке она была бы невыгодной), достаточно напомнить о том, насколько общественная администрация хуже частной, чтобы увидеть, что государственное землевладение приносило бы вред. При существующей системе хозяйничающие на земле испытывают непосредственное соотношение между усилием и выгодой, тогда как при государственном землевладении хозяйничающие не испытывали бы никакой прямой зависимости. Пороки бюрократизма неизбежно повлекли бы за собою чудовищные бедствия.

Приложение С

Моральный мотив

Через несколько месяцев после того, как первые пять глав этой книги были первоначально напечатаны в журнале *The Nineteenth Century*, достопочтенный Дэвис (J. Llewelyn Davies) напечатал в *The Guardian* (16 июля 1890 г.) некоторые критические замечания об этих главах. Минуя то, что относится к другим вопросам, ограничусь здесь чувством долга и авторитетом, укрепляющим его. М-р Дэвис говорит:

«Насколько мне известно, м-р Спенсер, хотя его часто вызывали на объяснение, ни разу не объяснил вполне, каким образом со своей философией он в состоянии справиться с обыденной речью и чувством, свойственным человечеству по отношению к долгу. Мне приходится повторить одно мое критическое замечание, высказанное в моей прежней статье. Мне кажется, что Спенсер подразумевает кое-что им самим будто бы отвергаемое. Для построения идеи и чувства справедливости он подразумевает закон, обладающий авторитетом над человеческим умом и поведением, а именно тот закон, что благосостояние вида желательно и что признание человеческим умом этого закона, соответствуя ему, не требует вследствие этого никакого оправдания. Но, пытаясь ограничиться исследованием естественной эволюции, Спенсер вовсе не вправе пользоваться таким термином, каков „долг“. Спрашивается, что можно прибавить к изречению «Канта» или как можно его опровергнуть?

Если мы присмотримся просто к явлениям природы, то слово *должно* не имеет вовсе никакого смысла. Задаваться вопросом, какова *должна* быть природа, так же нелепо, как спрашивать, какого рода свойства *должен* иметь круг. Единственный уместный вопрос, это следующий: как происходят явления природы? Совершенно подобно тому, как мы можем спросить только, каковы в действительности свойства круга?

Когда Спенсер ораторствует с искренним моральным одушевлением против насилия и других дурных деяний, когда он, например, протестует против „того злосчастного *laisser faire*, которое спокойно предоставляет людям разоряться,

пытаясь отстоять законным путем свои справедливые притязания“, — в этих случаях он заимствует *наши* громы, он похищает огонь с неба». Далее, в виде нового довода, м-р Дэвис заканчивает свою статью вопросом: где же «какое-либо оправдание относительно пользования этическими терминами со стороны лица, уверяющего, что им описаны только естественные и необходимые процессы?»

Так как м-р Дэвис прислал мне номер газеты *Guardian*, содержащий его письмо, ответ мой появился в виде письма к нему, напечатанного в той же газете от 6 августа. Опуская одно место, относящееся к другому вопросу, привожу следующее:

Ферфильд. 24 июля 1890 г.

«Дорогой м-р Дэвис. Номер газеты «*Guardian*» только что мною получен. Прочел вашу критику с большим интересом.

Если бы вообще критики писались в том же духе!..

Ваше утверждение, что я незаконно пользуюсь словами *долг*, *должно*, *обязанность* и т.п., напоминает мне критические возражения м-ра Лилли. При всем различии вы сходитесь в том, что оба предполагаете, будто идея *долга* не может иметь никакого иного происхождения, кроме сверхъестественного.

Это предположение подразумевает, что действия людей определяются исключительно признанием конечных результатов и что если это признание не приводит их к справедливости, то они вовсе не обладают никаким мотивом для справедливых поступков. Но множество человеческих действий прямо возбуждаются их склонностями, без всякой мысли об отдаленных последствиях, и среди деятельностей, имеющих такой побудительный мотив, есть во многих случаях и такие, которые приводят к благополучию других людей. Хотя по размышлении мы видим, что такие деятельности могут оказаться согласными с целями, признаваемыми за высочайшие, все же они не возбуждаются мыслью о подобных целях.

Отношение прямых побуждений к косвенным всего лучше проявляется в одном обыденном случае. Любой нормальный родитель затрачивает много труда и мысли на содействие благополучию детей и ежедневно в течение многих лет испытывает побуждение поступать так единственно под влиянием непосредственного чувства: он не может вынести иного порядка вещей. Хотя он не испытывает побуждения поступать таким

образом по причине сознания, что он *должен* это делать, все же, если вы спросите его о причинах, побуждающих к такому самопожертвованию, он скажет вам, что действует по обязанности. Если же вы станете допрашивать далее, то вынудите у него признание факта, что если бы люди вообще не поступали так, то человечество должно было бы исчезнуть. Хотя сознание обязанности может оправдать, а быть может, немало и укрепить мотивы его естественных привязанностей, все же этих последних вполне достаточно самих по себе. То же можно сказать об идее обязанности по отношению к поведению наших ближних. Как вам должно быть известно из вашего личного опыта, такое поведение может быть следствием непосредственного желания, без мысли о каких-либо иных последствиях, кроме оказываемых благодеяний. Хотя эти благодеяния оказываются по причине простого желания оказать их, но если возбуждается вопрос о том, следует ли их оказать, то является ответ, что мы обязаны содействовать человеческому благополучию.

Вы утверждаете, что моя теория морального руководства не доставляет мне никакой гарантии относительно моего негодования против насилия или других дурных поступков; вы утверждаете, что в таких случаях я заимствую ваши громы. Этим подразумевается утверждение, что только люди, принимающие господствующие верования, обладают каким бы то ни было правом испытывать негодование, видя, что другие люди подвергаются насилию.

Но я не могу позволить вам монополизировать справедливое негодование. Если вы спросите, что побуждает меня клеймить наше несправедливое обращение с низшими расами, мой ответ будет тот, что побуждением является в этом случае чувство, возбуждаемое во мне совершенно независимо от какого бы то ни было чувства долга, совершенно независимо от всякой мысли о божественном повелении, совершенно независимо от всякой мысли о награде или наказании в этом или ином мире. Отчасти это чувство является результатом сознания причиняемого страдания — это сознание всегда мучительно, — частью же здесь является раздражение, зависящее от нарушения закона поведения, в пользу которого расположены мои чувства, причем повиновение

этому закону я считаю необходимым для благополучия человечества. Если вы скажете, что моя теория не доставляет никакого основания чувствовать это страдание, ответ будет тот, что я не могу не чувствовать. Если же вы скажете, что моя теория не доставляет мне никакого основания в пользу интереса, какой я нахожу в утверждении этого принципа, ответ будет тот, что я не мог не быть заинтересованным. И если анализ убеждает меня в том, что чувство и принцип, если их хранить и следовать им, должны привести к прогрессу человечества, т.е. к высшей форме, способной к большей доле счастья, то окажется, что хотя моя деятельность не побуждается непосредственно чувством долга, однако она сообразуется с моей идеей обязанности. Что мотивы, отсюда вытекающие, могут действовать надлежащим образом, в этом вы убедитесь, припомнив некоторые дела, происходившие лет 8 тому назад, и в которых мы оба принимали участие. Едва ли вы забыли, что люди, побуждаемые чувствами и идеями вроде описанных мною, а вовсе не какими-либо мотивами, доставляемыми господствующими верованиями, обнаружили гораздо большую тревогу по поводу наших отношений к чужим народам и по поводу того, что эти отношения должны руководиться так называемыми христианскими принципами, нежели большинство христиан¹.

Преданный Вам *Герберт Спенсер*.

P. S. Если хотите огласить это письмо, я вполне на это согласен. Настолько занят, что едва ли смогу продолжать этот спор».

На это письмо, напечатанное в *Guardian*, Дэвис ответил вторым письмом. Опускаю здесь также некоторые строки, относящиеся к другому вопросу.

Керкби Лонсдэль, 28 июля 1890 г.

«Дорогой м-р Спенсер! Весьма обязан вам за такой любезный ответ на вызов, с которым я рискнул к вам обратиться. Надеюсь, вы не сочтете неуместным, если я, несмотря на ваш

¹ В оригинале моего письма следовали еще две фразы, которые я опустил из опасения дать повод к несогласию. Именно: «Даже один религиозный журнал признавал поразительный контраст между энергией тех, кто не исповедует христианства, и индифферентизмом его последователей. Я могу прибавить, что, отодвигаясь несколько назад, вы найдете контраст такого же рода при образовании Ямайского комитета».

постскрипtum, напечатаю некоторые соображения, внушенные мне вашим письмом... Я всецело признаю благородное рвение в пользу человеческого благополучия и негодование против насилия, обнаруживаемое вами и другими, не признающими никакой сверхъестественной санкции морали. Нынешнее христианство обязано многим — надеюсь, действительно выиграло многое от вашего человеческого рвения и от смелых протестов последователей Конта.

Вера христианина — это не принадлежность к христианскому миру в узком смысле слова, но верность закону Христа и воле Небесного Отца. Христианин охотно допустит, что некоторые *агностики* превзошли самих христиан христианскими чувствами, подобно тому как самарянин посрамил священника и левитов.

Для меня нисколько не затруднительно также допустить, что выполнение добрых дел может вытекать из симпатии и из удовольствия совершать их. Я не понимаю, почему допущение „сверхъестественного происхождения идеи долга“ предполагает, что „деятельности людей определяются только признанием конечных результатов, и что если признание это не приводит к справедливости, то всякий мотив справедливых поступков отпадет“. Я никогда не помышлял о возможности сомневаться в том, что люди в значительной степени руководствуются описанными вами мотивами. Что мне было желательно знать, так это следующее: почему, когда является мысль о долге, человек должен мыслить себя *обязанным*, нравится ли ему это или не нравится, поступить именно так, как того требует сохранение вида? Я совершенно понимаю, что вы „не в состоянии“ удержаться от попыток защитить других людей от насилия; но вот чего я все-таки не вижу ясно: каким образом ваша философия оправдывает вас, когда речь идет об упреках по адресу тех людей, которые *могут* воздержаться от того, чтобы быть добрыми. Вы говорите, что природа делает мыслящего родителя добрым, что она заставляет великодушного человека жертвовать собою ради блага ближних. Но природа делает также многих родителей до себялюбия беспечными относительно интересов детей; природа делает некоторых людей закоренелыми разбойниками. Они тоже не могут не быть тем, что они есть. Поэтому есть ли какой-либо

смысл, с вашей точки зрения, в том, чтобы сказать, что эти люди действуют так, как не должно было бы им действовать? Разве они почувствовали бы, что вы взываете к их чувству долга, если бы вы объяснили им как факт природы, что, поступай все люди подобно им, человеческий род должен был бы исчезнуть? С точки зрения м-ра Гексли как философа, „вкус“ к хорошему поведению принадлежит к тому же разряду, как музыкальный слух. У одних людей есть этот вкус, другие лишены его; вопрос, которого я не могу обойти, состоит в том, таково ли последнее слово также и вашей этики? Не могу понять, каким образом человек, предупрежденный в том, что он действует лишь по естественному импульсу, может разумно сообразить, должен ли он или не должен сделать известную вещь; или почему человек, знающий, что он действует исключительно для удовлетворения своих собственных желаний, может разумно пожертвовать собою ради какой-либо выгоды, достигаемой другими.

Так как я вовсе не знаю, каковы „господствующие верования“ по спорному вопросу, то прошу принять нижеследующее как свод моих собственных убеждений по этому предмету: невидимая сила постепенно создала человечество посредством процессов развития; человеческая совесть сделана такою, что она соответствует воле этой силы. Справедливость есть тот прогрессирующий порядок, который устанавливается Творцом среди людей. Он обязывает каждого человека по мере того, как человек усматривает этот закон; он чувствует себя обязанным, потому что он есть создание Творца.

Вам искренне преданный Дж. Дэвис.

Прежде чем перейти к дальнейшему обсуждению спорного вопроса, замечу, относительно более общего вопроса, включенного в последние замечания м-ра Дэвиса, что замечается любопытное тесное сродство между его взглядом и тем, который был много раз высказываем мною. В §34 «Основных начал» я сказал, отвечая на предполагаемый вопрос:

«Эти симпатии к одним принципам и отвращение к другим не безделица. Человек, со всеми его способностями, стремлениями, верованиями — не случайность, а продукт времени. Он должен помнить, что, являясь потомком прошедшего, в то же время является и отцом будущего и что его мысли

подобны рожденным им детям, которых он не может беспечно обречь на смерть. Подобно всякому другому человеку, он может вполне основательно признавать себя одним из бесчисленных деятелей, при посредстве которых действует неизвестная причина; и если неизвестная причина порождает в нем известные верования, то он поэтому вправе исповедывать и осуществлять эти верования».

Затем, в «Данных этики» (§62), говоря о различных типах нравственного учения как порознь выражающих ту или иную сторону истины, я сказал:

«Теологическое учение включает одну сторону. Если вместо высшей воли, по предположению открывшейся сверхъестественным путем, мы подставим естественное откровение той цели, которая осуществлена этой силой посредством эволюции, — тогда, из того, что эволюция всегда работала и теперь работает в пользу высших форм жизни, прямо вытекает, что сообразование с принципами, ведущими к высшим формам, является содействием этой цели».

Возвращаясь теперь к специальному вопросу, я должен сначала заметить, что м-р Дэвис и люди с сходными взглядами молчаливо подразумевают, что будто понятие долга есть всеобщее и вполне упроченное понятие, тогда как на самом деле оно переменнo и в значительной степени относится к социальным потребностям данного времени. В статье: «Этика Канта», напечатанной в журнале «Fortnightly Review» (июль 1888 г.) и теперь содержащейся в третьем томе моих «Опытов» (Essays), я привел цитаты из семи писателей в пользу того вывода, что у низших рас, можно сказать, отсутствует идея права, что у них вовсе нет чувства, соответствующего понятию должного и общего всем нам, а где оно и существует, там оно часто направлено совсем иначе. У многих дикарей долг кровавой мести есть священнейший из всех. Одно фиджийское поработенное племя утверждало, что его долг — становиться пищею и жертвами вождей, а Джексон говорит об одном фиджийском вожде, пришедшем в состояние религиозного помешательства вследствие убеждения, что бог гневается на него за то, что он убил мало врагов. И не только у низших рас мы встречаем понятие о долге, совершенно отличающееся от того, которое, по предположению Дэвиса, признается людьми за наивысший авторитет. У рифовых пиратов на мароккском берегу нет худшего

оскорбления человеку, как сказать, что его отец умер в постели — стало быть не в сражении во время разбойничьего нападения. То же видим у европейских народов относительно дуэлей. Оскорбленный вынужден вследствие сильного сознания *обязанности* вызвать оскорбителя; оскорбитель без сомнения уверен в том, что он *должен* принять вызов; он и его товарищи сознают, что *должно* сделать нечто осуждаемое исповедуемою ими верою. Недавнее одобрение, высказанное германским императором по адресу клубов дуэлистов, указывающих «юношам истинный жизненный путь», обнаруживает сознательную защиту обычаев, решительно противоречащих номинально усвоенным принципам правильного поведения. Эти примеры показывают, я думаю, что понятие о «должном» относится частью к чувствам, господствующим у индивида, частью же к чувствам и идеям, внушенным воспитанием, частью, наконец, к господствующему общественному мнению; а все это переменные факторы. Истина состоит в том, что всякое желание, ища, как и следует, удовлетворения, влечет за собою мысль, что удовлетворение это есть нечто надлежащее и справедливое; а если это желание сильно и встречает помеху, то оно порождает мысль о несправедливости препятствования.

Это настолько справедливо, что чувство, внушившее дурное деяние, но испытывавшее успешное сопротивление, в некоторых случаях позднее породит сожаление о том, что деяние не было совершено. Наоборот, хороший поступок, находящийся в разномыслии с обычными дурными деятельностями, может повлечь за собою раскаяние; примером служит скряга, чувствующий угрызения, если был вовлечен в великодушный поступок. Подобным же образом сознание «долга», как оно проявляется у людей высших типов, есть попросту голос известных господствующих чувств, развитых высшими формами социальной жизни; у каждого индивида чувства эти подкрепляются доставшимися по преданию верованиями и господствующим общественным мнением — а это санкция, гораздо сильнее, нежели все, чем обладают низшие чувства.

Полный ответ на вопрос, поставленный м-ром Дэвисом, был уже приведен в «Данных этики», в иной, гораздо более выработанной форме. В главе «Психологическая точка зрения», и особенно в §§42—46, происхождение сознания обязанности объяснено с значительною полнотою.

Быть может, м-р Дэвис все же спросит: «Почему же, сознавая обязанность, человек *должен* уступать этому чувству?» Если так, ответ будет в общем тот, какой можно было бы дать на следующий вопрос: «почему, испытывая голод, человек *должен* есть?» Хотя в нормальном случае человек ест с целью удовлетворения голода и без определенного сознания отдаленных целей, однако если вы его спросите, чем он оправдывает свое действие, он ответит вам, что ест для здоровья, силы и для возможности продолжать жизнь и работу, а поэтому необходимо уступает своему чувству голода. Точно так же, если кто-либо выполняет действие, к которому побуждается сознанием долга, и если его спросить, на каком основании он так действует, то он может дать надлежащий ответ, что хотя он уступил своему чувству без помысла об отдаленных Последствиях, однако он видит, что отдаленные последствия такого соображения со своими чувствами в среднем благодетельны не только для других, но в конце концов и для него самого. Позвольте мне здесь поэтому повторить истину, на которой я настаивал в другом месте, а именно что совершенно таким же образом, как правильно принимать пищу лишь для удовлетворения голода, тогда как есть без аппетита значит иметь расстроенный организм, — точно так же добрый поступок или акт долга совершается правильно лишь в том случае, когда он удовлетворяет непосредственному чувству; если же он совершается, имея в виду конечные результаты в этом или в ином месте, то этим самым подразумевается несовершенное моральное состояние».

После напечатания первого издания этого труда я получил от м-ра Дэвиса письмо, содержащее, между прочим, следующие строки.

«Позвольте мне протестовать против одного вашего утверждения, сделанного в приложении „О моральном мотиве“. Я полагаю, что я вовсе *не* допускаю молчаливо, что понятие о должном есть *устойчивое* понятие: я уверен, что представления о том, что справедливо, изменяются вместе с изменением социального строя и прогрессируют соответственно его прогрессу».

Если так, то, по-видимому, еще в одном отношении взгляды м-ра Дэвиса в меньшей степени уклоняются от моих, чем казалось с первого взгляда.

Приложение D

Совесть у животных

Немного спустя после того, как была напечатана в «The Guardian» переписка, воспроизведенная в предыдущем приложении, я получил от одного господина, жительствоющего в Девоншире, письмо, которое привожу здесь.

«Милостивый Государы! Нижеследующие тщательные наблюдения над животными могут представить интерес для Вас как подтверждение Вашей мысли, что идея „долга“, „должного“ может быть и не „сверхъестественного“ происхождения. („Сверхъестественное“ разумеется здесь в обычном смысле; автор не обязывается к какому-либо специальному пониманию.)

Собака моя питает отвращение к посягательствам на живое тело или на какую-либо вещь, искусственно „сделанную“ (anything that is „shaped“). Она не укусит ни одного животного — разве в случае *крайнего* вызова со стороны противника. Если я нажимаю острием перочинного ножа ей кожу на спине, она захватывает мой кулак меж своих задних зубов; сомкни она челюсти, она могла бы разгрызть мясо и кость. Но сколько бы я ни увеличивал или как долго ни продолжал нажимать, она *не* сомкнет челюстей настолько, чтобы оставить след на руке. Этот и подобные *эксперименты* я повторял много раз. Я не могу понять, как могло установиться здесь „долженствование“. Наследственности здесь не может быть. Отец моей собаки был добродушный „боевой“ пес, мать же — *весьма испорченная*; но я никогда не позволял ей общаться с щенком иначе, как в сумерки, с целью устранить подражание и бессознательную передачу. До того как «Пёнчу» исполнилось три года, я никогда не слышал от него какого-либо сердитого ворчания. Однажды я случайно сел на его хвост, прищемив его под собою — тогда я услышал рычание совершенно другого *тембра*, чем до того. Но удивительнее всего было то, что, когда я встал, собака стала просить прощения за необычайный тон и поведение — так, что в этом нельзя было ошибиться. Очевидно, она понимала, что нарушает нечто „должное“, сознание чего было в ее душе.

Далее, если я дразню ее простой хворостиной, она схватывает и *разгрызает* ее, если же своим когтем (я хром) или своей палкой, то она их схватит, но никогда не оставит следа зубов на предмете, предполагающем известную затрату труда.

Долг может сложиться, как обязанность перед существом высшего порядка, в противность самым стремительным влечениям животных.

Много лет назад была у меня сучка, которой доставляло большое удовольствие внимание самцов во время течки. Я удерживал ее несколько раз — *голосом только*. Это привело к такому „долженствованию“, что хотя ее не привязывали в эти периоды, но она издохла 13½ лет, не имея никогда полового общения¹. 4-х лет она уже злилась, замечая внимание кобелей; семи лет это была злобствующая старая дева, не выносившая даже присутствия самцов.

Собаки могут составить понятие о „должном“ также в сфере ловкости и силы. Эта сука превосходно плавала. Привели в дом *молодого* гладкого шотландского терьера. Они стали играть вместе, гоняясь друг за другом и резвясь по саду. Однажды им пришлось переправляться на пароме Prince's Street в Бристол. Сука по своему обыкновению прыгнула с парома в воду; молодая собака последовала за ней, но стала тонуть. Та видела ее усилия, схватила ее за шиворот и выплыла с ней на берег. Спустя несколько секунд она схватила терьера и некоторое время его сильно трясла. После этого она его всегда кусала или трясла, когда он пытался играть. Презрение ввиду недостатка того, что она до „того, очевидно, считала нормальным“?).

Далее, негодование не составляет удела одних людей. Я делал вид, будто бью младшую сестру, а она притворно кричала. Сука побежала на меня. Мы обменялись с сестрой ролями, сука зарычала и побежала на сестру. Тот же опыт мы проделали много раз с другими действующими лицами — результат был тот же. Симпатии ее были всегда на стороне *атакуемых*, если только у нее не было заранее нерасположения.

¹ По крайней мере у меня нет оснований думать иначе.

Заметив затем, что нападения притворные, собака часто с шумным весельем присоединялась к ним, но это настроение возникало в ней лишь после повторявшихся наблюдений. Простите, если эти сообщения покажутся Вам тривиальными. К несчастью, я мог познакомиться с Вашими трудами лишь отчасти, и подобные факты могли быть наблюдаемы Вами в гораздо большем масштабе, чем мною.

Преданный Вам Т. Mann Jones
Northam, Devon. 14/VIII.90.

Ответ мой, в котором я благодарил г-на Джонса и признавал ценность сообщенных им фактов, побудил его написать второе письмо, где он говорит:

«Прошу Вас сделать из моего письма угодное Вам употребление; считаю долгом лишь сказать, что некоторые факты сообщены проф. Romanes. Насчет точности наблюдений можете быть покойны — я учился делать наблюдения у бельфастских натуралистов, Паттисона и др., я еще до свадьбы научил жену помогать мне и не расплываться в впечатлениях. Идея «должного» поразительно сильна в Пёнче — собаке, о которой я говорил; его вкусы также необыкновенны. Лакомства интересуют его больше, чем мясо. Ему было около 6 месяцев, когда я открыл способ научить его понимать „да“ и „нет“. Сотни раз я подносил ему кусок сахара; лишь только он готовился его схватить, я говорил: нет! Он отстранялся. Если он брал его себе в рот, стоило сказать *шепотом*: нет! — и это заставляло его ронять сахар. Если он лежит на земле, и я кладу кругом него куски сахара, нашептывая: нет! — сахар остается нетронутым, пока не сказано: да! Но-но-но — собака отличается от человека! Пёнч редко слушается, если начинают с „да“, а не с „нет!“ По опыту он знает, что за „да“ может следовать „нет!“ — и он выжидает. *Не замечается никакого влечения отложить в сторону „должное“, когда представляется возможность извинения.* (Вероятно, это частная, не общая черта в собаках.)

Ум собаки делает различие между большим и небольшим отступлением от велений „должного“. Если я бросал изрядный кусок сахара, ни Фэн (сука), ни Пёнч не признавали за собой ни малейшего права прикоснуться к нему. Если кусок бывал очень маленький, оба колебались и в конце концов

съедали его, если не сказать „нет“! Я делал опыт с постепенным увеличением подачи, чтобы найти, где начинается „долженствование“. Сознание кобеля более тонкое, чем суки. Нужно прибавить, что я тщательно избегал громких возгласов и жестикуляции.

„No!“, „Oh!“, „So!“, „Go!“ равнозначащи для собачьего уха, но шипящую букву надо смягчать. Точно так же „yes“, „bess“, „press“ — разные формы восклицания признаются за одно. „Да“ и „можешь взять“ одинаково действуют на Пёнча. Мой пони очень чутко исполняет „должное“. „Woh!“, „Halt!“, „Shop!“ etc. имеют для него одно значение. Мне кажется, что собака менее, нежели пони, восприимчива к *тону*; она уделяет больше внимания звуку и его *количеству*. Некоторые действия поразили меня как возможные акты „поклонения“ (worship) в его элементарнейшей форме, например факт, упомянутый, кажется, в моем письме, — о том, как собака старалась „умилостивить“ после первого своего злобного рычания, когда ей было три года; хотя я никогда не считал, что собака думает о „должном“, и никогда ее не наказывал».

К этому письму г. Мапп Jones присоединил ряд заметок, в высшей степени интересных и поучительных; из них видно, как тщательно и с каким критицизмом делал он свои исследования и как достоверны, следовательно, его заключения. Вот эти заметки, с опущением некоторых параграфов.

«Признание „должного“ сукой. Умышленное нарушение признаваемого начала. Притворное негодование ввиду нарушения „долга“ кошкой.

Еще до 1885 г. я убедился, что домашние животные признают долг. Но мне хотелось добывать животное сколь возможно более испорченное — чтобы проверить, во-первых, не вытекает ли сознание должного из двоякого рода мотивов; эти весьма различные категории я привык различать, как (А) *чисто моральные* мотивы и (В) *эгоистические*, или *условно-моральные*. Во-вторых, мне нужно было проверить, насколько правильно учение теологов, что „самые вредные животные были *невинными*“ и что нравственно ответственен лишь человек.

Я наблюдал, как одна очень красивая сука с Мардокской станции неоднократно гнала птиц, принадлежавших

станционному зрителю, прочь от линии и с платформ, лишь только она слышала сигнальный свисток.

Я спросил историю этой собаки; оказалось, что она была случайно оставлена одной дамой, схавшей в вагоне первого класса, за несколько месяцев назад. Я заключил, что она была избалована, и, будучи явно уже не молодой, она не так легко отстала бы от худых привычек. Далее, я убедился, что она прожорлива, вспыльчива, сердита, похотлива, труслива, не любит детей, без сильных привязанностей, нечистоплотна. Казалось, она была совершенно *распутной*; я задал еще один вопрос: „Она очень умна, вы научили ее своевременно очищать линию?“ — „Она действительно очень сметлива, но я не учил ее; несколько раз она сторожила ребенка, пока мы заняты, и затем приняла это за свою обязанность. Далее, хотя она очень жадна, но, если мы опаздываем утром, она скорее уйдет без своего завтрака и останется так до позднего вечера, чем оставит линию неочищенной“. Это подстрекнуло меня. Я подумал, что если удалить собаку из дома станционного зрителя, она забудет свою столь бескорыстную „обязанность“ и станет совсем негодной.

Я взял ее домой к себе. Она пошла добровольно, не обнаруживая боязни, и, очутившись у меня, спешила освоиться. В течение 24 часов я держал ее в доме и на дворе взаперти, хорошо ее кормил, потом отправился с ней на станцию, причем она мало обнаружила удовольствия при виде своего хозяина — и немного склонности к своей старой обязанности. В конце второй недели она забыла и о том, и о другом. На третье утро приходит ко мне конюшенный мальчик Бен. „Сэр! Джуды бесится. Два часа тому назад я подметал возле нее и наклонился, чтобы ее оттолкнуть. Она укусила меня сперва за руку, потом за ногу (оба раза до крови); с тех пор она все сидит в углу, уткнувшись спиной“. Я пошел в конюшню, заговорил с собакой ласково, затем нагнулся похлопать ее. Она злобно огрызнулась. Ослабив мускулы руки так, чтобы кости пальцев и пястные свободно болтались у запястья, я ее сильно ударил по глазам. Она снова куснула, я ее тотчас же опять ударил. 5 минут длилась эта борьба, и я оставил ее полуослепшей и в изнеможении. Спустя два часа, я спросил Бена, что она. „О! Я думаю, она взбесилась. Она так же

сердита и по-прежнему сидит в углу“. Когда я вошел, она вышла вперед и замахала мне хвостом. *С этого дня я ее ни разу не бил.* Она была очень послушна, добра, обходительна, старалась мне понравиться. В известной мере она вела себя так же и по отношению к моей жене, к слуге, к повару — очень решительному, — но к мальчику, к младшему слуге и к другим она оставалась такой же, как прежде. С того времени она жила как бы двойственной жизнью — моментально изменяя свое поведение, лишь только слышала мои шаги. Я видел поэтому, что ее чувство долга и ее повиновение не имели вовсе этической ценности: они были простым результатом страха. Они не вытекали из настоящего ее характера. Я заботился, чтобы ее кормили почаще и получше — нарочно с большим разнообразием в корме, искореняя, таким образом, побуждения к воровству. Через две недели после того, как я ее купил, приходит повар к моей жене: „Сударыня, у меня все время исчезает что-нибудь с кухонного стола. Либо одна из кошек принялась воровать, либо утаскивает Джюди, но я не могу сказать, как она добирается. Я не оставлял стульев так близко к столу, чтобы она могла ими воспользоваться, — притом же она так неповоротлива и длинна, что, попытайся она вскочить на стул, она бы перевалилась на ту сторону“.

Я велел поставить на стол разного рода съестное, что принесли из столовой. Стул отставили так далеко, что его нельзя было бы пустить в ход. Часть семьи я отправил в столовую, наказав им сидеть там смирно, пока не позову; двух же кошек и Джюди я оставил у их корытца. Затем я отправился в сад, но тихо вернулся к окну, завешенному цветной полупрозрачной занавеской, скрывавшей меня от наблюдений. Как только все стихло, Джюди бросила свой обед, пошла к двери, видимо, прислушивалась со вниманием и несколько раз глядела в обе стороны коридора. Затем она, ставши на задние лапы, подвигалась вперед, как бы с целью видеть всю поверхность стола, и возвращалась назад, чтобы лучше рассмотреть. После этого она направилась к одной из кошек и толкнула ее по направлению к стулу. Кошка отлично поняла замысел Джюди, вспрыгнула на стул, оттуда на стол и стащила кость вниз. Джюди прогнала ее, схватила кость и стала ее глотать. Я подал знак, и проворная девушка вбежала в кухню.

Как только Джуди услышала шаги, еще раньше чем девушка появилась в двери, она бросилась с рычанием к кошке, стала ее рвать и затем гналась за нею двести футов.

Я видел всю эту драму целиком два раза, частями — много раз; другие видели то же неоднократно. Такое же заботливое удостоверение, что „путь свободен“; то же пользование той или иной из кошек; то же притворное негодование и попытка свалить воровство на кошку соответственными приемами — все это повторялось.

Я не думаю, чтобы я был неправ, заключая, что Джуди сознавала, что кошка не имела права лазать на стол за едой; что она подстрекала нарушить обязанность, а затем притворно сердилась, чтобы увернуться от ответственности, которую ум ее, однако, признавал.

Место и время не позволяют мне дать еще иные иллюстрации нрава этой собаки. Она представляла из себя крайний тип, но у меня бывали другие животные в этом роде, признававшие долг и „нравственную обязательность“, поскольку в большей или меньшей мере ожидал от них хозяин; но они исполняли этот долг, вообще говоря, всецело в связи с надеждами на награду или страхом наказания, иногда же из склонности (а не симпатии), какая вызывается предметом, доставляющим удовольствие либо выгоду. Идея долга, справедливости, „должного“ во всех таких случаях проистекала из себялюбия. Я отличаю эти проявления долга как „эгоистически-моральные“, „условно-моральные“, „формально-моральные“ (faschonmoral) или, короче, называю их „джудеизм“.

Теперь я рассмотрю бегло „чувство долга“ или „должного“ в другом моем учителе — Понче. До сих пор я говорил о нем лишь отрывочно. Он не обидит ни одной живой твари и не тронет ничего, что, судя по внешности, потребовало известного труда. Самым поразительным доказательством является то, что я неоднократно причинял ему умышленно жестокую и продолжительную боль, нажимая ножом и даже прорезывая подкожные нервные узлы, причем нельзя было побудить его кусать или даже просто огрызаться на меня. Точно так же, будучи укушен собаками, даже сильно, он не станет их кусать. Для меня ясно, что здесь налицо „чувство долга“ или „долженствование“, совершенно отличающееся от тех видов

поведения, которые я окрестил джудеизмом. Я спрашиваю, почему он не кусает? Скажут, быть может, что из страха. Но если бы кто-нибудь видел, в каких мы с ним отношениях, я думаю, он тотчас же отказался бы от такого предположения. Я слишком ценю Пёнча, как достойного „субъекта“, чтобы делать такую нелепость, как внушать страх. Собака и ее хозяин находятся до такой степени „в раппорте“, что, если ей нужно, чтобы открыли дверь или удалили занозу либо насекомое, она приходит ко мне, и если я, положим, за моей конторкой, она подымается, кладет мне правую лапу на руку, а левой трогает меня за плечо, пока я не обращусь к ней, после чего она ясно показывает, что ей нужно, и, если дело заключается в удалении занозы или насекомого, она прямо показывает место, с точностью до квадратного дюйма и ближе.

Подумают, может быть, что она ничего мне не причиняет потому, что она так убеждена и уверена во мне — не думает, чтобы я мог ей по своей воле причинить боль. На первый взгляд кажется, что это соображение уместно, и оно приобретает смысл вследствие того факта, что, когда ей было менее 12 месяцев, егерь выстрелил в нее на близком расстоянии, причем ей в голову и туловище попало около 30 дробинок, которые я и извлек. Память об этой операции могла заставить Пёнча считать и надавливание ножом с моей стороны чем-то целительным.

Хорошо, но как объяснить тогда его поведение по отношению к моему костылю, который он не тронет, хотя при тех же условиях превратит в щепки неотделанную палку? Могут сказать, что если другая собака его кусает, он не отвечает ей из трусости. Такое объяснение не поможет. Он лает тогда с такой же энергией, как когда мы с ним возимся, *но он не убегает прочь*. Часто я не могу его в таких случаях отогнать, и вследствие этого его кусают еще сильнее.

Немного дней тому назад произошел инцидент, проливший еще больше света на идею „правды“, какая имеется у Пёнча (или Мёнка; он безразлично отзывается на обе клички). Я шел по очень узкой улице West Appledore, как вдруг собака значительно больших размеров схватила Пёнча и укусила так сильно его в морду, что пошла кровь. Пёнч оказал сопротивление — первый раз, насколько я знаю: но он не кусался,

а прибегнул к защите вроде квакерской и очень хитро придумал. Он схватил ту собаку крепко за заднюю ногу, повыше пятки, и приподнял эту ногу настолько высоко над землей, что туловище собаки очутилось в неустойчивом равновесии. Она некоторое время стояла неподвижно, очевидно избегая всякого движения из страха упасть на спину, и была, таким образом, в полной власти противника. Но она вовсе не страдала, ибо Пёнч не кусал ее, а лишь держал крепко. Наконец собака-зачинщица попыталась повернуть голову назад, чтобы куснуть Пёнча, но он предупредил ее, подняв ее ногу еще выше и повернув ее круговым движением в сторону, обратную движению головы противника — так, чтобы восстановить первоначальное расстояние. По истечении около 2 минут мне пришлось вмешаться, ибо приблизилась лошадь с телегой. Та собака незаметно ускользнула, а Пёнч принялся делать вертикальные скачки, подпрыгнув при этом несколько раз от земли так, как может подпрыгивать один лишь ножной мяч (football), и залился веселым лаем.

Сотни примеров, подобных тем немногим, которые я привел, убеждают меня в том, что у этой собаки было в душе чувство долга, совершенно *отличное* по *роду* от того, что я иллюстрировал и характеризовал как *джюдеизм*. Это действительно значит „поступать так, как желаешь, чтобы с тобой поступали“. Я наблюдал этот вид чувства долга, „должного“ (или нравственность) в целом ряде животных, и у меня вошло в обыкновение называть этот *род* „прямым чувством долга“ и поэтому подразделять нравственность на *эгоистическую*, эмоциональную, узкую внешнюю (*fashion*) нравственность, или джюдеизм, и прямую, т.е. настоящую, правдивую нравственность (*Rectal morality*).

Я никогда раньше не встречал двух столь крайних примеров преобладания мотивов одного и другого рода. Большею частью животные подпадают влиянию чувств обоого рода в разнообразной пропорции; многие — исключительно себялюбивым или мнимо-моральным побуждениям; а некоторые, кажется, не подчиняются ни тому, ни другому влиянию. Это крайняя форма „безнравственности“. Согласно тому, что можно вывести из моих наблюдений над животными, деление „чувства долга“ на прямое и условное есть деление

исчерпывающее и полное. Мне представляется, что всякое признание „должного“ подойдет под одну из этих категорий. Поразительна разница, замечаемая в животном сообразно тому, какое чувство долга в нем преобладает — какой род нравственности регулирует его жизнь. Если это *прямая* нравственность — животное заслуживает доверия, на него можно положиться. Если *условная* — оно ненадежно, изменчиво, хитро. Это касается внешнего поведения. Я предполагаю, что в целом для души или этического чувства условная нравственность является началом разлагающим. Действительно, я замечал это на животных, хотя я и не был способен продолжить свои наблюдения, насколько это было желательно)¹.

С другой стороны, прямое чувство долга в животных есть — следуя философской фразеологии — сила развивающая. Прямая нравственность с течением времени возрастает в животных. По терминологии иных теологов, ее можно было бы, пожалуй, назвать возрождающей или „спасительной“ силой (кто считает, что исповедование веры — единственная спасительная сила, тот едва ли захочет признать в указанном что-нибудь более чем условное „долженствование“, или, может быть, в некоторых случаях не согласится и с этим).

Что касается происхождения прямого чувства долга или прямой нравственности, то, поскольку я наблюдал, я могу сказать прежде всего, что она не имеет источником себялюбия. Она, кажется, тесно связана с „чувством симпатии“, как отличным от чувств вышеописанного рода. Особи из высших животных, действующие по прямому чувству долга, обнаруживают, судя по моим наблюдениям, способность к соблюдению правила „ставь себя на его место“, что и есть корень истинной „симпатии“. Всегда заметно старание „поступать, как желательно, чтобы с нами поступали“. Черта эта в большинстве наблюдаемых мною случаев казалась врожденной, но развивалась у животного с годами.

Я никогда не встречал формулировки того разделения, к которому меня привели сотни наблюдений над экземплярами разных видов — именно, что „идея долга“ и, следовательно, вся

¹ Почему? Я считаю «прямое» чувство долга реальной основой характера: условное же есть скорее приобретенная душевная привычка.

нравственность распадается на прямую (rectal) и условную (mores). Вероятно, другие наблюдатели сделали такое различие. Но молчаливо оно признается в большинстве древнейших писаний, насколько они мне известны. Признание истинной морали, как мне представляется, проходит красной нитью через многие книги, вошедшие в состав Библии, и в апокрифах ветхозаветных и новозаветных, подобно златоносной жиле в кварце — и есть настоящий *protagon*, или центральный нерв учения Христа. Я находил молчаливое допущение этого различия и во многих теологических сочинениях, хотя, мне думается, я имею право утверждать (или, выражаясь риторически, я позволю себе сказать), что там не находит признания тот факт, что главное (если не единственное) значение условного „чувства долга“ или себялюбивого „долженствования“ заключается в сглаживании трения.

Животные не только поступают согласно своему представлению о должном, но некоторые, особенно разумные, действуют как бы в ожидании или в уверенности, что это „должное“ разделяется и данными людьми.

В августе 1886 г. я правил моим пони Принцем и в то же время обсуждал с женой один интересный научный вопрос. Вообще я управлял им исключительно при помощи голоса, но в пылу разговора я непроизвольно оттенял свои положения ударами бича по бокам пони. При третьем ударе он остановился и оглянулся кругом. Это привлекло внимание моей жены: „Принц делает заявление. Ты сильно бьешь“. После мне случилось хлестнуть его несколько раз подряд. Когда сняли с него хомут, я стоял *в стороне от прямого пути его в конюшню*. Вместо того чтобы идти туда, как обыкновенно, он направился ко мне, и после неоднократных попыток обратить на себя мое внимание он прикоснулся ко мне мордой и затем прижал ее как только мог.

Спустя месяца два при подобных же обстоятельствах он повторил этот маневр.

Осенью 1886 г. был я с моим пони в Ware. Я вышел из магазина и собирался сесть в экипаж, когда заметил, что пони (Принц) меня выжидает (он привык к тому, чтобы мальчик вскакивал на ходу в экипаж). Я попросил жену тронуть его. Она несколько раз пробовала, но он не двинулся, пока не увидел,

что я уселся, после чего он сразу тронулся. Удивителен здесь сложный процесс мысли, установившей по отношению к хромому иное „должное“, чем в других случаях.

В ту же самую осень мы ехали из Wearside в Hadham. По дороге встретились нам куча детей с двумя колясочками. Они шли очень неловко: одни были у самого плетня с левой стороны, далее еще дети и колясочка правее, другая колясочка еще дальше: расстояния между ними и правой изгородью были почти равны. Места было достаточно, чтобы проехать, но дети растерялись и перебегали все время с одного места на другое. Жена моя сказала: „Посмотрим, обогнет ли Принц детей“. Я пустил ему вожжи. Он отъехал бойкой рысью прочь от детей ярдов 7 или 8, затем пошел шагом, держась направо, и проехал милю, имея правые колеса у самой изгороди и обоглавывая все время, с целью видеть, миновал ли он колясочки. Оставив их ярда на три в тылу, он тотчас же взял налево и поехал дальше рысью, без всяких к тому понуканий.

В ноябре 1887 г., после кончины моей жены, приехала ко мне пожить родственница и ездила на этом самом пони. Она так глуха, что не может слышать догоняющего ее экипажа. Поэтому я постоянно отправлялся с ней, и, если она правила, я делал ей знак левой рукой, чтобы она брала налево, если нас обгонял кто-либо.

Однажды, когда мы по дороге в Ware взбирались на косогор (с ослабленными вожжами вследствие этого), я услышал, что нас нагоняет фура пивовара. Он был под хмельком и следовал вплотную за нами, хотя было достаточно места, чтобы проехать, держи он, как следует, направо. Я не подал сигнала родственнице, желая наблюдать, как поступит пони. Он обнаруживал нервность и беспокойство, поворачивая голову сколько мог направо — посмотреть, в чем дело. Тот ехал на своей тяжелой фуре вплотную за нами, но так, что пони не мог видеть ни лошади, ни телеги. После трех или четырех минут беспокойства (сознательно выбираю это слово: меня удостоверяют в том движения его ушей и дрожание его мускулов), не получая никаких указаний, он сам подъехал как только мог ближе к изгороди с левой стороны и обоглавывал. Как только фургон проехал милю, он (пони) пошел дальше резвой рысью.

После многократных опытов в разные дни, я нашел, что когда правлю я, а кто-нибудь нас догоняет, Принц ждет, чтобы я потянул левую вожжу, но если правит моя родственница, он решает по звуку, когда надо повернуть налево. И тогда, хотя бы она тянула направо, он ее не слушается. После многих опытов я мог быть вполне уверен, что, когда она правит, он будет следовать показаниям своего слуха; и она потом часто ездила без меня — пони, очевидно, признал свои новые обязанности.

Пример выполнения животными долга сообща. (Одновременное возникновение идеи должного при одних и тех же обстоятельствах.)

Осенью 1886 г. я ехал позже 10 час. вечера из моего коттеджа к Baker's End с несколькими приятелями, отправлявшимися домой. Спускаясь с подъема, мы очутились в густом тумане, так что свет фонарей экипажа не проникал в него и на 6 фут., — туман отражал свет подобно стене. На некотором расстоянии от дороги на станцию Магдас путь мой делал поворот почти под прямым углом. Здесь мы до такой степени не могли найтись, что направили лошадь на насыпь, на которую она карабкалась, вламываясь в изгородь. Мы все светили, и приятели мои пошли вперед. Я повернул пони и экипаж, затем сел в него, чтобы править назад: пони медленно подвигался, но почти вытягивал вожжи из моих рук. Я вылез, полагая, что вожжи зацепились за оглобли, — так как пони, казалось, всегда любил сильно натянутые вожжи на спусках, а здесь был именно уклон. Вожжи оказались совершенно в порядке. Вытащив фонарь, я подошел к голове пони, которую он наклонил, как только мог. Я увидел, что морда его была у самой спины моего черного Джэка (отец Понча), который стоял лицом в нему, уткнувшись носом в землю, указывая на дом. Я сел опять, сказал „пошел“, не действуя вожжами, но так как мы ехали мерным шагом, я старался с помощью бича измерять, на каком расстоянии они держались от изгородей. Они благополучно привезли меня на задний двор моего дома, а мои измерения показали, что они держались все время середины, кроме одного места, где справа была глубокая рывина, отделенная от дороги очень тонким забором. Здесь они проехали на расстоянии

18 дюймов от левой стороны — удаленной от рытвины. Хотя ночь была холодная и аллор был в темпе похоронного марша, лошадь стала совсем мокрой от пота, а собака запыхалась и высунула язык, когда мы въехали во двор — вероятно, от волнения при исполнении взятой ими на себя обязанности. Дорога делает шесть поворотов, в том числе три под прямым углом, тесных вообще, а в двух случаях, как мне кажется, не шире длины лошади с экипажем (память у меня отчетливая). Когда мы въехали во двор, я заметил маленькую подробность, указывающую на тесную аналогию между чувствами этих животных и человека при сходных обстоятельствах. Лошадь терлась головой о Джэка, а Джэк лънул своим лицом к пони. Взаимное поздравление, по случаю выполнения добровольно принятой обязанности, не могло бы быть более выразительным».

Интересна параллель между заключениями, сделанными г-м Джонсом из его наблюдений мотивов у животных, и заключениями о мотивах человеческих, изложенными в главе IV части («Чувство справедливости»). Различие между «непосредственно-нравственным» и «условно-нравственным», какое он делает, прямо соответствует сделанному в этой главе различению альтруистического чувства и чувства доальтруистического. Это соответствие тем важнее, что оно ведет к оправданию уверенности в естественном генезисе развитого нравственного чувства как в том, так и в другом случае. Если дисциплина жизни может создавать сознание долга в низших животных, она создает *a fortiori* то же и в человеке.

Вероятно, многие читатели заметят, что рассказы г-на Джонса напоминают поговорку, что «человек — бог собаки», и показывают, что чувство долга, развившееся у собаки, возникает из ее личного отношения к хозяину, точно так же как чувство долга в человеке вырастает из его отношения к его Творцу. Этим путем хорошо объясняются те поступки собак, которые г-н Джонс отличает, как «условно-нравственные»; но нельзя того же сказать о тех поступках, которые он называет «непосредственно-нравственными». В частности, поступок собаки, не желавшей кусать, когда ее укусили, но ограничившейся тем, что она помешала вторично ее укусить (здесь сказалось чисто христианское чувство, какого не бывает и у одного христианина

на тысячу), — не был вызван обязанностями к хозяину. И этот крайний случай оправдывает сделанный иным путем вывод, что чувство долга независимо от чувства подчиненности.

Но если бы даже было верно, что подобное чувство долга, могущее быть в относительно неразвитом уме высших животных, порождается исключительно личным отношением к господину, отсюда не следовало бы, что в гораздо более развитом уме человека не может возникать чувство долга, независимое от личного отношения к высшему существу. Ибо опыт показывает, что в более широком разуме человека помимо такого мотива, как угождение Богу, может сложиться мотив оказания добра ближнему; и что чувство долга может становиться в связь как с первым, так и со вторым из этих мотивов. Нет спора, что многие в силу естественного влечения посвящают свою энергию филантропическим целям и делают это без всякой мысли о личном благе. В самом деле, попадают люди, которые почувствовали бы себя оскорбленными, если бы им сказать, что они действуют с целью заслужить благоволение Божества.

Приложение Е

Ответ критикам¹

(Нижеследующие возражения критикам первоначально появились в «Mind» за январь 1881 г. Я счел полезным дать им более прочное место здесь, ибо, делая их, я имел случай еще более выяснить некоторые из учений, изложенных на предыдущих страницах).

Автор, который пишет об этике и которому приходится трактовать о хорошем и дурном поведении, поставил бы себя в очень затруднительное положение, если бы ничего не сказал касательно цели поведения. Если бы не было возможности выяснить связь между мыслью о хорошем, лучшем и наилучшем поведении и результатами поведения, то нелегко было бы определить нравственные различия между последними. Делаю это замечание ввиду того, что г. Сиджвик, в своей статье (Mind, XVIII), озаглавленной «Этическая система Спенсера», цитирует мое выражение «поведение, не отвечающее идеалу», и говорит:

«Откровенно телеологическая точка зрения, с которой г-н Спенсер в этой книге рассматривает явления жизни вообще, должна быть отмечена, ибо в своих „Основаниях биологии“ он прилагал некоторые усилия к тому, чтобы избегать телеологических выводов».

Странно требовать, чтобы наука, имеющая своим предметом характер целей, преследуемых людьми, и характер средств, прилагаемых для достижения этих целей, ограничивалась положениями, в которых цели не подразумевались бы. Известного рода телеология подразумевается сама собой; вопрос лишь в том, законного ли она или незаконного свойства. Разницу между той и другой можно сейчас же выяснить при помощи биологической иллюстрации. Если я размышляю о жесткой скорлупе воробьиного семени (gromwell-seed), столь твердой, что ее не берет клюв птицы, и далее вижу, что эта жесткая скорлупа успешно противодействует влияниям птичьего зоба; и если я доказываю, что она была создана с целью охранить семя и таким образом обеспечить возможное развитие зародыша, я рассуждаю телеологически, и притом недопустимым образом. Если, с другой стороны, я толкую так: среди семян

¹ Перевод Д. З. Авалова.

отдаленного растения-предка одно, с необыкновенно толстой скорлупой, уцелело от действия клюва и желудка птиц, тогда как прочие, с скорлупой более тонкой, были расклеваны и переварены; и если я заключаю, что из семян растения, происшедшего из непереваренного зерна, унаследовавших вообще большую толщину скорлупы, семена с самой толстой и жесткой скорлупой чаще всего выживали и размножались до тех пор, пока в силу переживания приспособленнейших не получились эти в высшей степени твердые и вполне защищенные семена; если я доказываю, что действительно этот процесс служил как цели сохранению вида, я тоже рассуждаю телеологически, но в допустимой (законной) форме. Сюда входит представление о причине генезиса жесткой скорлупы, о причине, в известном смысле конечной; это не ближайшая причина, какой являются физиологические процессы, протекающие в растении, но причина, от них отдаленная, которая, однако, их настолько детерминирует, что, не будь ее, и они бы не существовали. Так обстоит дело вообще с биологическим разъяснением структуры и функций. Благо организма или вида есть в каждом случае та цель, для споспешествования которой существует такое-то строение; и разница между дозволенной и недозволенной телеологией состоит в том, что одна изъясняет существование чего-либо как результат постепенного приближения к цели; между тем как другая не говорит ничего, кроме того, что такое-то существо отвечает цели, и ссылается на непонятные конечные причины, т.е. на «бесплодных дев».

В «Данных этики», как и во всяком трактате о нравственности, постоянно имеются в виду цели, и объяснения беспрестанно касаются их. Действительно, в главе о «физической точке зрения» в этике я признавал за поведением высокие или низкие качества, в зависимости от того, в большей или меньшей степени оно способствует поддержанию подвижного равновесия; а это, думается мне, самый не-телеологический способ понимания, какого только держался кто-либо из писавших по этике. В этой главе развитие того, что мы обычно называем поведением высшего порядка, изображается как прогресс, доступный формулировке в терминах вещества и движения. Ибо из сказанного там (в связи с тем, что установлено в двух главах *Оснований биологии* о непосредственном и посредственном

соответствии) вытекает неизбежно, что именно агрегаты, в которых подвижное равновесие особенно хорошо выражено, продолжают существовать, когда другие уж исчезли; и что в силу наследственности создается тенденция к установлению наилучшего подвижного равновесия; так что высшее поведение определяется помимо человеческих или мнимо божественных целей. Когда в ближайшей главе я показываю, что то, что на языке физики мы именуем лучшим подвижным равновесием, выраженное биологически, есть лучшее отправление функций и, следовательно, жизнь одновременно и более полная, и более продолжительная, то при этом подразумевается, что, раз жизнь более полная и продолжительная является целью, поведение должно оцениваться с точки зрения его содействия выполнению этой цели; и эта точка зрения развита в двух следующих главах. Но там нет ничего телеологического в недопустимом смысле. Если бы я разделял учение о моральном чувстве в его обычном понимании, если бы я признавал в людях сверхъестественно вложенное в них сознание обязанности; если бы я утверждал, что люди наделены симпатией, которая имеет задачей сделать их способными к наилучшей совместной деятельности в обществе, тогда можно бы было взвалить на меня вину в телеологических толкованиях превратного сорта. Но коль скоро мое объяснение открыто противоречит такому — коль скоро я считаю, что способности, создающие поведение, способствующее благосостоянию при условиях общественной жизни, сами суть продукт социальной жизни и, как я утверждаю, сложились шаг за шагом, спешествуя общественной жизни, — упрек представляется по отношению ко мне особенно неуместным.

Другое замечание г-на Сиджвика заключается в том, что я не дал — хотя для подкрепления своей доктрины должен был это сделать — опровержения пессимизма. Критик пишет:

«После всего, что было сказано о важности рассмотрения человеческого поведения в связи с «универсальным поведением», частью которого оно является, переход от „количества жизни“ — что признается целью поведения — к „количеству удовольствия“ сделан, как мне кажется, уж слишком быстро и легко. Пессимизм, по словам самого г-на Спенсера, стоит нам поперек дороги, заявляя, что жизнь не приносит с собой перевеса приятных чувствований. Мы ждем поэтому

научного опровержения пессимизма; но я не могу сказать, чтобы ожидание это удовлетворялось в достаточной мере. Действительно, я не способен найти ни одного места, где бы г-н Спенсер открыто брался за подобную задачу. И, однако, едва ли он может полагать, что будто несостоятельность пессимизма доказывается в достаточной мере тем, что, согласно обычным нравственным суждениям людей, жизнь в среднем дает излишек удовольствия сравнительно с страданием.

Это не есть научное обоснование нравственности».

Меня поражает, что писатель, столь тонко расчлняющий понятия, как г-н Сиджвик, мог так существенно не понять моей позиции. Совершенно верно, что я нигде не берусь прямо опровергать пессимизм; но не менее верно и то, что подобная задача нигде мне не навязывается. Пусть г-н Сиджвик перечитает главу, в которой идет речь о споре пессимизма с оптимизмом, он увидит, что я не высказывал суждения об исходе этого спора и что для целей моей аргументации нет вовсе нужды в подобном суждении. Сравнивая две точки зрения, я задавался мыслью показать, что «существует постулат, на котором сходятся пессимисты с оптимистами. И те и другие в своем рассуждении принимают за самоочевидное, что жизнь хороша или дурна сообразно тому, приносит она или нет излишек приятных чувствований». Доказывая, что обе школы разделяют этот постулат, я не обязан принимать то или иное разрешение вопроса. Я сказал, что *если* правы пессимисты, то «действия, способствующие продолжению жизни в себе самом или в других, должны вызывать порицание»; между тем как они, напротив, заслуживают одобрения, *если* правы оптимисты; этим подразумевается, что противоположные этические концепции возникают в зависимости от принятой оценки жизни; но обе они покоятся на признании счастья целью поведения. Глава, о которой идет речь, имеет задачей лишь показать, «что каждая из этих школ неминуемо считает конечной нравственной целью желательное состояние чувств — называйте его как угодно: удовлетворением, наслаждением, счастьем». Но, конечно, одно дело считать, что оптимисты и пессимисты сходятся в уверенности, что жизнь имеет цену, лишь если она сопровождается, говоря вообще, желательною сознательностью (consciousness); другое дело — утверждать, что она действительно ею

сопровождается. Если бы г-н Сиджвик сказал, что, судя по общей связи доводов моего сочинения, я молчаливо примкнул к оптимистическому воззрению, он бы сказал правильно. Но, как я показал, упоминая о споре между оптимизмом и пессимизмом, я ничуть не имел в виду оправдания оптимизма; достаточно ясно подразумевалось, что доводы мои имеют значение лишь для оптимистов.

Итак, заключения, содержащиеся в «Данных этики», как и заключения этических трактатов вообще, могут быть приняты лишь теми, кто признает, что жизнь в итоге приносит более удовольствия, нежели страдания, или во всяком случае способна приносить более удовольствия, чем страдания; но я иду дальше и покажу, что проникающий мою книгу скрытый оптимизм имеет основу более широкую, чем то кажется г-ну Сиджвику. Он говорит, что «по Спенсеру, пессимизм косвенно опровергается доводом — выдаваемым за „неизбежную дедукцию из гипотезы развития“, — согласно которому „в силу необходимости повсюду в одушевленном мире страдания суть корреляты действий, причиняющих ущерб организму, тогда как удовольствия суть корреляты действий, способствующих его благосостоянию“». Это правильно; но, игнорируя все места, трактующие об универсальном процессе приспособления, г-н Сиджвик упускает значительную долю фактов, говорящих за оптимизм. Глава об «относительности страданий и удовольствий» развивает и иллюстрирует биологическую истину, что способности повсюду прилаживаются к условиям существования таким образом, что деятельности, каких требуют эти условия, становятся приятными. Страдания, сопровождающие бездеятельность способностей, которым изменившиеся условия не оставили места, уменьшаются с убылью способностей; между тем как страдания, вызываемые деятельностью способностей, чрезмерно напряженных при новых условиях, уменьшаются по мере прогрессивного развития способностей и превращаются в удовольствия, когда эти способности достигают той силы, какая потребна для выполнения этих новых условий. Закон этот одинаково может быть выведен *apriori* и доказывается *aposteriori*; он ведет как к дальнейшему следствию к умеренному оптимизму — оптимизму, ограниченному тем заключением, что жизнь каждой твари счастлива или несчастна сообразно степени соответствия

или несоответствия между ее природой и окружающей обстановкой; но повсюду уменьшение несчастья или увеличение счастья связано с неизбежным прогрессом в сторону соответствия. Применительно к людям получим вывод, что пессимизм может быть иногда истинным при определенных условиях (при таких, например, которые способны породить веру, считающую уничтожение благословением); а оптимизм может быть в частности правдивым при обстоятельствах более благоприятного рода, но с возрастанием приспособленности людей к общественной жизни избыток удовольствий над страданиями, служащий оправданием оптимизма, должен постоянно увеличиваться. И здесь я позволю себе заметить мимоходом, что, поскольку суждения какой-либо этической системы зависят от молчаливого признания оптимистических или пессимистических воззрений, руководством может служить одно лишь знание биологических законов. Г-н Сиджвик, сходясь в этом с моралистами вообще, полагает, что истинность или ложность моральных доктрин может быть определена помимо изучения законов жизни. Он спрашивает: «Каким же образом наука, т.е. биология, психология и социология, создает базис для этой истиннейшей этики?» — и задача его критики в значительной мере та, чтобы показать, что такая наука не дает того, что требуется.

Однако выше мы видели, что допустимость этической системы, завися от предварительного признания оптимизма или пессимизма, зависит далее от того, принимаем ли мы или отрицаем известные конечные биологические обобщения. В самом деле, говоря откровенно, странно думать, что хотя этика и имеет дело с определенными явлениями жизни, но что безразлично для суждения об этих явлениях, знаем ли мы или нет законы жизни.

Игнорирование г-ном Сиджвиком биологических обобщений ярко обнаруживается в следующем месте, где он говорит по поводу защищаемого мной метода:

«Например, эти научные приемы открыто заявлены в главе V о „способах судить о поведении“*, где мы узнаем, что способ рассуждения г-на Спенсера есть большая дорога априоризма (*high priori-road*). Он не довольствуется одним обобщением из наблюдения над действительными последствиями поведения различных родов; это недостаток ходячего утилитарианизма, что он не идет дальше этих чисто эмпирических обобщений;

г-н Спенсер, наоборот, имеет в виду „установить необходимые отношения“ между действиями и таким образом „вывести из основных принципов, какое поведение *должно* быть вредным и какое *должно* быть полезным“. Вот смелые слова» и т.д.

Если бы по поводу артиллерийского офицера, который вместо того, чтобы эмпирически узнавать дальность полета снаряда при определенных повышении его орудия, стал бы вычислять это расстояние путем выкладок из законов движения и атмосферного сопротивления — если бы о таком офицере г-н Сиджвик сказал, что он следует по «большой дороге априоризма», он имел бы одинаковое основание применить это выражение, так как защищаемый мною метод заключается в выведении из законов жизни, при данных условиях, известных следствий, вытекающих из названных законов с такою же необходимостью, с какой траектория летящего снаряда следует из законов движения и сопротивления атмосферы. Всякая развитая наука может быть охарактеризована как в высшей степени априорная, если можно так назвать вывод следствий из посылок, подтверждаемый и индуктивно. Если бы я не дал никакого разъяснения своей мысли, цитированное выше место меньше бы меня поразило. Но в целом ряде разнородных примеров, начиная с прекращения питания в органе, которое последует, если перевязать главную артерию, и кончая общественным злом, порождаемым клеветой, я показал, в §22, что я разумею под выведением этических принципов из законов жизни, и систематически применил это выведение в последующих главах. Тем не менее на том основании, что в нашу переходную эпоху, когда изменяется человечество и изменяются социальные условия, метода этого недостаточно, чтобы развить кодекс поведения во всех деталях. Г-н Сиджвик не обращает внимания на руководящие нравственные требования, выставленные в названном отделе и в последующих главах, и полагает, что читатель останется «разочарованным». С равным основанием можно говорить и о разочаровании изучающего биологию вследствие того, что нельзя вывести деталей патологии и терапевтики из физиологических законов, насколько они ныне известны.

Однако все это лишь введение к критике г-на Сиджвика на отношение между этикой абсолютной и относительной, как я понимаю это отношение. По моему воззрению, раз любая

теория нравственности имеет дело с идеями худшего и лучшего в поведении, а представление о лучшем предполагает представление о наилучшем, то в каждом случае молчаливо мыслится идеальное поведение; прочные заключения могут быть сделаны лишь после того, как составлено представление об идеальном поведении, не смутно и не путем ухищрений, а в определенной и связной форме; и нельзя получить определенного и связанного представления об идеальном поведении, если не предположены идеальные общественные условия. Г. Сиджвик, как мне кажется, не показывает несостоятельности этой точки зрения; он ограничивается выдвиганием трудностей. Я не могу проследить всех подробностей его критики, — это взяло бы слишком много места. Я разберу лишь общее подразумеваемое им воззрение — что такой идеал бесполезен и что теория эволюции человека и общества не имеет практического отношения к руководству поведением. Он говорит:

«Если бы даже мы могли конструировать научно идеальный кодекс г-на Спенсера, я не думаю, чтобы такой кодекс много помог разрешению практических проблем, какие возникают для людей... Предполагая даже возможным в конце концов осуществление идеального общежития, мы должны признать, что все же оно отделено от нас значительным периодом развития; и нет ничего невероятного в том, что лучший путь к такому состоянию не есть путь, по-видимому, самый прямой и что мы легче достигнем цели, если начнем с того, что пойдем прочь от нее».

И, заключает г-н Сиджвик, «скромный и несовершенный эмпирический метод может быть нашим единственным руководителем».

Вот, стало быть, отчетливо заявленное мнение, что для практических целей все равно, имеется у нас идеал поведения и общества или его нет. При оценке ближайшего блага не составит разницы, имеем мы или нет представление о конечном благе. Коль скоро непосредственный эффект действия обещает быть хорошим, нет нужды разбирать, создаем ли мы этими действиями перемены в людях и в обществе, и если создаются перемены, то ведут ли они людей и общество к высшим формам или отдаляют от них. Эту точку зрения следует обсудить сначала вообще, затем более специально.

Эмпирический метод, поддерживаемый г-ом Сиджвиком, производя возможную оценку хорошим и дурным результатам, т.е. сумме удовольствий и страданий, требует, как основы для своих заключений, постоянства отношений между удовольствиями и их причинами, между страданиями и их причинами. Если на основании опыта и изучения людей, как мы их знаем, мы заключаем, что известная политика способствует перевесу удовольствий над страданиями, и если установление подобной политики, например путем общественных учреждений, вследствие этого представляется этически справедливым или даже обязательным, то при этом подразумевается, что избыток удовольствий над страданиями, производимый этим путем в нынешних людях, будет иметь место и для их потомков. Но такой вывод возможен лишь тогда, если мы считаем, что люди останутся такими же. А отсюда вопрос, изменчивы люди или нет, делается существенным. Если они неизменны, эмпирическая оценка может оказаться действительной. Если они изменчивы, расчет этот не только будет сомнителен, но может быть совершенно ложным. Достаточно лишь сравнить удовольствия боевые, которые казались древнему скандинаву удовольствиями неба, с удовольствиями современного литератора или противопоставить отвращение дикаря к постоянному труду деловой горячке горожанина, чтобы видеть, что перемена в отношении между действиями и сопровождающими их чувствованиями является действительной преградой на пути эмпирического метода. Становится очевидным, что если люди изменяются, то руководство поведением на основании оценки удовольствий и страданий, с той предпосылкой, что истинное теперь будет и впредь истинным, окажется руководством ошибочным. Идет ли речь об определенной политике, об изданном законе, о личной деятельности, о применяемой дисциплине или о настоятельном предписании — если единственным их основанием служит споспешествование счастью людей, каковы они теперь, то, раз люди начинают изменяться, нельзя уже делать заключения о споспешествовании их счастью в будущем; может ведь возникнуть и помеха их счастью.

Отметим теперь другой вывод. Раз сделано то необходимое допущение, что руководство на основании оценки избытка удовольствий над страданиями, имеющей в виду

настоящее, ошибочно, коль скоро меняется отношение между действиями и чувствованиями, то следует также признать, что подобное руководство может стать достоверным, лишь если мы знаем пути, какими меняются указанные отношения. Если знание наше ограничивается тем, что отношения между действиями и чувствованиями, вообще говоря, изменяются, но мы не знаем, как произойдет эта перемена, то мы знаем лишь, что наше эмпирическое руководство окажется неправильным, не зная того, в чем оно неправильно. Отсюда вопрос, действует ли в данном случае то приспособление организации к условиям, о котором говорит эволюционное учение, становится кардинальным. Мы признаем относительность удовольствий и страданий; мы заключаем, что деятельности, к каким общественная жизнь побуждает человека, имеют тенденцию становиться более приятными, а страдания, причиняемые ущербом от неудовлетворительной деятельности, уменьшаются; если так, то прежде всего надо спросить: какова та общая форма деятельностей, к которой люди приспособляются? Каковы те идеалы и общественные условия, по отношению к которым природа людей так устроена, что у них не будет желаний помимо того, чтобы гармонизировать с этими условиями? Но если мы можем образовать представление об идеальном общественном состоянии и о поведении людей в нем, тогда у нас есть средство, служащее коррективом к тому эмпирическому руководству, которое основано на оценке удовольствий и страданий, ныне испытываемых; ибо мы можем знать теперь не только непосредственные эффекты какой-либо комбинации, но можем видеть, могут ли получаемые конечные результаты способствовать или они будут препятствовать требуемому преобразованию человеческой природы.

Аналогия лучше всего раскроет разницу между взглядом г-на Сиджвика и моим на отношение между этическим учением и теорией человеческого и социального развития. В нравственном воспитании ребенка непосредственно хорошие результаты могут быть добыты различными путями. Вопли дитяти можно приостановить посредством *bonbon*; мать может застрашать его угрозами; его может заставить выучить урок страх, или обещание подарка, или желание понравиться; а в более поздние годы детства со стороны отца может иметь место контроль,

который поддерживает порядок, регулируя каждый шаг, или контроль, допускающий значительную долю свободы и связанное с ней ознакомление на практике с хорошими и дурными результатами поведения. Желательно или нежелательно иметь в виду тот факт, что дитя станет взрослым человеком, а также составит себе представление, каков должен быть такой человек? Очень часто мать, следуя эмпирическому методу и достигая хороших ближайших результатов, игнорирует вопрос об этом идеале и о соответствии ее системы этому идеалу; и нередко отец, в особенности если он духовного звания, устанавливая массу непреложных правил, совсем не обращает внимания на то, приобретает ли его вконец вымуштрованный сын качества, нужные, чтобы стать самостоятельным мужчиной. Должны ли мы сказать, что подобные, по-видимому, успешные методы суть наилучшие? Или не следует ли скорее признать, что не может быть хорошего воспитания, если не иметь всегда в виду идеала и не соотносить метода отчасти с непосредственными результатами, но еще больше с конечными последствиями? А если так, не должны ли мы сказать того же касательно взрослых людей, которые воспитываются в школе общественной жизни? Конечно, если г-н Сиджвик сходится с теми, кто считает человеческую природу неизменной, его точка зрения последовательна. Но если он допускает способность человека приспособляться, тогда важно рассмотреть в каждом данном случае, способствует ли или препятствует постепенное изменение условий прогрессу в сторону высших условий и высшей, соответствующей им, человеческой природы. Хотя, несомненно, наше управление должно прежде всего руководствоваться и иметь в виду подводные камни и отмели, но, если мы желаем в конце концов попасть в гавань, необходимо время от времени справиться с компасом и смотреть, чтобы, избегая рифов и мелей, мы в то же время продвигались бы и к гавани.

Если бы это возражение г-ну Сиджвику было напечатано сейчас, вслед за его критикой, мне, по всей вероятности, не оставалось бы ничего прибавить в защиту моих воззрений. Но появилось два других разбора в «Mind», и теперь представляется необходимым сказать нечто и касательно их. Более ранний по времени отзыв написан проф. Минсом (в №XIX). Недостаток места побуждает меня ограничиться лишь кратким рассмотрением.

Проф. Минс (Means) находит несправедливым заявление мое, что ходячий утилитарианизм есть учение чисто эмпирическое, а также мое противопоставление этого утилитарианизма тому, который я именую рациональным. Но едва ли мнение мое покажется несправедливым, если принять во внимание, что, как мы уже видели, передовой представитель утилитарианизма в его прежнем понимании г-н Сиджвик доказывает в споре со мной чисто эмпирический характер утилитарианизма. Указывая, что г-н Милль в своей *«Логике»* стоит на такой же, как и я, точке зрения, проф. Минс говорит:

«Та же самая иллюстрация, к какой г-н Спенсер прибегает для оценки обычного метода моралистов, именно ссылка на „систему тех, кто изучает патологию без предварительного изучения физиологии“, была пущена в ход и Миллем буквально с той же целью; по его словам, „изучающие политику, таким образом, брались за изучение патологии и терапии социального тела без необходимых знаний его физиологии“».

Далее следует нечто вроде намека, будто это место было мне незнакомо. Лет тридцать тому назад это, вероятно, было так. Я читал *«Логiku»* Милля в 1851 или 1852 г. и с тех пор не перечитывал ее, кроме тех отделов в последующих изданиях, которые касались нашего дружеского спора о критерии истины. Но я прибавлю, что, как видно из самой цитаты, а еще лучше, если иметь в виду весь соответствующий том, аналогия в устах Милля относится к социальной науке; я же своей аналогией желаю пролить свет на науку этическую. Проф. Минс говорит, что аналогия «приведена Миллем буквально с той же целью». Однако хотя верно, что политика и мораль тесно между собой связаны, но уверенность в их тождестве, как мне кажется, есть и останется достоянием проф. Минса.

Но перейдем к главному — рассмотрим, признавал или не признавал утилитарианизм Милля и более ранних писателей той же школы зависимость этических законов от законов жизни, на чем я настаивал; и предлагал ли он или нет выводить дедуктивно первые законы из вторых. Как бы ни было верно, что утилитарианцы сознавали соотношение между правилами надлежащего поведения и прямой или косвенной поддержкой жизненных деятельностей, у них не могло сложиться полного представления о вытекающем отсюда методе, пока не были

достигнуты биологические обобщения самого широкого свойства и не сделаны данными для этических построений.

Но до самого последнего времени биологические обобщения такого рода или не были вовсе сделаны, или же были известны одним натуралистам и приняты среди них очень немногими. Во времена Бентама выводы, следующие из универсального закона приспособления, не могли иметь принадлежащего им места в этическом умозрении на том основании, что в том смысле, как он понимается эволюционным учением, о законе этом не слышало девятю девять образованных людей из ста; слышавшие же почти поголовно от него открепчивались. Далее, могли быть сделаны случайные наблюдения касательно отношения между удовольствиями и страданиями и телесным благополучием; но это не могло привести к тем этическим заключениям, какие заставляет делать эволюционное учение, подразумевающее, что жизнь, сопровождаемая чувствованием, длилась и развивалась исключительно в силу названных отношений. Необходимый базис научной этики не мог сложиться и без учения об относительности страданий и удовольствий, установленной широким биологическим наблюдением. Равным образом, в тот отдел этики, который занимается психологией нравственности, теория развития духа входит в качестве неизбежного фактора. Хотя Милль и не оспаривал гипотезы наследственных душевных изменений, но он никогда не усваивал ее так, чтобы это могло отразиться на его опытным изъяснении идей и чувствований; и следовательно, он не мог разделять такого воззрения на нравственные чувства и нравственные интуиции, которое дает объяснение их изменчивым функциям при изменчивых социальных условиях и дает точку опоры для заключения о их конечном приспособлении к конечному общественному строю. Словом, законы жизни и духа, из которых должна быть, как я показываю, выводима научная этика, таковы, что они или были неизвестны, или казались недопустимыми утилитарианцам эмпирической школы; и у них не могло поэтому сложиться представление о рациональной этике, которую я противопоставил этике эмпирической.

Проф. Минс делает комментарий к проведенной мной разнице между справедливостью как целью и счастьем как целью. Он приводит мои слова:

«„Справедливость“ имеет дело исключительно с *количеством* при данных ясно *выраженных условиях*, тогда как счастье касается зараз и *количества* и *качества* при совершенно *не обозначенных условиях*». Справедливость, имеет в виду «всегда только относительные количества действий, продуктов или выгод; причем природа или качества этих действий, продуктов или выгод признаются тут лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы видеть, было ли выдано, или сделано, или допущено каждую из договаривающихся сторон *именно столько*, сколько может считаться действительным *эквивалентом*, согласно заключенному ими между собою безмолвному или открытому договору».

На что он возражает:

«Различия возраста, развития, органических потребностей, различия деятельностей и траты сил, различия вкусов и желаний — все, оценка чего, по мнению г-на Спенсера, не может быть сделана утилитарианцем, должно быть оценено раньше, чем говорить об *эквивалентности* одной деятельности другой. И если невозможно сравнивать удовольствия, то невозможна и такая оценка».

На это я отвечаю, что справедливость, как я ее определил, справедливость, формулированная в законе и как ее обычно понимают, удовлетворена, когда люди поступают так, что ни один не посягнул на другого, а, в случае договора, каждый выполнил все, на выполнение чего согласился. В случае прямого насилия (aggression) свобода того, кто ее нарушает, больше свободы того, кто страдает от нарушения. Если посягательство косвенное, т.е. нарушен договор, опять-таки на одной стороне оказывается большая свобода действий: один нарушил соглашение, другой — нет, один получил еще преимущество сверх того, что он взял как эквивалент, у другого такого излишка не оказывается. Справедливость имеет дело не с относительной ценностью благ или счастья, как то разумеет проф. Минс, а только с относительными степенями свободы, какую пользуются при достижении выгод или счастья; и если равенство этих степеней не поколеблено прямым или косвенным насилием, то не может быть никакой несправедливости.

Говорят, как, например, проф. Минс, что насчет вознаграждения за труд очень часто при данных общественных от-

ношениях человеку приходится идти на такие условия, на которые в другое время он бы не согласился; в этом случае несправедливость заключается не в том, что соглашаются против воли, а в самом общественном порядке, препятствующем свободной воле. Если, как это явствует из его доводов, проф. Минс считает, что справедливость включает не одну только регулировку действий, по которой каждый должен оставлять другим столько свободы в достижении целей, сколько он сам пользуется, но что справедливость предполагает также установление равенства выгод, достигаемых путем кооперации, то необходимо заметить, что я не касаюсь справедливости, так понимаемой. Социалисты полагают, что следует произвести равный раздел благ между людьми, безотносительно к ценности разного рода труда. Многим кажется несправедливостью, что тяжелый труд пахаря не дает в неделю столько же, сколько дает легкое физически дело менее чем в четверть часа. Некоторые настаивают на несправедливости того, что дети, родившиеся в бедности, не могут иметь тех преимуществ воспитания, какие выпадают на долю детей богатых. Но такие недостатки в доле счастья, которые испытываются некоторыми и проистекают или из унаследованной природы низшего свойства, или из худших условий, в которых очутились более слабые (*inferior*) предки, суть ущербы, до которых справедливости, как я ее понимаю, нет никакого дела. Несправедливость, обременяющая потомство болезнями и уродствами, несправедливость, в силу которой на детей падают прискорбные результаты тупости и поведения родителей, несправедливость, в силу которой наследственно неспособные принуждены бороться с трудностями, вытекающими из их положения, несправедливость, обрекающая на сравнительную бедность огромное большинство, чьи силы, будучи низкого разряда, мало их вознаграждают, — все это несправедливость такого рода, какая лежит вне моих рассуждений. Мы должны признать, насколько можем, установившийся порядок вещей, хотя при нем слабость, за которую нельзя порицать индивидуума, приносит свое зло, а превосходство, которое не может быть поставлено в заслугу, приносит свои выгоды; и мы, насколько можно, должны признать все вытекающие отсюда неравенства в преимуществах, достигаемых деятельностью отдельных членов общества.

Но хотя мне не надо защищать порядка природы, я скажу опять, как уже подробно говорил (в §69), что лишь в силу закона, по которому каждое живое существо испытывает на себе хорошие и дурные результаты унаследованной организации, жизнь достигла своей нынешней высоты и может подвигаться вперед.

Та справедливость, которая желала бы уравнивать выгоды независимо от способностей, была бы фатальной; тогда как справедливость в истинном смысле, требующая, чтобы каждый был свободен, как и другие, в наилучшем применении своих сил и чтобы ничто не стояло между его усилиями и естественно следующими за ними плодами их, такая справедливость благотворительна и ближайшим образом, и в отдаленных своих последствиях. Вот такую-то справедливость я и противопоставлял счастьем как более ясную цель; и я отказываюсь путаться вместе с проф. Минсом в трудностях, возникающих, лишь только подставить вместо такой справедливости другую, имеющую в виду равенство результатов деятельности.

Прочие возражения проф. Минса я должен оставить в стороне; замечу лишь, что и в них постоянно с необыкновенной легкостью отождествляются вещи, различные между собою.

Теперь я займусь статьей Бенна (Alfred W. Benn «Новое рассмотрение этики Спенсера» в последнем номере «Mind». И здесь я должен ограничиться ближайшими замечаниями.

Г. Бенн порицает меня за то, что я высказал положительное мнение о неизбежности гедонистического взгляда на нравственность. Он говорит:

«Признание удовольствия необходимой формой нравственной интуиции при современном положении спорного вопроса должно считать проявлением непростительного догматизма».

В обычном понимании догматизм означает авторитетное утверждение, не обставленное основаниями. Но место, на которое указывает г-н Бенн, заключает главу, посвященную разбору всех разнообразных норм (standards) хорошего поведения; анализ этот имеет в виду доказать и, как мне думается, доказывает, что счастье как конечная цель всегда подразумевается; ввиду этого, мне кажется, данное слово применяется необычным образом, если отмечать им догматическое положение,

резюмирующее результаты исследования. Догматизм, шаг за шагом апеллирующий к суждению читателя, — это нечто до сих пор не известное.

Делаю это замечание как введение к первому пункту критики г-на Бенна. По поводу моего положения, что и оптимисты, и пессимисты в своих рассуждениях подразумевают действительность гедонистического воззрения, г-н Бенн говорит:

«При всем уважении к автору, я должен заметить, что здесь г-н Спенсер не прав вдвойне, если не тройне. Во-первых, хотя Шопенгауэр и его последователи — гедонисты, но совершенно возможно быть пессимистом и не считая наслаждения целью жизни, от которой вдобавок нельзя было бы отрешиться. Иные, будучи убеждены, что определенное знание недостижимо, даже если не ждали от него удовлетворения, могут считать себя вправе предпочитать небытие бытию. Во-вторых, вообще говоря, лучше, если возможно, встретиться с врагом на его почве; и поэтому оптимист, уверенный в избытке приятных чувствований, может вполне успешно приводить этот довод, вовсе не признавая такого перевеса единственным основанием, делающим жизнь ценной. И в-третьих, на деле оптимисты не признают этого. Г-н Каро, выдающийся представитель спиритуалистической школы во Франции, открыто заявил, что, соглашаясь с возможностью и даже вероятностью избытка страдания над удовольствием, он все же остается оптимистом; что если жизнь несчастна — и то стоит жить и что лучше страдание, нежели небытие».

Первое из трех доказательств моего заблуждения гипотетично до курьеза. «Иные» «могут считать» небытие предпочтительным бытию, *если* они убедились, что «определенное знание недостижимо», даже *если* они не ожидали от него удовлетворения. Опровергать мое положение, относящееся к существам, нам известным, при помощи существ воображаемых — это не есть опровержение совершенно удовлетворительное. Но, не останавливаясь на этом, я отмечу, что если бы достижение «определенного знания» было достаточным мотивом к бытию, а неспособность его достигнуть — мотивом к предпочтению небытия, то это можно бы понять лишь так, что достижение такого знания было бы удовлетворением; а удовлетворение

какого бы ни было рода есть вид удовольствия. Сказать, что от достижения познания не ожидалось какого-либо удовольствия, — это все равно что сказать, что достижение познания было бы встречено индифферентно; а если так, то каким образом достижение знания могли бы счесть достаточным основанием к тому, чтобы *предпочесть* существование несуществованию?

Второе опровержение г-на Бенна также несколько гипотетично и не слишком-то подвигает его вперед, как мне кажется. Он говорит:

«Оптимист, уверенный в избытке приятных чувствований, может вполне успешно приводить этот довод, вовсе не признавая такого перевеса единственным основанием, делающим жизнь ценной».

Действительно ли это есть *другое* опровержение или лишь иначе выраженное первое? Без указания на какую-либо цель, кроме приятного чувствования, которое «делает жизнь имеющей цену», здесь заявляется, что и оптимист может верить в такую цель. Я не вижу, чтобы здесь был довод, отличный от прежнего, раз цель эта остается без ближайшего определения и предполагается оптимист, считающий ее достаточной целью; поэтому и возражение остается без перемены. Цель, какова бы она ни была, есть нечто такое, чего желательно скорее достичь, чем не достичь; а это подразумевает удовлетворение желания или удовольствие. Третий довод повторяет конкретно то, что было в двух предшествовавших установлено абстрактно; это единственный аргумент. Именно г-н Каро полагает, что «стоит жить и несчастной жизнью». Однако, я подозреваю, что подвергшись г-н Каро перекрестному допросу, оказалось бы, что, когда он считает, что стоит жить и несчастной жизнью, у него в мыслях такая жизнь, которая, правда, приносит несчастье ее обладателю, но не приносит несчастья другим, а, напротив, способствует их счастью¹. Если, по мнению г-на Каро, стоит жить даже

¹ После того как это было написано, я справился с книжкой г-н Каро и нахожу, что, по его словам, если действительно средний уровень человеческой жизни являет избыток страдания, «нельзя спешить отсюда с заключением, что пессимизм прав, что жизненное зло абсолютно, что оно неизлечимо». Это показывает, что в глубине своего сознания г-н Каро смотрел на возможность уменьшения несчастья, т.е. увеличения счастья, как на основание сносить нынешнее несчастье;

при том условии, что обладатель жизни, терпя несчастье вместе со всеми людьми, должен им помогать в жизни, чтобы они могли продолжать терпеть несчастье, и должен рождать и выращивать детей для такой же самой жизни; и если г-н Каро считает, что несчастье — удел всякого, и не только здесь, но и в том мире, в который он верит; тогда в самом деле, но только тогда, он исключает счастье как цель.

Но если, по словам г-на Каро, он верит, что стоило бы жить даже при таких условиях, тогда я решаюсь отнести его к числу тех, кто лишен практической проницательности. Я слышал раз, как одно лицо утверждало, что если швырнуть кошку через всю комнату, то она может, если захочет, стать на ноги в середине полета; и подразумевалось, что это лицо считало и себя способным к тому же. Недостаточное сознание своих механических сил, обнаруженное этим господином, можно, кажется, поставить в параллель недостаточному сознанию г-м Каро своих духовных сил, если ему кажется, что он может поверить в предпочтительность существования перед несуществованием, хотя бы оно приносило всем людям беспрестанно страдание.

Тем не менее г-н Бенн придает решительное значение словам г-на Каро. Пускай кто-нибудь скажет, что, по его мнению, универсальное и вечное несчастье людей лучше, чем небытие, и мы должны принимать такое самоистолкование как решающее вопрос, так как люди никогда не ошибаются в собственных своих мыслях и понимают собственные чувства. И вот г-н Бенн продолжает: «Подобные люди найдут *a fortiori*, что совершенно нейтральное состояние сознания, жизнь, совершенно лишенная и удовольствий и страданий, имеет ценность. Таким образом, апелляция к авторитету терпит полное крушение: достаточно несогласия со стороны одного, чтобы ее отвергнуть».

Оставляя в стороне вопрос, существует ли такое несогласие, не мешает, прежде чем говорить о крушении, спросить, что значит слово «ценность» в приведенном случае. Является задача определить «ценность» в терминах, исключаяющих всякое — прямое или косвенное — отношение к удовлетворению, удовольствию или наслаждению. Требуется указать случай,

и это представление было не совсем ему чуждо, когда он писал: «Лучше страдание, чем небытие» (*«la souffrance vaut mieux que le néant»*).

в котором различались бы люди, вещи или дела, имеющие цену и не имеющие ее, причем не играло бы роли представление о предпочтительности; или если проскользнуло такое представление, то требуется установить такой род предпочтительности, который относится к вещам, из коих ни одна не нравится более другой; или если допущено и это различие, тогда следует отвечать на такой вопрос: как может нечто нравиться, не подразумевая при этом удовольствия? То же надо сказать и о следующей сентенции: «Вопрос не в том, есть ли удовольствие благо, а страдание зло, но в том, есть ли удовольствие единственное благо, а страдание — единственное зло».

Подобный вопрос сразу влечет за собой исследование зла такого рода, которое не причиняет страдания ни ближайшим, ни отдаленным способом, ни самому действующему лицу, ни кому другому ни теперь, ни после. Пока пример подобного зла не указан, я не вижу положения, которое мне следует опровергать. Это одно лишь заявление о возможности подобного положения.

Я уже сказал, что не могу следовать далее за доводами г-на Бенна; о их солидности пусть судят по началу. Единственное замечание, какое я еще имею сделать, касается не аргументации, а фактов. Передавая мое положение генезиса религиозной санкции, г-н Бенн говорит: «Как-то жалко разрушать столь искусную и стройную теорию, но я не вижу, чтобы она была подкреплена внешними данными, между тем как сильные основания говорят против нее». Неужели г-н Бенн полагает, что таких фактов нет в *«Данных этики»*? Если он такого мнения, то я отвечу, что материал этого рода, занимая больше места, чем сколько может вместить целый том, скорее послужил бы сильной помехой для нити доводов. Или он думает, что я не привел фактов и в других местах? На это я отвечу, что в первом отделе *«Оснований социологии»* факты приведены в таком количестве, что меня порицали за чрезмерное загромождение ими аргументации; и, возражу я далее, если г-ну Бенну нужно еще больше доказательств, он найдет обильный материал в выпусках II, III, IV, V и VI *«Описательной социологии»*, где детально описаны религиозные идеи каких-нибудь восьмидесяти нецивилизованных или получивилизованных народов. В опровержение моего взгляда на возникновение политического и религиозного контроля г-н Бенн говорит: «Современные исследования в области истории правовых

понятий показывают, что у первобытных людей короли были не законодателями, а судьями», и, желая показать, что было у «первобытных людей», он приводит в пример «первоначальные судебные решения», или «The mists», греков. На это я замечу, что, как видно, г-н Бенн незнаком с исследованиями более «современными», чем те, на которые он ссылается, с исследованиями, показывающими крайнюю ненадежность теорий касательно первичных идей и учреждений, когда теории эти строятся на данных из прошлого исторических народов. Корни религиозных и правовых понятий и обычаев, по мнению г-на Бенна, удобно искать в преданиях древнегреческого мира; однако, как замечает Курциус (Кн. I 136—13), это «не... мир начатков; это вовсе не мир, еще пребывающий в стадии неопределившегося развития, но мир вполне законченный, зрелый, с твердо определенными нормами и порядком жизни». Что касается меня, в поисках начал я предпочитаю обращаться к народам, не достигшим еще ступени, на которой имеются металлическое оружие и доспехи, двуконные боевые колесницы, укрепленные города, дворцы и мореходные суда. Первоначально у меня было в мыслях коснуться вкратце двух других критик — проф. Кольдервуда (вступительная лекция к курсу, читанному в Эдинбурге в 1879 г., напечатанная затем в «Contemporary Review»); и, во-вторых, проф. Уейса из King's College (читано сперва в Институте Виктории, затем также напечатано в «Contemporary Review»). Но я уже занял столько страниц в Mind, сколько можно мне иметь в распоряжении; и, кроме того, я не могу далее откладывать более важных работ, для которых у меня уже недостает ни времени, ни сил. Да и вообще, отвечать критикам — бездельное предприятие, разве если защищаемые положения получают дальнейшее освещение и лучше могут быть усвоены тем, кто не склонен к антагонистическим взглядам. А на тех, кто настроен антагонистически, ответ, хотя бы решительный, не производит сколько-нибудь заметного эффекта; в особенности это так, когда антагонистические взгляды вызваны теологическими вопросами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Альфред 71
Анаксагор 129
Ани 334
Анна 121
Апполон 129
Аристотель 33, 202, 203, 234,

Беллами (Bellamy) 37, 54
Беллоэ 112
Бенн (Benn, Alfred W) 464—469
Бентам 36, 37, 54, 59, 461
Бердет Ф.
Бичам (Beecham) 388
Блэкстон (Blackstone) 49

Виктория 101
Вильгельм IV 101

Гексли 430
Генрих IV 134
Генрих VIII 121
Гент, Лей 135
Георг II 101
Георг III 101, 125
Гобарт (Hobart) 49
Гоббс 186, 187, 189,
Гримм 61
Грот 61
Гус 134

Джексон 431
Джонсон (E. C. Johnson) 32 сн.
Джоуэтт 32,
Дэвис Дж. (Davies, J. Llewelyn) 425,
426, 430, 431, 432, 433,

Елизавета 111, 136

Иисус Христос 134

Кант 44, 48, 416, 418, 425, 431
Карл I 392
Карл II 121, 230,
Карлейль 73
Каро 466, 467
Кембль 190

Кенигсвартер 112
Кошингер 100
Кренуэрт 216
Кропоткин 37
Кэрнс 216

Лавелэ 37
Левассер 125

Людовик XV 121
Лютер 134

Маккей Т. 421
Манн Джонс Т. (Mann Jones T.) 436, 447
Мельголлэ 423
Милль Дж. С. 36, 54, 460, 461
Мильн-Эдварс 212
Мильтон 136
Минс (Means) 459—464
Мэкинтош, Джемс (Mackintosh) 49
Мэн, Генри 48, 55, 199
Мэтланд (Maitland) 416

Наполеон III 164
Никольс (Nicholls G.) 422

Остин (Austin) 49

Паттисон 436
Плантагенеты 62
Платон 32, 128, 135, 202, 203, 234,
Поллок (Pollock, Fred.) 83
Птаготеп 305

Раватоль 255
Рамбо (Rambaud A.) 79
Ричард II 109
Робертсон 100

Сампсон, аббат 73
Сиджвик 449—460
Скулькрафт 88
Сократ 32, 129, 202
Солон 135
Сольсбер 224, 225, 226
Спенсер, Томас 363 сн.

Статий 100
Стефен, Джемс (Stephen J.) 216

Тацит 151
Теннант 187
Теренций 100

Уатт 103
Уайт, Арнольд 228
Уейс 469
Уильямс 128
Уоллэс (Wallace) 80
Уэддел 187
Уэстберри 216

Фульк Черный 152

Хэсти (Hastie) 416

Цицерон 121

Чапман, Джон 368
Читти (Chitty) 216

Эдуард I 109
Эдуард III 124
Эрскин Дж. (Erskine, John)
74

Юин 231

Яго 107
Яков I 121, 124

Дополнительные материалы см. на сайте

spencerworks.ru

В частности, на сайте будет опубликован
pdf I тома «**Оснований этики**»,
вышедшего на русском языке в 1899 г. и состоящего из трех частей:

Часть I. Данные этики

Часть II. Индукции этики

Часть III. Этика индивидуальной жизни

Готовится к изданию в сентябре 2015 г.:

Спенсер Г. Из истории политических институтов

В книге будут опубликованы главы, не вошедшие
в т. III «История политических институтов»:

Глава X. Кабинеты министров

Глава XI. Местные органы власти

Глава XII. Вооруженные силы

Глава XIII. Системы судебной и исполнительной власти

Глава XIV. Законы

Глава XV. Собственность

Глава XVI. Государственные доходы

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

V том

Подписано в печать 30.01.2015. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 31.
Тираж 500 экз. Заказ .

ООО «ИД «Социум»,
e-mail: info@sotsium.ru ; (495) 330-51-98